Цитаты номера

«Примите поздравления с выходом сотого номера журнала *Индекс Безопасности*. За время, прошедшее с момента первого выпуска первого номера в 1994 г., Ваше издание заслужило репутацию одного из ведущих в России по проблемам глобальной безопасности и ядерного нераспространения. Материалы журнала пользуются признанным авторитетом в экспертных и правительственных кругах в России и за рубежом. Для представителей Минобороны России *Индекс Безопасности* всегда был изданием, на страницах которого можно найти объективные оценки актуальных проблем нераспространения оружия массового уничтожения и контроля над вооружениями».

Анатолий Сердюков

«Искренне поздравляю редакцию, всех сотрудников и читателей журнала *Индекс Безопасности* с выходом юбилейного, сотого номера. Я с удовольствием участвую в развитии нашего издания с момента его основания в 1994 г. С неизменным интересом изучаю каждый выпуск *Индекса Безопасности*, размещаемые в нем содержательные и фактологически выверенные материалы. Юбилей — это прекрасное время для начала новых проектов. Уверен, что *Индекс Безопасности* будет и впредь динамично развиваться и радовать читателей качественными материалами».

Сергей Приходько

«Сердечно поздравляю вас в связи с выходом юбилейного — сотого — номера *Индекса Безопасности*! Это важный рубеж в истории журнала, веха в летописи политических исследований по самым жгучим международным проблемам. Мы, в Министерстве иностранных дел, всегда с большой заинтересованностью читаем Ваши материалы, без преувеличения, с нетерпением ждем выхода каждого номера. Это хороший источник экспертных оценок. Любая публикация в *Индексе Безопасности* — это встреча с интересным, умным, нужным собеседником. Пусть так будет и дальше».

Сергей Рябков

«От всей души поздравляю с выходом сотого, юбилейного номера журнала *Индекс Безопасности*. Журнал сегодня является серьезным и реальным фактором формирования компетентного профессионального мнения по широкому кругу вопросов ядерного нераспространения, ядерной безопасности, ядерной энергетики и контроля над ядерными вооружениями, причем не только в России, но и на пространстве бывшего Союза, в Европе и в Америке. Импонирует стиль журнала: на его страницах одинаково комфортно себя чувствуют и маститые титулованные авторы, и молодые специалисты. Мне почетно и приятно быть частью этого большого общего дела в качестве члена Редколлегии».

Николай Спасский

«Поздравляю Вас и Ваших коллег из редакции журнала *Индекс Безопасности* со столь знаменательным событием — выходом в свет сотого номера журнала! В качестве члена Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра я довольно хорошо знаком с деятельностью Вашей организации и регулярно знакомлюсь с материалами, публикуемыми на страницах Вашего издания. Уверен, что журнал *Индекс Безопасности* еще долгие годы будет оставаться востребованным среди российской и зарубежной экспертной аудитории, будет сохранять за собой звание одного из ведущих российских изданий, на страницах которого на высоком качественном уровне анализируются актуальные проблемы национальной и международной безопасности».

Николай Лаверов

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ № 1 (100), Том 18
ВЕСНА 2012
Журнал ПИР-Центра

Российский журнал о международной безопасности

SECURITY INDEX

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ

№ 1 (100) 2012

Журнал ПИР-Центра политических исследований России

ТЕМА НОМЕРА:

ЯДЕРНОЕ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЕ. БУДУЩЕЕ РЕЖИМА

- Что ждет ДНЯО через 20 лет
- Конец эпохи сдерживания
- Повестка дня Конференции по разоружению должна быть пересмотрена
- Санкции против Ирана: ресурс исчерпан
- От Манхэттенского проекта к облачным технологиям

Авад Альбади ✦ Ханс Бликс ✦ Евгений Бужинский
Роуз Готтемюллер ✦ Геннадий Евстафьев ✦ Ержан Казыханов
Николай Лаверов ✦ Адриаан ван дер Меер ✦ Евгений Мясников
Сэм Нанн ✦ Николай Пономарев-Степной ✦ Владимир Путин
Сергей Приходько ✦ Сергей Рябков ✦ Анатолий Сердюков
Николай Спасский ✦ Касым-Жомарт Токаев

МИРОВОЙ ПОСТАВЩИК ЯДЕРНЫХ МАТЕРИАЛОВ

TENEX

компания Госкорпорации «Росатом»

ОАО «Техснабэкспорт» - крупнейший экспортер обогащенного урана и услуг по обогащению урана для нужд мировой атомной энергетики с сорокалетним опытом работы на мировом рынке.

НАША ПРОДУКЦИЯ - ЭТО:

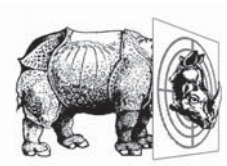
- ОБОГАЩЕННЫЙ УРАН
- УСЛУГИ ПО ОБОГАЩЕНИЮ УРАНА
- УСЛУГИ ПО КОНВЕРСИИ УРАНА
- ЛОГИСТИЧЕСКИЕ И ИНЖИНИРИНГОВЫЕ УСЛУГИ В ОБЛАСТИ ЯДЕРНОГО ТОПЛИВНОГО ЦИКЛА

ОАО «Техснабэкспорт» сегодня - это поставки урановой продукции для 30 компаний из 16 стран мира с портфелем долгосрочных контрактов стоимостью более $22 млрд.

ОАО «Техснабэкспорт» входит в Госкорпорацию «Росатом», объединяя в своем составе ряд транспортно-логистических, сервисных и проектных компаний в России, а также дочерние сбытовые фирмы в Германии, Великобритании, Японии, Республике Корея и США.

Открытое внешнеэкономическое акционерное общество «Техснабэкспорт»
Россия, 115184, Москва, Озерковская наб., 28 стр. 3, ОАО «Техснабэкспорт»
Тел.: +7 (495) 545-00-45, Факс: +7 (495) 951-17-90, +7 (495) 953-08-20
Добавочные: Бухгалтерия 2083, Канцелярия 2202, 2615, Служба управления персоналом 4418 Эл. почта: tenex@tenex.ru

www.tenex.ru



Но сейчас я объясню всю Историю как я шел фраскетским лесом везде туманище выткни глаз носа не разглядеть хоть встретить видение хоть наваждение так я встретил носорога с туловом конским и с хвостом львиным и с рогом верченым так я встретил Святого Баудолина он говорил ко мне блядин ты сын проказник пойдешь прямо в ад что ты натородил с этим носорогом.

Умберто Эко. Баудолино [2000]

Ma adesso riprendo a spiegare la chronica ke quando vado per i bosky dela frasketa specie se cè la Nebula di quella buona ke non ti vedi la punta del naso et le cose vengono su d'improviso ke non le avevi viste venire io ciò le visioni come quela volta ke o visto il lioncorno et l'atra volta ke o visto il Santo Baudolino ke mi parlava et mi diceva filio de la puta andrai a l'inferno perké la storia del lioncorno.

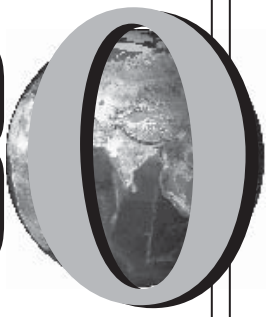
Umberto Eco. Baudolino [2000]

Научно-практический журнал ПИР-Центра (Центра политических исследований России)

Non multa, sed multum

Выходит четыре раза в год на русском и английском языках

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ



№ 1 (100), Том 18
Весна 2012

Российский журнал о международной безопасности

SECURITY INDEX

Издается с ноября 1994 г. (с 1994 по 2006 г. выходил под названием «Ядерный Контроль»)

ISSN 1992-9242

Редакционная коллегия

Владимир А. Орлов — главный редактор
Сергей Б. Брилев
Владимир З. Дворкин
Дмитрий Г. Евстафьев
Василий Ф. Лата
Евгений П. Маслин
Азер А. Мурсалиев
Дмитрий В. Поликанов
Сергей Э. Приходько
Дмитрий О. Рогозин
Николай Н. Спасский
Екатерина А. Степанова
Юрий Е. Федоров
Антон В. Хлопков
Константин фон Эггерт
Михаил В. Якушев

Москва • Женева • Монтерей

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ

Издается с ноября 1994 г. В период с 1994 до 2006 г. выходил под названием *Ядерный Контроль*.
Выходит четыре раза в год на русском и английском языках.
Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-26 089 от 9 ноября 2006 г.

Учредитель

ПИР-Центр (Центр политических исследований России)

Андрей А. Баклицкий, руководитель интернет-проекта
Евгений П. Бужинский, генерал-лейтенант, старший вице-президент
Олег В. Демидов, младший научный сотрудник
Ксения А. Дмитриева, специалист по работе с интернет-представительством
Андрей В. Загорский, к.и.н., член Совета
Вячеслав А. Зайцев, главный бухгалтер
Альберт Ф. Зульхарнеев, директор образовательной программы
Галия Р. Ибрагимова, консультант
Наталия И. Калинина, д.м.н., член Совета
Вадим Б. Козюлин, к.п.н., директор проекта по обычным вооружениям
Александр С. Колбин, помощник президента
Василий Ф. Лата, генерал-лейтенант, консультант
Евгений П. Маслин, генерал-полковник, член Совета
Владимир А. Мау, д.э.н., член Совета
Ирина Ю. Миронова, заместитель главного редактора журнала *Индекс Безопасности*
Владимир А. Орлов, к.п.н., президент Центра и член Совета
Евгений Н. Петелин, редактор международного издания журнала *Индекс Безопасности*
Дмитрий В. Поликанов, к.п.н., вице-президент, председатель Международного клуба *Триалог*
Елена В. Пономарева, стажер
Евгений А. Попов, специалист по информационным системам
Уильям Поттер, д-р, проф., член Совета
Галина Д. Рассказова, бухгалтер
Юрий А. Рыжов, Чрезвычайный и Полномочный Посол, член Совета
Константин А. Сириков, менеджер по распространению периодических изданий
Екатерина А. Степанова, к.и.н., член Совета
Иван В. Трушкин, координатор программы «Ядерное нераспространение и Россия»
Юрий Е. Федоров, к.и.н., член Совета
Александр Я. Чебан, стажер
Александра В. Чепелева, координатор образовательной программы
Юрий А. Юдин, консультант Европейского отделения ПИР-Центра (Женева)
Михаил В. Якушев, председатель Совета
Дмитрий Д. Якушкин, член Совета

№ 1 (100), Том 18
Весна 2012

Редакция

Владимир А. Орлов, главный редактор [orlov@pircenter.org]
Ирина Ю. Миронова, заместитель главного редактора [editor@pircenter.org]
Евгений Н. Петелин, редактор международного издания [petelin@pircenter.org]
Екатерина А. Трухтанова, технический редактор
Елена И. Макеева, корректор
Галина Д. Рассказова, бухгалтерия
Константин А. Сириков, распространение

Представители журнала

Алма-Ата: Даурен Абен
Атланта: Инна В. Баранова
Бишкек: Нурия А. Кутнаева
Владивосток: Вадим С. Гапоненко
Вена: Никита В. Перфильев, Надежда Б. Теллер
Киев: Сергей П. Галака
Нижний Новгород: Михаил И. Рыхтик
Прага: Юрий Е. Федоров
Санкт-Петербург: Анастасия А. Малыгина
Ташкент: Галия Р. Ибрагимова
Токио: Тайсуке Абиру
Томск: Лариса В. Дериглазова
Тюмень: Сергей В. Кондратьев

Контактная информация

Адрес для писем:
Россия, 119019, Москва, а/я 147
Редакция *Индекса Безопасности*
Телефон редакции:
+7 (495) 987-1915 (многоканальный)
Факс: +7 (495) 987-1914

Интернет-представительство: http://si.pircenter.org

Подписка:

- по России и СНГ: Роспечать (см. с. 146)
- по всему миру: ООО *Триалог*, http://pircenter.org/club, tralogue@pircenter.org
- по всему миру: East View Information Services, http://www.eastview.com/
- международное издание: Routledge (Taylor & Francis Group), http://www.tandf.co.uk/journals

Редакционная политика

- Материалы *Индекса Безопасности* не могут быть воспроизведены полностью либо частично в печатном, электронном или ином виде без письменного разрешения Издателя
- Публикуемые материалы, суждения и выводы могут не совпадать с точкой зрения редакции и являются исключительно взглядами авторов
- Выпуск данного номера осуществлен благодаря поддержке Международного научно-технического центра (МНТЦ), Корпорации Карнеги Нью-Йорка, Фонда Плаушерс, МИД Австрии, МИД Финляндии, МИД Швейцарии, Н.П. Волошина.

Тираж (российское и международное издания) 2000 экз. **Подписано в печать** 30 марта 2012 г.
Отпечатано в ООО «Центр полиграфических услуг «Радуга» по заказу ПИР-ПРЕСС

© ПИР-Центр, 2012

PIRPRESS

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА

7 **Наш стольник** — *Владимир Орлов*

Приятно получать праздничную электропочту. Особенно такую: «Поздравляю Вас и весь коллектив редакции журнала *Индекс Безопасности* со столетием». И эта не первая такая *оговорочка*, поверьте. Вот точные паспортные данные: журнал родился в ноябре 1994-го, когда вышел *нулевой*, пробный номер. Так что нам 18 лет, а никакие не 100. Но мы действительно доросли до нашего *стольника* — сотого номера журнала. Доказательство — у вас в руках.

***Ключевые слова**: Индекс Безопасности, Ядерный Контроль.*

В ДЕСЯТКУ

10 **О международной обстановке**

ЧЕСТВОВАНИЕ СОТОГО НОМЕРА

11 **Поздравления с выходом сотого номера журнала *Индекс Безопасности* —** *Анатолий Сердюков, Сергей Приходько, Сергей Рябков, Николай Спасский, Николай Лаверов, Тибор Тот, Роуз Готтемюллер, Сержио Дуарте, Ирма Аргуэльо*

ИНТЕРВЬЮ

17 **Санкции против Ирана: ресурс исчерпан —** *Сергей Рябков*

Является ли иранская ядерная программа источником опасности, может ли она породить гонку вооружений на Ближнем Востоке? В чем основные проблемы подходов в решении проблемы со стороны международного сообщества? На какие шаги готов или не готов пойти Иран? В чем суть стратегии и тактики, избранной Россией, в решении иранской ядерной проблемы? Главный редактор беседует с заместителем министра иностранных дел России.

***Ключевые слова:** иранская ядерная программа, гонка вооружений на Ближнем Востоке, политика России в отношении Ирана.*

25 **Повестка дня Конференции по разоружению должна быть пересмотрена** — *Касым-Жомарт Токаев*

Новые вызовы безопасности требуют принятия международно-правовых действий. Будут ли подписаны договор о запрете размещения оружия в космосе и договор о киберпространстве и борьбе с киберпреступностью? Генеральный директор отделения ООН в Женеве рассказал не только о новых вызовах, но и о своем видении приоритетов развития Женевского отделения и будущего Конференции по разоружению.

***Ключевые слова:** Конференция по разоружению, международно-правовое регулирование, противодействие новым вызовам и угрозам.*

31 **Ядерное оружие практически исчерпало себя как политическое средство** — *Геннадий Евстафьев*

В первом номере журнала *Ядерный Контроль* (осень 1994 г.) было опубликовано интервью «Девять вопросов о ядерном нераспространении» с Геннадием Евстафьевым, в то время начальником управления Службы внешней разведки. Тогда мы говорили о ключевых проблемах режима нераспространения, о сложностях, с которыми сталкивается Россия в сфере ядерной безопасности, о будущем режима. Что изменилось за 18 лет?

Ключевые слова: *проблемы режима нераспространения, ядерная безопасность, политика России в сфере нераспространения, иранская ядерная программа, ЗСОМУ на Ближнем Востоке.*

37 **Казахстан с сожалением отмечает малоэффективность и асимметричность ДНЯО** — *Ержан Казыханов*

На протяжении всей независимой истории Казахстан находится в авангарде стран, выступающих за сокращение ядерной угрозы. Об опыте создания безъядерного мира в пределах страны и региона, об инициативах Казахстана на международном уровне рассказывает министр иностранных дел Республики Казахстан.

Ключевые слова: *отказ от ядерного оружия, безъядерная зона в Центральной Азии, политика Казахстана в сфере ядерной безопасности.*

А Н А Л И З

47 **Архитектура глобальной атомной энергетики: ключ к энергетической безопасности** — *Николай Пономарев-Степной*

Атомная энергетика сегодня широко обсуждается: станет ли она *локомотивом* энергетического развития, или же соображения безопасности АЭС перевесят, и атомный *ренессанс* будет остановлен?

Ключевые слова: *атомная энергетика, ЯТЦ, ядерное нераспространение, ядерная безопасность.*

61 **Нераспространение: взгляд с *Венеры*** — *Ханс Бликс*

Неужели европейцы действительно обеспокоены угрозой ядерного нападения со стороны Ирана или Северной Кореи? Есть ли реальные причины для такой обеспокоенности?

Ключевые слова: *нераспространение, Иран, Северная Корея, военная политика США, военная политика Европы.*

65 **Индекс безопасности ядерных материалов: основа для гарантий, прозрачности и эффективности** — *Сэм Нанн*

Инициатива по сокращению ядерной угрозы разработала Индекс безопасности ядерных материалов. Данный индекс может внести весомый вклад в информационный аспект работы в этом направлении. Индекс основан на оценке положения дел с безопасностью ядерных материалов в каждой отдельной стране по всему миру. О методологии расчета индекса и значении для безопасности ядерных материалов во всем мире читайте в статье соавтора Программы Нанна-Лугара.

Ключевые слова: *безопасность ядерных материалов, угроза ядерного терроризма.*

71 **Малоизвестная история *ядерного разворота*: почему государства отказываются от военных ядерных программ** — *Харальд Мюллер, Андреас Шмидт*

Одна из величайших загадок в международной политике за последние 50 лет: почему распространение ядерного оружия так и не приобрело масштабы пандемии? Немецкие ученые рассматривают историческую динамику распространения ядерного оружия и мотивации для запуска и остановки оружейных ядерных программ.

Ключевые слова: *ядерное оружие, ядерный разворот.*

91 **ПРО: где кроется опасность?** — *Александра Ходакова*

Одни политики высказываются в пользу создания системы ПРО для защиты определенных территорий, аргументируя свой ответ повышенной опасностью нанесения ракетного или ракетно-ядерного удара со стороны террористов и *стран-изгоев* (к их числу США относят Северную Корею, Иран, Сирию и некоторые другие государства). Другие же выступают против создания подобной системы, считая, что нет адекватных вызовов национальной и международной безопасности ни со стороны *стран-изгоев* ни, тем более, со стороны террористов. Тем не менее противоракетная оборона продолжает создаваться.

Ключевые слова: *глобальная система ПРО, ПРО США в АТР, проект ЕвроПРО.*

К О М М Е Н Т А Р И И

107 **Человеческое измерение ядерной безопасности** — *Адриаан ван дер Меер*

Общеизвестно, что работа с материалами и технологиями повышенного риска может вылиться в их нецелевое и несанкционированное использование, что, в свою очередь, может привести к самым плачевным последствиям. Именно поэтому ключевым элементом эффективного режи-

ма нераспространения является человеческий фактор, а действия, непосредственно направленные на работу с конкретными учеными и инженерами, имеют ключевое значение. Критически важными становятся меры, направленные на укрепление *культуры нераспространения*.

Ключевые слова: *ядерная безопасность, культура нераспространения.*

111 **От Манхэттенского проекта к облачным технологиям: контроль над вооружениями в информационный век** — *Роуз Готтемюллер*

Сегодня любое событие в любой точке планеты может быть транслировано на весь мир в считанные секунды. Интересно то, как это отражается на контроле над вооружениями и верификации. В наше время стало труднее что-либо скрыть. Но как именно могут общедоступные информационные технологии повысить качество проверок в области контроля над вооружениями?

Ключевые слова: *контроль над вооружениями, информационные технологии.*

117 **Перспективы сокращений ядерных вооружений США и России в свете обязательств по статье VI ДНЯО** — *Евгений Мясников*

Первая сессия Подготовительного комитета Обзорной конференции по рассмотрению действия ДНЯО 2015 г. состоится 30 апреля — 11 мая 2012 г. в Вене. На сессии, в частности, намечается обсудить ход реализации государствами, обладающими ядерным оружием, положений Плана действий, принятого в рамках заключительного документа Обзорной конференции ДНЯО 2010 г. В статье проанализированы результаты и перспективы дальнейшей реализации положений этого плана.

Ключевые слова: *Обзорная конференция по рассмотрению действия ДНЯО.*

125 **Атомная энергетика в арабских странах Персидского залива** — *Авад Альбади*

Ситуация в арабских странах Персидского залива меняется стремительно. Хотя политическая позиция в вопросе о ядерном оружии остается неизменной, страны демонстрируют растущий интерес к атомной энергетике. Будет ли прогресс в использовании атомной энергетики сопровождаться должным вниманием к культуре нераспространения?

Ключевые слова: *атомная энергетика на Ближнем Востоке, ЗСОМУ на Ближнем Востоке, культура нераспространения, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты.*

П О Л Е М И К А

133 **От ядерного сдерживания к общей безопасности** — *Евгению Примакову, Игорю Иванову, Евгению Велихову, Михаилу Моисееву отвечают Нобуясу Абе, Алексей Арбатов, Евгений Бужинский, Виктор Есин, Стивен Пайфер, Александр Радчук, Александр Савельев, Юрий Федоров, Джеймс Эктон*

15 октября 2010 г. в газете *Известия* была опубликована статья «От ядерного сдерживания к общей безопасности». Авторы выдвигают ряд тезисов, которые еще не получили широкого общественного признания. Редакция *Индекса Безопасности* попросила нескольких экспертов в области международной безопасности прокомментировать эту статью.

Ключевые слова: *ядерное оружие, концепция ядерного сдерживания, нераспространение ОМУ.*

К Р У Г Л Ы Й С Т О Л

143 **Под видом борьбы с распространением ОМУ предпринимаются попытки сменить иранский режим** — *Евгений Бужинский, Владимир Орлов, Владимир Путин*

24 февраля 2012 г. в Сарове состоялась встреча председателя Правительства России Владимира Путина с экспертами по глобальным угрозам национальной безопасности, укреплению обороноспособности и повышению боеготовности Вооруженных сил Российской Федерации. Во встрече приняли участие президент ПИР-Центра Владимир Орлов и старший вице-президент ПИР-Центра Евгений Бужинский. Предлагаем вниманию читателей фрагменты из беседы экспертов ПИР-Центра с избранным Президентом России.

Ключевые слова: *ядерное разоружение, тактическое ядерное оружие, иранская ядерная программа.*

О Б З О Р Ы М И Р О В Ы Х П Р О Ц Е С С О В

148 **Индекс *iSi* за ноябрь 2011 — январь 2012 г.: Ледниковый период** — *Галия Ибрагимова, Ирма Аргуэльо, Евгений Бужинский, Дайан Джаятиллека, Пал Дунай, Халил Каравели, Андрей Кортунов, Евгений Сатановский, Фарход Толипов, Чун-Шэн Тян*

Снижение годового значения индекса *iSi* связано с резким обострением ситуации на Ближнем Востоке и в Северной Африке, с катастрофическим землетрясением в Японии, вызвавшим

цунами и взрыв на АЭС *Фукусима-1*, а также с ухудшением экономической ситуации в зоне евро и угрозой новой волны экономической рецессии.

Ключевые слова: *Ближний Восток, Ливия, Египет, Иран, экономика в Европе, стратегическая стабильность, ядерная безопасность.*

154 **Глазами либерала: Времена меняются…** — *Юрий Федоров*

Tempora mutantur, nos et mutamur in illis — глубокомысленно констатировали римляне 2000 лет тому назад, наблюдая за событиями, происходящими в империи и соседних с ней землях варваров. Нечто подобное приходит на ум при попытках осмыслить сегодняшнюю динамику международных отношений. При этом похоже, что они не просто меняются, а постепенно приближаются к некоему поворотному моменту.

Ключевые слова: *иранская ядерная программа, внешняя политика России, экономический кризис.*

169 **Глазами консерватора: Ветер перемен переходит в шторм** — *Дмитрий Евстафьев*

Очевидно, что система если не полного нераспространения, то, как минимум, ограничения распространения ядерного оружия и соответствующих технологий работает, несмотря на все наши к ней претензии. Так, может быть, в принципе стоит отказаться, хотя бы на время, от постоянных креативных *вбросов* насчет того, что бы еще в системе подправить, чем бы еще дополнить, что бы такое новое придумать?

Ключевые слова: *Военная доктрина США, иранская ядерная программа, Ближний Восток, Казахстан, режим нераспространения, внутриполитическая ситуация в России.*

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

183 **Подо мной — Кавказ, со мной — ядерный боеприпас** — *Василий Лаврищев*

Огромная колонна начала втягиваться в бесконечный серпантин, по которому навстречу на большой скорости неслись автомобили местных водителей, привыкших к этим дорогам. В начале спуска не всем водителям удавалось вписаться в поворот за один прием, они вынуждены были останавливаться, а находящиеся в кабинах офицеры инженерно-технической службы ставили под колеса тормозные колодки, водители сдавали назад и только потом вписывались в поворот.

Ключевые слова: *безопасность ядерного оружия, подготовка специалистов, Эксплуатационно-техническое бюро, военные представительства.*

БИБЛИОТЕКА

191 **В ином свете** — *Виктор Есин, Василий Лата, Владимир Орлов*

«Я обратился к трем крупнейшим российским экспертам в тех областях, о которых пишет Дэвид. Две рецензии — по ядерному оружию — мы публикуем в этом номере. Их две именно потому, что взгляды российского профессионального сообщества на то, что пишет Дэвид, просто никак не могут быть одинаковыми; Есин и Лата в своих полярных оценках некоторых глав и сюжетов книги точно отражают эту общую полярность», — пишет Владимир Орлов в заключительном эссе к серии рецензий на книгу Д. Хоффмана *Мертвая рука.*

Ключевые слова: *холодная война, ядерное сдерживание, безопасность ядерного оружия, СССР–США, Россия–США.*

ПИСЬМА РЕДАКТОРУ

207 **ДНЯО — основа культуры нераспространения** — *Бонифас Чидьяусику*

209 **Тернистый путь нераспространения** — *Николай Волошин*

211 SUMMARY

215 ОБ АВТОРАХ

223 ЭКСПЕРТНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ ПИР-ЦЕНТРА

227 СОВЕТ ПО УСТОЙЧИВОМУ ПАРТНЕРСТВУ С РОССИЕЙ

228 МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭКСПЕРТНАЯ ГРУППА

229 СОТРУДНИКИ РЕДАКЦИИ В 1994–2012 гг.

I–LXIV СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА В 1994–2012 гг.

Обл. III **Об Истории**

Тебе когда-то перевалит за сто,
И мы споем: «Спасибо, что живой!»

Высоцкий

Приятно получать праздничную электропочту. Особенно такую: «Поздравляю Вас и весь коллектив редакции журнала *Индекс Безопасности* со столетием». И эта не первая такая *оговорочка*, поверьте.

Вот точные паспортные данные: журнал родился в ноябре 1994-го, когда вышел *нулевой*, пробный номер, который маленькая группа единомышленников готовила в редакции легендарных *Московских Новостей* — в здании на Пушкинской площади, там, где сейчас котлован. Первый номер был широко презентован в январе 1995-го, в преддверии Конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия.

Так что нам 18 лет, а никакие не 100. Но мы действительно доросли до нашего *стольника* — сотого номера журнала. Доказательство — у вас в руках. И мне нравится, что многие наши читатели уже не представляют себе, что были времена, когда нашего журнала не существовало.

Мы бодро прошагали этот путь — от *первого* к *сотому*. Могу сказать это с полным знанием дела: мне выпал труд — и выпала честь — редактировать, подписывать в печать каждый из этих ста номеров, без единого исключения.

Начинали трудно. Было как в стихах Высоцкого:

> *Ну как тебе родиться подфартило почти одновременно со страной.*
> *Ты прожил с нею все, что с нею было.*
> *Скажи еще спасибо, что живой.*

Тогда, в 1994–1995 гг., иногда казалось, что «родиться почти одновременно со страной» для журнала (как и для породившего журнал ПИР-Центра) — это большая беда. В начале новой России были размыты ценности, этические критерии, а неправительственная работа в области международной безопасности воспринималась как нечто чуждое. Уже сейчас, с высоты сотого номера, понятно: это была не беда, а большая удача. Это было время большого риска — создавая новое, не идти проторенными путями.

Поэтому было интересно. Всегда. Потому что редакция журнала — это прежде всего идеи и авторы. И с тем, и с другим у нас никогда не бывало недостатка. Не помню случая, чтобы редакционный портфель обмелел;

зато сколько помню обид на редакцию, когда мы подолгу *мурыжили* ту или иную статью — достойную, но оказавшуюся в длинной очереди из многих достойных.

Сегодня хочется сказать спасибо всем авторам журнала и каждому в отдельности — посмотрите их перечень, который занял в этом номере добрый десяток страниц. Тут многие имена, которые не нуждаются ни в каких пояснениях; тут молодые авторы, которые дебютировали в нашем журнале, открыли через него дорогу в науку; и тут целые династии: отец и сын, отец и дочь!

Но одного человека я не могу не упомянуть особо. Это Роланд Махмутович Тимербаев. Без его знаний, без его энергии, без его уверенности, что голос неправительственных организаций должен зазвучать громче, без его умения взращивать новое поколение специалистов наш журнал никогда бы не состоялся.

А потом нам стало тесно. Хотя проблематика ядерного нераспространения нам по-прежнему особенно близка, *Ядерный Контроль* уже спустя считанные годы стал обращаться не только к ядерным проблемам. Со временем в него влились другие периодические издания ПИР-Центра: *Вопросы Безопасности*, *Химическое Оружие и Проблемы его Уничтожения*, *Экспорт Обычных Вооружений*, *Ракеты и Космос*. И добавились новые темы, связанные с новыми вызовами и угрозами международной безопасности и национальным интересам России.

Поэтому совершенно логично, что мы не стали топтаться на месте, наслаждаясь уже хорошо освоенной научно-практической *поляной,* но двинулись вперед. Путь от *ЯКа* (*Ядерного Контроля*) — к *носорогу* (*Индексу Безопасности*) занял 12 лет. За это время мы умерили частоту поступи (когда-то ведь наш журнал выходил ежемесячно), нарастили объем (первые номера выходили на 16 страницах, а номер, который вы держите в руках, в 15 раз объемней), вышли (через издание по-английски) на международный охват аудитории и, главное, обеспечили высокую планку качества статей. Ни один из аналитических материалов не выходит без внешнего рецензирования самыми авторитетными экспертами. За качеством содержания и за динамикой развития следит Редакционная коллегия, в которой представлены люди самых разных политических взглядов, но снискавшие себе уважение глубиной мысли. Диалог с читателями поддерживают 14 представителей журнала — от Праги и Киева до Владивостока и Токио.

Когда год назад редколлегия собралась, чтобы очертить, каким должен быть юбилейный, сотый номер, мы сразу решили, что *капустнику* здесь не место — ну а если немножко пошутить и похулиганить в честь праздника, так это максимум на одной из обложек (и не на первой!). Мы, конечно, встретимся в дружеском кругу с большинством из тех, кто вместе со мной делали все эти сто номеров, посмеемся над самыми знаменитыми опечатками…

Но потехе — час, а делу — время, и этот номер — о Времени. Он возвращает нас к *корням*, к проблемам, с которых наш журнал начинался — к ядерному нераспространению. Как и основа режима — ДНЯО — структура и проблематика этого номера опирается на три столпа: собственно нераспространение; разоружение; и использование атомной энергии в мирных целях.

Мы оглядываемся на без малого два десятилетия назад: что *изменилось* за эти годы? Какие наши прогнозы *оправдались*? (Обратите внимание на эти врезки — «Листая старые страницы»). Об этом пишут Геннадий Евстафьев и Сэм Нанн, Харальд Мюллер и Ержан Казыханов, Авад Альбади и Адриаан ван дер Меер… и примкнувший к ним Умберто Эко.

Мы даем в этом номере слово тем авторам, которые за прошедшие годы стали лауреатами ПИР-Центра, получив пировские *глобусы* (приятно видеть,

что эти наши скромные подарки и сегодня — на видном месте у их владельцев, достаточно зайти в кабинеты в Москве, Вене, Вашингтоне или Каире) за заслуги и достижения в области нераспространения и разоружения. Их материалы публикуются в этом номере с соответствующей лауреатской эмблемой.

Но в этом номере мы не только оглядываемся на два десятилетия назад, мы пытаемся заглянуть на два десятилетия вперед. Что будет с режимом ядерного нераспространения через 20 лет? Заглянуть в будущее нам помогают Николай Пономарев-Степной и Касым-Жомарт Токаев, Ханс Бликс и Роуз Готтемюллер, Сергей Рябков и Нобуясу Абе; и дразнит, и провоцирует *феллиниевский «И корабль плывет...»*.

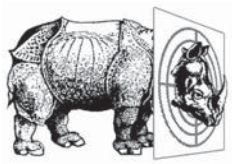
Мы удвоили тираж нашего *стольника*. Чтобы заглянуть в будущее режима ядерного нераспространения — ключевого для всей архитектуры глобальной безопасности — смогли вместе с нашими постоянными читателями и новые — те, кого этот номер зовет с нами в дальнейший путь. На русском и английском языках этот номер обретает новых читателей в кабинетах на Старой площади и на Смоленской-Сенной, на Знаменке и на Большой Ордынке, в библиотеках Томска и Парижа, в университетах Шанхая и Сан-Паулу, в Эр-Рияде и Сарове, Астане и Анкаре и — впервые — в Претории.

Помимо традиционной, бумажной версии журнал представлен и в электронной, с анонсами ключевых статей через рассылки ПИР-Пресс и через *твиттер*. Теперь наши свежие номера и архивы на русском языке размещены в Российской электронной библиотеке elibrary.ru, а на английском — в базах данных нашего партнера, крупнейшего в мире издательства в области международных отношений *Taylor&Francis*. Мы радуемся, когда наблюдаем, как наш журнал в электронном формате все активнее востребован исследователями в Южной Корее, Иране, Канаде, Армении, Турции, Чехии, Германии, Швейцарии, Бразилии.

Так что для нас и нашего журнала все только начинается.

Ах, вы спрашиваете: почему все-таки *носорог*? Давайте я расскажу вам об этом в *двухсотке*.

Владимир Орлов



В ДЕСЯТКУ: О МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКЕ

Июль 1914. Средиземное море. На пароходе Глория N.

ОРЛАНДО. Я хотел бы узнать, как вы, Ваше высочество, расцениваете международную обстановку...

ПЕРЕВОДЧИК (по-немецки). Итальянский журналист желает узнать, что Ваше высочество думает о международной обстановке...

ВЕЛИКИЙ ГЕРЦОГ (по-немецки). Мы все находимся на склоне горы...

Переводчик переводит.

Начальник полиции, стоящий за спиной у Орландо, — своей суровостью и внушительностью он напоминает русского попа — включается в разговор.

НАЧАЛЬНИК ПОЛИЦИИ (по-венгерски). Простите, что я вмешиваюсь, но Великий герцог сказал... не на склоне горы... а на краю дыры... Вот. Ну и дальше...

ПЕРЕВОДЧИК. Граф Куниц поправляет меня. Он говорит, что Великий герцог сказал «дыра», а мне показалось — «гора».

ОРЛАНДО (благодарно и удивленно кивает начальнику полиции). Ага... Но о какой же все-таки дыре идет речь?

ПЕРЕВОДЧИК (по-немецки). Ваше высочество, вопрос такой: какую именно дыру вы имели в виду? Спасибо.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР (по-немецки). Прошу прощения, Великий герцог употребил метафору, он сказал, что все мы сидим на склоне горы...

ПЕРЕВОДЧИК. Граф Гуппенбах говорит, что Великий герцог употребил метафору и что все дело не в словах «гора» или «дыра»... Хотя, по-моему, он все-таки сказал «на склоне горы».

Переводчик и начальник полиции начинают препираться на немецком и на венгерском.

НАЧАЛЬНИК ПОЛИЦИИ. Он сказал «дыра», «дыра».

ПЕРЕВОДЧИК. Нет, «гора».

НАЧАЛЬНИК ПОЛИЦИИ. А я говорю — «дыра».

ПЕРЕВОДЧИК. «Гора»!

НАЧАЛЬНИК ПОЛИЦИИ. «Дыра», понимаете, «дыра».

ПЕРЕВОДЧИК. Немецкий — мой второй родной язык. Он сказал «гора», «гора»!

НАЧАЛЬНИК ПОЛИЦИИ. Ichmerem a mandiar gnevlet esch a nemetet

Великий герцог и остальные члены свиты растерянно переглядываются.

ПЕРЕВОДЧИК. О господи!

НАЧАЛЬНИК ПОЛИЦИИ. «Дыра»!

В спор вмешивается Великий герцог, сопровождая свои слова выразительным жестом.

ВЕЛИКИЙ ГЕРЦОГ. Пум! Пум! Пум! (По-немецки.) Переводи!

ПЕРЕВОДЧИК. Великий герцог говорит: «Пум, пум».

ОРЛАНДО. Что это означает?

ПЕРЕВОДЧИК. Думаю, что таким образом Его высочество хочет сказать...

ОРЛАНДО. Может быть, что Тройственный союз... намерен отказаться от взятых на себя обязательств? Вы хотите бросить Италию на произвол судьбы? И притом — трагической?

ПЕРЕВОДЧИК (за кадром, по-немецки). Ваше высочество, журналист спрашивает...

Но терпение Его высочества лопается (...)

ВЕЛИКИЙ ГЕРЦОГ (очень решительно и четко). Пум! Пум! Пум!

ПЕРЕВОДЧИК. Великий герцог говорит: «Пум, пум».

Орландо задумывается, а потом вдруг начинает понимать, в чем дело.

ОРЛАНДО. Пум... пум... пум... Дыра в горе! (Смеется.) Да это же кратер вулкана! Мы все сейчас как на вулкане! Очень точно! Теперь я понимаю!

Какой ужас... Спасибо! Спасибо! Дыра в горе! Да, это катастрофа!

Tonino Guerra. E la nave va, 1983 [2012].

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(МИНОБОРОНЫ РОССИИ)

МИНИСТР ОБОРОНЫ

г. Москва, 119160

«12» декабря 2011 г. № 205/10770

На №_____

Главному редактору
журнала «Индекс Безопасности»
Президенту ПИР-Центра
В.А. ОРЛОВУ

Уважаемый Владимир Андреевич!

Примите поздравления с выходом сотого номера журнала *Индекс Безопасности*. За время, прошедшее с момента выпуска первого номера в 1994 г., Ваше издание заслужило репутацию одного из ведущих в России по проблемам глобальной безопасности и ядерного нераспространения.

Материалы журнала пользуются признанным авторитетом в экспертных и правительственных кругах как в России, так и за рубежом. Для представителей Минобороны России журнал «Индекс Безопасности» всегда был изданием, на страницах которого можно найти объективные оценки актуальных проблем нераспространения оружия массового уничтожения и контроля над вооружениями.

Сердечно поздравляю коллектив журнала «Индекс Безопасности» и всех читателей с юбилеем и хочу пожелать благополучия, а также творческих успехов его авторскому коллективу.

С уважением,

Анатолий Сердюков

Министр обороны Российской Федерации

АДМИНИСТРАЦИЯ
ПРЕЗИДЕНТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Москва

«01» февраля 2012 г.

№ А4-1023Псп

Главному редактору
журнала «Индекс Безопасности»,
Президенту Центра политических
исследований в России
(ПИР-Центр)
В.А. ОРЛОВУ

Уважаемый Владимир Андреевич,

Искренне поздравляю редакцию, всех сотрудников и читателей журнала *Индекс Безопасности* с выходом юбилейного, сотого номера.

Я с удовольствием участвую в развитии нашего издания с момента его основания в 1994 г. С неизменным интересом изучаю каждый выпуск *Индекса Безопасности*, размещаемые в нем содержательные и фактологически выверенные материалы.

За эти годы *Индекс Безопасности* зарекомендовал себя как полезный источник компетентных оценок и серьезной аналитики. Благодаря высокопрофессиональной, объективной и сбалансированной подаче информации журнал стал одним из наиболее авторитетных и востребованных российских изданий, специализирующихся на проблематике международной безопасности. Публикуемые исследования по актуальным вопросам нераспространения, разоружения и контроля над вооружениями вносят существенный вклад в экспертное обеспечение практических шагов во внешней политике России.

Юбилей — это прекрасное время для начала новых проектов. Уверен, что *Индекс Безопасности* будет и впредь динамично развиваться и радовать читателей качественными материалами.

Желаю всему коллективу журнала дальнейшей плодотворной работы, творческих успехов, удачи в реализации намеченных планов.

С уважением,

Помощник Президента
Российской Федерации

Сергей Приходько

Уважаемая редакция!

Уважаемые авторы журнала!

Дорогие друзья!

Сердечно приветствую вас и поздравляю в связи с выходом юбилейного — сотого — номера *Индекса Безопасности*!

Это важный рубеж в истории журнала, веха в летописи политических исследовании по самым жгучим международным проблемам.

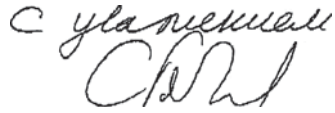
Индекс Безопасности давно зарекомендовал себя как издание, отличающееся широтой тематического охвата, неизменным профессионализмом, глубиной анализа сложнейших проблем. Журнал по праву занимает место одного из самых солидных, авторитетных, уважаемых изданий, к голосу которых прислушиваются все те, от кого зависит выработка ответственных решений в сфере международной и национальной безопасности. Журнал все весомее заявляет о себе за рубежами России. Это тоже своеобразный знак качества ваших материалов.

Проблемы безопасности, нераспространения оружия массового уничтожения и контроля над вооружениями актуальны как никогда. Необходимость их коллективного решения ставит все более сложные задачи как перед государственными структурами, так и перед независимыми исследовательскими центрами.

Мы в Министерстве иностранных дел всегда с большой заинтересованностью читаем ваши материалы, без преувеличения, с нетерпением ждем выхода каждого номера. Это хороший источник экспертных оценок. Любая публикация в *Индексе Безопасности* — это встреча с интересным, умным, нужным собеседником. Пусть будет так и дальше.

Желаю редакции журнала и всему авторскому коллективу дальнейших успехов. Ваш труд нужен очень многим. Пусть вам покорятся самые высокие творческие вершины!

От имени читателей и почитателей *Индекса Безопасности*,



Сергей Рябков

Заместитель министра иностранных дел

Российской Федерации

ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОРПОРАЦИЯ
ПО АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ
«РОСАТОМ»
(Госкорпорация «Росатом»)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ
ГЕНЕРАЛЬНОГО ДИРЕКТОРА

119017, Москва, ул. Б.Ордынка, 24

_____№_____

На №_____от_____

Президенту ПИР-Центра
Главному редактору
журнала «Индекс Безопасности»
В.А. ОРЛОВУ

Уважаемый Владимир Андреевич!

Дорогой Володя!

От души поздравляю тебя с выходом сотого, юбилейного номера журнала *Индекс Безопасности*.

В мире много хороших и разных журналов. Однако *Индекс Безопасности* не потерялся в этом информационном море.

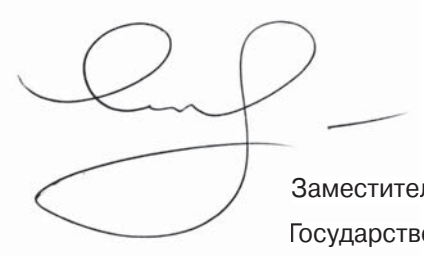
В очень многом благодаря твоим усилиям сложился журнал, который сегодня является серьезным и реальным фактором формирования компетентного профессионального мнения по широкому кругу вопросов ядерного нераспространения, ядерной безопасности, ядерной энергетики и контроля над ядерными вооружениями, причем не только в России, но и на пространстве бывшего Союза, в Европе и в Америке.

Импонирует стиль журнала: на его страницах одинаково комфортно себя чувствуют и маститые титулованные авторы, и молодые специалисты. Журнал элегантно, по-современному оформлен. Но все это, наверное, не главное. Твоя основная заслуга — ты сделал журнал, который интересно читается, причем не только в строгом рабочем кабинете, но и, как я уже сознавался по другому поводу, на дальнем перелете за бокалом красненького.

Мне почетно и приятно быть частью этого большого общего дела в качестве члена Редколлегии.

От имени Госкорпорации *Росатом* и от себя лично поздравляю тебя с юбилейным, сотым номером. Новых успехов и новых юбилеев!

Твой,



Николай Спасский
Заместитель генерального директора
Государственная корпорация *Росатом*

Вице-президент
ЛАВЕРОВ
Николай Павлович
академик

Российская Академия Наук

119991 Москва, Ленинский пр., 14 Тел.: (495) 954-29-68 Факс: (495) 952-12-06

Президенту ПИР-Центра
В.А. ОРЛОВУ

Уважаемый Владимир Андреевич!

Поздравляю Вас и Ваших коллег из редакции журнала *Индекс Безопасности* со столь знаменательным событием — выходом в свет сотого номера журнала!

В качестве члена Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра я довольно хорошо знаком с деятельностью Вашей организации и регулярно знакомлюсь с материалами, публикуемыми на страницах Вашего издания. Журнал *Индекс Безопасности* уникален, потому что это результат работы одной из немногих российских неправительственных организаций.

Изучение вопросов международной безопасности — во всех ее проявлениях — от экологической и информационной безопасности до проблем ядерного разоружения и нераспространения — требует взвешенного и сбалансированного подхода, соблюдения тонкого баланса между абстрактным теоретизированием и анализом явлений, реально определяющих повестку дня международных отношений. Именно Вашему журналу всегда удавалось соблюсти такой баланс, а широкая читательская аудитория подтверждает то, что развитие журнала идет в верном направлении.

Уверен, что журнал *Индекс Безопасности* еще долгие годы будет оставаться востребованным среди российской и зарубежной экспертной аудитории, будет сохранять за собой звание одного из ведущих российских изданий, на страницах которого на высоком качественном уровне анализируются актуальные проблемы национальной и международной безопасности.

Николай Лаверов

Вице-президент

Российская академия наук

Тибор Тот, исполнительный секретарь Организации Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний — по электронной почте из Вены:

Направляю самые теплые поздравления в адрес Редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности* в связи с достижением важного рубежа — публикации ста номеров журнала. Для меня честь поучаствовать в подготовке этого номера. Журнал *Индекс Безопасности* и его предшественник *Ядерный Контроль* всегда были востребованы у людей, принимающих решения в области ядерной безопасности, как в России, так и за рубежом. В последнее время журнал успешно расширил спектр исследуемых вопросов, в том числе за счет проблем наркотрафика, энергетической безопасности и киберпреступности. *Индекс Безопасности* проводит важную работу, представляя широкую аналитическую картину взаимосвязи между глобальными проблемами. Журнал успел стать настоящей настольной книгой для многих экспертов в Вене — доме многочисленных международных организаций системы ООН, работающих в сфере международной безопасности.

Роуз Готтемюллер, заместитель Государственного секретаря США — по электронной почте из Вашингтона:

В течение последних лет в журнале *Индекс Безопасности* публиковались своевременные статьи по международной и оборонной политике, которые давали хорошую пищу для размышлений. Под умелым руководством В. А. Орлова *Индекс Безопасности* приобрел широкую аудиторию и стал востребованным в самых влиятельных кругах российского общества. Я, в свою очередь, также люблю читать этот журнал, и по мере того как США и Россия начинают думать о будущем, открытый форум по вопросам контроля над вооружениями и ядерного нераспространения становится важным как никогда ранее. *Индекс Безопасности* является таким форумом, и я уверена, что он останется лидером в поиске новых идей укрепления мира и международной безопасности. Еще раз поздравляю редакцию и авторов журнала *Индекс Безопасности* с выходом сотого номера. Ваша терпеливая работа, преданность делу и настойчивость сделали возможным достижение этого важного рубежа.

Сержио Дуарте, высокий представитель Генерального секретаря ООН по вопросам разоружения (2007-2012) — по электронной почте из Рио-де-Жанейро:

Искренне поздравляю ПИР-Центр с выходом сотого номера журнала *Индекс Безопасности*! Во время службы на посту Высокого представителя Генерального Секретаря ООН по вопросам разоружения, я доверял *Индексу Безопасности* как источнику актуальной информации по важнейшим вопросам безопасности. Я желаю удачного продолжения этого полезного издания.

Ирма Аргуэльо, председатель Фонда нераспространения во имя глобальной безопасности — по электронной почте из Буэнос-Айреса:

Мы празднуем выпуск сотого номера *Индекса Безопасности*, видного российского издания по международной безопасности и поздравляем ПИР-Центр и его сотрудников с этим знаменательным событием!

Мы в Фонде нераспространения во имя глобальной безопасности гордимся нашей долголетней дружбой с ПИР-Центром. За годы плодотворного сотрудничества наших организаций произошло немало событий. Фонд стал членом Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра и входит в Международную экспертную группу. В свою очередь, Владимир Орлов, президент ПИР-Центра, выступал в качестве приглашенного докладчика во многих международных событиях высокого уровня, организованными нашим Фондом.

Мы искренне надеемся, что наши отношения будут становиться все крепче, и что в будущем у нас будет намного больше возможностей для совместной работы в деле достижения более безопасного мира.

Сергей Рябков:

«САНКЦИИ ПРОТИВ ИРАНА: РЕСУРС ИСЧЕРПАН»

Иранская ядерная программа — является ли она источником опасности, может ли породить гонку вооружений на Ближнем Востоке? Или же слухи о ее опасности преувеличены? В чем основные проблемы подходов в решении проблемы со стороны международного сообщества? На какие шаги готов или не готов пойти Иран? В чем суть стратегии и тактики, избранной Россией в решении иранской ядерной проблемы?

На вопросы главного редактора журнала* Индекс Безопасности *Владимира Орлова отвечает заместитель министра иностранных дел России Сергей Рябков*[1]*.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Ситуация вокруг иранской ядерной программы не разрешается уже не один год. Как Вы оцениваете усилия международного сообщества по решению данной проблемы? Какие меры нужно предпринять, чтобы сдвинуться с мертвой точки?

РЯБКОВ: Действительно, тема Ирана достаточно многоплановая — она соприкасается, смыкается со многими элементами текущей международной повестки дня. На протяжении уже десятка лет, если не больше, мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией, когда попытки найти решение проблем, связанных с иранской ядерной программой, не дают результата, несмотря на то что они включают в себя как элемент давления, так и элемент диалога, то есть политического вовлечения иранской стороны в обсуждение этой проблемы. Как бы на протяжении этих лет ни называлось это сочетание *давления* и *вовлечения,* суть всегда была одна и та же: по мере прогресса, который достигался в Иране в развитии его ядерной программы, удлинялись *палки* и все более сладкими становились *морковки*.

Дискуссия, которая идет на эту тему в международном сообществе, в том числе в составе группы «Европа три плюс три», по большому счету касается не столько конечных целей этого процесса, сколько тактики, следование которой должно обеспечить достижение этих целей. Мы считаем, что мы не доработали на протяжении всех этих лет, с точки зрения *реального вложения, реальной политической инвестиции* в диалог и в усилия по вовлечению Ирана в поиски соответствующих компромиссов.

Нам говорят в ответ: «Иран в любом случае не пойдет навстречу требованиям международного сообщества, и единственный способ воздействовать на умонастроения тех, кто принимает решения в Тегеране (в скобках замечу, это еще большой дискуссионный вопрос, кто и как принимает эти решения) — это идти по пути наращивания санкционного давления».

Давайте разберемся. На протяжении только последних четырех лет по линии Совета Безопасности ООН было принято шесть резолюций (четыре из них санкционные), которые, по нашей оценке, полностью перекрыли все возможные лазейки для иранцев получать содействие извне для развития своей ядерной программы. Но не только ядерной — в значительной мере перекрыты возможности содействия извне иранской ракетной программе. Более того, США, ЕС, Канада, Австралия, Республика Корея, Япония, целый ряд других государств приняли и продолжают принимать все более жесткие, всеобъемлющие и все более *кусающие* Иран санкции, как по спискам лиц, которые ограничены в свободе передвижения, ведении счетов в зарубежных банках, так и по характеру деятельности в самых разных сферах — от банковской до транспортной. Я оставлю в стороне вопрос, насколько мы считаем политику односторонних санкций, санкций, применяемых в обход Совета Безопасности ООН, соответствующей нормам и обычаям международного поведения, я не говорю международного права. Насколько все это соответствует *партнерскому подходу*, ведению дел с той или иной страной. Для меня очевидно другое: результат этих санкций по большому счету нулевой. Мы стоим на перепутье — какой можно и нужно сделать вывод из этой ситуации, создающей политическую фрустрацию во многих столицах, создающей внутриполитические проблемы для целого ряда правительств, испытывающих возрастающее давление со стороны лоббистских групп, со стороны политиков, парламентов?

Один из ответов — продолжать наращивать санкции, продолжать наращивать нажим. Вы понимаете, это вопрос уже не из области практической политики и практической дипломатии. Это вопрос *веры* и *предсказаний.* Кто-то верит в Будду, кто-то в Иисуса Христа, кто-то верит в санкции, кто-то не верит — мы на этом уровне уже начинаем говорить.

Говоря серьезно, можно представить себе, наверное, такой объем санкций, который приведет к слому нынешнего режима в Тегеране. Но здесь, особенно на фоне того опыта, который все мы приобрели в последние месяцы — печального и мрачного опыта, связанного с нарушениями норм международного права коалицией, осуществившей операцию «Объединенный защитник» в Ливии, — для России полностью исключается соучастие в таком санкционном режиме, нацеленном на смену режима в Тегеране. Кто-то может посмотреть на нынешнюю ситуацию как на *окно возможностей* и цинично пойти по пути смены правительства в Тегеране в интересах одновременного решения целого ряда проблем. Но Россия не будет присоединяться к подобному способу действий и в какой бы то ни было мере разделять политическую и правовую ответственность за подобные шаги.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Есть ли, на Ваш взгляд, адекватная альтернатива режиму санкций?

РЯБКОВ: Альтернатива есть. Альтернатива состоит в ведении серьезного переговорного процесса с иранской стороной, серьезного в смысле серьезности настроя тех, кто ведет этот диалог, на поиск компромиссов и на предложение такой схемы решения, которая могла бы заинтересовать иранскую сторону.

Иранская дипломатия и иранские политики, которые ведут переговоры или диалог с международным сообществом по проблемам, связанным с их ядерной программой, действуют по схеме, которая практиковалась на иранском базаре, на протяжении десятилетий. А это означает, что когда идет торг о какой-то вещи, особенно дорогой вещи, прекрасном ковре, на изготовление которого потребовалось много лет работы и большой талант ткачих, торг начинается с сумм, не имеющих никакого отношения к реальности. Но затем, если они видят, что покупатель действительно не просто бродит по базару, что он реально хочет этот ковер купить, вот тогда начинается серьезный торг. Но они никогда просто

так — бесплатно — не отдадут этот ковер, и особенно они не будут этот ковер отдавать, если покупатель достанет из кармана палку или того хуже пистолет. К сожалению, объяснить это очень трудно. И, странным образом, на базаре за настоящий ковер наши партнеры зачастую дают нормальную цену, а за решение проблемы иранской ядерной программы предлагается для начала получить односторонние уступки от того же Ирана.

Все это можно было оставить в плоскости истории дипломатии или предмета для исследований политологам, профессорам, если бы это не было настолько серьезно и в возрастающей степени опасно.

Иранская сторона действительно прогрессирует в своей ядерной программе, иранская сторона действительно ограничила сотрудничество с МАГАТЭ исключительно теми обязательствами, которые предписаны по ее соглашению о гарантиях с МАГАТЭ.

Для России эта ситуация, пожалуй, еще более настораживающая, чем для многих других стран. Мы находимся в непосредственной близости от Ирана, и Иран, обладающий ядерным оружием, — это не опция для России. Вместе с тем мы вынуждены констатировать, что та политика, которая сейчас проводится Тегераном, не дает твердых и однозначных свидетельств наличия у иранской ядерной программы военного измерения.

Предполагаемые исследования — это тоже тупик, тупик в тупике. В чем трудность нахождения решения проблемы с *предполагаемыми исследованиями*? Если коротко, то иранцы не хотят отвечать, их официальная позиция состоит в том, что они не хотят отвечать на обвинения, потому что они не видели оригиналы документов, на которых эти обвинения построены. А оригиналы документов предоставить нельзя, потому что те, кто произвел эти документы, опасаются тем самым скомпрометировать источники, работающие на их разведывательные службы. Но в итоге никто не может, не имеет политической воли, не имеет желания сделать первый шаг. По большому счету все, что относится к иранской ядерной программе в целом и ее обсуждению с международным сообществом, сводится к вопросу: кто сделает первый шаг, кто уступит, кто потеряет лицо, кто не потеряет?

Мне кажется, что это неправильно. Если ответственные политики действительно озабочены ситуацией и не хотят ее дегенерирования в направлении нового кризиса, в том числе силового, они должны честно признаться себе, что нужно проявить мужество и мужественность для принятия соответствующих решений.

Представители Российской Федерации эту логику и эту идеологию ведения дела практически в тех же самых словах и терминах одинаково доводят и до наших партнеров в составе группы «три плюс три», и до иранских партнеров, с которыми мы поддерживаем очень плотный диалог и будем его продолжать дальше.

Нет смысла рассказывать детали этого диалога, и по большому счету не в этом суть. А суть в том, что по мере прогресса в развитии своей ядерной программы Иран, и это тоже факт, постепенно теряет заинтересованность в обсуждении вариантов сделок, где в обмен на некие шаги по ограничению и приостановке ряда составляющих ядерной программы Иран получил бы лишь какие-то косметические улучшения в своей ситуации.

То есть цена за ковер, с которой может начаться серьезный разговор, к сожалению, повышается. Но деньги у покупателя пока еще есть. И мы постарались посчитать эти деньги в чужом кармане, составив небезызвестный *План Лаврова* — план урегулирования иранской ядерной проблемы на основе принципов *поэтапности* и *взаимности*.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В чем суть этого плана?

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

РОБЕРТ АЙНХОРН, ГЭРИ СЕЙМУР: Несмотря на годы американо-российского взаимодействия, российские структуры продолжают предоставлять помощь ядерным и ракетным программам Ирана. Предлагаемый подход — провести грань между более чувствительным и менее чувствительным ядерным сотрудничеством с Ираном, а затем жестко соблюдать это различие – может дать выход из разочаровывающей модели обвинений и отрицаний, заверений и отказов. [...] Многие в Тегеране считают, что иранские программы ОМУ и разработки ракет необходимы для сдерживания новой иракской угрозы (или возможного возмездия). Если Саддам сумеет восстановить иракские программы ОМУ и разработки ракет, то будет практически невозможно удержать Иран от создания аналогичных средств. Однако в случае, если бы иракская угроза была нейтрализована (путем воссоздания эффективных инспекций ООН или замены Саддама Хуссейна), то это устранило бы один из важнейших мотивов, побуждающих Иран к приобретению ОМУ.

Необходимость возобновления американо-российского сотрудничества с целью предотвращения создания иранской бомбы. *Ядерный Контроль*. № 4, июль–август 2002. С. 49

РЯБКОВ: При его составлении мы исходили из того, что уровень доверия между сторонами — между *шестеркой* и Ираном — даже не ноль, он ниже ноля. Чтобы начать постепенно восстанавливать доверие и, отталкиваясь от этого, двигаться дальше, в направлении обоюдно приемлемого решения, надо начать с чего-то достаточно простого. Ну, опять-таки, все относительно — что просто, а что сложно?

Но в этой системе координат простым шагом с иранской стороны могло бы стать, например, замораживание количества центрифуг на нынешнем уровне, невведение в каскады новых центрифуг, несоздание новых каскадов, незапуск вращающихся (но пока еще вращающихся без газа) центрифуг в рабочий режим и т. д.

В обмен страны *шестерки*, могли бы принять на себя обязательство, что после того, как МАГАТЭ — это очень важный момент — сертифицирует осуществление подобных действий со стороны Ирана, страны *шестерки* воздержатся от введения новых дальнейших, дополнительных, односторонних санкций.

Односторонних — для начала. Затем, по мере перехода от простого к более сложному, в направлении окончательного решения можно было бы прийти к ситуации, когда международное сообщество приняло бы определенные меры с целью удовлетворения потребностей Ирана в сфере безопасности, вплоть до мер доверия в военно-морской деятельности в прилегающих акваториях. Соответствующие шаги прописаны в четырех этапах, которые составляют стержень нашего плана. Мы считаем, что схема подобного рода могла бы быть вполне работоспособной.

Мы начали обсуждать эту схему с партнерами по *шестерке* в ноябре 2010 г. К сожалению, партнеры не смогли выработать общий подход к нашей схеме и ограничились подтверждением согласия с самими принципами, а именно *поэтапностью* и *взаимностью*. Мы довольны, что эти принципы сейчас отражены в документах всей *шестерки*, в том числе в заявлении Кэтрин Эштон (от 21 сентября 2011 г., Нью-Йорк) и в письме Кэтрин Эштон (от 21 октября 2011 г.) секретарю Высшего совета национальной безопасности Ирана Саиду Джалили, где вновь подтверждается готовность продолжить диалог.

Что касается иранцев, то официально, в письменном виде, им наши предложения были переданы 17 августа 2011 г., когда в Москве с визитом находился министр

иностранных дел Исламской Республики Иран Али Акбар Салехи. Реакция иранцев заинтересованная, они поспешают медленно, но мы не слышали от них никаких сигналов, что схема, которую мы предлагаем, вызывает у них отторжение. Мы считаем, что есть основа для дальнейшей работы, и мы постараемся продолжить усилия, для того чтобы показать преимущества нашего предложения. Конечно, иранцы его тоже критикуют в ряде аспектов, но я скажу так, что если обе стороны в равной степени несчастливы и недовольны, это явный признак того, что мы близко к цели с точки зрения схемы, которая может сработать.

Мы надеемся на то, что переговоры возобновятся. Мы работаем с иранской стороной в направлении получения от нее позитивного ответа на упомянутое письмо Высокого представителя Евросоюза.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Вы обсуждали *План Лаврова* с иранской стороной. Исходя их этих обсуждений, готов ли Иран отказаться от обогащения урана при каких-то условиях, есть ли что-то, что свидетельствует об этом? Если Иран откажется от всего и не согласится на все инициативы переговаривающихся сторон, может, действительно, полезно будет использовать более *длинную палку*?

РЯБКОВ: Я не имею никаких свидетельств того, что Иран на данный момент готов отказаться от своей урано-обогатительной программы. Иранцы в качестве предварительного условия на переговорах выдвигают *шестерке* международных посредников требование признать право на проведение уранового обогащения.

Мы с этим не можем согласиться. Прежде всего потому, что предварительные условия недопустимы ни в каких переговорах, тем более по столь сложной теме. Мы готовы подтвердить и признать право Ирана на использование атомной энергии в соответствии с положениями ДНЯО, стороной которого Иран является.

Что касается дальнейшего удлинения *палки*, в принципе это происходит. Чуть ли не каждый день вводятся дополнительные и все более жесткие санкции в разных местах. Трудность в том, что когда все начиналось, и разрабатывалась *предупредительная* резолюция 1696 Совета Безопасности ООН с требованием осуществить определенные действия, в противном случае последуют санкции, была твердая договоренность (и мы этой договоренности придерживаемся), что санкции должны преследовать исключительную, единственную цель — укрепление режима нераспространения в ядерной сфере.

И в серии резолюций, которые последовали за этим — 1737, 1747, 1803, 1929 — мы исчерпали весь ресурс принятия санкционных мер, которые преследуют именно эту цель. То есть в интересах укрепления режима ядерного нераспространения через резолюции СБ ООН сделать больше нельзя.

Сказав это, я не утверждаю, что нельзя принимать дополнительные санкции по причине того, что в плане таких санкций ничего нельзя придумать. Можно придумать все, что угодно, и мы имеем море примеров, когда под санкциями оказываются какие-то юридические лица, не имеющие ни малейшего отношения ни к ядерной, ни к ракетной программе Ирана, есть позывы запретить космические пуски для Ирана, да все, что угодно — мешать модернизации его нефтяной промышленности, но какое это имеет отношение к режиму ядерного нераспространения?

Это меры в расчете на коррекцию поведения правительства другой страны, на создание внутренней напряженности, а в идеале на смену этого правительства. Это *уже совсем другая статья Уголовного кодекса*, извините за выражение. Пото-

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

ВЛАДИМИР НОВИКОВ: Если же допустить, что США сознательно провоцируют Иран на деятельность, способствующую появлению в стране научно-технических предпосылок создания ядерного оружия, то шаги по нагнетанию напряженности можно объяснить. Проглядывается желание повторить своего рода иракский вариант, когда «обеспокоенное и возмущенное международное сообщество» выдает США карт-бланш на проведение единолично или в составе «широкой коалиции» масштабной военной акции. В результате устанавливается практически полный контроль над страной, а в Тегеране к власти приходит «правительство демократического большинства», более чем лояльно относящееся к США. Однако и в этом случае дело обстоит не так просто. Описанную выше стратегию оказания давления на Иран вполне можно охарактеризовать так: «загоним крысу в угол». Как правило, в этой ситуации крыса бросается на загоняющего, даже если он много сильнее. Хочется, чтобы авторы подобной стратегии не забывали об этом.

Ракетно-ядерное нераспространение: вопрос Ирана.
Ядерный Контроль. № 5, сентябрь–октябрь 2002. С. 52

му что в Уставе ООН я ничего подобного не нашел, я его читаю задом наперед, вниз и вверх ногами, ничего такого я не увидел. Нет такой статьи в Уставе ООН, а в Уголовном кодексе, наверное, есть.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Верите ли Вы в то, что даже если реализуется самое идеалистическое намерение РФ, Иран действительно откажется от военной компоненты ядерной программы? Ведь все действия западных стран убеждают Иран, и не только Иран, в том, что выгоднее иметь оружие, чем его не иметь.

РЯБКОВ: Если идти от фактов, от той бюрократической платформы, на которой зиждется официальная дискуссия, то я повторяю — у нас нет *дымящихся стволов*, подтверждающих наличие военной составляющей и военного компонента иранской ядерной программы. Есть разработки, проводившиеся в основном до 2003 г., как об этом писалось в целом ряде докладов гендиректора МАГАТЭ, а затем эти разработки по тем или иным гендиректору не понятным мотивам были свернуты. Исследования, о которых идет речь, — это исследования высокоскоростной взрывчатки, так называемой *зеленой соли*, металлизации шара в шар уранового боезаряда и некоторых других аспектов.

Тупик заключается в следующем: утверждается, что есть свидетельства, что все это реально. Документально передать их иранцам нельзя, чтобы не разрушить агентурную сеть. А в отсутствие документальной передачи иранцы отказываются это комментировать сверх тех 100 страниц, которые были переданы в МАГАТЭ 2–2,5 года назад. Это одно направление, и оно тупиковое.

Другое направление касается последнего доклада генерального директора МАГАТЭ, где нет ничего нового на эту тему. Гендиректор МАГАТЭ не нашел ничего, фундаментально дополняющего эту картину. Нам говорят, зачем иранцы возобновляют разговор о том, что будет завершаться сооружение тяжеловодного реактора, это противоречит любым задачам в сфере энергетического использования атомной энергии. Тяжеловодные реакторы — это реакторы, нарабатывающие плутоний и так далее. Это все прописные истины. Но на это иранцы также без колебаний в голосе говорят, что тяжеловодный реактор нужен для производства мишеней, в медицинских целях и прочее. Это второй тупик.

Третье направление дискуссии — общеполитическое. В условиях турбулентности в регионе и, в целом, зыбкости основ международной системы, как мы ее

знаем за годы и десятилетия существования ООН, в некоторых столицах возрастает соблазн обзавестись ОМУ, для того чтобы получить такой вечный страховой полис от каких-то внешних посягательств. Но для того чтобы реально обзавестись оружием, нужно не просто его разработать, нужно его испытать, нужно создать средства доставки, отличающиеся от вариантов, которыми спекулируют авторы киносценариев и детективных романов, а-ля «погрузим бомбу на баржу и взорвем потом». Чтобы все это проделать, нужно иметь испытательную базу, нужно оставлять следы. Где это все? Особенно на фоне того экстраординарного и беспрецедентного внимания, которое и политики, и спецслужбы всего мира уделяют происходящему в Иране.

Я рискую, рассуждая в таком духе, продемонстрировать степень пренебрежения реальными угрозами, и вы меня упрекнете в том, что я противоречу себе, говоря о том, что Россия озабочена перспективой Ирана, вооруженного ядерным оружием. Я бы хотел быть правильно понят: мы озабочены тем, что расстояние, которое отделяет Иран от гипотетического обладания технологиями создания ядерного оружия, сокращается. Именно поэтому мы считаем, что нужно договариваться.

Нужны смелые творческие подходы к этой проблеме, которые бы сняли основания для подобной озабоченности. Но сказать, что мы озабочены тем, что Иран уже достиг этой стадии, что остается только принять политическое решение и через какое-то непродолжительное время первичный боезаряд, первичное взрывное устройство будет создано — я не могу, это не соответствует нашей оценке ситуации.

Четвертое направление рассуждения сводится к следующему. Приближающийся к ядерному оружию Иран — это сильнейший стимул, для того чтобы его соседи, особенно соседи, где у власти стоят мусульмане-сунниты, тоже пошли по этому пути и начали со временем работы, которые сделают их обладателями ядерного оружия.

В противном случае мы сделаем вывод, что мы просто должны отвергнуть это как аргумент, потому что те страны Европы и США, которые говорят об этой перспективе как о реальной, должны бросить все силы и употребить все свое огромное влияние, для того чтобы остановить это движение. В противном случае мы делаем вывод о том, что для них задача смены режима в Тегеране гораздо важнее, чем укрепление режима ядерного нераспространения.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Мы видим, что возрастает озабоченность в мире в связи с иранской ядерной программой. Учитывая опыт решения проблемных ситуаций в различных регионах, можно ли сказать, что иранские коллеги должны чувствовать, что, продолжая свою политику, они *играют с огнем*?

РЯБКОВ: Одна из трудностей ведения диалога с иранцами заключается в том, что не очень понятно, кто и за что отвечает. Что, кому, как и в каком объеме докладывается и какие механизмы принятия решений задействуются в том или ином аспекте. Если взвесить совокупность всего того, что видишь там, в том числе на уровне впечатлений в городе или где-то в провинции, то картина складывается неоднозначная. Экономическая ситуация стала хуже, она стала хуже с точки зрения выбора товаров в магазинах, с точки зрения усиления инфляции, с точки зрения затруднений в решении вопросов ремонта, например каких-то объектов, с учетом ограничений на поставку в Иран технологий, оборудования и прочего.

Но, например, то, как правительство в Иране провело монетизацию ряда социальных льгот, это, на мой взгляд, достаточно впечатляющий опыт действий в сложнейшей международной обстановке. Не похоже, что социальная и поли-

тическая обстановка в стране напряжена, по крайней мере, на данный момент. И на протяжении последнего года или полутора ощущения, что зреет какой-то взрыв, я лично не имею.

Как влияет происходящее в Северной Африке и на Ближнем Востоке в целом на настроения руководства страны, сказать сложно. Фасад политической аргументации сводится к тому, что Запад просчитался глубоко и фундаментально, уповая, что смена властей в целом ряде государств однозначно приведет к прозападной ориентации этих государств, даже в среднесрочной перспективе.

И вообще, довольно много рассуждений о том, что Иран тоже был за смену авторитарного властителя Ливии и сейчас выступает за проведение преобразований в целом ряде других стран, потому что Иран — это демократическая страна. Демократическая, но исламская. Дайте свободу общественным движениям в этих странах, и вы увидите, что к власти демократическим путем придут исламские фундаменталисты. То есть иранский аргумент состоит в том, что до какого-то предела социальный инжиниринг, практикуемый рядом стран ЕС и США, *трансплантации* разного рода — это все допустимо, но черенок груши, привитый на яблоню, не будет, как у Мичурина, потом многие поколения этих яблонь давать груши. Яблоня останется яблоней. Но только время покажет, выдают они желаемое за действительное или их тысячелетний опыт позволяет им судить об умонастроениях в соседних странах лучше, чем тем, кто первый раз туда пришел.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Хотелось бы, если нам удастся развязать наиболее проблематичные иранские узлы, посмотреть на перспективу. Регион движется к развитию атомной энергетики. Видите ли Вы в качестве одного из перспективных решений создание регионального центра на базе того, что Иран создал сейчас? Мы прекрасно понимаем, что в контексте покушения на саудовского посла сложно представить арабов и Иран, работающих вместе. Поэтому вопрос — не про сегодняшний день и даже не про завтрашний, а про перспективы. Или такой поворот, как создание регионального центра под международным контролем на территории Ирана, в принципе не реалистичен?

РЯБКОВ: Я думаю, это одна из весьма продуктивных идей, которая родилась, по-моему, в стенах ПИР-Центра. Мне вообще хочется высказать большие комплименты вашей работе, в том числе в том виде, как она находит отражение на страницах бюллетеня *Russia Confidential*, мы в МИДе называем их *PIR Yellow Papers*. Они очень стимулируют интеллектуальный поиск, во многих случаях опережают, идут на несколько шагов впереди того, что дипломатия может себе позволить.

Сможет ли Иран со временем позиционировать себя как привлекательное место для расположения подобного объекта или объектов, зависит, конечно, во многом от той политики, которую власти в Тегеране будут проводить. Считаю, что при благоприятном развитии региональной ситуации это вполне возможно, причем возможно, скажем, до середины будущего десятилетия, если не произойдет каких-то новых фундаментальных потрясений.

Примечания

[1] Интервью подготовлено на основе выступления С. А. Рябкова на заседании Международного клуба *Триалог*, которое было проведено под эгидой ПИР-Центра 27 октября 2011 г. в Москве, и обновлено автором при подготовке к публикации в январе 2012 г.

Касым-Жомарт Токаев:

«ПОВЕСТКА ДНЯ КОНФЕРЕНЦИИ ПО РАЗОРУЖЕНИЮ ДОЛЖНА БЫТЬ ПЕРЕСМОТРЕНА»

Новые вызовы безопасности требуют принятия международно-правовых действий. Будут ли подписаны договор о запрете размещения оружия в космосе и договор о киберпространстве и борьбе с киберпреступностью?

Редакция* Индекса Безопасности *побеседовала с Касымом-Жомартом Токаевым, Генеральным директором отделения ООН в Женеве. В представленном интервью – не только беседа о новых вызовах, но и личный взгляд Токаева на приоритеты развития Женевского отделения и будущее Конференции по разоружению.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Недавно Вы вступили в должность заместителя Генерального секретаря ООН. Какие направления работы Вы считаете приоритетными?

ТОКАЕВ: С тех пор как меня назначили Генеральным директором Женевского отделения ООН, была проделана большая работа. Женевское отделение — второй по величине офис ООН после Нью-Йоркского; сам город стал для ООН практически *вторым домом*. Для всей нашей организации и для меня лично важно еще больше укрепить роль Женевы в качестве крупнейшего центра многосторонней дипломатии. Именно здесь располагаются штаб-квартиры многих подразделений ООН, а также других международных организаций и ведущих исследовательских институтов. Здесь накоплен огромный опыт решения сложных международных проблем, так что Женева крайне важна для продуктивной работы ООН. В этой связи моя задача — гармонизировать нашу работу и модернизировать используемые методы, чтобы обеспечить еще большую эффективность.

Поскольку я также являюсь Генеральным секретарем Конференции по разоружению и личным представителем на Конференции генерального секретаря ООН, одним из наиболее важных приоритетов для меня является многосторонний процесс разоружения. Поэтому я ощущаю особую ответственность за эффективную и успешную работу Конференции, а также за придание нового импульса процессу многостороннего разоружения, воплощением которого является Конференция.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Россия уделяет большое внимание деятельности Конференции по разоружению. Российский министр иностранных дел

С. В. Лавров за последние четыре года трижды выступал с обращением к участникам Конференции. Данный форум неоднократно подвергался критике; в том числе звучали призывы к его реформированию. Как Вы оцениваете перспективы Конференции по разоружению?

ТОКАЕВ: Конференция по разоружению является незаменимым международным форумом. Как я уже не раз говорил, если бы Конференции по разоружению не существовало, нам бы обязательно пришлось ее создать. Фактически это единственная на сегодняшний день площадка, где пять официальных ядерных государств и другие страны вместе обсуждают вопросы ядерного разоружения и нераспространения, а также другие проблемы разоружения. Все страны — в том числе, как Вы правильно заметили, и Россия — уделяют Конференции самое серьезное внимание. Однако вполне очевиден тот факт, что перед Конференцией по разоружению стоят серьезные трудности, которые еще более усугубились после того, как не удалось выполнить программу работы, одобренную членами Конференции в 2009 г. Среди членов Конференции нарастает недовольство продолжающимся отсутствием согласия по поводу ее основных приоритетов; при этом большинство государств считает, что таким приоритетом в настоящее время должны быть переговоры по Договору о запрещении производства расщепляющихся материалов (ДЗПРМ).

Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун неоднократно призывал к возобновлению продуктивной работы Конференции. С этой целью в 2010 г. он созвал встречу высокого уровня в Нью-Йорке и попросил членов своего Консультативного совета по вопросам разоружения уделить пристальное внимание этому вопросу. В июле 2011 г. Генеральная Ассамблея ООН провела пленарное заседание по пункту 162 повестки дня под названием «Придание нового импульса работе Конференции по разоружению и достижение прогресса в многосторонних переговорах по разоружению». Однако окончательное решение проблемы несовпадения приоритетов, которое мешает нормальной работе Конференции, должны выработать сами члены Конференции.

Считаю, что основного внимания требуют два вопроса.

Первый вопрос — это принятие решений Конференции консенсусом. Иногда принятие решений тормозится и даже полностью стопорится из-за трудного и длительного процесса выработки консенсуса на форуме. Тем не менее, именно правило работы Конференции, гласящее, что все решения принимаются консенсусом, гарантирует, что Конференция по разоружению не примет решений, идущих вразрез с законными интересами ее членов. Поэтому ценность этого правила огромна. Однако следует понимать, что обладая правом членства в Конференции, государства должны демонстрировать ответственность и гибкость. Именно в ходе переговоров они должны защищать свои законные интересы в области безопасности путем мер, относящихся к подписанию, ратификации и присоединению к договорам, а не путем блокирования самого начала переговоров. Наличие правила консенсуса должно служить стимулом к выработке договоренности о начале работы по существу.

Второй вопрос, который я хотел бы затронуть, — это то, что некоторые процедуры Конференции, несомненно, отрицательно сказываются на ее эффективности.

К примеру, ежемесячная ротация председателя и ежегодное принятие программы работы не способствуют эффективной работе Конференции.

Кроме того, существует вопрос увеличения количества членов Конференции. К сожалению, некоторые страны считают, что такое расширение членства Форума не решает проблем. Однако, я бы хотел напомнить, что такой форум, как Конференция по разоружению, должен представлять широкое международное сообщество, особенно в связи с тем, что он финансируется из общего бюджета ООН.

Не следует также забывать, что повестка дня Конференции формировалась еще в 1970-е гг. На мой взгляд, она должна быть пересмотрена с учетом нынешней ситуации в области международной безопасности.

В заключение данной темы хотелось бы сказать следующее. На мой взгляд, вполне возможно, что Конференция по разоружению нуждается в некотором оживлении и даже трансформации. Но у меня нет никаких сомнений, что Конференция по разоружению и в будущем продолжит играть незаменимую роль в качестве единой платформы для проведения многосторонних переговоров по вопросам разоружения.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Одним из самых серьезных поводов для критики Конференции по разоружению является отсутствие прогресса в переговорах по ДЗПРМ. Как Вы относитесь к идее переноса этих переговоров на какую-то другую платформу?

ТОКАЕВ: Переговоры по ДЗПРМ — это вопрос, который, по мнению большинства членов Конференции, должен обсуждаться в рамках самой Конференции. Однако отсутствие согласия по поводу, в частности, диапазона вопросов, которые следует урегулировать в рамках договора, пока не дает нам возможности приступить к началу самих переговоров. В этой связи некоторые государства действительно начали рассматривать вопрос о возможности переноса переговоров на какой-то альтернативный форум.

Однако, *во-первых*, среди членов Конференции нет согласия по поводу того, какие шаги нужно предпринять для выхода из этой ситуации. Некоторые члены Конференции считают идею о переносе переговоров по ДЗПРМ на другой форум контрпродуктивной, поскольку в таком случае за рамками переговоров неизбежно окажутся некоторые ключевые страны. Поэтому ценность любого достигнутого таким образом соглашения была бы сомнительной, не говоря уже о реальном значении такого договора, если его вообще удастся подписать.

Во-вторых, перенос на альтернативный форум переговоров по вопросам, стоящим в повестке дня Конференции по разоружению, однозначно подорвет доверие к Конференции и в перспективе может даже привести к полному прекращению ее работы. Нужно понимать всю пагубность такого исхода развития ситуации.

В этом вопросе я полностью солидарен с С. В. Лавровым, который в ходе своего выступления на пленарной сессии Конференции 1 марта 2011 г. заявил, что «для обеспечения успеха переговоров по ДЗПРМ их нужно проводить в рамках Конференции по разоружению, а не какого-то другого форума».

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Вопрос запрета на размещение оружия в космосе уже давно стоит на повестке дня международных организаций. Как бы Вы оценили текущее состояние переговоров по проекту договора о таком запрете?

ТОКАЕВ: За последние десятилетия резко активизировалось использование космоса в разнообразных военных, разведывательных, гражданских и коммерческих целях. Поэтому сейчас крайне важно предпринять усилия на многостороннем уровне для обеспечения безопасности и стабильности в космосе, чтобы он оставался мирным. Размещение оружия в космосе резко затруднило бы его использование в гражданских целях. Очевидно также, что это разрушило бы существующий стратегический баланс и спровоцировало непредсказуемую гонку вооружений как в космосе, так и на земле.

К счастью, тема предотвращения гонки вооружений в космосе (PAROS) еще с 1982 г. является одним из четырех ключевых вопросов на повестке Конференции по разоружению.

Среди последних событий в данной области нужно отметить новый проект «Договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов» (ДПРОК), который был совместно представлен на рассмотрение Конференции в 2008 г. Россией и Китаем. На первых порах целый ряд делегаций положительно восприняли данный проект, однако консенсус по поводу проведения переговоров по такому договору в рамках Конференции так и не был достигнут.

Следует также напомнить, что документ CD/1864 (2009 г.), единственную программу работы Конференции, которую ее членам удалось согласовать за 10 последних лет, содержит пункт о создании Рабочей группы для предметного обсуждения всех вопросов, связанных с предотвращением гонки вооружений в космосе, без каких-либо ограничений. Однако документ не дал Рабочей группе мандат на собственно проведение переговоров. По причинам, не свя-

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

РОЛАНД ТИМЕРБАЕВ: Можно ли рассчитывать на бессрочное продление ДНЯО? Насколько реалистична эта цель, поставленная Россией и многими другими странами? Думаю, что эта чрезвычайно важная задача все-таки может быть реализована. [...] Что для этого нужно? Прежде всего необходимо завершить переговоры о запрещении испытаний ядерного оружия — по возможности до начала конференции 1995 г. [...] Прекращение производства расщепляющихся материалов для создания ядерного оружия — высокообогащенного урана и плутония — тоже имеет важное значение в плане выполнения ст. VI Договора о нераспространении. [...] Проблема предоставления гарантий безопасности неядерным странам возникла еще в ходе переговоров по заключению ДНЯО в середине 1960-х гг. Обязательство о неприменении должно быть простым и недвусмысленным: ядерные державы не будут применять фдерное оружие против тех государств, которые взяли на себя и соблюдают международные обязательства не приобретать ядерного оружия и других ядерных взрывных устройств. [...] Но особо важное значение имеет ныне проблема дальнейшего сокращения ядерных материалов вплоть до их полного уничтожения.

ДНЯО: для России и мира его надо сохранить надолго.
Ядерный Контроль. № 1, январь 1995. С. 5.

занным с самой темой предотвращения гонки вооружений в космосе, согласия по поводу воплощения в жизнь документа CD/1864 мы так и не достигли.

Несмотря на формальное отсутствие рабочей группы по PAROS, каждый год на Конференции по разоружению проводятся запланированные дебаты по данной теме в ходе пленарных заседаний или неформальных встреч. Такие дискуссии являются полезной платформой для обмена мнениями,но разница в подходах делегаций к данному вопросу продолжает существовать.

В своей недавней Резолюции 65/68 «Прозрачность и меры по укреплению доверия в космической деятельности» Генеральная Ассамблея ООН поручила Генеральному секретарю сформировать на основе равноправного географического участия стран Группу правительственных экспертов (ГПЭ) для проведения соответствующего исследования начиная с 2012 г. Используя уже существующие отчеты Генерального секретаря и без предрешения итога обсуждений данной темы на КР, Группа должна представить отчет по результатам исследования на 68-й сессии Генеральной Ассамблеи.

Не исключено, что этот отчет приведет к активизации соответствующих дискуссий и даже, возможно, самих переговоров по теме PAROS. Считаю, что меры по усилению прозрачности и укреплению доверия могут создать климат большего доверия и будут способствовать проведению переговоров с целью подписания соответствующего договора — хотя последнее слово будет, как всегда, за самими членами Конференции по разоружению.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как Вы оцениваете шансы на подписание в ближайшее время Глобального договора о кибербезопасности и борьбе с киберпреступностью, предложенного Экспертной группой высокого уровня Международного союза электросвязи (МСЭ)? Какие усилия предпринимаются международным сообществом для создания международной законодательной и институциональной основы для предотвращения и борьбы с киберпресупностью? Насколько активно принимает участие в этой деятельности Россия?

ТОКАЕВ: В наш век информации интернет открывает огромные возможности для человеческого общения и обмена знаниями. Мы стремимся использовать этот огромный потенциал для развития — однако наша зависимость от электронных коммуникаций также делает нас уязвимыми. Атаки в киберпространстве становятся все более частыми и хорошо спланированными. Они несут серьезную угрозу нашей информационной инфраструктуре. В прошлом году целями таких атак стали и ООН, и правительства некоторых стран.

Законодательные вопросы борьбы с такими киберугрозами должны обсуждаться параллельно с практическими шагами. Эти вопросы находятся в повестке дня ООН в рамках работы МСЭ и Глобальной программы кибербезопасности. Поскольку эта проблема имеет глобальные масштабы, меры реагирования тоже должны предприниматься глобально, как на политическом, так и на техническом уровне. Россия, конечно же, играет крайне важную роль в разработке и принятии этих мер.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как ООН оценивает последние тенденции в эволюции национальных киберстратегий, особенно стратегий крупнейших кибернетических и военных держав, в том числе США, России и Китая? Усматриваете ли Вы какие-либо проблемы или угрозы в быстром и практически неконтролируемом принятии доктрин, которые предусматривают разнообразные методы использования киберпространства в военных и разведывательных целях?

ТОКАЕВ: Конечно же, в сфере информационной безопасности существует широкий спектр реальных и потенциальных угроз. Такие угрозы могут проявляться в кибератаках, нарушающих, например, работу электросетей и систем управления воздушным движением, а также военной инфраструктуры управления. Они представляют собой значительный риск для общественной безопасности, национальной безопасности и стабильности тесно взаимосвязанного международного сообщества. Поэтому я считаю, что ООН должна сыграть решающую роль.

Вопрос информационной безопасности уже долгое время находится на повестке дня ООН. В 1998 г. Российская Федерация стала первой страной, которая внесла проект резолюции по данному вопросу на заседании Первого комитета Генеральной Ассамблеи ООН. С тех пор Генеральный секретарь направляет в ГА ежегодные отчеты, отражающие мнение государств — членов ООН по этому вопросу и содержащие их призывы к скоординированным шагам на глобальном уровне.

В 2009–2010 гг. по поручению Генеральной Ассамблеи Генеральный секретарь сформировал Группу правительственных экспертов, состоящую из представителей 15 государств, для анализа существующих и потенциальных угроз в киберпространстве и выработки предложений по совместным мерам реагирования на эти угрозы. США, Россия и Китай активно участвовали в работе этой группы и внесли свой вклад в составление финального отчета, опубликованного прошлым летом (документ A/65/201). В своем вступительном слове к отчету Генеральный секретарь ООН отметил: «Генеральная Ассамблея призвана сыграть важную роль в процессе повышения безопасности информационных технологий и телекоммуникаций как на национальном, так и на международном уровнях. Для разработки общих концепций важное значение будет иметь диалог между государствами-членами. Жизненно важное значение имеет также практическое сотрудничество в целях обмена передовым опытом и информацией и создания потенциала в развивающихся странах, а также снижения риска неправильного восприятия, которое может ограничить возможности международного сообщества по принятию мер в случаях серьезных происшествий в киберпространстве».

Напомню также, что в 2010 г. ГА единогласно одобрила Резолюцию A/RES/65/41, в которой Генеральному секретарю ООН поручается продолжить работу по изучению существующих и потенциальных угроз в сфере информационной безопасности и разработке совместных мер реагирования. В этой работе Генеральному секретарю окажет помощь группа правительственных экспертов, которая будет сформирована в 2012 г.

Совсем недавно правительства Китая, России, Таджикистана и Узбекистана объявили о разработке проекта международного кодекса поведения в области информационной безопасности. Они предложили провести обсуждение проекта в рамках ООН с целью достижения консенсуса касательно международных норм и правил поведения государств в данной области. Предложение о принятии международного кодекса поведения станет частью проекта резолюции, который будет разработан и представлен для обсуждения на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи.

Геннадий Евстафьев:

«ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ ПРАКТИЧЕСКИ ИСЧЕРПАЛО СЕБЯ КАК ПОЛИТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО»

В первом номере журнала* Ядерный Контроль *мы публиковали интервью «Девять вопросов о ядерном нераспространении»*[1] *с Геннадием Евстафьевым, в то время начальником управления по вопросам разоружения и нераспространения ОМУ Службы внешней разведки России. Была осень 1994 г. Мы говорили о ключевых проблемах режима нераспространения, о сложностях, с которыми сталкивается Россия в сфере ядерной безопасности, о будущем режима.

Заместитель главного редактора журнала* Индекс Безопасности *Ирина Миронова вновь задала Геннадию Михайловичу эти вопросы. Что изменилось за 18 лет?

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: «Мировое сообщество более активно ищет пути укрепления Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), запрещения подземных ядерных взрывов, выработки привлекательных стимулов, для того чтобы отвратить некоторые страны от приобретения военного ядерного потенциала. [...] Сама тенденция в военном ядерном нераспространении противоречива» — так Вы говорили, с одной стороны оптимистично, но в то же время с определенной долей волнения в 1994 г., оценивая будущее режима нераспространения. Реализовались ли позитивные ожидания? Если говорить о проблемах нераспространения в общем, что изменилось за 18 лет? Какие новые события произошли в нераспространении, изменили ли они кардинально и принципиально картину?

ЕВСТАФЬЕВ: Это были насыщенные годы, в ходе которых происходил интенсивный обмен мнениями между участниками процесса нераспространения. В ряде случаев обмен был непростым и иногда даже вызывал отторжение. Но в течение этого периода были все-таки нащупаны главные точки соприкосновения различных государств в этой области.

Одним из главных итогов этого этапа стало принятие решения о бессрочном продлении ДНЯО в ходе Обзорной конференции в 1995 г. Были разные точки зрения — я, честно говоря, отношусь к тем, кто, как Р. М. Тимербаев[2], выступали за продление Договора на 25 лет, чтобы в дальнейшем была возможность оценить его работу. Но большинство склонилось к другой точке зрения. Переговоры в Нью-Йорке были очень непростыми, но нам все же удалось достичь согласия по вопросу продления ДНЯО.

Второе достижение — это понимание того, что проблема нераспространения ядерного оружия — невыдуманная,

сложная, затрагивающая все государства, и поэтому она требует международного сотрудничества по самому широкому спектру вопросов. И надо сказать, что государствам с очень разными позициями удалось все-таки нащупать точки соприкосновения. Было запущено несколько инициатив, и это в значительной степени улучшило ситуацию в сфере нераспространения.

В 1990-е гг. вопросы нераспространения действительно находились в центре внимания мирового сообщества. В результате — и это *третий важный аспект* — не появились те 20–25 новых ядерных государств, о которых очень много говорили, и появления которых опасались в середине 1990-х гг. К такому результату привело взаимное понимание и уважение позиций, понимание того, что это опасно для мира.

В 1991 г. Южная Африка подписала ДНЯО и отказалась от ядерного оружия. Шесть боеголовок, которые у них были, они разобрали по собственной инициативе под международным контролем. Кроме того, в 2003 г. от ОМУ — в том числе от программы по созданию ядерного оружия — отказалась Ливия, вышедшая в результате из числа стран, нарушающих режим нераспространения.

Очень важно, что удалось раскрыть схемы торговли ядерными материалами и оборудованием. И один факт ликвидации организации Абдул Кадыр Хана в октябре 2003 г., организации, которая была, пожалуй, самой крупной в этом отношении, — это огромное достижение международного сообщества. Этот процесс затронул не только Абдул Кадыр Хана, но и целый ряд других людей, которые злостно нарушали документацию и правила торговли материалами данного назначения.

Другим значительным достижением этого периода стало принятие в 1997 г. дополнительного протокола к соглашению о гарантиях МАГАТЭ. Протокол открывает широкие возможности для проведения инспекций, чего раньше не было. Например, в отношении того же Ирана (который его пока даже не ратифицировал) было проведено около 3 тыс. контрольных проверок, поездок, посещений.

В части продвижения идеи нераспространения активно работали неправительственные организации (НПО), исследовательские центры, которые внесли свой значительный вклад в понимание проблемы, в выяснение деталей, в поиск приемлемых, компромиссных решений.

Конечно, удержать распространение в рамках того, на что надеялись, к сожалению, не удалось. Все-таки Индия и Пакистан испытали ядерное оружие в 1998 г. Северная Корея провела два испытания ядерных устройств — в 2006 и 2009 гг. Израиль обладает ядерным оружием, хотя и не признает этого официально.

Нужно обязательно помнить о том, что, к сожалению, ДНЯО так и не стал универсальным документом. А для успешной борьбы с распространением ядерного оружия ДНЯО имеет очень большое значение.

Поэтому период последних 15–17 лет считаю непростым, достаточно противоречивым, но я бы сказал, что все-таки он завершается с большим знаком *плюс*.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Какую роль в этом процессе сыграла Россия?

ЕВСТАФЬЕВ: Россия в сфере нераспространения ОМУ все время играла активную и, я бы сказал, наступательную роль. Предложения России о проведении важных диалогов и переговоров на виду и сейчас. К примеру, формат обсуждения северокорейской проблемы — *шестерка* — был предложен Россией. Благодаря усилиям России начался диалог, который важно сохранять.

То же самое с Ираном. С одной стороны, Россия инициировала переговорный процесс по иранской ядерной программе, а с другой стороны, ее важная роль также заключается в том, что она не допускает резких движений со стороны некоторых государств, которые очень хотели бы пойти по пути силовых решений, по пути жестких резолюций. Поэтому роль России здесь нельзя недооценивать. Роль России в этих вопросах ключевая.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Перейдем к конкретным *проблемным точкам*. Первая из них — ситуация на Корейском полуострове, которая и в середине 1990-х гг. «продолжала оставаться острой». В 2006 и 2009 гг. были проведены ядерные испытания. На первый взгляд, ситуация остается напряженной, но при этом в какой-то степени предсказуемой. Какие, с Вашей точки зрения, проблемы в будущем могут возникнуть в связи со сменой лидера в КНДР? Чего ожидать от ситуации на полуострове?

ЕВСТАФЬЕВ: На ситуацию в КНДР в последние 20 лет серьезное влияние оказывали внешние факторы. Существовала напряженность на самом Корейском полуострове. Присутствие американских ядерных сил в Южной Корее, конечно, вызывало большие опасения. Изменение политической ситуации после развала Советского Союза привело северокорейских лидеров к выводу, что им нужно полностью опираться в оборонных вопросах на самих себя. У них возникли сомнения в том, что Китай и Россия в случае конфликта будут их защищать. Поэтому они и работали над этим *абсолютным оружием*, которое, по их мнению, гарантирует неприкосновенность режима и неприкосновенность национальной территории.

Началось это довольно давно. Исследования в ядерной сфере, и прежде всего в военной сфере, в Северной Корее велись очень много лет. Страна обладает ограниченными ресурсами, поэтому они развивались очень медленно. В конце 1960-х — начале 1970-х гг. Северной Кореей было принято решение о создании ядерного оружия. Они избрали *плутониевый путь*. Возможности, хоть и небольшие (пятимегаваттный реактор), имелись. Северокорейцы занимались переработкой топлива, отходов, которые появились в результате работы этого реактора. До 1993 г. МАГАТЭ контролировало многие процессы, но потом, когда дело подошло уже к *самому-самому*, северные корейцы прогнали МАГАТЭ со своих ядерных объектов, поэтому дальнейшие работы велись во многом бесконтрольно.

Был ли у КНДР альтернативный путь? Служба внешней разведки (СВР) России утверждала, что альтернативный путь был. СВР упрекали в том, что она неправильно оценивала наличие у Северной Кореи других путей — в частности, выводы СВР оспаривались в книге под редакцией А. Г. Арбатова «Ядерное нераспространение», а также статье одного из ведущих экспертов по ядерной программе КНДР А. В. Воронцова. Хотя СВР до начала 1990-х гг. не работала с детальными данными, имелись позднее подтвердившиаяся информация о том, что в результате сотрудничества между Северной Кореей и Пакистаном северокорейцы получили доступ к пакистанскому опыту, а пакистанцы, как известно, работали над обогащением урана. Абдул Кадыр Хан передал в КНДР технологии обогащения урана в обмен на северокорейские ракетные разработки. Самое смешное заключалось в том, что невольным перевозчиком этих материалов стала сама Беназир Бхутто, премьер-министр Пакистана в 1988–1990 и 1993–1996 гг. Ее первое премьерство было связано с ее визитом в Пхеньян, где ее принимал Ким Ир Сен. И вот на прощание он ей отдал набор дискет и попросил отвезти и передать их *знающим людям* в Пакистане. Она не знала, что везет. После визита в Пакистане ее встретили военные и получили от нее дискеты — плату за материалы по урановым разработкам. Северокорейцы создали *пилотный* проект по обогащению урана, который действует и сейчас. От Абдул Кадыр Хана они получили центрифуги и технологию обогащения. Уже потом они методом *обратного инжиниринга* создали на этой базе свои центрифуги и оборудовали лаборатории.

Зигмунд Хекер, американский ученый-ядерщик, уже спустя годы подтвердил, что у северных корейцев, помимо известных объектов по развитию плутониевого пути, были небольшие, но действующие *пилотные* проекты по обогащению урана. Они были сделаны на базе вот этих материалов Абдул Кадыр Хана. Кроме того, есть все основания предполагать, что северные корейцы приезжали в Пакистан для ознакомления с последствиями и ходом проводившихся там подземных ядерных испытаний. Им показали соляные шахты, в которых были проведены испытании, а также технику, нужную для их проведения.

Северные корейцы, будем говорить прямо, — мастера, умеющие балансировать на грани. Они постоянно нас всех ставили в неприятные, *острые* ситуации. Балансирование на грани хотя и не привело к печальным последствиям, вызывало обострения напряженности. Северная Корея предпринимала очень непоследовательные действия, то выходя из ДНЯО, то давая понять, что не вышла, а только объявила о выходе. В конце концов они провели два ядерных испытания (в 2006 и 2009 гг.), и можно считать, что Северная Корея — почти полноправный член *ядерного клуба*. А это уже совершенно по-другому расценивается и в Южной Корее, и американцами и, как это ни удивительно, создает определенные гарантии безопасности КНДР.

С другой стороны, американцы после долгих колебаний вывели свои ядерные арсеналы из Южной Кореи, и движение в сторону денуклеаризации Корейского полуострова в принципе пошло. Сейчас одна из задач заключается в том, чтобы договориться с северными корейцами таким образом, чтобы они отказались от развития военной ядерной программы. Но для этого нужны очень большие политические гарантии для режима, а также огромная экономическая помощь. Американцы, отказавшись от поддержки Организации содействия развитию атомной энергетики Корейского полуострова (КЕДО), сами нанесли сокрушительный удар по перспективам развития Северной Кореи вне ядерных рамок.

Что касается нового лидера, мне кажется, что Ким Чен Ын пока не обрел должной силы и влияния, как его дедушка и отец. Но он находится в руках очень опытных и очень хитрых северокорейских военных, которые не дадут ему совершать ошибок.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Что можно сказать про новые *пороговые страны*? Дискуссий по этому поводу было достаточно много в середине 1990-х гг. Вы тогда отметили: «Мировое сообщество, как, пожалуй, никогда раньше, стоит перед выбором. Либо мы в ближайшее время найдем пути повернуть вспять процесс ядерного распространения в военное сфере, либо в перспективе будем считать *пороговые* и *неофициальные ядерные державы* десятками». Что изменилось?

ЕВСТАФЬЕВ: Пороги — они остаются порогами. Но говорить о том, что пороги стали широко распространенными, не приходится.

В те годы очень много говорилось об Аргентине, о Бразилии. Эти страны приняли для себя определенные решения, и они перестали быть предметом озабоченности. Зато появились некоторые другие озабоченности. Прежде всего появилась проблема Ирана. В начале 1990-х гг. американцы даже не допускали мысли о том, что Иран будет заниматься ядерным оружием. Только через пару лет, где-то в 1993, 1994 г. они начали бить тревогу «Иран! Иран! Вот-вот будет ядерная бомба!». Прошло 18 лет — а ядерной бомбы нет. Хотя Иран проделал гигантский путь в развитии ядерной программы.

Конечно, и мирные аспекты для Ирана очень важны: в Тегеране работает реактор, который производит медицинские изотопы. Этот реактор работает на аргентинском сырье, которое заканчивается. Ирану, находящемуся под всякого рода санкциями, не приходится надеяться, что Аргентина поставит еще. А в Иране около 800 тысяч людей, больных раковыми и другими болезнями, для которых вот эти изотопы, радиоизотопы, являются, может быть, единственным спасением. 800 тысяч! Даже такая проблема вызывает у страны огромную озабоченность. Поэтому им нужны определенные уровни обогащения, чтобы было ядерное топливо для работы этого реактора и для выработки радиоизотопов.

Если говорить чисто формально, Иран пока не нарушил своих обязательств по ДНЯО. Уровень обогащения по U-235 в Иране сейчас находится на уровне 20%, и это большой прогресс, это серьезная ступень. Сейчас решается важный вопрос: как поведет себя Иран. Вот появился центр обогащения в Натанзе, появился центр обогащения под Фордо около города Кум. Как это все пойдет? Иран — вот это настоящая *пороговая* страна.

А напротив, через залив — другая страна, которая вроде бы не *пороговая*, но которая может немедленно стать *пороговой*. Это Саудовская Аравия, которая в случае, если Иран продвинется в создании ядерного оружия, немедленно станет не только *пороговой*, но и ядерной страной, и никто ее не удержит. При своих материальных возможностях они могут сделать это достаточно быстро.

Один из острейших вопросов, который сейчас нужно решить мировому сообществу — это вопрос создания на Ближнем Востоке зоны, свободной от оружия массового уничтожения (ЗСОМУ). Если эта задача будет решена, тем, кто ее решит, надо будет давать Нобелевскую премию. К сожалению, пока позитивных сдвигов не происходит. Существуют крупные разногласия между Израилем и Ираном. Мне кажется, что все-таки есть один выход. Он может показаться невероятным, но если мировое сообщество даст гарантии существования Израилю, стопроцентные, могучие гарантии, которые обеспечат существование Израиля как государства, оно может потребовать от Израиля отказа от ядерного оружия. Это, на мой взгляд, должно быть сделано таким образом: еще не созданное ядерное оружие Ирана нужно разменять на уже имеющееся ядерное оружие у Израиля при железных гарантиях Израилю со стороны всего мирового сообщества, в том числе и арабских стран, на право существования этого государства.

Если бы мы решили вопрос о создании ЗСОМУ на Ближнем Востоке, это компенсировало бы все разочарования и просчеты предыдущих лет.

Мир постепенно умнеет. И ему ядерное оружие надоедает. Ведь неслучайно Джордж Шульц сотоварищи выдвинули идею отказа от ядерного оружия[3], которая была в принципе поддержана и нашими *мудрецами* во главе с Е. М. Примаковым[4]. Поэтому это говорит о развитии тенденции в сторону понимания того, что подходит время отказа от ядерного оружия *эвентуально*. Я не говорю завтра. Эвентуально. Оно себя как политическое средство практически исчерпало.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Очень часто в 1990-е гг. упоминался так называемый *российский след*. Как сейчас у нас обстоят дела с вопросом контроля ядерных материалов?

ЕВСТАФЬЕВ: Прежде всего мы можем фиксировать гигантские, кардинальные изменения в организации экспортного контроля в сфере ядерных материалов, то, чего не было в начале девяностых. Тогда происходили многочисленные случаи вывоза, попыток вывоза, кражи не только оборудования, но и самих ядерных материалов. Люди, неграмотные в области ядерных материалов, думали, что они положат малообогащенный уран под сидение и спокойно его вывезут. Это была страшная вещь. Это была полная неграмотность.

Но происходили не столько утечки материалов, сколько утечки оборудования в тот же Иран, в тот же Пакистан, в ту же Северную Корею, — причем

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: В последние месяцы слухи о российской ядерной контрабанде приобрели характер *эпидемии*, а может быть и *моды*. [...] Известны ли Вам случаи подтвержденной контрабанды из России значительных количеств высокообогащенного урана, или оружейного плутония, или же других веществ, которые реально могли быть использованы террористическими группами для создания ядерного оружия?

ЕВСТАФЬЕВ: Слово *эпидемия*, на мой взгляд, не совсем соответствует реальному положению дел. [...] Ажиотаж вокруг этой темы не нов. Он длится уже три года, и теперь можно говорить о том, что он кем-то *сознательно* постоянно подпитывается. [...] По всем меркам разумного мышления, невооруженным взглядом видна алогичность такого явления как *черный рынок* уранового ядерного топлива для атомных реакторов.

Ядерный Контроль. 1995. № 1. С. 14.

такие системы, которые трудно было достать. Это происходило не только в России. На середину 1990-х гг. в США было 300 тыс. нарушений экспортного контроля в год. Из них около 3 тыс. было связано с ядерной проблематикой. В целях контроля за тем, кто является конечным пользователем вывозимых образцов вооружений и технологий, в 1990-х гг. в США была запущена программа *Blue Lantern*. Так что экспортный контроль был проблемой не только в России.

Сейчас предпринимаются гигантские шаги по организации внутрифирменного экспортного контроля. Таможенные, пограничные службы оборудованы по последнему слову техники. В результате внимания к этой проблеме, которая тогда казалась неразрешимой и неподъемной (я тогда был членом комиссии Правительства РФ по экспортному контролю) все-таки удалось организовать нормальную и эффективную работу экспортного контроля. Но нужно понимать, что экспортный контроль — это не панацея, он не может решить всех задач. Есть еще неосязаемая передача технологий, поездки ученых, специалистов, которые увозят с собой знания. И у нас были и с этим большие проблемы, но все удалось решить и поставить на нужный уровень. Поэтому последние 15–17 лет характеризовались коренным прорывом в сфере экспортного контроля.

В заключение хочу снова вернуться к теме достижений в развитии режима нераспространения. То внимание, которое с конца 1980-х гг. начало уделяться проблеме нераспространения, позволило создать целую плеяду специалистов, занимающихся вопросами нераспространения ядерного оружия, развития ядерных программ, физической безопасности ядерных объектов. Сотни людей, получивших соответствующее образование, занимаются анализом происходящих событий, выявлением тенденций, генерируют идеи. Я считаю, что это ничуть не меньшее достижение, чем те, что я назвал в начале нашего разговора.

Примечания

[1] См. Геннадий Евстафьев. Девять вопросов о нераспространении. *Ядерный Контроль*. 1995. № 1, Январь. С. 12–15.

[2] Ведущий специалист в области нераспространения и контроля над ядерными вооружениями, известный прежде всего как один из авторов Договора о нераспространении ядерного оружия — краеугольного камня режима нераспространения. В 1988–1992 гг. — постоянный представитель СССР и России при международных организациях в Вене. Принимал активное участие в выработке ключевых международных соглашений в ядерной области, включая Договор об ограничении систем противоракетной обороны, Соглашение о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны между СССР и США, системы гарантий МАГАТЭ, Договор об ограничении подземных испытаний ядерного оружия, Договор о подземных ядерных взрывах в мирных целях и ряд других. Р. М. Тимербаев — один из создателей ПИР-Центра, в 1994–2010 гг. — председатель Совета ПИР-Центра, в 1994–2004 гг. — член редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*.

[3] Shultz George P., Perry William J., Kissinger Henry A., and Nunn Sam. Toward a Nuclear-Free World. *The Wall Street Journal*. 2008. 15 January.

[4] См. Полемику в текущем номере на с. 139.

Ержан Казыханов:

«КАЗАХСТАН С СОЖАЛЕНИЕМ ОТМЕЧАЕТ МАЛОЭФФЕКТИВНОСТЬ И АСИММЕТРИЧНОСТЬ ДНЯО»

На протяжении всей независимой истории Казахстан находится в авангарде стран, выступающих за сокращение ядерной угрозы. Об опыте создания безъядерного мира в пределах страны и региона, об инициативах Казахстана на международном уровне в интервью с главным редактором журнала* Индекс Безопасности *В. А. Орловым рассказывает министр иностранных дел Республики Казахстан Е. Х. Казыханов.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В октябре 2011 г. в Казахстане состоялся форум «За безъядерный мир». Каковы Ваши главные впечатления от результатов его работы?

КАЗЫХАНОВ: 2011 г. для Казахстана стал особенным. 16 декабря республика отметила 20-летие своей независимости. В том же 1991 г., еще до обретения независимости, 29 августа указом президента нашей страны Н. А. Назарбаева был закрыт Семипалатинский ядерный полигон.

Президент проявил большое мужество, решившись на этот шаг в условиях громадного давления военно-промышленного комплекса бывшего СССР. Но он руководствовался волей народа Казахстана, который призывал покончить с ядерным злом на многострадальной земле Семипалатинска.

Без преувеличения можно сказать, что закрытие полигона ознаменовало новую эру в глобальном процессе разоружения. После Семипалатинска была прекращена или приостановлена испытательная деятельность на других ядерных полигонах планеты. Это способствовало созданию такого революционного документа, как Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Республика Казахстан после закрытия полигона добровольно отказалась от обладания четвертым в мире по мощности ядерным арсеналом. Это стало весомым вкладом нашей страны в укрепление глобальной безопасности.

В декабре 2009 г. Генеральная Ассамблея ООН по инициативе Казахстана единогласно провозгласила 29 августа Международным днем действий против ядерных испытаний.

Таким образом, закрытие Семипалатинского полигона — это не только прошлое. Это яркий символ разоружения, движения к миру, свободному от ядерного оружия, это свет надежды, что когда-нибудь мир проснется свободным от смертоносных арсеналов, угрожающих самой жизни на земле. Недаром полигон до сих пор привлекает самое пристальное внимание мирового сообщества. В 2010 г. полигон посетил Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун, в 2011 г. — руководители МАГАТЭ Юкия Амано и Подготовительного комитета Организации ДВЗЯИ Тибор Тот.

12–13 октября 2011 г. в городах Астана и Семей состоялся Международный форум «За безъядерный мир», посвященный 20-летию независимости Казахстана и 20-й годовщине со дня закрытия Семипалатинского испытательного ядерного полигона.

В работе форума приняли участие главы и представители таких международных организаций и форумов, как МАГАТЭ, ООН, ОБСЕ, ШОС, ОДКБ, ЕврАзЭС, СВМДА, ЮНЕСКО, ОДВЗЯИ, видные представители мировых политических кругов, внесшие заметный вклад в дело разоружения и нераспространения ядерного оружия, известные эксперты и ученые, представители правительств и парламентов, международные и отечественные НПО, представители средств массовой информации. В этой связи хотел бы поблагодарить ПИР-Центр и лично В. А. Орлова, главного редактора *Индекса Безопасности*, за участие в данном форуме.

В рамках форума участники посетили площадку бывшего Семипалатинского испытательного полигона, где с заявлением для прессы выступили гендиректор МАГАТЭ Юкия Амано, первый заместитель министра энергетики США Дэниел Понеман и исполнительный секретарь Подготовительной комиссии ОДВЗЯИ Тибор Тот.

Гости ознакомились с деятельностью Национального ядерного центра в Курчатове, приняли участие в церемонии открытия в Семее обновленного мемориала памяти жертв ядерных испытаний на казахстанской земле и в митинге, посвященном 20-летию закрытия Семипалатинского полигона.

Одним из успехов форума считаю принятие Астанинской декларации «За безъядерный мир», в которой участники, «признавая огромный вклад в глобальный процесс ядерного разоружения и нераспространения президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева, принявшего исторические по значимости решения о добровольном отказе Республики Казахстан от обладания четвертым по мощности в мире ядерным арсеналом и закрытии 20 лет назад одного из крупнейших ядерных испытательных полигонов в мире», призвали все государства, обладающие ядерным арсеналом, предпринять необходимые шаги, направленные на полную ликвидацию ядерного оружия в кратчайшие сроки. В декларации была подтверждена важность выполнения всеми государствами — участниками Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) своих обязательств по всем статьям договора. Эта декларация уже стала событием в мировом разоруженческом процессе.

Проведение в Астане форума «За безъядерный мир» стало очередным вкладом Казахстана в процесс ядерного разоружения, придало, хочу надеяться, дополнительный импульс международным усилиям по скорейшему вступлению в силу ДВЗЯИ, по разработке ДЗПРМ и решению других актуальных проблем в области разоружения и нераспространения.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В ходе прошедшего в апреле 2010 г. глобального Саммита по ядерной безопасности в Вашингтоне президент США Барак Обама назвал президента РК Н. А. Назарбаева «лидером международного процесса нераспространения», признав несомненные заслуги Вашего государства в укреплении режима нераспространения. Расскажите о современных приоритетах Казахстана в вопросах ядерного нераспространения и разоружения? Каковы, по Вашему мнению, наиболее острые проблемы сегодня?

КАЗЫХАНОВ: Действительно, в ходе Вашингтонского саммита по ядерной безопасности президент Барак Обама высоко отозвался о президенте Н. А. Назарбаеве, назвав его поистине примером для мировых лидеров в вопросах нераспространения ОМУ и ядерной безопасности. Между лидерами двух стран налажены хорошие дружественные отношения, которые, в том числе, способствуют продвижению антиядерных инициатив в мире. Глава нашего государства неустанно поднимает перед мировым сообществом наиболее острые проблемы нераспространения, призывая к их решению.

Возвращаясь к форуму, стоит отметить, что Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун в своем видеообращении также отметил глобальное лидерство президента Н. А. Назарбаева в области ядерного разоружения и назвал Семипалатинск мощным символом надежды. Международное признание лидерства Казахстана и его Президента заставляет нас двигаться дальше, вырабатывая новые инициативы, идущие в ногу со временем.

Так, в соответствии с инициативой главы Казахстана о размещении Международного банка низкообогащенного урана МАГАТЭ на территории Республики Казахстан нами была представлена соответствующая официальная заявка в МАГАТЭ.

Мы уверены, что создание дополнительных резервов низкообогащенного урана под эгидой МАГАТЭ создаст условия для получения гарантированного доступа всех государств к ядерному топливу и ни в коей мере не затрагивает законного и неотъемлемого права каждого государства — члена ДНЯО на развитие мирной ядерной деятельности при условии всецелого соблюдения ими требований МАГАТЭ.

К сожалению, большого прогресса в процессе разоружения и укреплении режима нераспространения в мире по-прежнему не наблюдается. Несмотря на наличие ДНЯО, современный мир так и не смог справиться с непрекращающимися попытками ряда государств войти в *ядерный клуб*, не остановил совершенствования оружия массового уничтожения обладателями этого смертоносного оружия.

Как активный участник процесса разоружения, Казахстан с сожалением отмечает малоэффективность и ассиметричность ДНЯО. Назрела насущная необходимость выработки четких механизмов воздействия на страны-обладатели ядерного оружия, действующие вне рамок ДНЯО, и предотвратить выход государств из договора. Нужно добиться безусловного выполнения его участниками своих обязательств, воплощенных в единстве трех фундаментальных составляющих — нераспространения, мирного использования атомной энергии и разоружения.

Выступая на 62-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Н. А. Назарбаев обратился к ядерным державам «предпринять в рамках ООН меры по обеспечению эффективности ДНЯО и приведения его положений к современным реалиям в целях укрепления режима нераспространения ядерного оружия».

В ходе 66-й сессии Назарбаев также призвал «усилить ответственность всех государств, прежде всего ядерных, по сокращению ядерного

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

ВИТАЛИЙ ФЕДЧЕНКО: Меры экспортного контроля, применяемые ГЯП [Группой ядерных поставщиков. — *ред.*], направлены на предотвращение использования государствами-получателями ядерных технологий для изготовления ядерного оружия. Индия уже смогла самостоятельно изготовить ядерное оружие. Таким образом, цель требования применения Индией полноохватных гарантий утеряна. Напротив, законодательное разрешение ядерной торговли с Индией может быть полезно, так как позволит вести переговоры с этой страной о ядерных поставках в обмен на нераспространенческие шаги. Использование же для развития индийской военной ядерной программы полученных ею ядерных установок и технологий можно практически полностью исключить, применяя гарантии МАГАТЭ к конкретным установкам и материалам. Может быть, это и спорные утверждения, но не считаться с их существованием нельзя, так как именно они могут в итоге привести к изменению правил ГЯП.

АЭС в Куданкуламе и будущее российско-индийской ядерной торговли.
Ядерный Контроль. № 1,
Январь–февраль 2002. С. 53.

оружия и постепенному уничтожению его арсеналов. Сегодня нет четких юридических гарантий неядерным государствам со стороны держав, обладающих ядерным оружием. В этом важном измерении Договор о нераспространении не работает. На нынешнем этапе ядерное оружие является не сдерживающим фактором, а катализатором гонки вооружений».

Одной из последних инициатив Казахстана, объявленной на глобальном Саммите по ядерной безопасности в апреле 2010 г. в Вашингтоне, стало предложение о начале обсуждения вопроса о принятии в перспективе Всеобщей декларации безъядерного мира, которая могла бы стать первым шагом к Конвенции по ядерному оружию. Эта инициатива нашла свое отражение и в Астанинской декларации форума «За безъядерный мир» 11–13 октября 2011 г.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В 2012 г. исполняется шесть лет с момента подписания договора о создании зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии. Какое влияние оказало создание ЗСЯО в Центральной Азии на общую ситуацию безопасности в регионе и на развитие режима ядерного нераспространения в целом?

КАЗЫХАНОВ: Подписание договора в Семипалатинске глубоко символично с точки зрения процесса ядерного разоружения. И после выполнения всеми сторонами внутригосударственных процедур в марте 2009 г. вся Центральная Азия стала безъядерной зоной. Это первая свободная от ядерного оружия зона, полностью расположенная в северном полушарии, и первая такая зона, граничащая сразу с двумя ядерными державами.

Единственным не решенным вопросом на сегодня остается подписание Протокола о негативных гарантиях против применения или угрозы применения ядерного оружия в отношении стран — участниц зоны со стороны ядерных держав. Россия и Китай готовы подписать протокол, западные ядерные державы — США, Великобритания и Франция — пока нет. Казахстан с одобрения наших партнеров по зоне инициировал процесс консультаций с этой тройкой и оптимистично смотрит на перспективы этого процесса. Мы ожидаем получения данных гарантий в обозримом будущем, что станет ясным подтверждением реальной заинтересованности *ядерной пятерки* в безъядерном мире. Каждая новая созданная зона, свободная от ядерного оружия, приближает нас к действительно *глобальному нолю* — миру, свободному от ядерного оружия.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В 2011 г. исполнилось 20 лет с момента закрытия одного из крупнейших в мире ядерных испытательных полигонов в Семипалатинске. Между тем до сих пор существует проблема вступления ДВЗЯИ в силу. Как Вы оцениваете перспективы решения данного вопроса? Что намерен предпринять Казахстан в этом направлении?

КАЗЫХАНОВ: ДВЗЯИ был и остается важной компонентой архитектуры международной безопасности. Мы неоднократно выступали с призывом к международному сообществу завершить процедуру вступления в силу этого важного документа. В этой связи решимость администрации президента США Барака Обамы ратифицировать Договор несомненно придаст новый импульс этому процессу среди стран, еще не сделавших это. Ратификация ДВЗЯИ Соединенными Штатами Америки будет ярким примером для других государств и обеспечит вступление договора в силу.

Принятая Генеральной Ассамблеей ООН в декабре 2009 г. по инициативе Казахстана резолюция об объявлении 29 августа — даты официального закрытия крупнейшего в мире Семипалатинского ядерного полигона — Международным днем действий против ядерных испытаний непосредственно служит целям договора. Как вы знаете, инфраструктура бывшего Семипалатинского испытательного полигона была преобразована в международный мирный полигон для решения *чувствительных* вопросов деятельности в области нераспространения, предлагая участие

или присутствие наблюдателей от различных стран в экспериментах и программах, проводимых на его территории, и тем самым внося вклад в ядерное нераспространение. В частности, Казахстан является важной частью международной сети сейсмического мониторинга ядерных испытаний.

Проведение Казахстаном совместно с нашими партнерами мероприятий в рамках Международного дня действий против ядерных испытаний также является нашим вкладом в продвижение процесса всеобъемлющего их запрещения. Так, 26 августа 2010 г. в Астане прошла Международная конференция, а 9 сентября в Нью-Йорке — Специальное заседание Генеральной Ассамблеи ООН, посвященное Международному дню действий против ядерных испытаний. В 2011 г. были проведены Международная конференция по ядерной безопасности и нераспространению «Ядерные дилеммы: настоящее и будущее» (30 августа, Гаага), неформальное пленарное заседание Генеральной Ассамблеи ООН, посвященное Международному дню действий против ядерных испытаний (2 сентября, Нью-Йорк), Международный форум за безъядерный мир (11–13 октября, Астана), ряд других мероприятий и выставок, посвященных этой тематике.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как выпускник Восточного факультета Ленинградского государственного университета, арабист по специальности и представитель Казахстана в Совете министров иностранных дел Организации исламского сотрудничества (СМИД ОИС), не могли бы Вы прокомментировать, насколько выполнима задача проведения Конференции по зоне, свободной от ядерного оружия, на Ближнем Востоке в 2012 г. и что может сделать ОИС, для того чтобы такая конференция состоялась?

КАЗЫХАНОВ: Глава нашего государства, выступая на Вашингтонском саммите по ядерной безопасности в апреле 2010 г. и на 3-м Саммите Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии в Стамбуле в июне 2010 г., заявил о нашей твердой поддержке скорейшего создания зоны, свободной от оружия массового уничтожения, на Ближнем Востоке.

Содействие созыву Конференции 2012 г. входит в число приоритетов председательства Казахстана в 2011–2012 гг. в СМИД ОИС. В Астанинской декларации СМИД ОИС страны — члены Организации приветствовали идею Конференции 2012 г., будучи уверены, что прогресс в ядерном разоружении и нераспространении во всех их аспектах является основой для укрепления международного мира и безопасности. Отдельная резолюция Астанинского СМИД ОИС также была посвящена созданию безъядерной зоны на Ближнем Востоке.

Казахстан, выступающий за создание безъядерных зон в различных регионах мира, с перспективой превращения всей нашей планеты в одну сплошную безъядерную зону, готов сделать все, от него зависящее, для успеха процесса создания зоны, свободной от ядерного оружия и других видов ОМУ, на Ближнем Востоке.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В прошлом Вы возглавляли Департамент многостороннего сотрудничества МИД Казахстана, долгое время работали в представительстве Республики Казахстан при ООН. Опираясь на свой опыт, не могли бы Вы оценить, насколько эффективны сегодня многосторонние площадки, призванные заниматься проблемами разоружения? Прежде всего это касается Конференции по разоружению в Женеве и перспектив переговоров по ДЗПРМ. Существует ли сегодня реальная необходимость в случае отсутствия прогресса на переговорах по ДЗПРМ в Женеве искать другие площадки для переговоров, как это предлагают США?

КАЗЫХАНОВ: В первую очередь хотел бы отметить, что сам факт того, что такие площадки для обсуждения актуальных вопросов существуют, уже говорит о наличии общего понимания имеющихся проблем. Имеющиеся форумы в прошлом уже решили немало задач в сфере разоружения. Что касается эффективности деятель-

ности в настоящее время, в частности Конференции по разоружению, то здесь мы сталкиваемся с проблемами процессуального характера и разными подходами государств к вопросам национальной безопасности.

Вместе с тем хотел бы отметить следующее. Конференция по разоружению рассматривается нами как один из важнейших механизмов укрепления международной безопасности. Мы считаем, что данный форум, несмотря на переживаемые в настоящее время трудности, обладает высоким потенциалом и призван внести существенный вклад в процесс разоружения.

Следует отметить, что Конференция по разоружению — это единственный многосторонний форум международного сообщества для ведения переговоров по разоружению, и его уникальность состоит в принятии решений консенсусом с учетом мнений всех членов.

Несмотря на имеющиеся разногласия, мы выступаем за скорейшее начало переговоров по разработке ДЗПРМ исключительно в рамках Конференции по разоружению. Заключение договора внесет важнейший вклад в предотвращение распространения ядерного оружия. За счет прекращения производства расщепляющихся материалов до минимума будет сведена возможность развития нелегитимных военных ядерных программ, улучшится ситуация с контролем имеющегося материала, значительно снизится риск ядерного терроризма. Я считаю, что предлагаемое отдельными странами, в частности Австрией и Мексикой, вынесение обсуждения ДЗПРМ за рамки Конференции по разоружению серьезно ослабит форум

Декларация о безъядерном мире

Астана, 12 октября 2011

Астанинский Международный Форум за безъядерный мир:

отмечает, что настало подходящее время, для того чтобы все государства, обладающие ядерным оружием, предприняли шаги, направленные на полную ликвидацию ядерного оружия в кратчайшие сроки;

признает, что укрепление международного мира и безопасности и содействие ядерному разоружению носят взаимоусиливающий характер;

подтверждает важность выполнения всеми государствами — участниками Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) своих обязательств по всем статьям Договора;

призывает к проведению переговоров по достижению дальнейших шагов, ведущих к ядерному разоружению, которому привержены все государства — участники ДНЯО в соответствии со статьей VI Договора, включая более глубокие сокращения ядерных вооружений всех типов, и подчеркивает важное значение применения принципов необратимости и контролируемости, а также повышения транспарентности таким образом, чтобы это способствовало международной стабильности, миру и ненанесению ущерба безопасности для всех;

призывает все государства ратифицировать Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний и в особенности те государства, от которых зависит вступление Договора в силу;

призывает все государства в ожидании вступления ДВЗЯИ в силу воздерживаться от испытаний ядерного оружия или любых других ядерных взрывов и любых действий, которые лишили бы ДВЗЯИ его объекта и цели;

и подорвет его авторитет. Но еще более существенно, что документ, выработанный таким путем, будет заведомо слабым, не получив поддержки многих ключевых с точки зрения разоружения стран.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В последнее время на экспертном и межгосударственном уровне все чаще говорят о необходимости практических шагов по выполнению статьи VI ДНЯО. Призыв к ее выполнению содержится и в заключительном документе Обзорной конференции ДНЯО 2010 г. Как Вы оцениваете перспективы вовлечения в процесс ядерного разоружения не только России и США, но и трех других официальных ядерных государств, а в перспективе — всех стран, обладающих ядерным оружием?

КАЗЫХАНОВ: Это непростой вопрос. Доктрина ядерного сдерживания, как мы знаем, была сформулирована в эпоху холодной войны. По-видимому, в ней было некое рациональное зерно, если на протяжении десятилетий, несмотря на немалое число конфликтных ситуаций, миру удалось избежать применения смертоносного оружия и погрузиться в пучину тотальной войны на уничтожение. Вместе с тем угроза неконтролируемого расширения *клуба ядерных держав* остается одной из наиболее серьезных проблем нового века. Если в обозримом будущем мировому сообществу не удастся достичь прорывных решений этих вопросов, процесс расширения круга государств, обладающих ядерным оружием, может окончательно стать необратимым со всеми вытекающими последствиями. И в этом случае концепция ядерного сдерживания окончательно утратит свой смысл.

призывает все государства соблюдать свои существующие обязательства с точки зрения гарантий безопасности и призывает государства, которые еще не сделали это, взаимодействовать с государствами — участниками соответствующих Договоров о зонах, свободных от ядерного оружия, с тем, чтобы достичь взаимосогласованных условий для предоставления этих гарантий государствам — участникам таких зон;

поддерживает формирование новых зон, свободных от ядерного оружия, которые соответствуют утвержденным Комиссией ООН по разоружению целям и принципам, принятым 30 апреля 1999 г., и поддерживает в дальнейшем создание зоны, свободной от оружия массового уничтожения, на Ближнем Востоке, как позволяют базовые условия, на основе свободно достигнутых соглашений странами региона;

призывает все заинтересованные государства в кратчайшие сроки ратифицировать соответствующие протоколы к существующим зонам, свободным от ядерного оружия;

полон решимости как можно скорее принять недискриминационный, многосторонний и эффективно контролируемый Договор о запрещении производства расщепляющегося материала для ядерного оружия и других ядерных взрывных устройств;

призывает все государства выполнять рекомендации, содержащиеся в докладе Генерального Секретаря Организации Объединенных Наций в отношении исследования Организации Объединенных Наций, посвященного образованию по вопросам разоружения и нераспространения, в поддержку достижения мира без ядерного оружия;

призывает гражданское общество — организации и индивидуумов — принимать участие в образовании в сфере разоружения и продвижении его идей.

Источник: http://portal.mfa.kz/portal/page/portal/mfa/ru/content/News/nws2011/2011-10-12 (последнее посещение — 23 декабря 2011 г.).

Нам нужно прийти к осмыслению — по-прежнему ли актуальна концепция ядерного сдерживания? И не является ли фактическое расширение *ядерного клуба* прямым следствием того, что обладание ядерным оружием рассматривается *новыми ядерными* странами как своего рода средство сдерживания, некий арсенал, призванный обеспечить безопасность против применения или угрозы применения ядерного оружия со стороны если не мировых ядерных держав, то соседей по региону, также обладающих или находящихся на грани обладания им? Мы наблюдаем крайне тревожную тенденцию превращения ядерного оружия из средства глобального сдерживания (и следовательно, обеспечения всеобщей безопасности) в средство регионального сдерживания, а в более широком смысле — решения региональных проблем. И с увеличением числа игроков на этом поле угроза внезапного применения ядерного оружия многократно возрастает.

Это также ведет к возрастанию угрозы попадания ядерных материалов и других видов оружия массового уничтожения в руки террористов.

Таким образом, главный вопрос, над которым стоит подумать, — является ли ядерное сдерживание гарантией безопасности человечества или уже во все большей степени несет угрозу? Однозначного мнения здесь нет. Отдельные ядерные державы склонны к апологетике ядерного сдерживания, между тем как многие другие страны мира считают данную концепцию пережитком холодной войны, не отвечающим современным реалиям. Только полный отказ от ядерного оружия и всеобщее разоружение рассматривается ими как необходимое условие глобальной безопасности.

Такая позиция близка и Республике Казахстан. Неуклонное снижение численности ядерных арсеналов, полный отказ всех членов международного сообщества от горизонтального и вертикального распространения, контроль над распространением и недискриминационное использование атомной энергии и технологий в мирных целях под полным контролем МАГАТЭ — вот путь, который представляется нам безальтернативным.

Возможно, только радикальное и быстрое сокращение ядерных арсеналов ядерными державами, ясно выраженное стремление к безъядерному миру, может стать весомым аргументом для разоружения или отказа от создания ядерных арсеналов теми странами, которые, не являясь официально признанными ядерными державами, на сегодня де-факто обладают или стремятся к обладанию ядерным оружием.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Организация договора о коллективной безопасности сегодня является самой крупной организацией на пространстве бывшего СССР, обеспечивающей сотрудничество в оборонной сфере. Как бы Вы оценили роль этой организации в обеспечении безопасности на пространстве Евразии. Каким Вы видите будущее этой организации?

КАЗЫХАНОВ: Подписание Договора о коллективной безопасности было продиктовано временем и необходимостью. За прошедший период Договор себя полностью оправдал и имеет еще достаточно большой потенциал, для того чтобы на многие годы оставаться актуальным. Как мы все знаем и помним, в бытность Советского союза управление вооруженными силами и оборонной промышленностью осуществлялось централизованно, это была единая система. С развалом же огромной страны все это стало рушиться, в какой-то степени армия была частично охвачена анархией, на постсоветском пространстве во многих республиках стали появляться *горячие точки*.

Существовала реальная угроза распространения вооруженных пограничных конфликтов между новыми независимыми государствами, поэтому после образования СНГ встал вопрос о необходимости подписания данного договора с тем, чтобы упорядочить взаимодействие между государствами в сфере обо-

роны, выстроить эффективную систему коллективной защиты наших государств от внешних угроз.

Военная безопасность Казахстана обеспечивается проведением политики сотрудничества и добрососедских отношений между государствами, их равенства и невмешательства во внутренние дела друг друга, мирного разрешения международных споров, отказом от применения первой вооруженной силы, укреплением военной организации государства, исходя из прогнозируемых угроз, определением и использованием наиболее эффективных форм и способов их нейтрализации.

При этом, формируя эффективную и современную систему национальной безопасности, Казахстан активно взаимодействует с международными структурами безопасности. Наша страна укрепляет сотрудничество с государствами — членами ОДКБ в рамках коалиционного военного строительства, осуществляемого в интересах обеспечения совместной безопасности и коллективной обороны в случае военной агрессии.

В то же время в современных условиях неотъемлемой частью системы коллективной безопасности является построение эффективной системы противодействия новым вызовам и угрозам в зоне действия Договора о коллективной безопасности. Предпринимаемые усилия в данном направлении главным образом сводятся к стремлению адаптировать организацию к меняющимся политическим реалиям и современным требованиям, предъявляемым к многопрофильной международной структуре безопасности.

Поэтому считаю, что в целом эффективное противодействие современным вызовам и угрозам возможно лишь совместными усилиями всего мирового сообщества. Исходя из такого понимания угроз в ОДКБ уделяется особое внимание налаживанию взаимовыгодного сотрудничества со специализированными структурами региональных и международных организаций.

СЛОВО ЛАУРЕАТА ПРЕМИИ ПИР-ЦЕНТРА

НУРСУЛТАН НАЗАРБАЕВ: Прошло 20 лет после добровольного закрытия моим Указом крупнейшего в мире Семипалатинского испытательного полигона. В рамках многолетнего сотрудничества по повышению его физической безопасности, Казахстан, Россия и США демонстрируют модель партнерства на основе взаимного доверия.

Казахстан вступил в Глобальное партнерство стран Группы восьми против распространения оружия массового уничтожения. На национальном уровне нами осуществлен беспрецедентный проект транспортировки 210 т отработанного ядерного топлива на безопасное хранение. Мы продолжаем работу по переводу реактора на низкообогащенное топливо, созданию регионального учебного центра по ядерной безопасности. Совместно с МАГАТЭ создаем уникальную автоматизированную систему учета, контроля и физической защиты природного урана.. [...] В настоящее время работа с МАГАТЭ по размещению банка в Казахстане вышла на практическую стадию. Это наш конкретный вклад в укрепление режима нераспространения и ядерного разоружения.

Выступление Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева
на Саммите по ядерной безопасности 27 марта 2012 г.

Объединение усилий таких организаций, как ООН, ШОС, СНГ, ЕврАзЭС, ОДКБ и др., каждая из которых имеет собственные программы борьбы с международным терроризмом и религиозным экстремизмом, нелегальной миграцией, незаконным оборотом наркотических средств, оружия и боеприпасов и другими видами транснациональной организованной преступности стало бы важным и эффективным шагом в противодействии перечисленным видам угрозы.

Полагаю, что консолидация потенциала указанных организаций в обеспечении международной безопасности при активном участии ОДКБ будет способствовать созданию эффективной системы коллективной безопасности на Евразийском пространстве.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В рамках празднования выпуска юбилейного номера журнала *Индекс Безопасности* мы хотели бы услышать Вашу оценку того, что является главным достижением режима ядерного нераспространения за последние 20 лет, а также узнать Ваш прогноз, какими будут наиболее серьезные изменения, которые могут произойти с режимом в течение ближайших 20 лет?

КАЗЫХАНОВ: При всей общей стагнации мирового разоруженческого процесса не могу не отметить многих достижений, которые имели место за последние 20 лет. Это, как я говорил выше, закрытие Семипалатинского полигона, заставившее замолчать другие ядерные полигоны. Это выраженный отказ трех государств, в силу исторических причин ставших легальными обладателями ядерного оружия — Казахстана, Украины и Белоруссии — от своих весьма внушительных ядерных арсеналов и их полный демонтаж. Это заключение в 1996 г. Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Это существенное сокращение численности единиц ядерного оружия Россией и США и подписание ими в 2010 г. нового Договора об ограничении стратегических наступательных вооружений. Это, наконец, создание в центре Евразии, на земле, где немногим более 20 лет назад было размещено ядерное оружие и гремели ядерные взрывы, зоны, свободной от ядерного оружия.

Строить прогнозы на будущее — неблагодарная работа. Однако хочу все-таки выразить надежду, что в предстоящие 20 лет ведущие мировые державы в полной мере осознают свою ответственность перед будущим и человечество существенно продвинется в направлении мира, свободного от ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения. Хотелось бы, чтобы и наши дети, и мы сами стали свидетелем того, как на нашей планете не останется места для ядерной смерти

Николай Пономарев-Степной

АРХИТЕКТУРА ГЛОБАЛЬНОЙ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ: КЛЮЧ К ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Судьба атомной энергетики сегодня широко обсуждается: станет ли она *локомотивом* энергетического развития или же соображения безопасности АЭС перевесят и атомный *ренессанс* будет остановлен?

ТРИ ТЕЗИСА

Прежде чем обратиться непосредственно к проблемам атомной энергетики, необходимо обозначить несколько ключевых тезисов, которые характеризуют понятие энергетической безопасности в экономических реалиях современного мира.

Тезис первый: даже в том случае, когда ресурсная база первичного энергоресурса значительна, этот ресурс не потребляется обществом, если его цена превышает некоторую долю в ВВП.

Ключевая информация, определяющая материальное развитие цивилизации, сосредоточена в динамической связке ВВП и потребления энергии. Современная экономика остро реагирует на величину затрат на первичные энергоресурсы. В начале 1980-х гг. и в 2008 г. доля затрат на энергетические нужды в ВВП превысила 10%, что совпало с кризисными явлениями в экономике. Структура современного общества и его экономики оказались не в состоянии выдержать высокие цены на энергию.

Тезис второй: удельное энергопотребление в развитых и развивающихся странах имеет тенденцию к выравниванию, что в условиях индустриального роста развивающихся стран приведет (и уже приводит) к необходимости увеличивать глобальную добычу первичных источников энергии.

Динамика изменения соотношения удельного потребления энергии в этих двух группах стран показывает, что в течение последнего полувека это различие устойчиво сокращается. Если в 1960-х гг. удельное потребление энергии в развитых и развивающихся странах раздичалось более чем в 20 раз, то к настоящему времени оно сократилось до 7 раз. Индустриализация развивающегося мира, непосредственно связанная с ростом потребления энергии, происходит существенно более высокими темпами в сравнении с развитыми странами. Этому процессу способствует то, что развитые страны направляют значительные инвестиции и внедряют свои технологии в промышленное производство развивающихся стран, где есть дешевая рабочая сила. Кроме того, стали более прозрачными границы для интеллектуального, технологического, материального общения. Возросли скорости и объемы распространения информации, технологий, продуктов. Выравнивание уровней удельного энергопотребления в развитых и развивающихся странах будет означать необходимость утроения добычи

первичных энергоресурсов. При сохранении существующих темпов экономического роста в развивающихся странах это займет десятилетие; при замедлении темпов роста продлится до 40 лет.

Тезис третий: решить проблему роста энергопотребления можно за счет наращивания различных видов энергоресурсов, в первую очередь возобновляемых источников и атомной энергии.

При росте спроса образуется *область неудовлетворенного спроса*, которую можно заполнить дополнительным наращиванием источников энергии: возобновляемых, гидроэнергетических ресурсов, угля и атомной энергии. Казалось бы, наиболее просто это сделать за счет увеличения добычи нефти и газа, однако все чаще возможности нефти рассматриваются как уже достигшие либо приближающиеся к уровню максимальной годовой добычи. Природный газ такая перспектива ожидает несколько позже, но восполнить за его счет нарастающий дефицит энергетических ресурсов, скорее всего, не удастся. Дело здесь не столько в отсутствии этих ресурсов, сколько в том, что их расширенная добыча потребует привлечения вложений для освоения месторождений в более сложных геологических и климатических условиях, а это приведет к росту цен на энергетическое сырье, и они потеряют свою привлекательность для экономики.

Исходя их этих трех тезисов в данной статье я рассмотрю потенциал атомной энергетики в обеспечении энергетической безопасности. Кроме того, будут рассмотрены препятствия для повышения роли атомной энергии и пути их преодоления.

РЕАЛЬНАЯ И ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ

Итак, мир испытывает серьезные трудности в связи с недостаточностью ресурсов органического топлива и их региональной неравномерностью. Есть очевидное решение — это возобновляемые источники: солнце, ветер, биомасса, энергия воды, приливов. Использование этих источников, вне всякого сомнения, будет постоянно нарастать. Однако значительная капиталоемкость этих технологий затрудняет достижение требуемых темпов развития.

Атомная энергия не относится к категории возобновляемого ресурса, но при сжигании U-235, содержащегося в естественном уране, имеется возможность воспроизводить новое ядерное топливо из U-238 или Th-232, объемы которых в сотни раз превышают ресурс U-235, сжигаемого в нынешних реакторах. Возможность воспроизводства нового топлива не только во много раз повышает эффективность использования уже добытого сырья, но и делает экономически выгодными более дорогие ресурсы. Способность воспроизводить топливо практически переводит атомную энергию в разряд неисчерпаемых источников энергии. Это уникальное свойство атомной энергии — воспроизводить топливо — является ключевым в оценках перспективы ее использования. Нынешняя атомная энергетика доказала свою способность эффективно производить электричество. Возможность производить водород с помощью высокотемпературных ядерных реакторов расширяет применение ядерной энергии в сферы, где дефицит органики ощущается в еще большей степени, чем в генерации электричества. Водород как энергоноситель и химический агент — ключ к промышленным технологиям, транспорту, коммунальному сектору[1].

Положительные особенности атомной энергетики, включая неограниченность топливного ресурса, широкие сферы использования, доступность, техническую подготовленность, а также снижение негативного влияния выбросов от сжигания органического топлива, стимулируют ее активное развитие.

Однако наряду с перечисленными достоинствами атомной энергии, которые стимулируют наращивание ее использования для удовлетворения растущих энергетических потребностей стран мира, общественность озабочена ее потенциальной опасностью. Атомная энергия ассоциируется у людей с опасностью ее примене-

ния как оружия и с радиационной опасностью даже при мирном использовании. У населения планеты продолжает вызывать обеспокоенность возможность переключения ядерных технологий и ядерных материалов гражданской атомной энергетики на создание ядерного оружия. Риск несанкционированного переключения повышается при расширении круга стран, использующих атомную энергетику, особенно если на территории этих стран будут создаваться установки с наиболее чувствительными с точки зрения риска распространения технологиями: обогащение урана и переработка отработавшего ядерного топлива (ОЯТ).

Радиационная опасность атомной энергии проявилась в ряде аварий и при мирном ее использовании. Распространение радиоактивности при тяжелых авариях с разрушением реакторов, как показали аварии Чернобыля и Фукусимы, выходит за пределы АЭС и за границы страны, где работали эти атомные станции, что демонстрирует глобальный характер радиационной опасности атомной энергетики.

Взвешивая *за* и *против*, многие страны, в том числе не знакомые ранее с ядерными технологиями, заявляют в МАГАТЭ о намерении включиться в мирное использование атомной энергии[2]. Расширение масштабов использования атомной энергии ставит перед международным сообществом задачу разработки такой структуры глобальной гражданской атомной энергетики, которая обеспечит максимально эффективное, устойчивое использование ее энергетических возможностей на благо людей и гарантирует безопасность ее применения.

Термин *безопасность атомной энергетики* в данном случае понимается в широком смысле и включает ядерную и радиационную безопасность, гарантии нераспространения, физическую защиту, контроль и учет ядерных и радиоактивных материалов. Это требование относится ко всем звеньям структуры атомной энергетики, как к АЭС, так и к производствам ядерного топливного цикла (ЯТЦ), и должно выполняться на всех этапах жизненного цикла ядерных установок и ядерных материалов — *от колыбели до могилы* (КдМ).

Очевидно, что решить эту задачу можно только совместными усилиями международного сообщества. Атомная энергетика — явление глобальное. Безопасность атомной энергетики выше национальных границ. Невозможно решать проблемы разработки ядерных технологий и обеспечения их безопасности изолированно, в отдельно взятой стране. В совокупности топливный цикл от добычи сырья до изоляции отходов экономически не доступен каждому пользователю реакторов, поэтому ставится вопрос о разработке *архитектуры глобальной атомной энергетики*.

При разработке структуры глобальной атомной энергетики тесно пересекаются две линии. Это техническая линия, то есть техническое совершенствование объектов атомной энергетики, и организационная линия — правовая и организационная база для определения поведения, которое ожидается от всех участников развития глобальной гражданской атомной энергетики[3]. Ниже я рассмотрю две эти линии, а также сферы, в которых организационные и технические составляющие неразрывно связаны.

ТЕХНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

Ядерный топливный цикл

В международном ядерном сообществе продолжается дискуссия о топливном цикле атомной энергетики: открытый или замкнутый ЯТЦ?

Основным положением сторонников *открытого цикла* является запрет на извлечение плутония из ОЯТ и на его повторное использование в ядерных реакторах, что, по их мнению, решает проблему нераспространения. Однако при развитии атомной энергетики по модели открытого ЯТЦ возникают проблемы, связанные с ограниченностью ресурсов дешевого природного урана, с хранением постоянно увеличиваю-

щегося объема ОЯТ, с наращиванием производства обогащенного урана. Так, при суммарной электрической мощности ~2000 ГВт (эл.) в 2050 г. годовая добыча урана должна быть более чем 300 тыс. т, потребление урана до 2050 г. составит более 10 млн т, мощность разделительного производства возрастет до ~450 млн е.р.р. в год, а для хранения ОЯТ необходимо построить около десятка хранилищ типа Юкка Маунтин. Величины, характеризующие годовую производительность, увеличиваются в сравнении с нынешним уровнем пропорционально мощности атомных станций. Вводимые в эксплуатацию реакторы должны быть обеспечены топливом на весь срок службы, который в настоящее время составляет до 60 лет.

Учитывая все это, а также дальнейшее наращивание ядерных мощностей, объемы требуемых ресурсов дешевого урана выходят за рамки разумных оценок. Это ставит атомную энергию в позицию нынешней органической энергетики, дальнейшее развитие которой ограничивается ресурсами топлива. Что касается хранилищ ОЯТ, то известно, какие трудности испытали США в связи со строительством и вводом в эксплуатацию хранилища ОЯТ в Юкка Маунтин объемом ~70 тыс. т, в результате приняв решение о прекращении его разработки.

Наконец, необходимое для развития атомной энергетики с открытым циклом наращивание производства по обогащению урана находится в противоречии с исходным аргументом сторонников открытого цикла о главенстве проблемы нераспространения при выборе линии развития атомной энергетики будущего. Понимая эти проблемы, в США разрабатывают концепцию *модифицированного открытого цикла*, которая предусматривает переработку использованного топлива и частичную сепарацию продуктов переработки для повышения эффективности использования топлива[4].

Замыкание ЯТЦ обеспечит топливом ядерную энергетику любого масштаба, не выходя за пределы ресурсов дешевого природного урана; оно нацелено на решение проблемы обращения с радиоактивными отходами. Способность быстрых реакторов воспроизводить ядерное топливо в большем количестве, чем сжигается, позволяет не только обеспечить топливом самих себя, но и дает дополнительный ресурс топлива для вновь вводимых реакторов и подпитки действующих тепловых реакторов. Эта особенность реализуется при замыкании ЯТЦ, включающего переработку ОЯТ и использование выделяемых при этом топливных материалов и минорных актинидов для производства нового топлива. Образующиеся при переработке ОЯТ радиоактивные отходы, имеющие существенно меньший объем в сравнении с ОЯТ, после дополнительных операций подлежат окончательной изоляции. Для начальной загрузки быстрых реакторов будет использоваться плутоний, накопленный в ОЯТ тепловых реакторов. Его количества достаточно для наращивания не только мощностей быстрых реакторов в требуемом объеме, но и частично он может использоваться для подпитки тепловых реакторов[5]. С этой целью опережающим темпом необходимо разрабатывать и внедрять технологии переработки ОЯТ сначала тепловых реакторов, а затем и быстрых реакторов с использованием плутония в виде смешанного топлива в улучшенных тепловых реакторах и быстрых реакторах с расширенным воспроизводством. Одним из важных требований к замыканию топливного цикла, определяющим темпы возврата реакторного плутония для производства нового топлива, является время замыкания топливного цикла, которое желательно не должно превышать трех лет. Мощность предприятий по переработке облученного топлива составит в 2050 г. примерно 50 тыс. т в год, а количество рециклируемого плутония — 1500 т в год.

Ядерные реакторы

В настоящее время в атомной энергетике основное место занимают тепловые легководные реакторы, которые используются для централизованной выработки электроэнергии. В перспективе реакторы на тепловых нейтронах будут использоваться не только для получения электроэнергии, но и для энергоснабжения про-

мышленных технологий и коммунального сектора, для опреснения воды и производства водорода. Потребуется широкий диапазон единичных мощностей: малые и средние — автономные и региональные потребители, большие — централизованные сети. Необходимо будет обеспечить работу энергоблоков в режиме регулирования нагрузки. Тепловые реакторы должны улучшить использование топлива (КВ ~0,9) и должны быть рассчитаны на сжигание топлива разного типа (U, Pu, Th). Для удовлетворения перечисленных требований наряду с разработкой усовершенствованных легководных реакторов будут разработаны высокотемпературные газовые реакторы, а также реакторы других типов. Технологические инновации потребуются для повышения уровня безопасности и для снижения риска тяжелых аварий. Это относится как к реакторным системам, так и к используемому в них топливу.

Архитектура развивающейся крупномасштабной глобальной атомной энергетики с замкнутым топливным циклом обязана включить реакторы на быстрых нейтронах (БР), предназначенные для базового производства энергии и расширенного воспроизводства топлива (Pu, U-233) с замыканием топливного цикла по U, Pu и минорным актинидам. Двойное назначение быстрых реакторов определяет оптимальный уровень мощности блока — около 1 ГВт (эл.) и работу в базовом режиме[6]. Расширенное воспроизводство топлива в быстром реакторе характеризуется коэффициентом воспроизводства (КВ), который может иметь значение вплоть до КВ = 2,0[7]. Выбор типа быстрого реактора — теплоноситель, тип топлива — и соответствующей величины КВ определяется темпами развития атомной энергетики, наличием ресурса природного урана, соотношением быстрых и тепловых реакторов в структуре атомной энергетики, уровнем безопасности и, в конечном счете, экономикой. По нынешним оценкам развития глобальной ядерной энергетики и ее структуры, быстрые реакторы должны иметь КВ = (1,2–1,5). Прорабатывается идея включить пристанционный ядерный топливный цикл в состав АЭС. Воспроизводство топлива быстрыми реакторами и соединение их с пристанционным замыканием топливного цикла вносят ограничение на экспорт этой технологии. Использование быстрых реакторов без расширенного воспроизводства и при начальной загрузке обогащенным ураном ограничивает темпы развития атомной энергетики доступными ресурсами природного урана; кроме того, потребуется наращивание производства обогащения урана[8].

ТЕХНИКА ПЛЮС МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕЖИМ

Ядерное нераспространение

Чтобы меры и действия, нацеленные на снижение риска распространения, не носили случайный и *догоняющий* характер, следует проводить постоянные исследования существующих и потенциальных угроз режиму нераспространения в условиях широкомасштабного развития атомной энергетики. Базой таких исследований должен быть системный анализ развития атомной энергетики с выявлением и оценкой факторов, влияющих на риск распространения. К таким факторам прежде всего относятся:

- рост числа стран, использующих атомную энергию;
- рост числа АЭС;
- замыкание ЯТЦ, включая переработку ОЯТ и рецикл ЯМ;
- рост числа предприятий топливного цикла, включая обогатительные производства;
- увеличение объемов оборота и транспортных потоков ядерных материалов;
- использование быстрых реакторов с воспроизводством топлива;
- увеличение объемов радиоактивных отходов.

Такой системный анализ должен лечь в основу подготовки рекомендаций по конкретным мероприятиям укрепления режима нераспространения. Очевидно, что такие рекомендации будут вырабатываться на основе компромисса, то есть путем сопоставления выгоды, получаемой от наращивания ядерных мощностей для решения задач энергетической безопасности, и того ущерба, который может быть нанесен обществу, если не принять меры по повышению устойчивости ядерной энергетической системы к распространению. Для повышения надежности рекомендаций необходимо иметь инструмент, позволяющий проводить сравнительную количественную оценку риска распространения при реализации тех или иных решений.

В настоящее время при выработке решений по проблеме нераспространения установилась практика использования качественных критериев, выработанных в период 40-летней давности при имевшем место тогда уровне развития ядерных технологий, их стоимости и доступности, а также при существовавшей в то время системе международных отношений. Развитие ядерных технологий, рост их доступности как за счет относительного снижения их стоимости на постоянно развивающемся международном рынке, так и из-за снижения уровня их секретности коренным образом изменило ситуацию. Появление и развитие некоторых ядерных технологий, например внедрение центрифуг в производство обогащенного урана, имели революционное влияние на соотношение рисков распространения, связанных с использованием различных технологий.

Некоторое время назад был предложен метод количественной оценки риска, основанный на статистической обработке экспертных оценок[9]. Этот метод позволил на примере сравнения рисков скрытного создания оружейного ядерного устройства при несанкционированном переключении ядерных материалов различного типа предсказать уязвимые места в существующем механизме обеспечения режима нераспространения. Пример использования такого количественного подхода для сравнительной оценки риска распространения при использовании различных исходных материалов приведен в табл. 1.

Таблица 1. **Риск распространения для различных исходных ядерных материалов**

Исходный материал	**Время** **Тн–Тв** **То**	**Цена** **Fн–Fв** **Fo**	**Скрытность** **Sн–Sв** **So**	**Безопасность** **Dн–Dв** **Do**	**Доступность** **Ан–Ав** **Ao**	**Риск распространения** **Ro5–R95** **Ro**
НОУ	1,5–3 2,1	3–15 6,1	10–50 24	0,5–1 0,7	10–100 39	8,16–185 53,3
ВОУ	1	1	1	1	1	1
Реакторный плутоний	3–10 5,2	8–60 19	0,2–0,9 0,46	0,2–0,9 0,46	0,1–5 1,25	0,00014–0,0139 0,0028
Оружейный плутоний	1,5–4 2,4	2–20 5,1	0,2–0,9 0,46	0,5–0,9 0,68	0,1–0,5 0,24	0,00095–0,0217 0,0062

Время T: длительность периода создания некоторого арсенала ядерных взрывных устройств; увеличение длительности периода ведет к снижению риска.

Цена F: стоимость создания арсенала, включая вложения во все компоненты технологической цепочки по созданию ядерных взрывных устройств из исходного материала и включая стоимость исходного материала; увеличение стоимости создания арсенала ведет к снижению риска.

Скрытность S: скрытность создания арсенала; увеличение скрытности ведет к увеличению риска.

Безопасность D: технологическая безопасность работ по созданию арсенала; увеличение безопасности ведет к увеличению риска.

Доступность A: доступность исходного материала; увеличение доступности исходного материала ведет к увеличению риска.

Риск распространения R содержит значения математических ожиданий R_i и оценивается соотношением:

$$R = (1/T) \cdot (1/F) \cdot S \cdot D \cdot A$$

Созданный в результате такого проекта инструмент количественного анализа риска возможно и необходимо было бы использовать для подготовки институциональных решений, нацеленных на решение проблем нераспространения ядерного оружия, материалов и технологий на новом этапе развития ядерной энергетики, а также для сравнения по признаку риска распространения инновационных проектов ядерных реакторов и топливного цикла.

Требуется проведение значительной работы с использованием количественного анализа риска для оценок и оптимизации различных институциональных решений, предлагаемых для предстоящего этапа широкомасштабного развития атомной энергетики. К таким работам в первую очередь относятся:

- разработка концепции международных центров ЯТЦ, нацеленных на снижение риска распространения путем выполнения под международным контролем операций в наиболее уязвимых с точки зрения распространения звеньях топливного цикла: обогащение урана, банк НОУ, производство и поставка топлива, хранение ОЯТ, переработка ОЯТ, рецикл топлива;
- внедрение в практику международного регулирования и контроля глобального дистанционного мониторинга ядерных материалов на всех этапах заявленной ядерной деятельности. Обязательное использование такого инструмента для мониторинга количества и перемещения делящихся и радиоактивных веществ должно быть нацелено на предотвращение наработки и несанкционированного использования ядерных материалов, включая оценку обнаружения возможного хищения, в том числе при их транспортировке;
- внедрение в практику правила обязательной поставки в составе ядерных объектов (АЭС, ЯТЦ и др.) компьютеризированных систем, обеспечивающих режим нераспространения (контроль и учет, физическая защита и т. д.);
- регулирование распространения знаний в области ядерных технологий в сфере чувствительной информации.

Таким же или схожим образом должны рассматриваться задачи в сфере инновационных проектов ядерных реакторов и технологий топливного цикла с целью выработки рекомендаций по системе критериев оценки ядерных технологий с позиций снижения риска распространения.

Исследования в этих направлениях, нацеленные на разработку новых подходов к обеспечению гарантий нераспространения ядерного оружия, материалов и технологий являются таким же необходимым компонентом обоснования безопасного развития крупномасштабной атомной энергетики, как и работы по повышению ее ядерной и радиационной безопасности.

Ядерная и радиационная безопасность

Тяжелая авария на АЭС *Фукусима-1* еще раз подтвердила, что принципиальным условием развития атомной энергетики при любом стечении обстоятельств

являются гарантии безопасности. Катастрофическая последовательность событий (землетрясение, цунами, потеря систем отвода остаточного тепла, перегрев и разрушение топлива, образование и взрывы водорода, разрушение защитных барьеров) привела к тяжелой аварии высшей категории с распространением радиоактивности далеко за пределы АЭС.

После аварии на АЭС *Фукусима* идет обсуждение широкого круга вопросов, включая необходимость нововведений не только в области нераспространения, но и в сфере ядерной и радиационной безопасности. Обсуждаются предложения о создании новых структур, развития инновационных методов управления, обязательных международных стандартов.

Необходим детальный анализ всех аспектов аварии и разработка мероприятий и в технической составляющей, и в нормативно-правовой сфере по предотвращению таких событий для всех действующих и создаваемых объектов атомной энергетики. Это требует открытости процесса оценки и проверки безопасности АЭС. Атомная энергетика — явление глобальное, и требования безопасности также должны носить глобальный характер. Оценка надежности и безопасности АЭС должна проводиться при участии экспертов разных стран и международных организаций. Такое взаимодействие относится и к согласованию требований оценки безопасности АЭС, и к процедурам проверок.

Международный режим ядерной безопасности, сформированный на основе Конвенции по ядерной безопасности и других соглашений, построен на согласии государств добровольно следовать его рекомендациям. В то же время даже незначительные отказы и пренебрежение признанными нормами поведения наносят непоправимый удар по всем. Необходимы дальнейшее совершенствование и ужесточение этого режима. Необходимы единые стандарты, необходимы средства принуждения к тем, кто игнорирует принципы ядерной безопасности.

Прежде всего надо удостовериться, что существующая сегодня атомная энергетика безопасна. С этой целью проводятся стресс-тесты на действующих АЭС на предмет устойчивости к воздействию экстремальных природных условий, включая потери внешних источников энергоснабжения, поглотителя тепла и т. д. Однако стресс-тесты — это не разовое мероприятие. Безопасность АЭС должна обеспечиваться и подтверждаться постоянно. Такая работа должна выполняться в международном формате, с тем чтобы совместно совершенствовать методики и критерии стресс-тестов и обмениваться их результатами. Эти работы должны проводиться максимально открыто, чтобы обеспечить необходимое доверие. Этому могут способствовать международные центры экспертизы, которые будут участвовать в проведение анализа безопасности и в случае необходимости оказывать помощь и поддержку операторам.

Особая тема — оказание содействия странам, только приступающим к развитию атомной энергетики. Необходимо разработать требования к странам, намеренным встать на путь развития атомной энергетики. Условием приобщения к программам развития ядерной энергетики является наличие соответствующей инфраструктуры, создания систем лицензирования и надзора за безопасностью и разработки четкой нормативно-правовой базы. Особое значение приобретает подготовка кадров для атомной энергетики в странах, вступающих на путь ее создания[10]. В России создается Международный центр подготовки национальных специалистов, включая операторов АЭС. Работа по повышению безопасности АЭС за счет технических усовершенствований должна проводиться постоянно.

Образование водорода — уязвимое место энергетических реакторов, использующих воду в качестве теплоносителя и циркоций в оболочке топлива. Водород образовался не только на ФЭС *Фукусима*, но и при авариях на Три-Майл-Айленд и Чернобыле. Водород — это реальная и серьезная угроза. Поиск мер по предотвращению этого процесса или, по крайней мере, по снижению тяжести его

последствий — давнишняя задача, но очередное предупреждение *Фукусимы* настоятельно требует конкретных ответов на это вызов. В ближнем будущем необходимы будут работы по повышению надежности систем отвода тепла, а также меры по подавлению детонации и горения водорода. Но кроме этого, в среднесрочной перспективе для действующих и сооружаемых легководных реакторов необходимо разработать топливо с повышенной устойчивостью при взаимодействии с водяным паром в аварийных ситуациях.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЯДЕРНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ

Доступ к надежным и дешевым источникам энергии, таким как атомная энергия, является критически важным условием национального развития развивающихся стран. Ожидается, что все большее количество стран примет решение о продолжении реализации или начале программ ядерной энергетики. Возникает вопрос о том, какое место будут занимать страны и регионы в архитектуре глобальной атомной энергетики.

Вопрос о собственной структуре ядерно-энергетического комплекса решается каждой страной самостоятельно. Ряд развивающихся стран, таких как Китай, Индия и другие, в этом отношении уже определились, и их программы включают в достаточной полноте и ядерные реакторы, и топливный цикл. В то же время многие страны, которые изъявляют намерение приобщиться к мирному использованию атомной энергии, должны определиться, какая часть ядерно-технологического комплекса реализуется внутри страны и каким образом и кем обеспечивается полный набор услуг, необходимых для функционирования атомной энергетики. Разработка, создание и эксплуатация собственного ЯТЦ может оказаться непосильным бременем для отдельной страны. В настоящее время тенденции к интеграции присутствуют в той или иной степени на всех стадиях ЯТЦ, начиная с добычи природного урана. Такие высокотехнологичные составляющие ядерного топливного цикла, как обогащение урана, изготовление топлива, переработка ОЯТ и производство смешанного уран-плутониевого топлива, освоены сравнительно небольшим числом стран. Но *клуб ядерных стран* расширяется. Все это, а также озабоченность нераспространением делящихся материалов создает предпосылки для поиска путей решения этой проблемы.

Один из продвинутых вариантов — это организации крупномасштабных международных центров ЯТЦ. Международные центры ЯТЦ нацелены помочь развивающимся странам использовать ядерную энергию в мирных целях, решая проблемы экономичности, безопасности, нераспространения. Основными функциями таких центров могут быть банк и производство ядерного топлива, хранение и переработка ОЯТ, ядерные энерготехнологические центры воспроизводства топлива, выжигания актинидов, лизинг ядерного топлива, лизинг ЯЭУ и даже ядерные энерготехнологическими установками для производства водорода, который может быть распределен внешним потребителям для удовлетворения их энергетических потребностей.

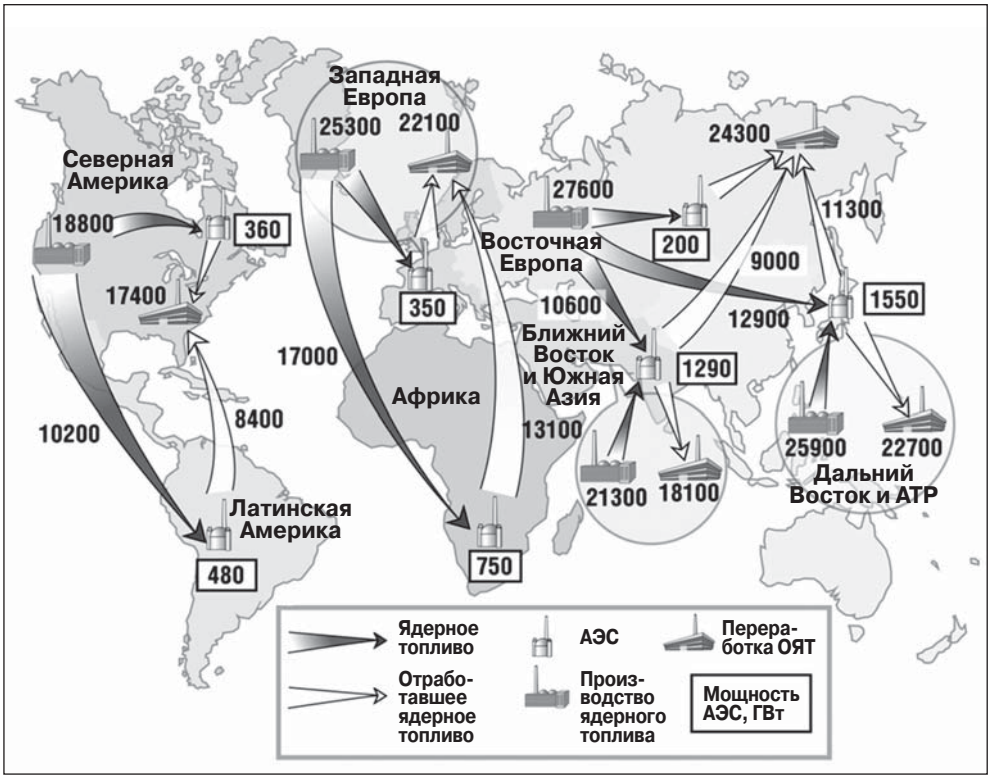
Что касается глобальной системы услуг в области ЯТЦ, следует учесть не только то, что здесь пересекаются коммерческие и государственные интересы, но и то, что эта система сегодня состоит из двух секторов промышленности, относящихся к различным стадиям топливного цикла. Головная часть ЯТЦ достаточно хорошо развита на мировом рынке и включает поставки урана, конверсию и обогащение, а также изготовление топлива для различных типов АЭС. В этих отраслях имеются производственные мощности, которые превышают текущие потребности.

Совершенно другая картина существует в замыкающей части ЯТЦ. В этой части не сформировано пока рынка услуг ни по обращению с ОЯТ, ни по его переработке, в том числе по обращению с ядерными отходами. Существующие технологии переработки были разработаны в 1950-е — начале 1960-х гг. Ключевой вопрос в том,

что страны, обладающие этими технологиями, не намерены оставлять на своей территории ядерные отходы после переработки ОЯТ, полученного из других стран. Считается, что ядерные отходы должны быть возвращены в страну происхождения ОЯТ. Экономика операций по переработке ОЯТ и МОХ топливу остается неясной. В то же время понятно, что без замыкания ЯТЦ на базе новых технологий у глобальной атомной энергетики нет будущего.

Чтобы ощутить картину будущей атомной энергетики мира, были выполнены оценки развития региональных ядерно-энергетических систем на перспективу[11]. В качестве одного из вариантов развития региональных ядерно-энергетических систем принято предположение, что создаваемые в странах ядерные генерирующие мощности способствуют сокращению разрыва в энергопотреблении на душу населения между развитыми странами и остальным миром. Предполагалось, что выравнивание душевого энергопотребления происходит исключительно за счет ядерной энергии на уровне ~4000 кВт-часов в год — принятом ООН значении среднемирового *достаточного* электропотребления. Рассмотрен сценарий размещения производств ядерного топливного цикла (обогащение, фабрикация топлива и его переработка) только в странах и регионах их сегодняшнего размещения (США, Западная Европа, Россия, Япония, Индия, Китай). Естественно, экономические и политические мотивы могут привести к другим сценариям. Полученные в этих оценках количественные показатели ядерных мощностей, производств ЯТЦ и потоки ядерных и радиоактивных материалов дают информацию для подготовки организационной базы и разработки концепций международных центров ЯТЦ. Пример оценки характеристик основных элементов международного топливного цикла приведен на рис. 1.

Рис. 1. **Производство и трансрегиональные потоки свежего и облученного ядерного топлива в 2100 г. Модель *сокращения разрыва*** [12]



Оценки, приведенные на рис. 1, показали, что масштабы производств ЯТЦ (до 100 000 т в год) и транспортных потоков (до 50 000 т в год) находятся на технически приемлемом уровне (для мощности АС ~5000 ГВт (эл.)).

Масштабные и структурные изменения в развивающейся глобальной атомной энергетике, естественно, могут привести к снижению уровня ядерной и радиационной безопасности, к большей доступности ядерных материалов и повышению риска распространения ядерных технологий и материалов[13]. Понятно, что необходимо подготовить и обсудить новые подходы и внедрить дополнительные меры, обеспечивающие снижение риска или, по крайней мере, сохранение его на нынешнем уровне. Очевидно, что эти меры необходимо разрабатывать и применять во всех сферах, обеспечивающих режим безопасности и нераспространения: политической, институциональной, технической.

Обеспечение режима

В решении проблемы безопасного развития атомной энергетики должны быть задействованы как государственные, так и частные структуры. Чтобы найти такие решения, необходимо учитывать и синтезировать отличающиеся интересы всех игроков в ядерной сфере: правительства, населения, неправительственных и частных организаций. Должны быть найдены пути, как объединять эти интересы для решения текущих и грядущих вопросов развития ядерной энергетики.

Этим проблемам международное сообщество уделяет внимание как в рамках международных организаций, так и при сотрудничестве на двусторонней основе. Эти вопросы частично обсуждались на конференции МАГАТЭ по ядерной безопасности в июне 2011 г. Общее видение картины развития ядерных энергетических систем рассматривается в рамках задачи Глобальной архитектуры инновационных ядерно-энергетических систем (*GAINS*) и международного проекта МАГАТЭ по инновационным ядерным реакторам и топливным циклам (*ИНПРО*).

Понимая значимость этих задач, Россия ведет конкретные работы по их решению. Исходя из того что обогащение урана является одним из чувствительных звеньев ЯТЦ с точки зрения распространения, в Ангарске (Россия) создан и функционирует Международный центр по обогащению урана (МЦОУ). Новый подход состоит в коммерческом предложении странам-новичкам поставок электроэнергии от АЭС, построенных в этих странах по принципу «строю, владею, эксплуатирую». Такой подход зафиксирован в соглашении России с Турцией о сооружении АЭС *Аккую*. В поиске решений обеспечения устойчивого глобального развития гражданской ядерной энергетики Россия проводит совместные работы на двусторонней основе. Так, в рамках направления «Разработка структуры гражданской ядерной энергетики», которое разрабатывается совместно с США, анализируются ключевые вопросы реализации взаимодополняющих концепций создания международных центров топливного цикла (МЦТЦ) и топливных услуг КдМ. Проводимые исследования предлагается координировать с МАГАТЭ и другими международными организациями для дальнейшей разработки рассматриваемых концепций и подготовки более широкого их рассмотрения.

Внедрение ядерной энергетики в странах, которые исторически не подготовлены к обращению с ядерной технологией (ядерная безопасность и гарантии нераспространения), будет осуществляться с помощью стран, владеющих ядерными технологиями. При этом необходимо разработать и обеспечить ряд условий поставки, которые помогли бы обеспечить ядерную и радиационную безопасность и гарантии нераспространения при использовании ядерных установок. Среди этих условий должны быть проработаны:

- поставки АЭС с полным обеспечением экспортерами ядерных услуг (МЦЯТЦ, КдМ): поставки свежего топлива, возврат облученного топлива, удаление с площадки АЭС РАО, снятие с эксплуатации;

- системы международного контроля как условие поставки: объектами такого контроля должны быть все звенья АЭС и ЯТЦ, включая ядерные материалы, РВ и РАО в странах — экспортерах и получателях;
- инструменты физической защиты и непрерывного контроля как обязательный элемент поставки;
- унифицированные компьютерные системы учета и контроля ЯМ, РВ и РАО в сочетании с постоянным дистанционным мониторингом и детектированием РУ, ЯМ, РВ, РАО.

Все эти вопросы должны решаться в рамках международного сотрудничества. Это сотрудничество включает не только техническую составляющую, но и создание правовой и организационной базы для определения линии поведения, которое ожидается от всех участников устойчивого развития глобальной гражданской атомной энергетики, мониторинга такого поведения и обеспечения надлежащего уровня компетентности и возможностей всех заинтересованных участников. Усилия должны быть направлены на разработку аспектов государственного/частного взаимодействия при решении проблемы безопасного, в широком смысле, устойчивого развития ядерной энергетики не только в сфере глобальной системы услуг в области ЯТЦ, но и в других составляющих ядерно-энергетического комплекса.

ВЫВОДЫ

Итак, многое делается, но предстоит еще многое сделать на пути разработки условий обеспечения устойчивого глобального развития гражданской атомной энергетики с необходимым уровнем ядерной и радиационной безопасности, экологической приемлемости и решающей проблему нераспространения.

Для успешного развития атомной энергетики и обеспечения (хотя бы частично) роста энергопотребления в глобальных масштабах, необходимо помнить о стратегических задачах применительно к этой отрасли.

Первое. При сегодняшних оценках ограниченных ресурсов урана для реализации умеренного, а тем более агрессивного сценария ядерно-энергетического развития, необходима многокомпонентная структура ядерно-энергетической системы с расширенным воспроизводством топлива, замкнутым топливным циклом, тепловыми и быстрыми реакторами различных типов. Архитектура развивающейся глобальной атомной энергетики с замкнутым топливным циклом обязана включить БР, предназначенные для базового производства энергии и расширенного воспроизводства топлива (Pu, U-233) с замыканием топливного цикла по U, Pu и минорным актинидам.

Второе. Для повышения надежности рекомендаций в области ядерного нераспространения необходимо иметь инструмент, позволяющий проводить сравнительную количественную оценку риска распространения при реализации тех или иных решений. На основе количественного и качественного анализа должны быть разработаны следующие меры противодействия ядерному распространению: разработка концепции международных центров ЯТЦ, нацеленных на снижение риска распространения путем выполнения под международным контролем операций в наиболее уязвимых звеньях топливного цикла; внедрение глобального дистанционного мониторинга ядерных материалов на всех этапах заявленной ядерной деятельности; внедрение в практику правила обязательной поставки в составе ядерных объектов компьютеризированных систем, обеспечивающих режим нераспространения (контроль и учет, физическая защита и т. д.); регулирование распространения знаний в области ядерных технологий в сфере чувствительной информации.

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

МОХАМЕД ЭЛЬБАРАДЕЙ: Мы стремимся обеспечить широкое понимание преимущества ядерной энергии с точки зрения экологии перед другими видами энергетических источников, при этом важно, чтобы подобные сравнения источников энергии были беспристрастными и сбалансированными. [...] Мы полны решимости обеспечить то, чтобы ядерная энергия и в будущем оставалась жизнеспособным источником производства энергии для тех государств, которые предпочитают ее использовать. Тем не менее также очевидно, что мнения международного сообщества, равно как и государств-членов МАГАТЭ, относительно преимуществ ядерной энергии расходятся. В роль Агентства не входит навязывание ядерной энергетики или любой другой ядерной технологии государствам, которые не стремятся к этому. [...] Мы, однако, стремимся к более активному диалогу по ядерным проблемам с руководителями в правительствах, неправительственными организациями и широкой общественностью, поскольку считаем, что посредством повышения уровня информированности относительно преимуществ ядерных технологий [...] мы можем повысить эффективность коллективного поиска решений некоторых из проблем, стоящих перед нашей планетой.

Режим ядерного нераспространения переживает трудные времена.
Ядерный Контроль. № 1, Весна 2004. С. 15.

Третье. Масштабные и структурные изменения в развивающейся глобальной атомной энергетике могут привести к снижению уровня ядерной и радиационной безопасности, большей доступности ядерных материалов и повышению риска распространения ядерных технологий и материалов[14]. Необходимо подготовить и обсудить новые подходы в рамках международного режима ядерной безопасности, сформированного на основе Конвенции по ядерной безопасности и других соглашений. Необходимо дальнейшее совершенствование (и ужесточение) этого режима с использованием политических, институциональных и технических мер. Постоянно на многосторонней основе должна вестись работа по повышению безопасности АЭС за счет технических усовершенствований.

Четвертое. При разработке структуры глобальной ядерной энергетики связка потребитель–поставщик должна получить более четкую организационно-правовую базу. Необходимо выявить интересы потребителей энергии и возможности поставщиков обеспечить эти запросы. Со стороны потребителей предвидятся принципиальное увеличение запросов на объемы ядерных мощностей и их широкое распределение по многим странам мира. Расширяются требования потребителей к уровню мощности (в дополнение блокам большой мощности возникает потребность в блоках малой и средней мощности), автономности источников энергии, виду вырабатываемой энергии и к ее использованию для различных нужд. Каждый потребитель, приобретая источник энергии, будет нуждаться в поставках топлива, в услугах по обращению с ОЯТ и РАО, в услугах по снятию блока с эксплуатации, в подготовке квалифицированного эксплуатационного персонала и персонала управления, контроля и регулирования. Поставщики должны обеспечить весь спектр необходимых потребителю услуг, гарантируя при этом качество, своевременность и ответственность за предоставленные продукты и услуги.

Примечания

[1] Александров А. П., Пономарев-Степной Н. Н. Атомная энергетика и технический прогресс. *Атомной энергетике — 20 лет*. М.: Атомиздат, 1974.

Пономарев-Степной Н. Н. Атомно-водородная энергетика. *Атомная энергия*. 2004. Т. 96. Вып. 6. С. 411–426.

[2] Выступление генерального директора Госкорпорации *Росатом* С. В. Кириенко на пленарном заседании 55-й сессии Генеральной конференции МАГАТЭ. 2011.

[3] Гагаринский А. Ю., Игнатьев В. В., Пономарев-Степной Н. Н., Субботин С. А., Цибульский В. Ф. Роль ядерной энергетики в структуре мирового энергетического производства XXI в. *Атомная энергия.* 2005. Т. 99. Вып. 5. С. 323–335.

Пономарев-Степной Н. Н. Роль ядерной и атомно-водородной энергетики в структуре мирового энергетического производства XXI века. *Вести в электроэнергетике*. 2005. № 1. С. 7–12.

Пономарев-Степной Н. Н. Атомная энергетика и ее будущее. Доклад, Научная сессия Общего собрания РАН «Энергетика России: проблемы и перспективы». 2005, 20–21 декабря.

Ядерная энергия: экспертные оценки развития. Курчатовский институт 1949–2008. М., 2008.

[4] DOE Fuel Cycle Research and Development Program. Carter «Buzz» Savage. Plutonium Futures. *The Science*. 2010, 21 September.

[5] Пономарев-Степной Н. Н., Цибульский В. Ф. Оценка эффективности использования смешанного уран-плутониевого топлива в ВВЭР. *Атомная энергия*. 2007, ноябрь. Т. 103. Вып. 5. С. 275–277.

[6] Пономарев-Степной Н. Н., Цибульский В. Ф. К выбору мощности БН для российской атомной энергетики. *Атомная энергия*. 2007, август. Т. 103. Вып. 2. С. 83–89.

[7] Боболович В. Н., Пономарев-Степной Н. Н., Фейнберг С. М. и др. Быстрые реакторы-размножители с гелиевым теплоносителем. Доклад на 11-м симпозиуме стран СЭВ по быстрым реакторам. Обнинск, 1973.

[8] Пономарев-Степной Н. Н. О возможностях и путях осуществления инициативы президента Российской Федерации. *Ядерный Контроль*. 2001. № 2. С. 43.

[9] Sukhoruchkin V., Ponomarev-Stepnoi N., Rumjantsev A., Shmelev V., Toevs J., Wagner R. Jr. A New Look at Metrics for Proliferation Resistance. INMM 41th Annual Meeting. 2000, July 16–20. New Orleans, Louisiana USA.

[10] Мурогов В. М., Пономарев-Степной Н. Н., Артисюк В. В., Каландарашвили А. Г., Коровин Ю. А., Воропаев А. И. International Initiative of IAEA: From Innovative Nuclear Technologies to the Global Role of Nuclear Education. Международные инициативы МАГАТЕ: от инновационных ядерных технологий — к роли ядерного образования. *Atom for peace: An international journal*. 2006. Vol 1. № 2/3.

[11] Гагаринский А. Ю. и др. Цит. соч.

[12] Е.П. Велихов и др. Россия в мировой энергетике XXI века. М., 2006.

[13] Иванов В. Б., Каграманян В. С., Полушкин А. К., Пономарев-Степной Н. Н., Убеев А. В., Чебесков А. Н. Ядерный ренессанс: Российская специфика и глобальный контекст? *Индекс Безопасности*. 2008. № 2 (85).

[14] Иванов В. Б. и др. Цит. соч.

Ханс Бликс

НЕРАСПРОСТРАНЕНИЕ: ВЗГЛЯД С *ВЕНЕРЫ*

3–4 февраля 2012 г. в Брюсселе (Бельгия) прошла Конференция ЕС по нераспространению и разоружению, организованная Фондом стратегических исследований (Париж, Франция), Франкфуртским институтом исследований мира (Франкфурт, Германия), Международным институтом стратегических исследований (Лондон, Великобритания) и Стокгольмским международным институтом исследований проблем мира (Стокгольм, Швеция), которые входят в Консорциум ЕС по нераспространению.

С речью к участникам конференции обратился бывший генеральный директор МАГАТЭ Ханс Бликс (1981–1997 гг.). С его любезного согласия мы публикуем полный текст выступления, отредактированный им специально для* Индекса Безопасности*. Мы благодарим организаторов конференции и прежде всего Марка Фитцпатрика за возможность представителям редакции поучаствовать в конференции и опубликовать речь Ханса Бликса.

Роберт Каган как-то сказал, что американцы — с Марса, а европейцы — с Венеры. Американцы предпочитают действовать и бороться, а европейцы — вести бесконечные разговоры. Если это так, означает ли это, что после многих веков войн у нас, европейцев, в том числе и у русских, не осталось ни сил, ни желания продолжать вооружаться и сражаться?

ЕВРОПА И ВОЙНА

По моему личному убеждению, европейцы по-прежнему готовы на бой, если речь идет о самообороне, но в других случаях, таких как с Ливией, они делают это редко и неохотно.

Примут ли европейские государства участие в военных действиях против Ирана? Когда принималось решение об отправке войск в Ирак в 2003 г., серьезной мотивацией было стремление уничтожить ОМУ, которого у Ирака не оказалось. Готовы ли сегодня европейские правительства присоединиться к усилиям по предотвращению получения Ираном ОМУ, притом, что достоверных доказательств наличия у страны таких намерений нет? Я не сомневаюсь, что большинство европейцев хотели бы, чтобы Иран прекратил обогащение урана и отказался от диких и популистских призывов стереть Израиль с лица земли. Однако Иран еще пока ни на кого не нападал, и нет признаков того, что подобное нападение может произойти в ближайшем будущем.

Необходимо отдавать себе отчет в том, что военная операция против Ирана в настоящий момент будет носить не упреждающий, а превентивный характер и будет идти вразрез с Уставом ООН. Совет Безопасности не санкционирует применение военной силы.

Я не думаю, что администрация Обамы или Пентагон хотят третьей, превентивной, войны на Ближнем Востоке. Однако у меня нет той же уверенности, когда речь идет о все еще значительных силах в США, которые предпочитают однополярный мир и разделяют представления Кагана. Различия между этими представлениями и европейскими взглядами очень точно отражены в документах и заявлениях.

В Европейской стратегии безопасности от 12 декабря 2003 г. содержится следующее положение:

«Основополагающей базой международных отношений является Устав Организации Объединенных Наций. Основная ответственность за поддержание международного мира и безопасности лежит на Совете Безопасности ООН. Укрепление ООН, наделение ее всем необходимым для исполнения ее обязанностей и ее эффективной деятельности являются приоритетами для Европы».

В принятых в том же году Основных принципах Стратегии ЕС против распространения оружия массового уничтожения говорится:

«Лучшим решением проблемы распространения ОМУ явилось бы такое положение дел, при котором страны мира более не чувствовали бы потребность в них. По возможности, следует находить политические решения тех проблем, которые заставляют страны стремиться обладать ОМУ».

В Стратегии национальной обороны США от 2005 г. можно прочесть следующее:

«Окончание холодной войны и наша способность оказывать влияние на мировые события открывают перспективы новой, мирной системы мироустройства».

Сделанные в том же самом году высказывания ведущих политических фигур США не оставляли никаких сомнений в том, что, по их мнению, ООН бесполезна. В статье Ньюта Гингрича, ныне кандидата в президенты, под названием *Ограничение роли ООН на руку Америке*[1] четко давалось понять, что для Соединенных Штатов возможность *провала* даже не рассматривается, тогда как для ООН этот вариант вполне реалистичен.

После прихода к власти в 2008 г. Барака Обамы стало очевидно, что правительство США восстанавливает свое позитивное отношение к многостороннему сотрудничеству, к ООН и к соглашениям по контролю над вооружениями и разоружению. Европа и весь остальной мир с энтузиазмом восприняли заявления Обамы и Медведева после их встречи в Лондоне (апрель 2009 г.) о том, что они решительно хотят оставить холодную войну в прошлом и даже поддерживают стремление к полному отказу от ядерного оружия. О позитивном развитии событий свидетельствуют выступления Обамы в Праге (5 апреля 2009 г.) и Каире (4 июня 2009 г.), а также относительный успех Обзорной конференции по ДНЯО в 2010 г.

Нет сомнений в том, что администрация Обамы хочет продолжить работу над разоруженческой повесткой дня. Вместе с тем нельзя не отметить, что процесс ратификации Нового договора СНВ в Сенате США выявил те трудности, с которыми столкнется любое предложение в области разоружения/контроля над вооружениями при прохождении через Сенат. Именно это в настоящее время препятствует ратификации ДВЗЯИ.

НА КОГО СЕГОДНЯ НАЦЕЛЕНА АМЕРИКАНСКАЯ ВОЕННАЯ МОЩЬ?

Будучи мировой сверхдержавой, США имеет больший пласт интересов в области безопасности и в военной сфере, чем европейские страны. Один из таких интересов — проблема нераспространения в Северо-Восточной Азии, интересная тема,

которая практически не затрагивает ЕС. В этой связи Евросоюз уже получил прозвище *конструктивного стороннего наблюдателя*.

Даже признавая, что США вынуждены соотносить размер и состав вооруженных сил со своими интересами по всему миру, нужно задаться вопросом, не является ли военный бюджет Соединенных Штатов — даже после всех планируемых сокращений — чрезмерным. Его размер невозможно объяснить необходимостью адекватно реагировать на *величайшие* (как нам их часто представляют) угрозы безопасности Соединенных Штатов и всего мира, а именно распространение ядерного оружия и терроризм (угрозы, которые мы вовсе не склонны преуменьшать).

В Вашингтоне, похоже, признают, что риск военного конфликта с Россией сократился фактически до нуля. Следует ли нам в этой связи считать, что огромный американский военный бюджет и скептическое отношение США к контролю над вооружениями и разоружению обусловлены лишь обеспокоенностью возрастающей мощью Китая, а также неослабевающим влиянием американского военно-промышленного комплекса? К сожалению, такое положение дел подстегивает нежелательный рост военных бюджетов и в ряде других стран.

Однако европейские страны к этой категории государств не относятся. Сфера их интересов не столь обширна, как американская, а перед правительствами стоят иные проблемы, нежели в США. Европейские страны давно устали от войн и военных расходов. Некоторые из них практически отказались от самой идеи территориальной обороны. В большинстве стран Европы военные расходы составляют менее 2% ВВП. Европейские правительства относятся к затратам на новое оружие безо всякого энтузиазма, больше склоняясь к стратегии контроля над вооружениями и разоружения.

США как единственная мировая супердержава, которая все еще готова дорого платить за поддержание своего глобального военного превосходства, весьма разочарована таким подходом европейцев. Незадолго до того, как покинуть пост министра обороны США, прагматик Роберт Гейтс предупредил американских союзников по НАТО об опасностях чрезмерного сокращения затрат на оборону. Он также заявил, что будущие поколения американцев могут «отказаться от огромных затрат на защиту своих далеко не бедных союзников в Европе». В ответ на это многие европейцы могут, наверное, спросить, от кого именно их собралась защищать Америка.

Дальнейшее наращивание американской военно-морской мощи в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) и на Ближнем Востоке происходит в основном далеко вне зоны европейских интересов и европейского влияния. Становится очевидной американская *политика сдерживания* в отношении Китая. Однако многие европейцы имеют сомнения относительно оправданности этой политики и сожалеют о той цене, которую за нее приходится платить. Некоторые из игроков, озабоченных проблемой ядерного распространения, были в корне не согласны с тем исключением для Индии, которое сделала Группа ядерных поставщиков (ГЯП) под давлением Вашингтона, стремящегося укрепить собственный ядерный альянс с Дели. Эти игроки полагают, что печальным результатом такого решения стало продолжающееся блокирование Пакистаном работы Конференции по разоружению и, соответственно, переговоров по Договору о запрещении производства расщепляющихся материалов (ДЗПРМ).

Я надеюсь, что традиционная американская стратегия поддержания равновесия сил в будущем будет дополнена политикой инклюзивности и учета законных интересов Китая — иначе возникнет определенный риск начала гонки вооружений в регионе. Отсутствие действующего ДЗПРМ может спровоцировать ядерную гонку с участием Индии, Пакистана и Китая. Вне всякого сомнения, Китай тоже мог бы внести свой вклад в разрядку напряженности. К ситуации с Тайванем и урегулированию территориальных споров с Индией нужно отнестись с большой осторожностью. В центре многих разногласий на Дальнем Востоке находятся морские границы и небольшие острова, например острова Спратли. Было бы очень хорошо, если бы все стороны, в том числе Китай, не полагались на собственную мощь за столом переговоров, а согласились урегулировать все подобные разногласия

в судебном порядке — например, в Международном суде. Именно таким образом поступили многие европейские государства.

ЩИТ И МИФ

Более 20 лет назад исчезновение серьезнейшей военной угрозы со стороны СССР послужило началом периода глобальной разрядки и разоружения. В течение первой половины 1990-х гг. был предпринят целый ряд давно назревших шагов. Новая волна таких шагов началась в 2009 и 2010 гг., однако в прошлом году она пошла на спад. Крупнейшим военным игрокам нашей планеты понадобится продемонстрировать взвешенную политику, чтобы свести к минимуму риск ядерного распространения в Северо-Восточной Азии и на Ближнем Востоке. Им нужно будет также добиться улучшения отношений между собой, чтобы начавшаяся в 2009 г. волна вновь набрала силу. В этом им помогут отказ от традиционной политики гарантированного взаимного уничтожения и переход к политике экономической взаимозависимости.

В новом акте этой драмы Европа не входит в число основных действующих лиц, однако ей все еще принадлежит важная роль, в том числе в консолидации добрых отношений с Россией. Как я уже сказал, США практически признали отсутствие реального риска войны с Россией — и я полностью согласен с такой оценкой. Несмотря на определенную обеспокоенность *неровным* продвижением России в сторону демократии, США стремятся довести до логического конца этот исторический разворот. Политика *перезагрузки* направлена на снятие старых раздражителей, разрядку напряженности, продуктивное сотрудничество по проблеме Афганистана, Ирана и Северной Кореи, а также на еще более глубокое сокращение ядерных арсеналов по сравнению с уровнями, согласованными в новом договоре СНВ. Европейские страны полностью разделяют все эти цели.

Однако результаты пока что достигнуты неоднозначные. После долгих переговоров Россия наконец-то вышла на финишную прямую процесса вступления в ВТО. Москва также разрешила американский военный транзит через свою территорию в Афганистан. В то же время, российское вмешательство в ситуацию Южной Осетии, а также ответ на это вмешательство, который частично был неоправданно резким, показывает, что всем нам необходимо развивать навыки добрососедских отношений на европейском континенте. Очень жаль, что вступление в силу адаптированного ДОВСЕ заблокировано, и что НАТО до сих пор не согласовало вывод с европейской территории нестратегического ядерного оружия, которое в военном плане абсолютно бесполезно.

Еще более печален тот факт, что остаются заблокированы переговоры по дальнейшим сокращениям ядерного оружия по сравнению с уровнями, согласованными в 2010 г. в новом договоре СНВ. Вопрос системы защиты от ракет средней дальности продолжает отравлять атмосферу. Признаюсь, я не могу понять причины этих разногласий. Я не понимаю, зачем Россия требует юридически обязывающих деклараций того, что этот противоракетный щит не будет направлен против России. Какая реальная польза может быть от гарантий на бумаге? Я также не понимаю, зачем вообще нужен этот щит. Неужели европейцы действительно обеспокоены угрозой ядерного нападения со стороны Ирана или Северной Кореи? Есть ли реальные причины для такой обеспокоенности? Неужели перспективы гарантированного возмездия недостаточно, для того чтобы удержать Северную Корею и Иран от подобных искушений?

Примечания

[1] Gingrich Newt. A limited UN is best for America. *The International Herald Tribune*. 2005. 12 September; http://www.nytimes.com/2005/09/12/opinion/12iht-edgingrich.html?scp=2&sq=A%20limited%20UN%20is%20best%20for%20America&st=cse (Последнее посещение — 15 февраля 2012 г.).

Сэм Нанн

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ ЯДЕРНЫХ МАТЕРИАЛОВ: ОСНОВА ДЛЯ ГАРАНТИЙ, ПРОЗРАЧНОСТИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ

Представим себе на минутку ужасающий сценарий: крупный мегаполис лежит в руинах после теракта с применением примитивного ядерного устройства, собранного из похищенных или купленных на черном рынке материалов.

В этот черный день, когда последствия ядерной катастрофы эхом прокатятся по всему миру, и обычные граждане, и ведущие политики зададутся одним и тем же вопросом: «Что мы могли и должны были сделать, чтобы не допустить этой катастрофы?»

ПРОБЛЕМА — БЕЗОПАСНОСТЬ ЯДЕРНЫХ МАТЕРИАЛОВ

Сослаться на то, что об угрозе никто не подозревал, мы не сможем. Уже сейчас налицо наличие всех элементов, необходимых для ядерного теракта. В мире существует огромный запас оружейного материала в виде плутония и высокообогащенного урана. Материал этот хранится на сотнях разных объектов в 32 странах мира, причем на многих из этих объектов меры безопасности недостаточны. Получить доступ к технической информации о том, как создать атомную бомбу, становится все легче. Имеются и террористические организации, готовые совершить ядерный теракт при первой же возможности. Создать ядерную бомбу террористам непросто, но и невозможной эту задачу назвать нельзя. Лучший способ предотвратить такое развитие событий — обеспечить должный уровень безопасности ядерных материалов.

Нужно учесть, что для террористов пытаться раздобыть ядерный материал имеет смысл не там, где этого материала хранится больше всего, а там, где наиболее слабые меры безопасности. Поэтому прочность всей глобальной системы ядерной безопасности зависит от прочности ее самого слабого звена.

Мы все хорошо понимаем, что лучшей защитой против катастрофического ядерного теракта является обеспечение должных мер безопасности ядерного оружия и материалов на всех до единого объектах в каждой стране. Однако на этом работа по укреплению ядерной безопасности не заканчивается. Каждое государство должно принять на себя свою долю ответственности и внести свой вклад в глобальные усилия по борьбе с угрозой ядерного терроризма.

На мой взгляд, мы сейчас находимся в состоянии гонки между сотрудничеством и катастрофой. Как отметил бывший генеральный директор МАГАТЭ Мохамед Эльбарадей, большую долю материалов, о потере или хищении которых заявляют их владельцы, так никогда и не удается вернуть. Что еще более тревожно, «во многих случаях перехваченные материалы оказываются ничейными, то есть об их потере или хищении владельцами не сообщалось»[1].

Если террористам удастся провести ядерный теракт в одном из мегаполисов нашей планеты, результаты такого теракта будут катастрофическими. Количество погибших и раненных будет исчисляться сотнями тысяч. Тяжелейший удар будет нанесен по глобальной экономике и чувству уверенности в завтрашнем дне. Теракт будет иметь серьезные долгосрочные последствия для окружающей среды и здоровья населения. Вполне вероятно, что он также приведет к новым ограничениям гражданских свобод по всему миру.

И ВСЕ ЖЕ ЕСТЬ ПРОГРЕСС

Однако все не так плохо. Реализуя программу Совместного сокращения угрозы (программа Нанна–Лугара), США и Россия перешли от исторического соперничества к совместным усилиям по сокращению своих ядерных арсеналов, а также по укреплению мер безопасности ядерных материалов, их вывозу и уничтожению по всему миру. Все эти усилия направлены на сокращение риска утери или хищения ядерных материалов.

Партнерство между США и Россией в данной области имеет очень большое значение. Оценивая тот путь, который Россия проделала за последние 20 лет, мы можем лишь поздравить российское военное руководство, руководителей ядерных лабораторий и всех остальных преданных делу патриотов, которые не допустили ни одного ядерного инцидента, несмотря на период огромных экономических трудностей в стране. Учитывая гигантские запасы высокообогащенного урана (ВОУ), плутония и ядерного оружия в России, существовал высокий риск того, что в тяжелый переходный период произойдет, если не ядерная катастрофа, то, как минимум, серьезный ядерный инцидент. Прогресс России за последние 20 лет в этой области — это несомненное достижение.

- Украина, Белоруссия и Казахстан избавились от всего ядерного оружия, которое они унаследовали от СССР, и присоединились к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).
- Южная Африка положила конец своей оружейной ядерной программе.
- На сегодняшний день 20 государств полностью уничтожили или вывезли со своей территории все оружейные ядерные материалы.
- За последнее десятилетие были созданы новые и инновационные подходы к борьбе с ядерной угрозой, в том числе Инициатива по борьбе с распространением ОМУ (ИБОР), в реализации которой принимает участие 70 стран мира, включая Россию.
- В 2010 г. руководители 47 стран придали новый импульс усилиям в области ядерной безопасности, приняв на себя в ходе Вашингтонского саммита (2010) обязательства по укреплению безопасности ядерных материалов. Саммит вывел вопрос ядерной безопасности на первые строки политической повестки дня и дал многим правительствам новые инструменты для решения данного вопроса.
- Как заявил президент Д.А. Медведев: «Общие проблемы, которые стоят перед нами, то есть ядерный терроризм, а также сотрудничество в про-

тиводействии попыткам некоторых стран приобрести [ядерные] технологии незаконным путем — были настолько очевидны, что у нас было одинаковое понимание по всем вопросам. Полемики не было»[2].

- Со времени проведения первого саммита по ядерной безопасности в Вашингтоне еще 12 государств присоединились к важным международным договорам в сфере безопасности ядерных материалов. США и Россия уничтожили огромное количество высокообогащенного ядерного материала, которого было бы достаточно для создания тысяч ядерных боеголовок. По всему миру открылось более десятка центров обучения и исследований в сфере ядерной безопасности.
- В марте 2012 г. в Сеуле прошел второй саммит по ядерной безопасности. Он вновь вывел проблему ядерной угрозы на первые строки повестки дня, а также предоставил новые возможности для достижения дополнительного прогресса в деле предотвращения ядерной катастрофы.

ПУТЬ К РЕШЕНИЮ — ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ ЯДЕРНЫХ МАТЕРИАЛОВ

Несмотря на все то внимание, которое сейчас уделяется безопасности ядерных материалов, перед правительствами многих стран стоят серьезные политические и финансовые проблемы. В результате им не удается обеспечить должный уровень безопасности ядерных материалов, которые могут быть использованы для создания ядерного оружия. Кроме того, до сих пор не существует глобального консенсуса относительно того, какие шаги являются наиболее эффективными в деле укрепления ядерной безопасности. Не существует также какой-либо согласованной международной системы или общепринятых принципов в области регулирования производства, использования и мер безопасности при обращении с оружейными ядерными материалами.

В этой связи Инициатива по сокращению ядерной угрозы (NTI) недавно разработала Индекс безопасности ядерных материалов NTI. Мы полагаем, что данный индекс внесет весомый вклад в информационный аспект работы в данном направлении. Индекс NTI основан на оценке положения дел с безопасностью ядерных материалов в каждой отдельной стране по всему миру. Подобного индекса ранее не существовало. В нем применяется широкий подход к определению критериев безопасности ядерных материалов. Он является всеобъемлющим и рассчитывается на основе прозрачного механизма.

Разработка индекса NTI велась нами в тесном сотрудничестве с аналитическим отделом британского журнала *Экономист*. Кроме того, с целью выработки широкого международного подхода к анализируемым вопросам мы консультировались с международными экспертами из самых разных стран. В частности, учитывалось мнение общепризнанных специалистов в области безопасности ядерных материалов, представляющих как ядерные государства (в том числе Россию), так и безъядерные; как имеющие ядерные материалы, так и не имеющие; как развитые, так и развивающиеся страны. Мы также проводили брифинги с правительствами разных стран и экспертами из других областей, чтобы учесть их точку зрения в своей работе. Это позволило подвести под Индекс NTI более прочный интеллектуальный фундамент и сделать его более точным отражением реальной ситуации.

Разработав данный индекс, фонд NTI тем самым предложил новый механизм для определения ключевых элементов значительно более эффективной глобальной программы по укреплению безопасности ядерных материалов. Мы надеемся, что этот проект положит начало международной дискуссии относительно приоритетов в деле укрепления ядерной безопасности. Что еще более важно, мы рассчиты-

ваем, что проект подтолкнет правительства разных стран к взятию на себя новых обязательств гарантий и принятию необходимых мер по сокращению рисков.

Хотелось бы сразу внести ясность: индекс не основан на подсчете количества охранников или высоты заборов на каждом отдельном ядерном объекте. Мы не проводим оценку состояния мер контроля и учета на местах. Все эти меры очень важны, однако оценку их эффективности должны проводить сами правительства. Наш же индекс является отражением более широкого взгляда на состояние безопасности ядерных материалов. Мы оцениваем положение дел в данной сфере в каждом государстве на основании общедоступных индикаторов, которые характеризуют общий национальный подход к обеспечению безопасности ядерных материалов.

МЕТОДИКА РАСЧЕТА ИНДЕКСА

При разработке методики расчета индекса специалисты Инициативы и аналитического отдела журнала *Экономист* выделили пять категорий и 18 отдельных показателей, позволяющих провести первоначальную объективную оценку того вклада, который вносит каждая из 176 оцениваемых стран в обеспечение глобальной безопасности ядерных материалов.

В ходе работы с независимой группой международных экспертов мы определили ключевые факторы, которые фундаментальным образом определяют положение дел с безопасностью ядерных материалов в каждой конкретной стране. Затем мы провели оценку относительной важности каждого их этих факторов в определении общей картины. В общем и целом наша оценка основана на ответах на следующие вопросы:

- Каким количеством оружейного ядерного материала обладает данное государство и на скольких объектах хранится этот материал?
- Какие требования к мерам физической защиты материала действуют в данной стране?
- Какие международные обязательства в области безопасности ядерных материалов взяла на себя данная страна?
- В какой мере способно данное государство выполнить свои международные обязательства?
- Наконец, могут ли такие факторы, как коррупция или политическая нестабильность, подорвать эффективность принимаемых мер безопасности ядерных материалов и способность государства выполнять свои обязательства в данной сфере?

Естественно, не каждая страна и не все эксперты согласны со всеми нашими оценками и с нашей расстановкой приоритетов. Мы приветствуем дискуссию по этим ключевым вопросам. Мы также будем рады любым конструктивным предложениям.

ЧТО ЕЩЕ ПРЕДСТОИТ СДЕЛАТЬ?

В ходе работы над Индексом NTI мы имели возможность убедиться, что правительства начинают уделять больше внимания данной проблеме. Однако все еще нет консенсуса относительно того, какие конкретно меры по укреплению безопасности необходимы в первую очередь. Отсутствие общих приоритетов подрывает

способность руководства разных стран предпринимать своевременные и эффективные шаги.

Чтобы создать основу для гарантий ядерной безопасности, прозрачности и эффективности, государственным руководителям необходимо определить оптимальные пути решения следующих задач:

- развивать глобальный диалог и стремиться к консенсусу по вопросу новой архитектуры безопасности ядерных материалов;
- контролировать процесс продвижения государств к поставленным целям;
- укреплять меры прозрачности, в том числе декларирование и практику оценки достигнутого прогресса государствами-партнерами. Мы вполне отдаем себе отчет в том, что определенные категории информации нуждаются в защите. Этот касается, в частности, информации об организации мер безопасности на каждом конкретном ядерном объекте. Однако значительная доля информации должна публиковаться в открытых источниках или, как минимум, передаваться другим странам. Это поможет укрепить доверие и подтолкнет другие государства к аналогичным шагам.

В ходе наших встреч с правительственными чиновниками для обсуждения Индекса NTI постоянно возникали следующие вопросы.

Во-первых, нам задавали вопрос о том, сотрудничают ли с нами правительства. Ответ на этот вопрос положительный, но с оговорками. При разработке Индекса NTI мы связались с правительствами всех 32 государств, обладающих пригодными для создания оружия ядерными материалами, с предложением провести встречу и проинформировать их о нашем проекте. Наше предложение приняли правительства 28 государств. Кроме того, более половины из этих 28 государств проверили данные, собранные аналитическим отделом журнала *Экономист*, с целью подтверждения их достоверности. Мы также информировали о ходе проекта Южную Корею, в столице которой прошел второй Саммит по ядерной безопасности. Мы надеемся, что в будущем к процессу подключится еще большее количество стран.

Во-вторых, нас спрашивали о том, зачем проводить оценку 144 стран, которые не обладают пригодными для оружейных целей ядерными материалами. Однако нужно учитывать, что на этих странах тоже лежит определенная ответственность. К примеру, их территория не должна использоваться в качестве убежища или перевалочного пункта при незаконной ядерной деятельности. Конечно, на России и США, как на обладателях наибольших запасов оружейного ядерного материала на планете, лежит особая ответственность. Однако свой вклад в дело укрепления безопасности ядерных материалов может и должно внести каждое государство.

На данный момент ни одним государством или международной организацией еще не было проведено подобной Индексу NTI глобальной оценки состояния безопасности ядерных материалов. При этом Индекс будет продолжать совершенствоваться, и мы надеемся, что в будущем он будет регулярно обновляться независимым международным органом. До наступления такого момента Индекс NTI будет периодически обновляться самой Инициативой по сокращению ядерной угрозы.

***

Целью Индекса NTI не является раздача поздравлений в адрес одних стран или критики в адрес других. Но мы надеемся, что он будет способствовать проведе-

нию соответствующих дискуссий, анализа и дебатов, а также достижению глобального консенсуса в данной сфере. В заключение хотелось бы сказать следующее: чтобы предотвратить катастрофический ядерный теракт, все страны мира могут и должны наращивать свои усилия по укреплению безопасности ядерных материалов.

Эта проблема стоит особенно остро для России и США. Обе страны за последнее десятилетие подвергались атакам террористов, и обе они являются мишенями для террористических организаций, которые стремятся заполучить в свои руки ядерное оружие.

Как граждане своих стран и как лидеры мы должны задать себе следующий вопрос: если завтра произойдет катастрофический ядерный теракт в Москве, Нью-Йорке, Тель-Авиве или Джакарте, о каких несделанных шагах для его предотвращения мы будем сожалеть больше всего? Очевидно, что укрепление безопасности ядерных материалов — наиболее важный из этих шагов. Мы надеемся, что Индекс NTI станет весомым вкладом в выполнение этой чрезвычайно важной задачи.

Примечания

[1] ElBaradei Mohamed. Reviving Nuclear Disarmament. *Nuclear Security Project*. 2008. February 26; http://www.nuclearsecurityproject.org/publications/reviving-nuclear-disarmament (Последнее посещение — 27 февраля 2012 г.).

[2] Медведев Дмитрий. Интервью журналисту *Известий* Мэлору Стуруа. 2010. 14 апреля; http://news.kremlin.ru/transcripts/7467/print (Последнее посещение — 27 февраля 2012 г.).

Харальд Мюллер, Андреас Шмидт[1]

МАЛОИЗВЕСТНАЯ ИСТОРИЯ *ЯДЕРНОГО РАЗВОРОТА*: ПОЧЕМУ ГОСУДАРСТВА ОТКАЗЫВАЮТСЯ ОТ ВОЕННЫХ ЯДЕРНЫХ ПРОГРАММ

Статья первая в серии из двух статей

В этой статье мы рассмотрим одну из величайших загадок в международной политике за последние 50 лет: вопрос о том, почему распространение ядерного оружия так и не приобрело масштабы пандемии. Согласно теории политического реализма, распространение должно быть практически неизбежным феноменом — ведь в мире, где царит анархия, каждый сам за себя, полагаться в вопросах национальной безопасности на союзников нельзя. Альянсы могут на время снять остроту проблем обеспечения безопасности, но политика союзников может измениться в самый неподходящий момент, и тогда государства, которые полагались на защиту партнеров, останутся наедине со своими проблемами. На первый взгляд, рост числа ядерных государств подтверждает эту теорию — хотя темпы роста оказались намного ниже, чем ожидалось (см. рис. 1).

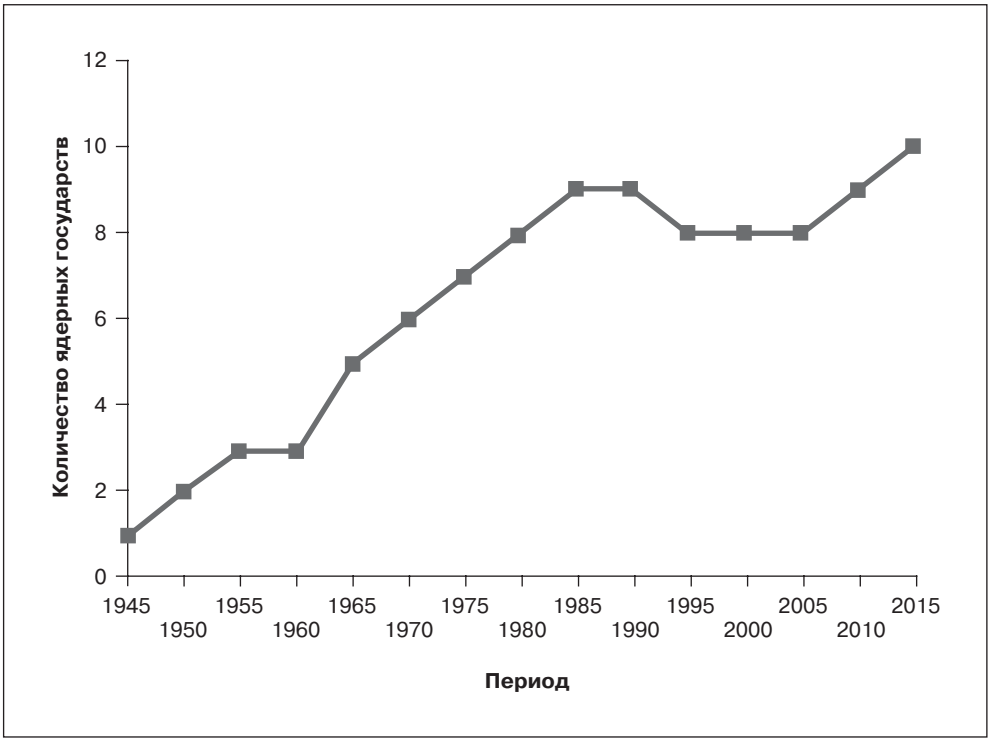
ДИНАМИКА РАСПРОСТРАНЕНИЯ

Однако картина вырисовывается совершенно другая, если рассматривать не только ядерные державы, а все страны, которые занимались оружейной ядерной деятельностью (ОЯД)[2] в период с 1945 г. — включая и те, которые со временем развернули свои программы вспять. Для понимания динамики распространения и нераспространения крайне важно принять во внимание такие примеры. В целях обсуждения мы примем определение ядерного *разворота* (*reversal*), предложенное Ариэлем Ливайтом. Разворотом он назвал

> «…феномен, при котором государства начинают деятельность, направленную на приобретение ядерного оружия, но со временем разворачивают ее вспять, хотя при этом они могут сохранять свои ядерные амбиции. [...] Ключевым моментом здесь является различие между теми странами, которые запустили ядерные программы (самостоятельно либо с помощью извне) и затем остановили их, и теми, которые таких программ вообще никогда не вели»[3].

Таким образом, под определение *разворота* подпадают и те случаи, когда «невозможно удостовериться в том, что в определенный момент правительство страны действительно дало команду на разработку ядерного оружия»[4]. По сравнению с более узкими определениями данная формулировка позволяет включить в рассмотрение и те государства, которые в свое время переступили через первую важную черту на пути к приобретению ядерного оружия, то есть серьезно рассматривали саму такую возможность (см. рис. 2). Руководствуясь этой формулировкой, мы определили 37 государств, которые начиная с 1945 г. вели *оружейную ядерную деятельность* (см. табл. 4).

Рис. 1. **Общепринятое представление о динамике распространения**

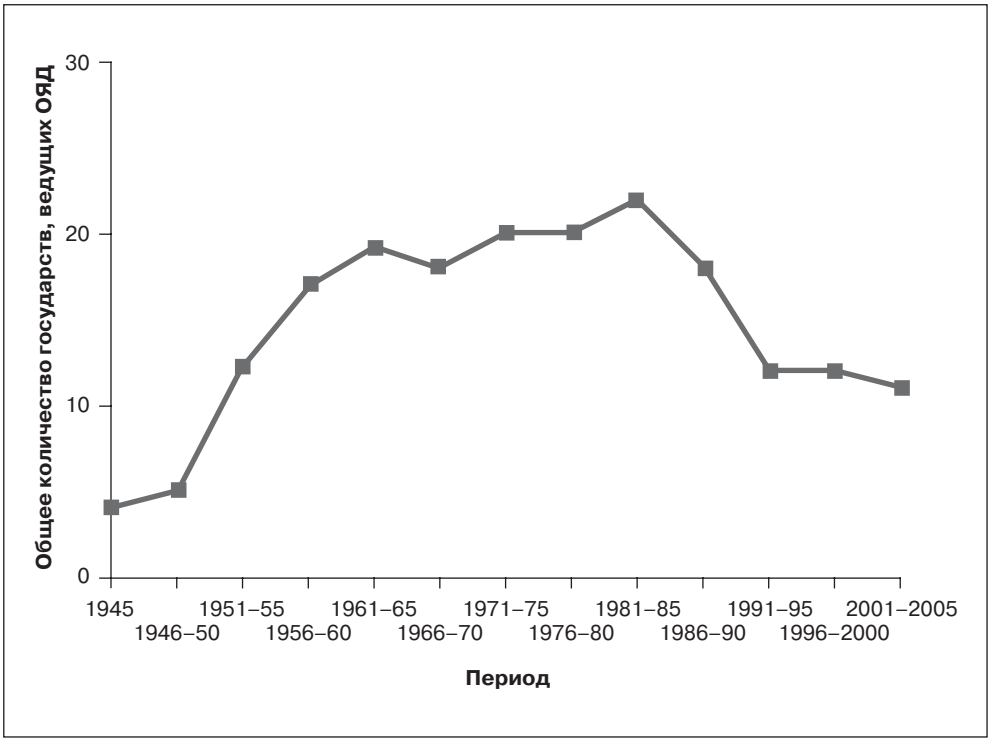


Как показывает рис. 3, государств, которые начали оружейную ядерную деятельность, но затем осуществили *разворот*, более чем в два раза больше, чем стран, которые продолжают вести такую деятельность. К 2005 г., то есть к концу анализируемого нами периода, число последних упало до минимума с начала 1950-х гг.

Динамика этого процесса была такова: рост числа государств, ведущих ОЯД, резко замедлился в середине 1970-х гг. и практически полностью прекратился в начале 1990-х гг., когда в список добавились лишь три новые страны: Беларусь, Казахстан и Украина, автоматически унаследовавшие ядерные программы от СССР. Количество отказов от разработки ядерного оружия росло в 1960-х, оставалось почти неизменным 1980-х, а затем вновь стало резко расти с середины 1980-х гг. К анализу этих цифр мы еще вернемся.

Мы полагаем, что в настоящее время ОЯД ведут 10 государств[5]. Эти государства составляют менее 6% от общего количества стран — членов ООН. На наш взгляд, такая цифра отражает на удивление низкую *результативность* процесса ядерного распространения. Государства, ведущие ОЯД, всегда составляли небольшое меньшинство. Сегодня эта группа является самой маленькой за весь период с 1945 г. (см. рис. 4, 5). Такое положение дел входит в явное противоречие с широко распространенным мнением о том, что ситуация с ядерным распространением постоянно и неуклонно ухудшается. Стран, которые довели свои оружейные ядерные программы до логического конца, намного меньше, чем стран, которые эти программы *развернули вспять*. Данный феномен заслуживает самого пристального внимания со стороны исследователей, изучающих проблемы распространения и нераспространения. При этом в группу стран, совершивших *разворот*, входят

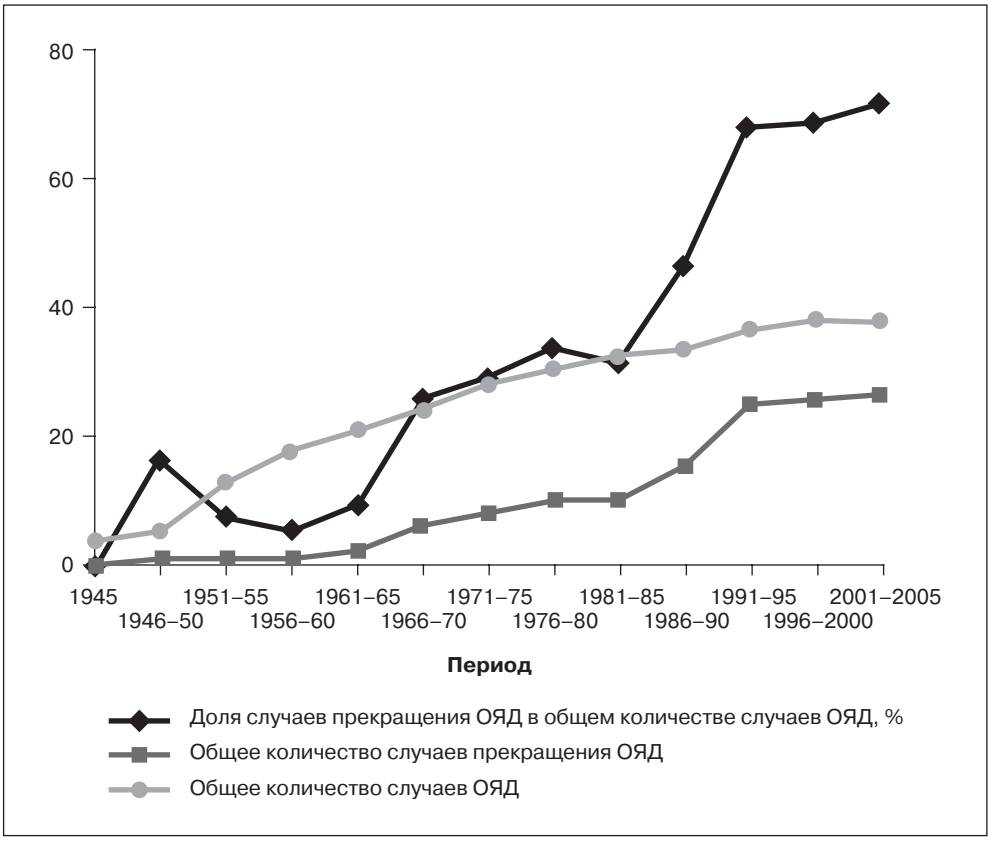
Рис. 2. **Государства, ведущие оружейную ядерную деятельность (ОЯД), 1945–2005 гг.**



как те, чей технологический и экономический потенциал был явно достаточен для создания ядерного орудия, так и страны, которые столкнулись со значительными (но вполне преодолимыми) сложностями в плане ресурсов и технологий.

В данной статье мы попытаемся предложить объяснение данного феномена. При этом мы вполне отдаем себе отчет в том, что статистика, которую мы представляем, не отменяет необходимости в глубоком исследовании каждого конкретного примера. Наши данные были собраны на основе анализа примеров отдельных стран. В каждом таком исследовании обнаруживались особенности, требующие тщательного изучения процесса, который сперва привел страну к серьезному рассмотрению возможности разработки ядерного оружия (или, собственно, к самой разработке), а затем заставил ее сменить курс. Мы начнем с краткого обзора текущей ситуации, а затем перейдем к обсуждению двух широко известных количественных и четырех качественных исследований распространения и нераспространения, которые помогли нам сформировать собственный подход. Далее мы проанализируем наиболее распространенные объяснения феномена распространения и случаев *разворота*, используя простые статистические методы. В заключение мы изложим свой вывод о том, что теории, объясняющие феномен технологическими или экономическими причинами, несостоятельны; что теории, называющие основной причиной разворота гарантии безопасности со стороны союзников, нуждаются в намного более детальной проработке и что экономическая либерализация не является исчерпывающим объяснением процесса разворота. Наиболее значительной переменной, по результатам наших исследований, является нормативная среда — то есть вступление в силу Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), — а также процесс демократизации.

Рис. 3. **Общее количество случаев ведения и прекращения ОЯД с 1945 по 2005 г.**



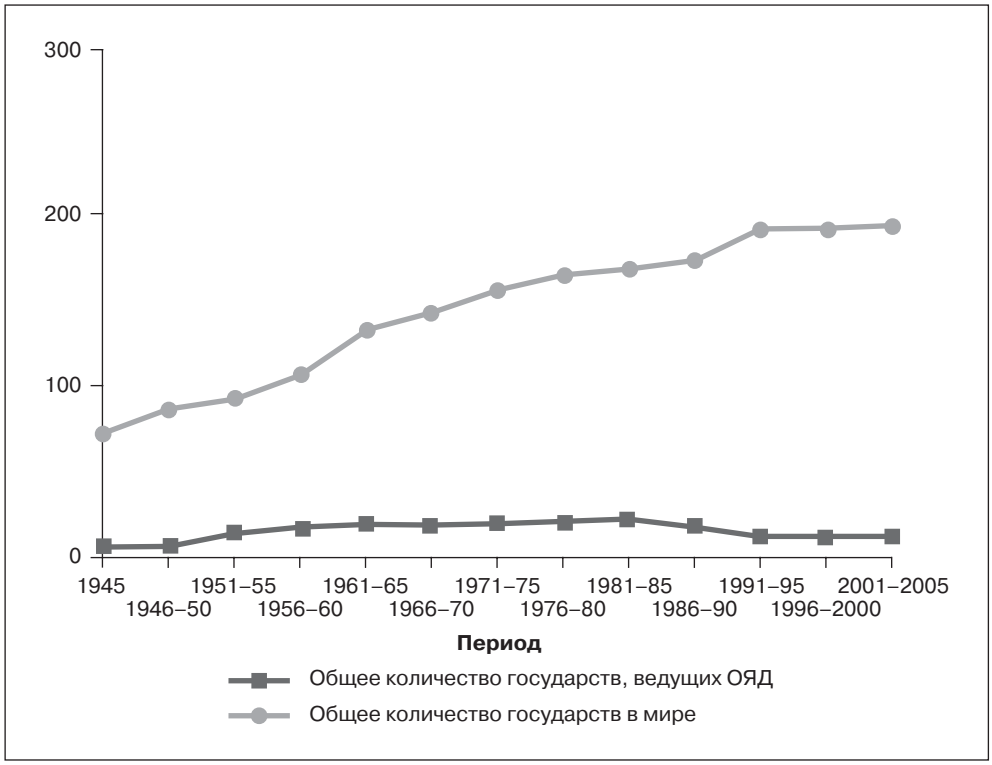
Сочетание действующего ДНЯО и демократии либо демократизации является достаточной причиной для воздержания страны от разработки ядерного оружия или ядерного *разворота*. Однако необходимо принять во внимание и инерционный эффект, поскольку такое сочетание недостаточно для разворота ядерных программ, которые уже прочно укоренились в бюрократической и политической среде своей страны к моменту вступления в силу ДНЯО.

МОТИВЫ ДЛЯ ЗАПУСКА И ОСТАНОВКИ ОРУЖЕЙНЫХ ЯДЕРНЫХ ПРОГРАММ

Большинство исследований мотивации, лежащей в основе ядерного распространения, были проведены в 1970-х, 1980-х и начале 1990-х гг.[6] Однако такая выборка вполне достаточна, поскольку начиная с 1985 г. в мире не было запущено ни одной новой оружейной ядерной программы; единственным возможным исключением является Сирия. Поэтому все еще актуальны результаты исследований отдельных ядерных программ и сравнительных исследований, изучавших мотивацию государств, которые вели разработку ядерного оружия в указанный период.

Разные авторы выдвигали гипотезы о том, что основными независимыми переменными, обусловливающими мотивацию к разработке ядерного оружия, являются безопасность, соображения статуса и престижа, внутренние факторы (к примеру, политические мотивы) и фактор технического прогресса[7]. Схожие гипотезы

Рис. 4. **Процесс распространения и общее количество государств в мире**

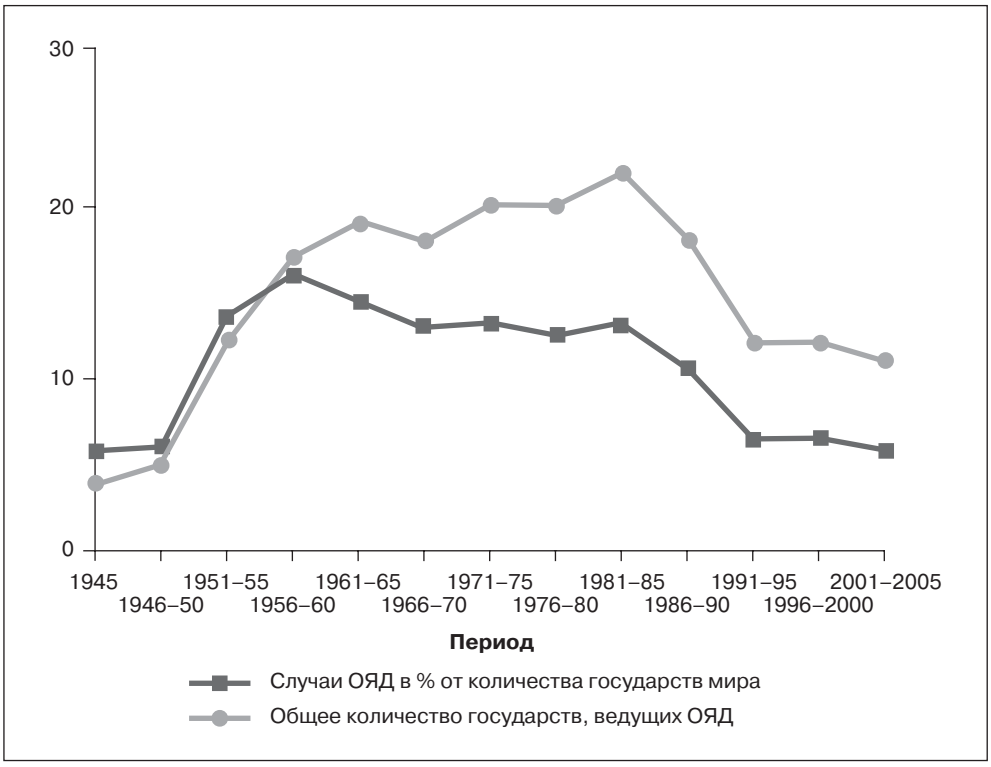


высказываются и в более свежих исследованиях. Для всех этих исследований характерно вполне объяснимое стремление к некоторым обобщениям, однако при этом всегда подчеркивается необходимость учитывать специфику каждого конкретного примера[8].

Далеко не так подробно изучен вопрос о том, почему государства принимают решение не развивать программы создания ядерного оружия и почему большинство из тех, кто такое решение в свое время все же приняли, в дальнейшем дали задний ход. Ответ часто предлагается следующий: поскольку нераспространение является противоположностью распространения, решение не создавать ядерное оружие основывается на отсутствии четырех вышеперечисленных групп факторов, которые подталкивают государства к развитию оружейных ядерных программ. Согласно этой точке зрения, у государства не будет необходимости создавать ядерное оружие при наличии четырех условий:

- если у него нет проблем с безопасностью (или если эти проблемы можно решить неядерным путем — к примеру, положившись на союзников);
- если соображения статуса и престижа неприменимы в силу отсутствия у государства подобных амбиций или его способности удовлетворять эти амбиции другим способам (к примеру, заняв высокие моральные позиции или добившись успехов в экономике);
- если нет внутренних политических стимулов к развитию ядерной программы;
- если не создано соответствующей технологической базы.

Рис. 5. **Доля государств, ведущих ОЯД, в общем количестве государств мира, в %, с 1945 по 2005 г.**



Однако в такой аргументации есть серьезные провалы. Непонятно, к примеру, почему бы просто на всякий случай не вооружиться самым мощным оружием из всех, что известны человечеству, учитывая, в каком нестабильном и непредсказуемом мире мы живем. Кроме того, возможность заменить ядерное оружие в качестве символа статуса и престижа какими-то другими достижениями зависит от того, что именно воспринимается в качестве такого символа как самим государством, так и его соседями. Осознавая наличие таких провалов в общепринятой аргументации, многие исследователи более систематически подошли к изучению феномена *ядерного разворота*. Первопроходцем в данной области является Митчелл Рейсс[9]. Свой вклад в наше понимание вопроса внесло также большое количество тематических и сравнительных исследований[10].

РИСКИ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Количественных исследований в области нераспространения проводится очень мало. Однако стоит упомянуть две недавних работы, целью которых был поиск корреляций и детерминант ядерного распространения[11].

Авторами первого являются Сингх и Вэй, второго — Джо и Гарцке. В обеих работах использовался многовариантный статистический анализ для определения независимых переменных, которые лежат в основе ядерного распространения[12]. В обоих случаях использовалась хронологическая информация о ходе ядерных программ. Сингх и Вэй применили многостадийную модель, в которой оружейная ядерная активность разбита на стадии от «изучения возможности» до «ведения ядерной

программы» и «обладания ядерным оружием». При этом стадии 1 и 2 характеризуются «дополнительными шагами, направленными на приобретение ядерного оружия, в том числе принятием политического решения высшими правительственными чиновниками и продвижением к созданию ядерного орудия либо соответствующих технологий»[13]. Джо и Гарцке предлагают более четкое определение начала и окончания ядерных программ:

> «Годом начала национальной оружейной ядерной программы мы считаем тот год, когда высший орган или должностное лицо государства отдало команду на начало программы по созданию ядерного оружия. Аналогичным образом годом окончания национальной оружейной ядерной программы мы считаем год, когда высший орган или должностное лицо государства приняли решение о прекращении такой программы»[14].

В случаях, когда применение такого определения затруднено в силу отсутствия достаточной информации о национальной ядерной программе, за год начала ядерной программы «принимается тот год, когда была отмечена резкая активизация ядерной деятельности государства, в отношении которого имелись соответствующие подозрения». При этом под «ядерной деятельностью» понимается «строительство или покупка ядерного реактора, строительство завода по переработке урановой руды или обогащению урана либо строительство завода по переработке плутония». Под это определение не подпадает «строительство или приобретение небольших исследовательских реакторов или обычные ядерные исследования»[15].

Мы полагаем, что ввиду рисков, связанных с возможной недостоверностью исходных данных, такой дизайн статистического исследования неприемлем[16]. Джо и Гарцке, в принципе, признают эти риски, однако очень сильно недооценивают их возможные последствия. Как отметил Ливайт, здесь имеется сразу несколько проблем. *Во-первых*, информация о ядерной деятельности всегда строго засекречена. *Во-вторых*, решение о начале оружейной ядерной деятельности далеко не всегда принимается на уровне высшего руководства страны. Соответствующие решения могут приниматься на уровне военного руководства, ядерных экспертов или чиновников более низкого уровня. *В-третьих*, во многих случаях ядерная деятельность ведется с разрешения высшего руководства, но руководители страны при этом не играют решающей роли в выборе ее направления. *В-четвертых*, целью активной ядерной деятельности может быть не само по себе создание ядерного оружия, а лишь приобретение необходимого для этого технологического потенциала. В последнюю категорию входят ядерные программы, которые в свое время вели Аргентина и Швеция. *В-пятых*, ориентация на приобретение технологической возможности для создания ядерного оружия зачастую лучше соответствует политическим и психологических нуждам руководства страны, чем окончательное решение либо создавать ядерное оружие, либо полностью от него отказаться. В ситуации, когда руководство страны сохраняет оба варианта открытыми, удовлетворены интересы как противников, так и сторонников ядерного оружия. Первым правительство может заявить, что решение в пользу создания ядерного оружия не принято, а вторым — что такой вариант полностью не отброшен.

Прошло уже более двух десятилетий с тех пор, как Майер опубликовал первое в данной области исследование динамики ядерного распространения и описал промежуточные этапы между *нулевой* ядерной деятельностью и обладанием ядерным оружием[17]. Сегодня мы уже пришли к пониманию того, что какого-то стандартного механизма распространения не существует. Некоторые государства пытались купить ядерное оружие; примером может служить Австралия при премьер-министре Роберте Мензисе. Некоторые одно время работали над созданием ядерного оружия совместно с высокоразвитыми государствами-партнерами — примером являются Германия и Италия в 1957–1958 гг. Некоторые

пытались совершить рывок путем приобретения уже готовых иностранных технологий, ноу-хау или материалов, как это сделали Иран и Ирак. Некоторые однозначно стремились к приобретению ядерного оружия, но не имели четкой стратегии продвижения к этой цели, и вели свои ядерные программы бессистемно и хаотично, как в случае с Ливией. Некоторые вообще шли к своей цели без особого стремления и уверенности в ее необходимости — примерами могут послужить Нигерия[18] и чуть дальше продвинувшийся на этом пути Египет. Кроме того, были примеры, когда военные цели присутствовали в национальных ядерных программах с самого начала, но международному сообществу об этих целях становилось известно намного позднее. Некоторые политические лидеры (например, иранский шах) стремились приобрести не само ядерное оружие, а лишь технологическую возможность для его создания. Другие шли на поводу у амбициозных ученых-ядерщиков, позволяя им работать над оружейными технологиями, но при этом не принимая никаких конкретных и окончательных решений, чтобы иметь возможность все отрицать перед лицом международного сообщества и политических оппонентов. Некоторые, похоже, даже сами себе отказывались признаваться в истинном характере ядерной деятельности своей страны — здесь примерами могут служить южноафриканский премьер-министр Ворстер в 1971–1974 гг. и индийский премьер-министр Неру. Некоторые страны вели ядерные программы без какой-либо конкретной стратегии, чтобы застраховаться от возможного ухудшения ситуации с безопасностью или не отстать от государств-соперников, как это было в случае Чили и Испании. В результате становится очень трудно определить, на какой конкретно стадии находится ядерная деятельность государства по шкале от полного отсутствия интереса к ядерному оружию до непосредственного обладания таким оружием.

Проблема конкретизации особенно хорошо проявляется в попытках Сингха и Вэя определить грань между «изучением возможности» и «ведением ядерной программы». Некоторые из видов деятельности, которые они считают показателями наличия программы, практически невозможно обнаружить, если только эта программа не является хорошо задокументированной. Примерами могут послужить США и Великобритании (чьи программы документировались их собственными историками) или Южной Африки, Ирака и Ливии (чьи программы документировались усилиями МАГАТЭ при определенном сотрудничестве со стороны этих государств). Такие направления ядерной программы, как «шаги к созданию оружейных технологий», могут подразумевать конструкторские разработки, математические расчеты процесса цепной реакции, эксперименты с устройствами имплозивного типа, работы в области металлургии и электроники и т. д. Такая деятельность тайно ведется на экранах компьютеров, в небольших лабораториях или в подземных бункерах. Информация о ней может всплыть лишь через много лет после прекращения самой ядерной программы. К примеру, после прекращения программы по разработке ядерного оружия, которая велась Германией совместно с Италией и Францией, ключевые немецкие политики, в частности Франц Йозеф Штраус, не отказались от ядерных амбиций. Весьма вероятно, что в 1960-е гг. Штраус оказывал протекцию крупной группе институтов, известных как *Fraunhofer Gesellschaft*, чтобы дать им возможность вести тайные прикладные разработки в военной области, в том числе проекты, направленные на развитие технологического потенциала для создания ядерного оружия. По чистой случайности нам стало известно о немецких экспериментах с метаемыми пластинами, которые проводились в рамках этой программы, хотя никаких документальных подтверждений этой деятельности нет[19]. Такие эксперименты вполне могут квалифицироваться как «развитие оружейных технологий», но практически никаких внешних признаков их проведения не существует.

Еще одним примером является Швеция, которая, по классификации Сингха, вышла на первую стадию ядерной деятельности (изучение возможности), но так и не добралась до второй (ведение ядерной программы). Стокгольм объ-

явил о политике отказа от разработки ядерного оружия, в том числе от проектно-конструкторских работ в данной области. Однако он продолжал «оборонительные» исследования, направленные на изучение последствий возможного применения ядерного оружия против самой Швеции. С этой целью ученым было необходимо понять, как работают различные типы оружия, а необходимые для этого исследования мало чем отличались от собственно разработок в области проектирования ядерных боеголовок. По словам Яна Правитца, в Швеции, в частности, велись «нейтронные исследования, изучение зарядов направленного действия и взрывов, исследования в области электроники, ядерной химии, плутониевой металлургии и продуктов расщепления ядра»[20]. Исследование Джонтера (Jonter), проведенное в 2001 г. и основанное на рассекреченных материалах Шведского национального института оборонных исследований (FOA), подтверждает, что «проводились расчеты в области создания и эксплуатации ядерного оружия, а также теоретические расчеты критической массы ядерного взрывного устройства и параметров давления, температуры и радиации при ядерных взрывах»[21]. Институт также «подробно исследовал проблему инициации, то есть собственно детонации взрывного ядерного устройства», «технологий взрывчатых веществ», проводил расчеты «наименьшего возможного диаметра гранаты с ядерной боевой частью», а также занимался «тестированием и производством обычных взрывных устройств и разработкой методов производства для анализа различных типов взрывных устройств»[22]. Таким образом, после того как «проектные исследования» были официально прекращены в середине 1960-х гг., соответствующие работы на самом деле продолжались с согласия руководства страны под видом оборонных исследований[23]. Институт FOA «прекратил проектные исследования в области ядерного оружия» лишь после подписания Швецией ДНЯО в августе 1968 г.[24]

В силу вышеописанных причин мы считаем, что дизайн исследований, проведенных нашими четырьмя коллегами, был продиктован скорее использованной методологией, чем реальными условиями и имеющимися ограничениями в области исходных данных. Поэтому мы применили упрощенный дизайн исследования, который лучше подходит для работы в условиях таких ограничений. Мы стремились разделить ход исследуемого процесса на периоды «до» и «после», а при анализе с помощью временных рядов использовать пятилетние промежутки времени. Все стадии ОЯД, отличающиеся от нулевой, мы собрали в единую категорию «ведение ОЯД»; под это определение подпадают такие категории, выделенные Сингхом и Вэем, как «изучение возможности», «ведение оружейной ядерной программы» и «обладание ядерным оружием». Такое решение нами было принято исходя из того, что переход из состояния «полного отсутствия интереса к ядерному оружию» к «ведению определенной деятельности в данном направлении» является ключевым шагом; при этом во многих случаях нам о таких шагах известно больше, чем обо всех последующих. Кроме того, после того как такой шаг сделан, для возвращения к статусу «отсутствия ядерной деятельности» необходимо принятие соответствующего решения — либо серии решений — правительством страны. В результате мы имеем три возможных состояния ядерной деятельности: «отсутствие деятельности», «деятельность продолжается» (то есть обладание ядерным оружием или активная оружейная ядерная программа) и «деятельность в прошлом» (программа была запущена, но затем обращена вспять).

В таблицах 1 и 2 показаны различия между нашим исследованием и работами Сингха–Вэя и Джо–Гарцке в классификации состояния ядерной деятельности. Отсутствие в выборке этих двух исследований нескольких реально имевших место случаев ведения ОЯД частично объясняется проблемами с применявшейся классификацией. Однако оно, вероятно, отражает недостаточное знание исследуемого вопроса; именно поэтому в этих исследованиях не упомянута Канада, которая участвовала в Манхэттенском проекте, а также Италия и Германия, которые пытались приобрести ядерное оружие путем сотрудничества с Францией. Эти и некоторые другие случаи, не упомянутые в обоих исследованиях (в том числе Австралия,

Таблица 1. **Расхождения между классификацией случаев Джо–Гарцке и нашей классификацией**

Государства, которые ведут/вели ОЯД, по Джо–Гарцке	Государства, которые следует добавить в список Джо–Гарцке, по Мюллеру–Шмидту
США	Норвегия [a]
СССР/Россия	Германия (после войны) [b]
Франция	Япония (после войны) [c]
Китай	Италия [d]
Израиль	Канада [e]
Индия	Австралия [f]
Южная Африка	Ливия [g]
Пакистан	Чили [h]
Германия (во время войны)	Испания [i]
Япония (во время войны)	Швейцария [j]
Швеция	Египет [k]
Югославия	Индонезия [l]
Тайвань (только в 70-х)	Нигерия [m]
Южная Корея (только в 70-х)	Сирия [n]
Иран	
Ирак	
Аргентина	
Бразилия	
Румыния	
Северная Корея	

a Forland Astrid. Norway's Nuclear Odyssey: From Optimistic Proponent to Nonproliferator. *The Nonproliferation Review*. 1997. 4, no. 2 (Winter). Pp. 1–16.

b Müller. German National Identity and WMD Nonproliferation. Cacace Paolo. *L'Atomica Europea, I progetti della guerra fredda, il ruolo dell'Italia, le domande del future.* Rome: Fazi Editore, 2004.

c Campbell Kurt M. and Sunohara Tsuyoshi. Japan: Thinking the Unthinkable. In Campbell Kurt M. et al. The Nuclear Tipping Point. Pp. 218–253.

d Nuti Leopold. Me Too, Please: Italy and the Politics of Nuclear Weapons, 1945–1975. *Diplomacy and Statecraft.* 1993. 4, no. 1 (March); Müller. German National Identity and WMD Nonproliferation. Cacace, *L'Atomica Europea.*

e Potter. *Nuclear Power and Nonproliferation*; Bratt Duane. CANDU or CANDON'T: Competing Values behind Canada's Nuclear Sales. *The Nonproliferation Review*. 1998. 5, no. 3 (Spring-Summer). Pp. 1–16; Bratt Duane. Canada's Nuclear Schizophrenia. *Bulletin of the Atomic Scientists.* 2002. 58, no. 2 (March/April). Pp. 44–50.

f Walsh Jim. Surprise Down Under: The Secret History of Australia's Nuclear Ambition. *The Nonproliferation Review.* 1997. 5, no. 1 (Fall). Pp. 1–20; Walsh Jim. Bombs Unbuilt: Power, Ideas, and Institutions in International Politics. (PhD diss., Massachusetts Institute of Technology, 2000).

g International Atomic Energy Agency (IAEA). Implementation of the NPT Safeguards Agreement of the Socialist People's Libyan Arab Jamahiriya. Report by the Director General GOV/2004/12.

Vienna. 2004, February 20; IAEA. Implementation of the NPT Safeguards Agreement of the Socialist People's Libyan Arab Jamahiriya. Report by the Director General GOV/2004/33. Vienna. 2004, May 28; IAEA. Implementation of the NPT Safeguards Agreement of the Socialist People's Libyan Arab Jamahiriya. Report by the Director General GOV/2004/59. Vienna. 2004, August 30; Müller Harald. The Exceptional End of the Extraordinary Libyan Nuclear Quest. In Morten Bremer Maerli and Sverre Lodgaards, eds. Nuclear Proliferation and International Society. London/New York: Routledge, 2007. Pp. 73–95.

h По Чили хороших исследований до сих пор нет. Мы включаем страну в список в силу наличия убедительных косвенных доказательств. Во время диктаторского правления Пиночета Чили имела длительный территориальный конфликт с Аргентиной, который едва не привел к войне в конце 1970-х гг. Следует также отметить, что Чили вела обширную программу ядерных исследований; страна присоединилась к ДНЯО и поставила всю свою ядерную деятельность под гарантии МАГАТЭ только после того, как это сделала Аргентина.

i Vinas Angel. Spain. In Goldblat Jozef, ed. Non-proliferation: The Way and the Wherefore. London: Taylor and Francis, 1985.

j Winkler Theodor. Kernenergie und Aussenpolitik: Die internationalen Bemuhungen um eine Nichtweiterverbeitung der Kernwaffen und die friedliche Nutzung der Kernenergie in der Schweiz. Berlin: Berlin Verlag, 1981.

k Walsh. Bombs Unbuilt; Einhorn Robert J. Egypt: Frustrated but Still on a Non-Nuclear Courser. In Campbell Kurt M. et al. The Nuclear Tipping Point. Pp. 43–82.

l Anggoro Kusnanto. The Domestic Roots of Proactivist Non-Nuclear Policy: The Case of Indonesia. Paper for the PRIF Project on Proactivist Non-Nuclear Policy. Jakarta, Centre for Strategic and International Studies, 1997; Cornejo Robert M. When Sukarno Sought the Bomb: Indonesian Nuclear Aspirations in the Mid-1960s. *The Nonproliferation Review* 2000. 7, no. 2 (Summer). Pp. 31–43.

m Adibe. Nigeria: The Domestic Basis of a Proactive Non-Nuclear Policy.

n Cohen Avner and Spector Leonard S. Israel's Airstrike at Syria's Nuclear Reactor: Implications for the Nonproliferation Regime. *Arms Control Today.* 2008. 38, no. 6 (July/August).

Швейцария, Япония и Египет) подробно описаны в англоязычных публикациях. Наиболее существенной ошибкой, допущенной Джо и Гарцке, является их мнение о том, что Ливия прекратила ядерную деятельность в пользу разработки химического оружия в конце 1980-х гг. Их единственным упоминанием Ливии является ссылка на книгу, опубликованную в 1990 г.[25] Однако в декабре 2003 г. Ливия вышла на первые страницы мировой прессы со своим заявлением об отказе от оружия массового поражения, в том числе ядерного оружия. Страна признала, что на протяжении 1990-х гг. она получала материалы, оборудование и даже конструкторскую документацию для создания ядерного оружия от сети Абдул Кадыр Хана.

Недостаточно глубокое знание вопроса о нераспространении проявляется также в комментариях Джо и Гарцке касательно ДНЯО. К примеру, они утверждают, что «в связи с наличием протоколов ДНЯО, требующих распространения ядерного ноу-хау и материалов, договор может даже способствовать ускоренному расползанию ядерного оружия»[26]. На самом деле у ДНЯО нет никаких протоколов. В статье IV Договора говорится о неотъемлемом праве всех стран пользоваться благами мирного атома. Данная статья также содержит обязательство всех государств-подписантов сотрудничать в данном вопросе — но исключительно в рамках Статьи I (запрет на передачу ядерного оружия ядерными государствами) и Статьи II (запрет на приобретение ядерного оружия неядерными государствами). Поэтому ни о каком требовании о распространении в Договоре речи не идет. Что же касается 67 стран, которые приобрели исследовательские ядерные реакторы (что стало наиболее значительным первым этапом распространения на пути к развитию технологической способности создавать ядерное оружие), то поч-

Таблица 2. **Различия между классификацией случаев ОЯД по Сингху–Вэю и нашей классификацией**

Государства, которые вели/ ведут ОЯД, по Сингху–Вэю	Государства, которые следует добавить в список Сингха–Вэя, по Мюллеру–Шмидту
Алжир	Канада
Австралия	Германия
Аргентина	Италия
Бразилия	Египет
Великобритания	Индонезия
Израиль	Норвегия
Индия	Испания
Ирак	Чили
Иран	Нигерия
Китай	Япония
Ливия	Сирия
Пакистан	
Румыния	
СССР/Россия	
США	
Тайвань (дважды)	
Франция	
Швейцария	
Швеция	
Югославия	
Южная Африка	
Южная Корея	

ти две трети из этих стран приобрели свои реакторы еще до вступления ДНЯО в силу. Более того, как раз ограниченным масштабом оказания помощи в развитии ядерных технологий после подписания Договора и объясняются постоянные жалобы неприсоединившихся стран на то, что Статья IV так и не была полностью выполнена. Фундаментально неверное утверждение, что ДНЯО способствует распространению играет важную роль в логических построениях Джо и Гарцке о том, что ДНЯО якобы не является эффективным инструментом сдерживания ядерного распространения[27].

Примеры ведения странами оружейной ядерной деятельности, не принятые во внимание в двух статьях наших коллег, не носят рандомизированного характера и отражают необъективность, которая серьезно повлияла на полученные ими результаты. В этих работах не учитываются некоторые страны, состоявшие в оборонных союзах и при этом изучавшие возможность разработки ядерного оружия или предпринимавшие конкретные шаги к приобретению такого оружия. В них также игнорируются страны, которые отказались от оружейной ядерной дея-

Таблица 3. **Угрозы применения ядерного оружия и распространение**

Страна	Прямые угрозы	Военный конфликт с ядерным государством	Непрямые угрозы	Конфликт с создающим ЯО государством
США				x
СССР/Россия		x		
Великобритания		x		
Франция	x			
Китай	x			
Израиль				
Индия	x		x	x
Пакистан				x
Южная Африка			x	
Иран	x	x		

тельности после вступления в силу ДНЯО. Эти упущения очень сильно повлияли на результаты исследований, поскольку гарантии безопасности в них рассматриваются как решающий фактор нераспространения; при этом Джо и Гарцке делают вывод о незначительной роли ДНЯО в сдерживании распространения.

Мы также встревожены тезисом наших коллег о том, что угрозы применения ядерного оружия способны сдержать распространение. Нам этот тезис представляется неубедительным; скорее всего, он является артефактом, обусловленным проблемами с определениями и классификациями. Если проанализировать все наиболее важные примеры стран, обладающих ядерным оружием или ведущих оружейные ядерные программы (см. таблицу 3), становится очевидно, что практически в каждом случае, за исключением Израиля, такие угрозы сыграли прямую или косвенную роль.

США запустили Манхэттенский проект перед лицом предполагаемой угрозы создания ядерного оружия Германией. СССР находился в состоянии острого политического конфликта с США, которые уже превратились в ядерную державу. Франции прямо угрожал председатель Совмина СССР Николай Булганин во время Суэцкого кризиса. Китаю угрожали США во время войны на Корейском полуострове и кризиса в Тайваньском проливе. Индии угрожал Китай во время войны с Пакистаном в 1964-м Пакистан находился в состоянии конфликта с Индией, которая разрабатывала ядерное оружие, а Южная Африка опасалась советского присутствия на континенте. Иран участвовал в вооруженных морских столкновениях с США в 1987 г., а за последние несколько лет Тегерану не раз заявляли, что его противники «рассматривают все возможные варианты» решения иранской проблемы.

Мы полностью разделяем мнение наших коллег о том, что при принятии решений о создании ядерного оружия очень важен анализ внешней безопасности государства. Однако у нас есть глубокие сомнения относительно объективных критериев, которыми они пытались измерить эту безопасность. Безопасность является феноменом восприятия. Она требует оценки и анализа внешней ситуации, а также разработки стратегий для нейтрализации внешних угроз. Как верно отметили Хайманс и Саган, государственную политику определяет восприятие ситуации с безопасностью руководством самого государства, а не оценка этой ситуации экспертами в других странах[28]. Эксперты могут сколько угодно доказывать, что

у Южной Африки не было особых проблем с безопасностью, если они не примут во внимание специфический осадный менталитет южноафриканских лидеров того времени, им не понять процесс принятия решений в стране[29]. В рамках этого менталитета всерьез рассматривался сценарий тотального наступления на Южную Африку, инспирированного Советским Союзом; при этом считалось, что использование химического или даже ядерного оружия в ходе такого наступления маловероятно, но не исключено. Такая постановка вопроса открывала широкие возможности перед сторонниками развития ядерного оружия[30]. Таким образом, ситуация с безопасностью должна представлять ядерным апологетам определенные возможности для построения своей аргументации[31], но это не та переменная, на основании которой можно делать прогнозы, не принимая во внимание субъективное восприятие ситуации руководством страны. Кроме того, невозможно предсказать, какую стратегию реагирования на якобы существующую угрозу выберет руководство разных стран, учитывая разную специфику политической ситуации в этих странах.

ИССЛЕДОВАНИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ ПАРАМЕТРОВ

Наиболее интересные исследования вопроса о том, почему государства отказываются от ядерного оружия, провели Т. В. Пол, Джеймс Уолш, Ариел Ливит, Этель Солинген и Жак Хайманс [32]. Мы разделяем некоторые из выводов, сделанных в этих исследованиях; каждое из них представляет значительную научную ценность. Тем не менее в каждой из этих работ есть определенные проблемы. Пол и Ливайт являются сторонниками теории политического реализма, в то время как Солинген и Хайманс больше внимания уделяют внутренним факторам. Такие теоретические предпочтения оказали свое влияние на результаты их исследований. Некоторая парадигмальная предвзятость, продемонстрированная этими авторами, проявляется в их оценке отдельных примеров ядерной деятельности, а это, в свою очередь, сказывается на сделанных ими сравнительных выводах.

К примеру, Пол демонстрирует явную слабость аргументации в области моральных и политических факторов, которые сыграли важную роль в Швеции и Швейцарии (где на первый план также вышли экономические соображения). В силу своей чрезмерной приверженности теории реализма он придает излишнее значение стремлению этих двух стран избежать обострения отношений с враждебно настроенными ядерными державами[33]. Однако тщательное изучение ситуации в Швеции и Швейцарии показывает, что этот аргумент был лишь уловкой, позволившей руководству этих двух стран сохранить лицо и привлечь на свою сторону военных в Швеции[34] и патриотически настроенные круги в Швейцарии[35], которые выступали за создание ядерного оружия, но со временем оказались в меньшинстве.

В концептуальном плане наиболее продвинутыми исследованиями феномена *ядерного разворота* являются работы Ливита и Пола. Ливайт приводит анализ некоторых нормативных соображений, но в итоге соглашается с довольно циничным мнением о том, что правительство де Клерка приняло решение о прекращении южноафриканской оружейной ядерной программы только затем, чтобы ядерное оружие не попало в руки правительства черного большинства. Однако наиболее авторитетные исследователи выводят на первый план совсем другие аспекты. Они считают, что де Клерк прежде всего стремился вновь сделать свою страну уважаемым членом международного сообщества и понимал, что в статусе обладателя нелегального ядерного оружия Южной Африке не удастся достичь этой цели. Кроме того, его партия не желала, чтобы все политические дивиденды от прекращения ядерной программы достались следующему правительству. При этом расистки настроенные южноафриканцы не желали полностью отказываться от возможности разработки ядерного оружия[36]. *Расовый* аргумент далеко

не всеми принимается, и скорее всего является ошибочным. Кроме того, Ливит в слишком уж розовых тонах описывает позитивную роль, которую сыграли США в деле нераспространения. Мы согласны, что США в некоторых случаях на самом деле оказали положительное влияние, в частности в Восточной Азии, а также (хотя и в меньшей степени, чем принято считать) в Европе. Однако, с другой стороны, американская политика прямо подтолкнула к созданию ядерного оружия целый ряд стран, начиная, в некотором смысле, с Советского Союза и заканчивая Китаем, Индией, Израилем (которому Вашингтон отказался предоставить те же гарантии, что и Японии), Северной Кореей, Ливией, Ираком и Ираном. Следует также принять во внимание роль того символического примера *ядерных достижений*, который Америка, как обладатель наиболее совершенного ядерного арсенала и наиболее проработанной ядерной стратегии, показала другим странам из числа держав второго разряда. Кроме того, политика Вашингтона в определенный момент времени подстегнула ядерные амбиции некоторых американских союзников (Тайвань, Южная Корея, Япония), и США были вынуждены принимать определенные меры для устранения этого нежелательного эффекта, как отмечает сам Ливит. Иными словами, роль США в вопросе нераспространения далеко не столь однозначно позитивна, как считает Ливит.

Солинген и Хайманс опубликовали наиболее авторитетные исследования в области внутренних факторов распространения и нераспространения. Солинген, в частности, разработала теорию, основанную на политико-идеологической ориентации правящих коалиций. Наибольший интерес к ядерному оружию склонны проявлять националистические, замкнутые и автократические коалиции; намного меньший интерес проявляют либеральные, склонные к широкому международному партнерству коалиции. Смена одного типа режима или коалиции другим помогает объяснить соответствующие перемены в ядерной политике государства. Солинген приводит некоторые весьма убедительные примеры, однако в ее подходе есть явные слабые места. К примеру, она отрицает, что обеспокоенность проблемами безопасности сыграла важную роль в решении Ливии перейти от спорадических попыток *купить* ядерное оружие к целенаправленной, хотя и не всегда продуманной национальной программе разработки атомной бомбы. Однако этот переход произошел именно в тот период, когда Ливия находилась под сильнейшим американским политическим, экономическим и, что еще важнее, военным давлением со стороны администрации Рейгана, кульминацией которого стали военные столкновения на море и в воздухе поблизости от ливийской территории[37]. Основной аргумент, который приводит Солинген в пользу своего тезиса — это то, что ливийское руководство заявило об отсутствии проблем с безопасностью в качестве объяснения своего решения отказаться от оружейной ядерной программы. Однако такое заявление было, скорее, попыткой ливийского руководства объяснить своим сторонникам резкую смену курса и не отражало реальную мотивацию, которая формировала политику страны в данной области в начале и середине 1980-х гг. Еще одним слабым местом в подходе Солинген является связь между демократизацией и либерализацией. Весьма вероятно, что в тех примерах, где происходила либерализация, она являлась скорее сопутствующей, чем независимой переменной. Движение в сторону либерализации вполне могло быть не следствием смены правящей коалиции, а результатом изменения подхода со стороны высшего руководителя страны или узкой руководящей группы в ответ на какие-то внешние события (то есть и само *изменение подхода* тоже могло быть всего лишь сопутствующим фактором). Ниже мы попытаемся более подробно рассмотреть вопрос о том, насколько близко подход Солинген отражает реальный характер ядерных разворотов.

Работа Хайманса представляет собой несомненную ценность в том плане, что она выводит на первый план субъективное мнение и восприятие руководства страны, а не какие-то объективные внешние или системные детерминанты его поведения. Предложенная им модель выделяет четыре психологических типа руководителей;

Таблица 4. **Начало и завершение государствами оружейной ядерной деятельности в 1945–2005 гг.**

Период	Начали (всего)	Прекратили (всего)	Общее количество ОЯД
1945	4	0	4
1946–1950	2 (6)	1 (1)	5
1951–1955	7 (13)	0 (1)	12
1956–1960	5 (18)	0 (1)	17
1961–1965	3 (21)	1 (2)	19
1966–1970	3 (24)	4 (6)	18
1971–1975	4 (28)	2 (8)	20
1976–1980	2 (30)	2 (10)	20
1981–1985	2 (32)	0 (10)	22
1986–1990	1 (33)	5 (15)	18
1991–1995	3 (36)	9 (24)	12
1996–2000	1 (37)	1 (25)	12
2001–2005	0 (37)	1 (26)	11
1945	US, UK, CA, SU		4
1946–1950	IN, SE (6)	CA (1)	5
1951–1955	AR, CN, IL, FR, YU, NO, EG (13)		12
1956–1960	AU, BR, DE, IT, CH (18)		17
1961–1965	CL, ID, PK (21)	NO (2)	19
1966–1970	KR, TW, JP (24)	DE, SE, ID, IT (6)	18
1971–1975	IQ, IR, ZA, ES (28)	AU, JP (8)	20
1976–1980	NG, KR (30)	EG, CH (10)	20
1981–1985	RO, LY (32)		22
1986–1990	DZ (33)	YU, TW, RO, ES, KR (15)	18
1991–1995	KZ, UA, BY (36)	DZ, AR, IQ, CL, KZ, UA, BY, NG, ZA (24)	12
1996–2000	SY (37)	BR (25)	12
2000–2005		LY (26)	11

Сокращения

AR — Аргентина
AU — Австралия
BR — Бразилия
BY — Беларусь
CA — Канада
CH — Швейцария
CL — Чили
CN — Китай
DE — Германия
DZ — Алжир
EG — Египет
ES — Испания
FR — Франция
ID — Индонезия
IL — Израиль
IN — Индия
IQ — Ирак
IR — Иран
IT — Италия
JP — Япония
KP — Северная Корея
KR — Южная Корея
KZ — Казахстан
LY — Ливия
NG — Нигерия
NO — Норвегия
PK — Пакистан
RO — Румыния
SE — Швеция
SU — СССР/Россия
SY — Сирия
TW — Тайвань
UA — Украина
UK — Великобритания
US — США
YU — Югославия
ZA — Южная Африка

при этом наибольшее стремление к приобретению ядерного оружия характерно для так называемых *конфронтационных националистов*. Таким образом, разворот ядерных программ может объясняться приходом к власти новых руководителей с другим типом мышления. Подход Хайманса не является несовместимым с моделью, предложенной Солинген и может даже в чем-то его дополнять, особенно в ситуациях, когда страной руководит не коалиция, а единоличный лидер или очень узкий круг высшего руководства.

Однако мы не разделяем оценок отдельных примеров, сделанных в работе Хайманса. Его утверждение, что Австралия предпринимала шаги в сторону оружейной ядерной программы только при националистически настроенном премьер-министре Гордоне, не учитывает неоднократных попыток страны получить ядерное оружие от Великобритании. В 1950–1960-х гг. такой сценарий не выглядел абсолютно невероятным, поскольку резко отрицательное отношение ядерных держав к распространению на тот момент еще не успело сформироваться. Австралия вполне могла надеяться на помощь со стороны Великобритании в обмен на использование австралийской территории для проведения английских ядерных испытаний[38]. Мы также не разделяем оценок Хайманса относительно Аргентины, которую он исключил из списка стран, занимавшихся ОЯД[39]. Мы осознаем, что у него был доступ к новым официальным источникам информации, но нам с трудом верится, что в этих источниках действительно не было никаких признаков проявленного страной интереса к ядерному оружию. Трудно поверить, что, после того как Индия провела свое первое ядерное испытание, а Бразилия начала работу над оружейной ядерной программой, в Буэнос-Айресе аналогичные шаги даже не обсуждались. Возможно, такой вывод со стороны Хайманса объясняется тем фактом, что, по его признанию, доступ к официальным документам, который ему предоставили, был выборочным. На основании его исследований можно сделать вывод о том, что продвижение Аргентины к приобретению ядерного оружия шло медленными темпами и не было таким решительным и целеустремленным, как в случае США, Китая или даже Ирака. Но используя терминологию, предложенную самим Хаймансом, вполне очевидно, что аргентинский военный режим являлся конфронтационным — достаточно вспомнить, что этот режим уничтожил несколько тысяч собственных граждан, опасаясь левого переворота. Не менее очевидно, что он был националистически настроен, учитывая, что он начал войну с Чили и вторгся на Фолклендские острова[40].

Кроме того, нас беспокоит тот факт, что исследования Солинген и Хайманса уделяют слишком мало внимания *внешним* условиям, в которых принимались соответствующие решения. То, что они делают упор на внутренние факторы, само по себе неплохо, учитывая идею-фикс *реалистов* о том, что ключевую роль в принятии решений об оружейных ядерных программах играют международные составляющие. Тем не менее рассматривать нужно все сочетание внутренних и внешних факторов[41]. Именно такой подход мы применили при анализе наиболее широко распространенных объяснений феномена ядерного разворота.

Вторая статья из серии — об истории и теоретических обоснованиях феномена ядерного разворота — будет опубликована в следующем номере журнала.

Примечания

[1] Перевод осуществлен с разрешения Stanford University Press по изданию Müller Harald, Shmidt Andreas. The Little-Known Story og Deproliferation. Why States Give Up Nuclear Weapons Activities. In: Potter William C., Mukhatzhanova Gaukhar, eds. Forecasting Nuclear Proliferation. The Role of Theory. Vol. 1. Stanford, CA: Stanford University Press, 2010. Pp. 124–158. Перевод © ПИР-Центр, 2012.

[2] Под определение ОЯД подпадают следующие виды деятельности:

подозрительная активность (ядерные объекты работают вне системы гарантий, без однозначного обязательства не разрабатывать ядерное оружие);

серьезное рассмотрение возможности запуска оружейной программы (неоднократные заявления политического или военного руководства, исследования целесообразности приобретения ядерного оружия);

оружейная программа (строительство объектов, исследования в области оружейных ядерных технологий, испытания);

ядерный статус (обладание взрывными ядерными устройствами);

унаследование (ядерное оружие на территории государства унаследовано от бывшей империи или оккупационных сил).

[3] Levite Ariel A. Never Say Never Again: Nuclear Reversal Revisited. *International Security*. 2002/03, Winter. 27, no. 3. Pp. 61, 67.

[4] Ibid., p. 67.

[5] Эти десять стран в алфавитном порядке: Великобритания, Израиль, Индия, Иран, Китай, Пакистан, Россия, Северная Корея, США и Франция. Оружейная ядерная программа Сирии была остановлена воздушным ударом Израиля в 2007 г.

[6] См. например: Greenwood Ted, Feiveson Harold A., Taylor Theodore B. Nuclear Proliferation. Motivations, Capabilities and Strategies for Control. NY: McGraw-Hill, 1977; Wahlstetter Albert et al. Moving Toward a Life in a Nuclear Armed Crowd? Report prepared for the U.S. Arms Control and Disarmament Agency. LA: Pan Heuristics, 1976; Betts Richard K. Paranoids, Pygmies, Pariahs and Nonproliferation. *Foreign Policy*. 1977, Spring. No. 26. Pp. 157–183; Snyder Jed S., Wells Samuel F., eds. Limiting Nuclear Proliferation. Cambridge, MA: Ballinger, 1985; Dunn Lewis A. Controlling the Bomb: Nuclear Proliferation in the 1980s. New Haven, CT: Yale University Press, 1982; Potter William C. Nuclear Power and Nonproliferation: An Interdisciplinary Perspective. Cambridge, MA: Gunn&Hain, 1982; Quester George. The Politics of Nuclear Proliferation. Baltimore: John Hopkins University Press, 1973; Meyer Stephen M. The Dynamics of Nuclear Proliferation. Chicago: University of Chicago Press, 1984; Goldblat Jozef, ed. Nonproliferation: The Why and the Wherefore. London: Taylor&Francis, 1985. Pp. 161–170; Müller Harald, ed. A European Non-Proliferation Policy: Prospects and Problems. Oxford, UK: Clarendon Press, 1987; Davis Zachary S., Frankel Benjamin, eds. The Proliferation Puzzle: Why Nuclear Weapons Spread (and What Results). London: Frank Class, 1993; Yager, Joseph A., ed. Nonproliferation and U.S. Foreign Policy. Washington, DC: Brookings, 1980.

[7] Полезные обзоры можно найти в следующих работах: Thayer Bradley A. The Causes of Nuclear Proliferation and the Utility of Nuclear Nonproliferation Regime. *Security Studies*. 1995, Spring. 4, no. 3. Pp. 463–519. Ogilvie-White. Is There a Theory of Nuclear Proliferation? An Analysis of Contemporary Debate. *The Nonproliferation Review*. 1996, Fall. 4, no. 1. Pp. 43–60; Potter William C. The Diffusion of Nuclear Weapons. In Goldman Emily O., Eliason Leslie C., eds. The Diffusion of Military Technology and Ideas. Stanford, CA: Stanford University Press, 2003. Pp. 146–178; Hymans Jacques E. C. Theories of Nuclear Proliferaton: The State of Field. *The Nonproliferation Review*. 2006, Fall/Winter. 13, no. 3. Pp. 455–466.

[8] Sagan Scott D. Why Do States Build Nuclear Weapons? Three Models in Search of a Bomb. *International Security.* 1996/97, Winter. 21, no. 3. Pp. 73–85.

[9] Reiss Mitchell B. Without the Bomb: The Politics of Nuclear Non-Proliferation. New York: Columbia University Press, 1988; и Mitchell B. Reiss. Bridled Ambition: Why Countries Constrain Their Nuclear Capabilities. Washington, DC: Woodrow Wilson Center Press, 1995.

[10] См. например Prawitz Jan. From Nuclear Option to Non-Nuclear Promotion: The Sweden Case. The Swedish Institute of International Affairs Research Report. Stockholm: Swedish Institute for International Affairs, 1995; Liberman Peter. The Rise and Fall of the South African Bomb. *International Security.* 2001, Fall. 26, no. 2. Pp. 45–86; Hersman Rebecca K. C. and Peters Robert. Learning from South Korean and Taiwanese Rollback. *The Nonproliferation Review.* 2006, Fall/Winter. 13, no. 3. Pp. 539–554; Hymans

Jacques E. C. The Psychology of Nuclear Proliferation: Identity, Emotions and Foreign Policy. New York: Cambridge University Press, 2006; Solingen Etel. Nuclear Logics: Contrasting Paths in East Asia and the Middle East. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2007; Campbell Kurt M., Einhorn Robert J., and Reiss Mitchell B., eds. The Nuclear Tipping Point: Why States Reconsider Their Nuclear Choices. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2004; Spector Leonard S. Repentant Nuclear Proliferators. *Foreign Policy.* 1992, Fall. No. 88. Pp. 21–37; and Levite Ariel A. Op. cit.

[11] Singh Sonali and Way Christopher. The Correlates of Nuclear Proliferation. A Quantitative Test. *Journal of Conflict Resolution.* 2004, December. 48, no. 6. Pp. 859–885; Jo Dong-Joon and Gartzke Erik. Determinants of Nuclear Weapons Proliferation. *Journal of Conflict Resolution.* 2007, February. 51, no. 1. Pp. 167–194.

[12] Ibid.

[13] Singh Sonali and Way Christopher. Op. cit. P. 866.

[14] Jo Dong-Joon and Gartzke Erik. Op. cit. Pp. 1–2.

[15] Ibid., p. 2.

[16] Блестящую критику проблем кодировки, а также статистических методов обоих исследований см. в Montgomery Alexander H. and Sagan Scott D. The Perils of Predicting Proliferation. *Journal of Conflict Resolution.* 2009, April. 53, no. 2. Pp. 302–328.

[17] Meyer Stephen M. The Dynamics of Nuclear Proliferation.

[18] Нигерия — неизученный спорный случай. Мы опираемся на неопубликованное исследование Adibe Clement Eme. Nigeria: The Domestic Basis of a Proactive Non-Nuclear Policy. Paper prepared for presentation at the workshop on The Domestic Roots of Proactivist Non-Nuclear Policy: A New Approach to Non-Proliferation, held at the Rockefeller Study and Conference Center, Bellagio, September 29-October 3, 1997; htpp://www.hsfk.de/fileadmin/downloads/Adibe_Nigeria-Report_1997.pdf

[19] Müller Harald. German National Identity and WMD Nonproliferation. *The Nonproliferation Review.* 2003, Summer. 10, no. 2. Pp. 1–20.

[20] Prawitz Jan. From Nuclear Option to Non-Nuclear Promotion. P. 7.

[21] Jonter Thomas. Sweden and the Bomb: The Swedish Plans to Acquire Nuclear Weapons, 1945–1972. Swedish Nuclear Power Inspectorate (SKI) Report 01:33. Stockholm, Swedish Nuclear Power Inspectorate, 2001. P. 28.

[22] Ibid. Pp. 34, 41, 52, 62.

[23] Ibid. Pp. 45, 58.

[24] Ibid. P. 14.

[25] Spector Leonard S. Nuclear Ambitions: The Spread of Nuclear Weapons 1989/1990. Boulder, CO: Westview, 1990.

[26] Jo Dong-Joon and Gartzke Erik. Determinants of Nuclear Weapons Proliferation. P. 179.

[27] Ibid., p. 185.

[28] Hymans Jacques. Theories of Nuclear Proliferation; and Sagan Scott. Why Do States Build Nuclear Weapons?

[29] Long William J. and Grillot Suzette R. Ideas, Beliefs, and Nuclear Policies: The Cases of South Africa and Ukraine. *The Nonproliferation Review.* 2000, Spring. 7, no. 1. Pp. 24–40.

[30] Burgess Stephen F. South Africa's Nuclear Weapon Policies. *The Nonproliferation Review.* 2006, November. 13, no. 3. Pp. 519–526.

[31] Lavoy Peter R. Nuclear Myths and the Causes of Nuclear Proliferation. *Security Studies.* 1993, Spring/Summer. 2, no. 3.

[32] Paul T. V. Power vs. Prudence: Why Nations Forgo Nuclear Weapons. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2000; Levite Ariel A. Never Say Never Again; Solingen Etel. Nuclear Logics; and Hymans Jacques. The Psychology of Nuclear Proliferation.

[33] Paul T. V. Power vs. Prudence. P. 97.

[34] Paul M. Cole. Atomic Bombast: Nuclear Weapon Decision Making in Sweden 1945–1972. The Henry L. Stimson Center Occasional Paper 26. Washington, DC: The Henry L. Stimson Center, 1996; and Prawitz Jan. From Nuclear Option to Non-Nuclear Promotion.

[35] Winkler Theodor. Kernenergie und Aufienpolitik.

[36] С технической точки зрения лучшими работами о Южной Африке являются Albright David and Hibbs Mark. South Africa: The ANC and the Atom Bomb. *Bulletin of the Atomic Scientists.* 1993, April. 49, no. 3. Pp. 32–37; and Albright David. South Africa and the Affordable Bomb. *The Bulletin of Atomic Scientists.* 1994, July/August. 50, no. 4. Pp. 7–4. Анализ мотивации см. Reiss Mitchell B. Bridled Ambition; Liberman Peter. The Rise and Fall of the South African Bomb; Burgess Bruce. South Africa's Nuclear Weapon Policies.

[37] Müller Harald. The Exceptional End to the Extraordinary Libyan Nuclear Quest.

[38] Walsh James. Surprise Down Under; and Walsh James. Bombs Unbuilt.

[39] Hymans Jacques E. C. Of Gauchos and Gringos: Why Argentina Never Wanted the Bomb, and Why the United States Thought It Did. *Security Studies.* 2001, Spring. 10, no. 3. Pp. 153–185.

[40] Redick John R. Nuclear Illusions: Argentina and Brazil. The Henry L. Stimson Center Occasional Paper 25. Washington, DC: The Henry L. Stimson Center, 1995; and Solingen Etel. Nuclear Logics.

[41] Walsh James. Bombs Unbuilt.

Александра Ходакова

ПРО: ГДЕ КРОЕТСЯ ОПАСНОСТЬ?

Фактор противоракетной обороны в XXI в. занимает одно из главных мест в мировой политике. И это неслучайно, поскольку, если во времена существования биполярного мирового порядка ресурсами для создания отдельных элементов системы ПРО обладали только две сверхдержавы (СССР и США), то в начале XXI столетия значительная часть стран мира стремится обеспечить защиту своей территории от ракетного удара со стороны *врагов*.

Стоит ли сегодня создавать систему ПРО? Этот вопрос мучает многих политиков современности. Одни высказываются в пользу ее создания для защиты определенных территорий, аргументируя свой ответ повышенной опасностью нанесения ракетного или ракетно-ядерного удара со стороны террористов и *стран-изгоев* (к их числу США относят Северную Корею, Иран, Сирию и некоторые другие государства). Другие же выступают против создания подобной системы, считая, что нет адекватных вызовов национальной и международной безопасности ни со стороны *стран-изгоев* ни, тем более, террористов. Тем не менее противоракетная оборона продолжает создаваться.

Глобальная система ПРО, строящаяся в начале XXI в., — это исключительно американский проект, в котором основную роль, естественно, играют американские элементы ПРО и американские деньги, затраченные на их развертывание.

На сегодняшний день американская глобальная система противоракетной обороны состоит из пяти позиционных районов, два из которых находятся непосредственно на территории самих Соединенных Штатов (в Калифорнии и на Аляске), один — в Европе (ПРО НАТО), один — на Ближнем Востоке (в Кувейте и Израиле) и еще один — в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), обслуживаемый совместно с Японией, Южной Кореей, Австралией и Тайванем.

ПО ЛЕКАЛАМ ВАШИНГТОНА

США вкладывают средства сразу в несколько проектов по развертыванию региональных систем ПРО в мире. Цель этих проектов — создание глобальной системы ПРО США.

Развертывание системы ПРО на Европейском континенте — один из наиболее ярких примеров создания Соединенными Штатами подобных региональных систем. По оценке бывшего помощника госсекретаря США по вопросам нераспространения и международной безопасности Джона Руда, «более чем 15 стран [...] в той или иной степени вовлечены в усилия по созданию системы ПРО»[1].

По словам бывшего начальника Генерального штаба РВСН генерал-полковника В. И. Есина, данная ПРО «должна обеспечивать защиту объектов (зон) и группировок войск от ударов баллистическими ракетами малой (до 500 км), меньшей (500–1000 км) и средней (1000–5500 км) дальности»[2].

Но развертывание элементов американской ПРО в Европе (в том числе в планы США не так давно входило развертывание третьего позиционного района (ТПР) стратегической ПРО на территории Чехии и Польши) не могло не быть замечено Москвой, ведь США впервые в истории заявили о своем намерении разместить в Европе компоненты стратегического назначения. Со стороны России была выражена серьезная обеспокоенность планами США, которые сильно влияли как на баланс сил в Европе, так и на всю систему глобальной стабильности в целом. В. И. Есин отмечает: «О несогласии с этими планами президент России В. В. Путин заявил на Мюнхенской конференции по проблемам безопасности 10 февраля 2007 г.»[3]. А руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО РАН А. Г. Арбатов так прокомментировал планы США: «Несомненно, планы развертывания радара и базы антиракет американской ПРО в Европе имеют ярко выраженный провокационный характер в отношении России, но прежде всего в политическом смысле»[4].

И действительно, размещение в Чехии мощной радиолокационной станции (РЛС) позволило бы просматривать воздушно-космическое пространство практически над всей европейской частью России и обнаруживать межконтинентальные баллистические ракеты (МБР) уже на начальном участке их траектории полета, а противоракеты ГБИ (Ground Based Interceptor) на севере Польши, по мнению некоторых экспертов, могли бы осуществлять перехват российских МБР над Северной Атлантикой.

Кроме того, очень неубедительными выглядели и сами причины, по которым Вашингтон принял решение разместить элементы стратегической ПРО в Европе: необходимость защиты территории США и их союзников от возможных ракетных атак со стороны Ирана, Северной Кореи и террористов. В связи с этим В.Н. Мясников, обозреватель еженедельной газеты «Независимое военное обозрение» (НВО), отмечает: «По оценкам российских экспертов, действия Вашингтона были направлены не на защиту США и их европейских союзников от несуществующих иранских ракет, а на ограничение стратегического потенциала России»[5].

В настоящее время всем хорошо известно, что ни Иран, ни КНДР, ни, тем более, террористы не обладают соответствующими технологиями, позволяющими им создавать МБР. По этой причине очевидно, что в ближайшей перспективе не может быть и речи о северокорейской ракетной угрозе для Европы даже по техническим причинам. Кроме того, у Пхеньяна явно отсутствуют какие-либо объяснимые военно-политические мотивы для подобной атаки. Что же касается Ирана, то некоторые эксперты прогнозируют там создание ракет с дальностью полета до 3500 км в период до 2015 г., для перехвата которых могут быть эффективно применены ПРО театра военных действий (ТВД). Но стимулов нанесения ракетной атаки у Тегерана также нет.

Ответными действиями России на размещение американской стратегической ПРО в Польше и Чехии станет размещение на границе Калининградской области ракетных комплексов *Искандер*, нацеленных на подавление элементов ПРО в Польше.

С приходом в 2009 г. в Белый дом администрации Барака Обамы ситуация несколько изменилась. По словам директора Института США и Канады РАН С. М. Рогова, новое американское руководство не ставило своей главной целью достижение равноправного партнерства с Россией, но в то же время отдавало себе отчет в том, что нет смысла продолжать жесткий курс администрации Дж. Буша-младшего. Б. Обама проявил готовность учитывать озабоченности России, вызванные раз-

вертыванием элементов стратегической ПРО в Европе, тем более что США сами были и остаются заинтересованы в поддержке со стороны России в решении ряда вопросов международной безопасности: предотвращение поражения американцев в Ираке и Афганистане, взрывоопасный потенциал в зоне арабо-израильского конфликта, проблема предотвращения распространения ядерного оружия в результате продолжения ядерных программ в Северной Корее и Иране, а также разрешение ситуации в Пакистане, где под вопросом может оказаться контроль над ядерным оружием[6].

Следствием понимания американским руководством того факта, что в одиночку Соединенным Штатам трудно будет справиться с этими проблемами, стал отзыв главой правительства Чехии Мирекром Тополанеком из парламента соглашения с США о размещении радара на чешской территории (18 марта 2009 г.).

17 сентября 2009 г. Б. Обама заявил, что США отказываются от планов размещения элементов стратегической ПРО в Польше и Чехии, а несколько позднее Белый дом обнародовал новую программу размещения ПРО в Европе (так называемый *адаптивный подход*), которая предполагала под собой четыре этапа развертывания ПРО на европейском континенте[7].

Первый. Был рассчитан до 2011 г. и предполагал размещение в Европе уже созданных и доказавших свою эффективность систем противоракетной обороны, включая корабли системы *Иджис*, оснащенные перехватчиками *SM-3* (*Block-IA*) и мобильную РЛС *AN/TPY-2*, с тем, чтобы иметь возможность отражать региональные ракетные угрозы.

Следует отметить, что к настоящему моменту США практически завершили первый этап строительства европейского противоракетного щита, развернув у берегов Европы на кораблях морскую систему ПРО с ракетами-перехватчиками, которые способны перехватывать баллистические ракеты с дальностью стрельбы от 3000 до 5000 км.

Второй. Планируется завершить к 2015 г. Предусматривается развернуть более мощную модификацию перехватчика *SM-3* (*Block-IB*) в версиях для морского и наземного базирования и более совершенные сенсоры, необходимые для расширения защищаемого района от ракетных угроз ближнего и среднего радиуса действия.

Третий. 2015–2018 гг. Предполагает развертывание усовершенствованной противоракеты *SM-3* (*Block-IIA*) в версиях для морского и наземного базирования для отражения ракетных угроз ближнего, среднего и дальнего радиуса действия.

Четвертый. 2018–2020 гг. Предусматривается размещение более совершенных противоракет *SM-3* (*Block-IIB*), чтобы лучше противодействовать ракетным угрозам среднего и дальнего радиуса и возможным будущим межконтинентальным баллистическим ракетным угрозам против США.

Плюсами *адаптивного подхода* США назвали[8]:

- ❑ отражение существующих ракетных угроз;
- ❑ защита территорий европейских стран — членов НАТО в частности и поддержание и совершенствование американской системы ПРО в целом;
- ❑ применение мобильных систем, которые можно легко усовершенствовать в зависимости от угрозы;
- ❑ системы малоуязвимы благодаря распределению сенсоров и перехватчиков по территории;
- ❑ расширение сотрудничества между союзниками в сфере ПРО.

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

ЮРИЙ СОЛОМОНОВ: Будучи системой, безусловно, оборонительной, она [система ПРО. — *ред.*] предназначена для защиты от стратегических наступательных вооружений. По известным законам диалектики, любое действие порождает противодействие. В данном случае — противодействие в области совершенствования стратегических наступательных вооружений (СНВ). Из этой формулы следует, что вообще развертывание системы ПРО — это *очень серьезный фактор нестабильности.* Причем, нестабильности не на уровне взаимоотношений отдельных стран между собой, а носящей глобальный характер, поскольку, стратегическими вооружениями на сегодняшний день владеют многие страны. Именно поэтому они чисто по политическим мотивам не называют потенциальных агрессоров своей территории из числа стран, владеющих ракетными технологиями такого уровня. Но делают это они, на мой взгляд, не очень умно, объясняя развертывание системы ПРО угрозой экстремистских режимов, у которых ничего подобного в обозримом будущем не предвидится. США об этом прекрасно осведомлены, но, тем не менее, это выбрано руководством страны как главная причина развертывания системы ПРО.

Время диалога с США по вопросу о ПРО еще не ушло.
***Ядерный Контроль*. № 4.**
Июль–Август 1999. С. 6–7.

Таким образом, США вовсе не отказались от размещения элементов ПРО в Европе, а лишь модифицировали структуру европейской ПРО. Вашингтон продолжает работать над созданием ТПР ПРО на Европейском континенте. В общей сложности в этот процесс включены 26 европейских стран (как входящих в североатлантическую структуру безопасности, так и не имеющих к ней никакого отношения).

20 ноября 2010 г. в столице Португалии состоялся саммит Совета РФ — НАТО (СРН), который вошел в мировую историю как первый саммит между странами — членами Североатлантического альянса и Россией после пятидневной войны на Кавказе в августе 2008 г. В ходе саммита президент РФ Д. А. Медведев принял предложение НАТО о сотрудничестве по проекту создания территориальной системы ПРО для североатлантического региона. Его согласие на участие в данном проекте было озвучено генсеком НАТО Андерсом Ф. Расмуссеном на пресс-конференции в Лиссабоне по итогам саммита СРН. А еще чуть ранее президент США Барак Обама заявил: «Мы ожидаем начать работу с Россией о кооперации с ней в области ПРО, признавая, что у нас много общих угроз»[9].

Между тем о единой российско-европейской ПРО пока говорить рано и очень трудно в силу ряда политических и технических причин.

На самом деле речь идет не о создании единой ПРО, а о взаимодействии российской и европейской систем ПРО. Даже называют эту систему стороны по-разному: Россия готова участвовать в проекте *ЕвроПРО*, а альянс говорит о *региональной ПРО НАТО*.

Согласно решению, принятому в конце 2010 г. в Лиссабоне, облик будущей ПРО НАТО предусматривалось определить в июне 2011 г. на заседании министров обороны стран — участниц СРН. Но поставить точку в отношении ПРО НАТО не удалось: заседание закончилось ничем. Тот же результат ожидал и заседание СРН на уровне послов, прошедшее в Сочи в июле 2011 г.

Таким образом, расхождения во взглядах между партнерами в данном диалоге, вызванные, с одной стороны, нежеланием ряда стран Западной Европы вести дело

к конфронтации с Россией, с другой — нежеланием США допустить Россию к созданию совместного противоракетного щита, а также отсутствие каких-либо договоренностей по вопросу о создании ЕвроПРО, породили у экспертов чувство неуверенности в том, что стороны вообще смогут договориться.

Эта неуверенность впоследствии была подпитана также шагами США в области реализации *адаптивного подхода* в сентябре 2011 г., когда между Вашингтоном и Бухарестом было подписано соглашение о размещении элементов ПРО НАТО на территории Румынии, и в октябре 2011 г., когда Испания согласилась разместить на своей территории элементы ПРО.

Реакция России последовала незамедлительно: президент России Д. А. Медведев отдал поручение Минобороны и Вооруженным Силам России ввести в боевой состав РЛС системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН) в Калининграде и усилить прикрытие объектов российских стратегических ядерных сил (СЯС).

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

ДМИТРИЙ РОГОЗИН: Не уверен, что это [намерение российского руководства участвовать совместно с США в разработке и создании системы ПРО — *ред.*] перспективная затея. Американцы — слишком эгоистичная нация. Такому вот национализму, кстати, нам следовало бы у них аккуратным образом поучиться. ПРО интересна для них не столько с точки зрения ее военной эффективности, сколько в качестве импульса для развития своего военно-промышленного комплекса, науки, технологий и экономики в целом. Закачают в этот проект 300 миллиардов, и на десять лет вперед миллионы людей будут при деле, будут что-то придумывать, мастерить. И в результате США сделают такой мощнейший экономический рывок, что на ближайшие лет пятьдесят оставят позади всех, даже своих верных и экономически продвинутых союзников. Какой им смысл делиться с нами? Я бы на их месте так не поступил. Пока эти проекты кооперации с Россией не приобретут конкретных очертаний и не замаячат реальные инвестиции, я буду скептиком.

Протокольными нотами мировая история не пишется.
***Ядерный Контроль*. № 3, 2003. С. 11.**

Ввиду вышеописанных событий судьба ЕвроПРО теперь совсем непонятна и зависит от того, смогут ли Россия и страны — члены Североатлантического альянса прийти к общему знаменателю на саммите СРН, который пройдет в мае 2012 г. В Чикаго, где, возможно, будут выдвинуты компромиссные предложения сторон и проработаны реалистичные сценарии строительства системы ЕвроПРО с участием России. Москва же, со своей стороны, в ходе саммита хотела бы подписать с НАТО соглашение об основных принципах и военно-технических деталях взаимодействия по вопросу строительства будущего противоракетного щита. Но как пройдет саммит и каков будет его итог, предположить невозможно.

Возможно, в будущем сотрудничество России с Североатлантическим альянсом в сфере противоракетной обороны может оказаться наиболее эффективным способом построения настоящего стратегического партнерства между НАТО и Россией и интеграции последней в европейскую структуру безопасности, но на данный момент России нужна детальная информация об общей конфигурации, составных элементах и системе управления создаваемой ПРО. Иными словами, «необходим совместный анализ вызовов и рисков в сфере ракетного распространения и общее понимание того, в чем действительно для России будет польза от участия в проекте ЕвроПРО»[10].

Кроме того, «лидеры договаривающихся стран могут и должны сделать дальнейшие шаги в области ПРО для упрочения международной безопасности, осознавая вместе с тем что питание возродившейся птицы Феникс, которая представляет собой сотрудничество по ПРО, на сегодня является императивом»[11].

Но пока США и их союзники по НАТО приковывают все внимание России к ситуации вокруг противоракетной защиты Европы, в Азиатско-Тихоокеанском регионе происходит постепенное развертывание еще одного регионального компонента глобальной системы ПРО США. В связи с этим ряд исследователей утверждает, что «Вашингтон будет проводить твердый курс на сохранение и расширение азиатско-тихоокеанского компонента своей глобальной системы ПРО, который, так же как и намечающаяся к развертыванию «восточноевропейская ПРО», находится недалеко от границ с Россией»[12].

И действительно, угроза со стороны стратегической и тактической систем ПРО США и их партнеров в АТР является вполне реальной, хотя данный компонент глобальной ПРО по степени проработки несопоставим с европейским сегментом. Тем не менее, за последние годы в развитии азиатско-тихоокеанской компоненты системы ПРО США произошли значительные изменения, связанные с повышением тактико-технических характеристик информационно-разведывательной составляющей данной системы. Помимо этого возросли боевые возможности средств поражения баллистических ракет (БР) благодаря повышению точности поражения целей. Кроме всего прочего, усиливается оперативная совместимость национальных систем ПРО с аналогичными системами других стран региона.

Стратегическая и тактическая система ПРО США в АТР пока мало обсуждается в ходе двусторонних и многосторонних международных дискуссий. Б. Обама ни в одном из своих публичных внешнеполитических заявлений не затронул тему возможной корректировки комбинированной системы ПРО США в АТР, которая является важной частью глобальной системы ПРО США[13].

На сегодняшний день в АТР размещено несколько ключевых компонентов стратегической и тактической систем ПРО. К ним относятся:

- ракеты-перехватчики наземного базирования, установленные в шахтах в Форт Грили (Аляска, США);
- ракеты-перехватчики на базе ВВС *Ванденберг* (Калифорния, США);
- РЛС раннего предупреждения с фазированной решеткой в Биле (Калифорния, США);
- РЛС *SBX*, дислоцированная на морской платформе в Тихом океане в районе Аляски;
- РЛС раннего предупреждения *Кобра Дэйн* на о. Шемия (Алеутские острова, США);
- РЛС передового базирования *FBX-T* на о. Хонсю (Япония),
- РЛС морского базирования *SPY-1* и *SPY-2*;
- корабли ВМС США, имеющие многофункциональную систему ПРО морского базирования *Иджис*, оснащенную противоракетами *SM-3*.

Кроме этого, США оказывают широкое содействие в создании систем ПРО своим союзникам (Австралии, Японии, Южной Корее и Тайваню).

Несмотря на то что все союзники США в АТР согласились участвовать в глобальной системе ПРО США из страха внезапной атаки со стороны Северной Кореи или Китая, они вместе с тем преследовали и чисто политические цели.

Так, в 2004 г. Япония дала свое согласие на сотрудничество с США в развертывании двухэшелонной системы ПРО после того, как Северная Корея в 1998 г. провела первое испытание баллистической ракеты повышенной дальности *Тэпходон.* Опасения Японии были связаны с потенциальной угрозой ракетного нападения со стороны Северной Кореи. Кроме того, «сотрудничество по ПРО теснее связало Японию и США в решении проблем обороны и безопасности»[14].

В июле того же года Австралия присоединилась к американской программе развертывания глобальной ПРО. Хотя в Австралии «многие противники развертывания элементов противоракетной обороны заявляли, что ракетная угроза для их страны достаточно низка во многом потому, что Северная Корея не обладает ракетами, способными достичь территории Австралии», тем не менее сотрудничество по ПРО виделось австралийскому правительству «как одна из попыток Канберры расширить возможность взаимодействия, а также военное и оборонно-промышленное партнерство с США, включающее в себя совместные военные учения»[15].

Тайвань, в свою очередь, был сильно заинтересован в развертывании элементов ПРО на своей территории из-за потенциальной угрозы нанесения ракетного удара со стороны Китая. Тайбей видел сразу несколько преимуществ в налаживании более тесного сотрудничества с США в сфере ПРО. Это «более тесные военные связи с Вашингтоном, включающие в себя обмен информацией, усовершенствованные возможности взаимодействия и даже объединенное командование и контроль»[16].

Южная Корея в конце XX в. не рассматривала северокорейскую ракетную угрозу как возможную. Сеул не верил в то, что Пхеньян действительно намерен атаковать Южную Корею. К тому же развертывание элементов ПРО совместно с США могло бы подорвать отношения между двумя Кореями. Об этом в марте 1999 г. заявил министр обороны Южной Кореи Чон Ён Тхэк. Он отметил, что развертывание элементов ПРО принесет вред примирению Южной и Северной Кореи и сотрудничеству между двумя частями некогда целой страны[17].

Но ситуация изменилась после прихода в 2008 г. к власти в Южной Корее президента Ли Мён Бака. Он считал, что «самостоятельное наложение ограничений на наступательные и оборонительные вооружения Южной Кореи не заставят Северную Корею прекратить дальнейшее развитие ее ракетного потенциала»[18]. Президент Ли Мён Бак был также меньше обеспокоен реакцией Северной Кореи на развертывание элементов ПРО в Южной Корее. А после того как в 2009 г. Северная Корея произвела очередной испытательный пуск усовершенствованной баллистической ракеты *Тэпходон-2* (правда, пуск оказался неудачным) власти Южной Кореи решили переходить «от пассивной защиты к упреждающему сдерживанию»[19].

Еще раньше, в 2007 г., для координации действий в деле развертывания противоракетных систем в АТР Соединенные Штаты учредили Трехсторонний форум по ПРО с участием Австралии и Японии.

В настоящее время ведущая роль в развертывании азиатской компоненты ПРО США отдана Японии, поскольку главной особенностью элементов японской ПРО является их *вписывание* в единую архитектуру создаваемой американцами глобальной системы ПРО. К тому же налицо наиболее тесное взаимодействие Японии с США и координация ими в области ПРО абсолютно всех мероприятий. Кроме того, Япония, участвуя в данном проекте, преследует не только интересы в области обеспечения безопасности своей территории от потенциальных ракетных угроз, но и укрепляет военно-стратегическое партнерство с США с целью повышения роли Токио в военно-политической расстановке сил в регионе.

В начале января 2011 г. министр иностранных дел Японии Сейдзи Маэхара заявил о полном согласии страны с подходом США к перспективе развития партнерских отношений между Японией и Южной Кореей в военной области и обеспечения безопасности. В министерстве обороны Южной Кореи возможность заключения военного союза с Японией было воспринято позитивно. Кроме этого, в ближайшее время Южная Корея намерена расширить сотрудничество с Израилем в военной сфере.

Вероятнее всего, «многослойная американская система ПРО в зоне АТР, которая замкнет кольцо создаваемой Соединенными Штатами глобальной противоракетной системы, будет направлена не только против КНР, КНДР, Ирана и Сирии, но и одновременно против нашей страны. Российскую Федерацию, образно говоря, пытаются взять в *противоракетные клещи*: как с европейского, так и с азиатско-тихоокеанского направления, что угрожает ее национальной безопасности и подрывает глобальную стратегическую стабильность»[20].

Что касается Ближнего Востока, то здесь разработка совместной системы ПРО началась в конце 1980-х гг. с Израиля, а в 2003 г. перед началом вторжения в Ирак американские зенитно-ракетные комплексы (ЗРК) *Пэтриот* были развернуты в Кувейте.

То, что в этом регионе повышенное внимание уделяется противоракетной защите Израиля, вполне объяснимо. Целый ряд его соседей (например, Иран, Сирия) обладают ракетным оружием и настроены враждебно. В этих условиях Израиль считает необходимым развивать противоракетную оборону территории своей страны и при содействии США намерен создать здесь многослойную тактическую систему ПРО. Но и у США, в свою очередь, есть собственные интересы в вопросах разработки ПРО Израиля: создание на Ближнем Востоке одного из элементов глобальной системы ПРО США, хотя нельзя забывать и тот факт, что противоракетная оборона Израиля создавалась и создается для отражения специфических угроз, которые никогда не были стратегическими.

ПРОТИВ КОГО СОЗДАЕТСЯ СИСТЕМА?

США и члены Североатлантического альянса называют Северную Корею и Иран главными раздражителями мирового спокойствия, хотя в то же время среди стран — членов НАТО нет абсолютного единства в этом вопросе.

Турция, например, не считает Иран потенциальным источником ракетной угрозы. Она не поддержала предложение США ввести санкции против Ирана, а, наоборот, заявила о намерении продолжать поставлять в Иран нефтепродукты, несмотря на угрозу введения санкций со стороны США[21]. Турция также не согласилась с решением о создании коллективной ПРО НАТО, принятым в ходе прошедшего в ноябре 2010 г. Лиссабонского саммита Североатлантического альянса. Анкара дала согласие на участие в данном проекте лишь в сентябре 2011 г. после того, как была принята турецкая поправка, согласно которой, Иран и другие страны не были специально упомянуты как потенциальные источники ракетной угрозы. Теперь в рамках коллективной системы ПРО НАТО намерено развернуть на турецкой территории специальные РЛС X-диапазона для раннего обнаружения ракет, запущенных в регионе. Этот факт говорит о заметном улучшении отношений между США и Турцией. В сентябре 2011 г. Анкара и Вашингтон подписали меморандум о размещении на территории Турции радара ПРО НАТО.

В январе 2011 г. глава Пентагона Роберт Гейтс заявил, что через пять лет Северная Корея сможет создать МБР, способные достичь не только территории американских союзников в АТР, но и территории самих Соединенных Штатов. На пресс-

конференции в Пекине он заявил: «С учетом того, что северокорейцы продолжают разработку ядерного оружия и межконтинентальных баллистических ракет, КНДР становится прямой угрозой для США, и нам нужно это учитывать»[22]. Иначе говоря, официально ПРО в АТР призвана защищать территории США и их союзников от северокорейской ракетной угрозы.

По словам российских экспертов, Иран в настоящее время не имеет баллистических ракет большой дальности и в ближайшие 15–20 лет их иметь не будет, так как этого не позволит ограниченность технологического и научно-технического развития ракетной отрасли страны. На сегодняшний день Иран обладает технологиями модернизации старых советских ракет (не очень удачными), переданных ему Северной Кореей.

В свою очередь, Пакистан гораздо опаснее тех же Ирана и КНДР, потому что в отличие от *стран-изгоев* он абсолютно точно обладает ракетами и ядерными боевыми частями к ним. Другое дело, что пока они не достают даже до России, а до европейских государств — тем более. Кроме того, нынешнее руководство Пакистана стрелять по России и НАТО ракетами явно не собирается. Но нельзя исключать возможность прихода к власти в Пакистане религиозных экстремистов — и тогда ситуация может коренным образом измениться.

Для многих российских исследователей очевиден тот факт, что американская противоракетная оборона сегодня создается против несуществующей угрозы со стороны *стран-изгоев*. Или же против существующей?

Большинство российских экспертов сегодня сходится во мнении, что глобальная система ПРО США будет призвана защищать территорию Соединенных Штатов и их союзников от возможных ракетных или ракетно-ядерных атак со стороны России и Китая.

Что касается Китая, то его позиция по поводу роли ПРО в АТР существенно отличается от аналогичной позиции США. Например, Соединенные Штаты рассматривают американо-японский элемент ПРО как надежную сдерживающую силу агрессии, которая способствует распространению безопасности и стабильности в регионе. Китай же, наоборот, заявляет, что противоракетная оборона, в частности совместная американо-японская ПРО, не способствует безопасности в Восточной Азии, а, напротив, является дестабилизирующим фактором[23]. КНР утверждает, что развертывание Соединенными Штатами компонентов ПРО в АТР приведет к гонке как в сфере наступательных вооружений, так и в сфере противоракетных систем.

Такая позиция Китая обусловлена, в первую очередь, исторически сложившимся недоверием между Китаем и Японией и враждебным отношением КНР к последней. Причиной сложных взаимоотношений между двумя азиатскими *тиграми* является *генетическая память* китайцев, связанная с оккупацией Японией территории Китая перед Второй мировой войной и впоследствии ее отказом признаться в своем *империалистическом прошлом* и принести извинения Китаю. Поэтому, в ответ на растущую военную мощь Японии, КНР количественно увеличивает и качественно улучшает свои наступательные вооружения. «Более того, — пишет эксперт Рекс Кизиах, — китайские аналитики полагают, что так называемые технологии развертывания региональной ПРО могут быть использованы Японией для разработки ракет, способных угрожать интересам Китая в АТР [...] А позиционирование США и Страной восходящего солнца северокорейской ракетной угрозы как таковой для КНР не правдоподобно. Ведь развертывание элементов ПРО в Азии направлено, на самом деле, против возрастающей мощи Китая и его влияния в регионе»[24].

Что касается России, то ни для кого не секрет, что российские СЯС на сегодняшний день и в обозримом будущем смогут преодолеть любую американскую защиту. Китайские ракеты также смогут ее преодолеть, но Китай, в отличие от России, не сможет превратить США в необитаемую пустыню, а вот США в ответном ударе могут поставить само существование КНР под большое сомнение. «Следовательно, — делают вывод эксперты Джоан Джонсон-Фриз и Томас Николс, — у Китая нет стимулов и поводов для удара ракетами по территории США, как, впрочем, и у России. В самом деле, если бы Россия была так обеспокоена тем, что США создают ПРО против нее, она вряд ли бы подписала Договор СНВ-3»[25].

Да, действительно, Россия вместе с США 8 апреля 2009 г. подписала новый ДСНВ и ратифицировала его в январе 2011 г., но говорит ли это о том, что Россия не обеспокоена тем, что около ее границ создаются все новые и новые элементы глобальной системы ПРО США? «Мы не можем равнодушно смотреть на появление вблизи наших границ систем противоракетной обороны США, зона перехвата которых покрывает территорию России практически до Урала», — заявил заместитель министра обороны РФ А. И. Антонов[26].

Россия уже не раз высказывала подобную озабоченность, но каждый раз ее мнение и призывы отказаться от идеи создания ПРО на Европейском континенте без участия России оставались неуслышанными. Более того, предложение российского президента Д. А. Медведева, прозвучавшее в ноябре прошлого года в ходе саммита СРН в Лиссабоне, создать совместную ПРО России и НАТО, не получило поддержки. Брюссель считает, что НАТО будет строить свою ПРО, Россия — свою, а затем эти две системы как-то будут взаимодействовать.

В этой связи А. И. Антоновым, а потом постпредом РФ при НАТО Д. О. Рогозиным Соединенным Штатам и Североатлантическому альянсу было предложено юридически оформить договоренность о ненаправленности создаваемой системы ПРО против России и против любого другого участника общей системы противоракетной обороны. Однако наши западные партнеры отказались даже на бумаге зафиксировать это положение, сославшись на то, что это очевидно. Почему? И настолько ли очевидно?

Министр иностранных дел России С. В. Лавров так прокомментировал этот отказ: «Такое устойчивое нежелание подтвердить на бумаге, что это не против России, вызывает вопросы»[27]. Вместо выработки определенных юридических гарантий началась реализация планов по созданию ЕвроПРО вообще без участия в ней России. Кроме запуска нового спутника, который будет интегрирован в европейскую систему ПРО, и решения американских властных кругов разместить элементы американской ПРО в Румынии, Соединенные Штаты, по словам высокопоставленного представителя Агентства ПРО США, намереваются развернуть элементы ПРО либо в Грузии, либо в Армении, так как развертывание радара в одной из этих стран постсоветского пространства «несло бы существенные преимущества для ПРО США»[28]. Согласие на размещение противоракет на своей территории дала и Польша.

Таким образом, позиция России по вопросу развертывания глобальной ПРО США понятна, но, помимо нее, свою обеспокоенность выразили Китай, а также ряд других ведущих в мире стран. Эти государства, по вполне понятным причинам, беспокоит возможность того, что развертывание американской ПРО приведет к расшатыванию стратегической стабильности, провоцируя Россию и Китай на ответные меры, к объединению Москвы и Пекина на антизападной основе, выходу российско-американского противоборства за рамки контроля над вооружениями.

Такой исход событий совсем не маловероятен, поэтому в сложившейся ситуации России необходимо совершенствовать возможности своих СЯС — основы ее обороноспособности, потому что, по всей видимости, США в ближайшем будущем не откажутся от создания глобальной системы ПРО.

Интересен тот факт, что сегодня на создание глобальной ПРО американцы тратят огромные средства. К примеру, по подсчетам Института Брукингса, на противоракетные программы 1950–1960-х гг. было затрачено более 34 млрд долл. С 1984 по 1994 г. — 70,7 млрд долл. В период с 1993 по 2000 г. на исследования в сфере противоракетных систем было израсходовано почти 11 млрд долл. В последние годы ассигнования были значительно увеличены. По оценкам Агентства противоракетной обороны США, за период с 1985 по 2002 г. на эти цели было потрачено более 65 млрд долл. Установлено также, что ежегодно на ПРО американцы будут тратить 8–10 млрд долл., а к 2030 г. общие расходы на этот проект составят от 100 млрд долл. до 1 трлн долл[29].

При этом на текущий момент, как показывает целый ряд исследований, создаваемая система ПРО до сих пор демонстрирует достаточно низкую эффективность. Например, Американское физическое общество в конце 2003 г. опубликовало доклад, в котором говорится, что «имеющиеся ракеты-перехватчики теоретически не способны перехватывать баллистические ракеты, поскольку для их наведения на цель требуется несколько сот спутников, находящихся на определенных орбитах»[30]. Правда, с тех пор эффективность противоракет повысилась, но проблемы остались.

Итак, налицо технологическая незрелость многих элементов ПРО, которая не оспаривается даже Агентством противоракетной обороны США. Тем не менее работы по усовершенствованию существующей системы и развертыванию новых ее элементов продолжаются.

РЕАЛЬНАЯ ОПАСНОСТЬ

В своей статье «ПРО: совместная защита от общего врага» ведущий научный сотрудник Института динамики геосфер РАН С. И. Козлов в рамках идеи общечеловеческой защиты выдвинул концепцию, согласно которой серьезную угрозу для человечества представляет астероидно-кометная опасность (АКО)[31]. Он предупредил: падение космических тел на твердую или водную поверхности может привести к катастрофическим последствиям: землетрясениям, пожарам, извержению вулканов, цунами, к изменению погоды и, возможно, климата.

В целом исследования АКО достигли достаточно высокого уровня, что позволило разрабатывать системы планетарной защиты под условными названиями *Космическая стража-1,2* (США) и *Цитадель* (Россия). Главной задачей этих систем должны стать раннее обнаружение космических тел, их идентификация в качестве опасных объектов и разработка способов, исключающих столкновения объектов с Землей[32].

В 2005 г. доктор технических наук В. П. Семенов предложил для решения этих задач использовать средства ракетно-космической обороны: средства предупреждения о ракетном нападении (СПРН), ПРО, систему контроля космического пространства (СККП). В дальнейшем исследования показали достаточную эффективность данного подхода к борьбе с АКО. Следовательно, на единые глобальные системы ПРН и ПРО целесообразно было бы возложить и борьбу с АКО.

Конечно, на сегодняшний день вероятность столкновения с Землей крупного астероида или кометы очень низка, но все же подобную опасность нельзя полностью

исключать, и в будущем к ее отражению человечество всегда должно быть готово, тем более что мировой истории известно несколько примеров столкновения с Землей небесных тел. Последствием одного из таких столкновений, как предполагают ученые, могло стать вымирание динозавров.

По версии, которой придерживаются многие эксперты, «геохимические и палеонтологические данные свидетельствуют о том, что примерно 65 млн лет назад на рубеже мезозойского периода меловой эры небесное тело размером примерно 170–300 км в диаметре столкнулось с Землей в северной части полуострова Юкатан. При этом образовался кратер под названием Чиксулуб диаметром 180 км»[39]. После этого на Земле наступила полугодовая ночь, в результате чего погибли многие из существовавших в то время на Земле растений и животных. Предположительно, именно тогда в результате резкого и продолжительного похолодания вымерли динозавры.

Всего, по данным современной науки, за последние 250 млн лет произошло девять вымираний живых организмов с интервалом примерно в 30 млн лет[33]. Эти катаклизмы вполне могут быть связаны с падением на Землю астероидов большой величины или комет.

Из больших метеоритов XX в. пристального внимания заслуживают сразу несколько *гостей*, самым крупным из них был так называемый Тунгусский метеорит, прилетевший на Землю 30 июня 1908 г.

По словам очевидцев, тем ранним утром над Центральной частью Сибири с юго-востока на северо-запад с огромной скоростью и оглушительным ревом пронесся светящийся белый шар, превратившись в огненный столб над берегом Подкаменной Тунгуски, правым притоком Енисея. Вскоре после нескольких ослепительно ярких вспышек над тайгой раздался оглушительной силы взрыв, который было слышно в радиусе более 1000 км. Взрыв взметнул пламя вверх, а вокруг него образовалось огромное черное облако в форме гриба. Ударная волна повалила весь лес на площади в 2150 кв. км[34].

Спустя несколько минут после взрыва началось возмущения магнитного поля Земли, которое, по словам ученых, было похоже на геомагнитные возмущения после взрывов ядерных устройств. Воздушная волна от взрыва за 35 часов обогнула земной шар дважды. В течение нескольких дней после взрыва над Европой и над большей частью территории России можно было наблюдать белые ночи, сопровождавшиеся ярким свечением серебристых облаков.

Так как никаких следов метеорита найти не удалось, в обществе одна за другой стали рождаться различные гипотезы — от происков широко известного ученого Николы Тесла до взрыва над поверхностью Земли космического корабля инопланетян.

России, можно сказать, повезло: взрыв не унес жизни людей, так как предполагаемый метеорит упал в зоне безлюдной тайги, в результате чего погибли сотни оленей. Но если бы *светящийся шар* прилетел на Землю четырьмя часами позже, местом его падения стал бы Санкт-Петербург, который вряд ли бы уже возродился после подобного взрыва.

Еще один метеорит, названный впоследствии Бразильская Тунгуска, упал на Землю утром 3 сентября 1930 г. в безлюдном районе реки Амазонка.

Другой крупный объект, пожаловавший на Землю, был найден также на территории России в Уссурийской тайге 12 февраля 1947 г. Он вошел в историю как Сихотэ-Алиньский железный метеорит.

Все вышесказанное касается столкновений твердых тел с Землей. Если бы все они произошли не в безлюдных частях земного шара, а в густонаселенных райо-

нах, потери бы исчислялись миллионами. Но еще б**о**льшую опасность для нашей планеты представляют собой кометы огромного радиуса, начиненные метеоритами. Чтобы хотя бы отдаленно представить себе, какие последствия могут быть после подобного столкновения, обратимся к истории столкновения Юпитера с кометой Шумейкер-Леви в июле 1996 г. В результате этого столкновения на поверхности Юпитера образовались гигантские пятна (результат выбросов газа и пыли в атмосферу), причем каждое из них по своей величине не уступало размерам земного шара[35].

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

ВИКТОР ЕСИН: Во многом степень негативного влияния развертываемой американцами системы НПРО на российско-американские отношения будет зависеть от облика этой системы. Если возможности создаваемой системы НПРО будут ограничены способностью обеспечить защиту территории США от ограниченного ядерного удара (несколько десятков боевых блоков), то это может быть вполне приемлемым для России вариантом. Если же система НПРО будет способна поражать до сотни стратегических носителей (несколько сот боевых блоков), то это вряд ли окажется приемлемым для России и вынудит ее пойти на ответные меры, реализация которых обеспечит возможность стратегическим ядерным силам России осуществлять ядерное сдерживание в изменившихся условиях.

Ядерное сдерживание в стратегическом диалоге между Россией и США. *Ядерный Контроль*. №1, 2003. С. 136.

По словам ученых, в далеком прошлом кометы сталкивались и с Землей. «Именно столкновению с кометами, а не астероидами или метеоритами приписывают роль гигантских катастроф прошлого, со сменой климата, вымиранием многих видов животных и растений, гибелью развитых цивилизаций землян»[36].

Таким образом, сегодня АКО нельзя исключать из потенциальных угроз человечеству и всей планете. Именно поэтому системы противоракетной обороны могли бы в будущем решать двуединую задачу (военную и гражданскую) и обрести общечеловеческий масштаб и значение.

* * *

Исходя из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что проблема противоракетной обороны для России и всего мира является монетой, которая, как ее ни кинь, все равно упадет *орлом* вниз.

Итак, с одной стороны, Россия после создания ПРО в АТР и ПРО НАТО окажется в так называемых *тисках* противоракетной обороны США, зажатая с двух сторон противоракетными щитами. Это грозит нарушением современного геополитического баланса сил, основанного на гарантированном ответном ядерном ударе. При развитии такого сценария мир может скатиться к опасной однополярности (или одноцентричности), в которой США в лучшем случае займут место лидера, в худшем — гегемона.

С другой стороны, в погоне за защитой от потенциальных ракетных угроз (будь то КНДР и Иран, Сирия и террористы или же Китай и Россия) США и другие страны очень мало внимания уделяют астероидно-кометной опасности, вероятно, потому, что развитие сценария, при котором астероид или комета сможет за несколько секунд уничтожить весь земной шар, очень маловероятно. Тем не менее это обстоятельство нельзя упускать из виду из-за его апокалипсических последствий. Ведь

может сложиться такая ситуация, когда система ПРО США и их союзников сможет отразить ракетно-ядерный удар со стороны врага, защитив территорию своей страны и стран-союзников, но окажется абсолютно беспомощной перед *лицом* летящего к Земле на огромной скорости метеорита, несущего в себе смертельную опасность для всей планеты.

Примечания

[1] John C. Rood. International Missile Defence: Challenges for Europe (Remarks to the 8th Royal United Services Institute (RUSI) Missile Defense Conference, London, U.K., February 27, 2007). P. 2, http://www.nti.org/e_research/source_docs/us/department_state/briefings_speeches_testimony/44.pdf (последнее посещение — 21 сентября 2011 г.)·

[2] Есин Виктор. Европейская система на американский лад: Вашингтон намерен «привязать» своих союзников к глобальной ПРО США. *Независимое Военное Обозрение*. 2009. № 2, 23 января, http://nvo.ng.ru/armament/2009-01-23/8_pro.html (последнее посещение — 30 мая 2011 г.).

[3] Есин Виктор. Проблема ПРО в глобальной политике. *Международные процессы.* 2009, Т. 7, № 2 (20), май — август, http://www.intertrends.ru/twenty/003.htm (последнее посещение — 29 мая 2011 г.).

[4] Арбатов А.Г. Пятый противоракетный кризис: Развязка узла противоречий между Москвой и Вашингтоном вполне возможна. *Независимое Военное Обозрение.* 2007. № 38, 2 ноября, http://nvo.ng.ru/concepts/2007-11-02/6_crisis.html (последнее посещение — 28 мая 2011 г.).

[5] Мясников Виктор. ПРО и СНВ — врозь и вместе: Американская администрация категорически возражает против увязки этих двух вопросов в одном договоре. *Независимое Военное Обозрение*, 2009. № 21, 26 июня, http://nvo.ng.ru/concepts/2009-06-26/1_pro.html (последнее посещение — 29 мая 2011 г.).

[6] Рогов С.М. Улица с двусторонним движением: Отношения между Россией и США требуют взаимности. *Независимая Газета*. 2009, 23 сентября, http://www.ng.ru/ideas/2009-09-23/5_rus-usa.html (последнее посещение — 30 мая 2011 г.).

[7] U.S. Department of Defense. Missile Defense Agency. The Phased Adaptive Approach for Missile Defense in Europe Fact Sheet: *As issued by the White House on Sept. 17, 2009,* http://www.mda.mil/system/paa.html (последнее посещение — 21 сентября 2011 г.)

[8] Patrick J. O'Reilly. Phased Adaptive Approach to Missile Defense in Europe Overview for the Atlantic Council. 2009. 7 October. P. 4, http://www.acus.org/files/OReilly%20Powerpoint%20Atlantic%20Council%20Missile%20Defense%20Conference.pdf (последнее посещение — 21 сентября 2011 г.).

[9] Obama's Speech in a NATO Arrival Reception in Lisbon. 19 November 2010, http://projects.washingtonpost.com/obama-speeches/speech/507/(последнее посещение — 21 сентября 2011 г.).

[10] Рогозин Д.О. Россия–НАТО: диалог кота в мешке с ежиком в тумане. Никакие союзнические обязательства невозможны без общей платформы. *Независимое Военное Обозрение.* 2010, 12 ноября, http://nvo.ng.ru/concepts/2010-11-12/1_nato.html (последнее посещение — 28 июня 2011 г.).

[11] Steve Andreasen. Missile defense: the missing piece of the puzzle. 2011, 26 March, http://www.guardian.co.uk/commentisfree/cifamerica/2011/mar/26/nato-nuclear-weapons (последнее посещение — 24 мая 2011 г.).

[12] Козин В.П. ПРО США: «восточноевропейскую» систему корректируют, а «азиатскую» наращивают? *Национальная оборона*. 2010. № 12, декабрь, http://www.oborona.ru/283/308/index.shtml?id=3894 (последнее посещение — 30 мая 2011 г.).

[13] Там же.

[14] Richard A. Bitzinger. Asia-Pacific Missile Defense Cooperation and the United States 2004–2005: A Mixed Bag. 2005. February. P. 3, http://www.apcss.org/Publications/SAS/APandtheUS/BitzingerMissile1.pdf (последнее посещение — 25 мая 2011 г.).

[15] Ibid. P. 4–5.

[16] Ibid. P. 7.

[17] Jenny Shin. The Concern with South Korea's Missile Defense System. *Center for Defense Information,* 2010, 25 August, http://www.cdi.org/program/document.cfm?DocumentID=4537 (последнее посещение — 31 мая 2011 г.).

[18] Bruce Klinger. The Case for Comprehensive Missile Defence in Asia. 2011. 7 January, http://www.heritage.org/Research/Reports/2011/01/The-Case-for-Comprehensive-Missile-Defense-in-Asia (последнее посещение — 24 мая 2011 г.).

[19] Ibid.

[20] Ibid.

[21] 9 июня 2010 г. Совет Безопасности ООН принял предложенную США резолюцию 1929 о введении новых международных санкций против Ирана. Затем дополнительные односторонние санкции в отношении Исламской Республики были объявлены администрацией США, а 26 июля пакет односторонних антииранских мер одобрили министры иностранных дел стран ЕС.

[22] Robert Gates' Statement in Beijing. 11 January 2011,http://www.bbc.co.uk/news/world-asia-pacific-12162434 (последнее посещение — 21 сентября 2011).

[23] Rex R. Kiziah. US-Led Cooperative Theater Missile Defense in Northeast Asia: Challenges and Issues. *Air War College Maxwell Paper*. 2000, No. 21, July. P. 20, http://www.au.af.mil/au/awc/awcgate/maxwell/mp21.pdf (последнее посещение — 1 июня 2011 г.).

[24] Ibid.

[25] Joan Johnson-Freese & Thomas Nichols. Space, Stability and Nuclear Strategy: Rethinking Missile Defense. *China Security*. 2010, Vo. 6, issue 17, http://www.chinasecurity.us/index.php?option=com_content&view=article&id=470&Itemid=8 (последнее посещение — 27 мая 2011 г.).

[26] ЕвроПРО создается под интересы США: страны НАТО стараются обойти лиссабонские договоренности с Россией. *Независимое Военное Обозрение*. 2011. 20 мая, http://nvo.ng.ru/concepts/2011-05-20/2_red.html. (последнее посещение — 24 мая 2011 г.).

[27] Терехов Андрей. Семейно-политическое турне Обамы. *Независимая Газета*. 2011. 23 мая, www.ng.ru/world/2011-05-23/1_obama.html (последнее посещение — 24 мая 2011 г.).

[28] Терехов Андрей. Противоракетный саммит в Довиле: американские сенаторы раскрыли планы Агенства ПРО США в Грузии. *Независимая Газета.* 2011. 18 мая, — www.ng.ru/world/2011-05-18/8_summit.html, (последнее посещение — 28 июня 2011 г.).

[29] Перспективы противоракетной обороны. 2004, http://n-t.ru/tp/ts/pp.htm (последнее посещение — 1 июня 2011 г.).

[30] Space-Based Interceptor (SBI). GlobalSecurity.org, http://www.globalsecurity.org/space/systems/sbi.htm (последнее посещение — 21 сентября 2011 г.) См. также Union of Concerned Scientists. Space Based Missile Defense Fact Sheet. P.1, http://www.ucsusa.org/assets/documents/nwgs/space-based-md-factsheet-5-6-11.pdf (последнее посещение — 22 сентября 2011 г.).

[31] Козлов С. И. ПРО: совместная защита от общего врага. *Независимая Газета*, 2011, 11 февраля, http://nvo.ng.ru/concepts/2011-02-11/1_pro.html (последнее посещение — 28 мая 2011 г.).

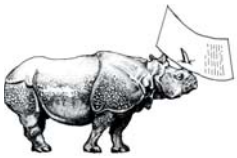
[32] Там же.

[33] Кометно-астероидная опасность столкновения с Землей. *Астрономия на пеньке*, http://astrometric.sai.msu.ru/stump/html/1_137.html (последнее посещение — 29 июня 2011 г.).

[34] Непомнящий Н. Н. и Низовский А. Ю. Взрыв над Подкаменной Тунгусской. Тайны Земли и Вселенной, серия «100» великих: Сто великих тайн, http://a-nomalia/narod.ru/100tayn/16.html (последнее посещение — 30 мая 2011 г.).

[35] Подробнее о столкновении кометы Шумекер-Леви с Юпитером см. статью «Кометно-астероидная опасность столкновения с Землей». *Астрономия на пеньке*, http://astrometric.sai.msu.ru/stump/html/1_137.html (последнее посещение — 1 июня 2011 г.).

[36] Кометно-астероидная опасность столкновения с Землей.



Адриаан Ван дер Меер

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЯДЕРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

На саммите по ядерной безопасности в Сеуле в марте 2012 г. говорилось о важности человеческого фактора в деле обеспечения ядерной безопасности. Документы саммита отмечают повышение культуры безопасности как важный элемент этого процесса.

Распространение оружия массового уничтожения (ОМУ) представляет собой, возможно, самую большую угрозу нашей безопасности. Эта тема обсуждается практически на каждом саммите большой восьмерки. На саммите в Довиле (май 2011 г.) была принята Декларация по нераспространению и разоружению. Современные вызовы связаны не только со стремительным распространением ядерной науки и большим доступом к соответствующим знаниям. Необходимо также уделять внимание растущему количеству вовлеченных в этот процесс игроков и отношениям между ними. Количество информации, накапливаемой благодаря научным и технологическим достижениям, поражает. Назрела необходимость отреагировать на эти события.

В статье в газете *Financial Times* в 2005 г. бывший генеральный директор МАГАТЭ Мохаммед Эльбарадей отмечал, что в последние годы ситуация в области международной безопасности подверглась радикальным изменениям под воздействием трех явлений: возникновения ядерного *черного рынка*, решительных усилий со стороны растущего числа стран получить технологию производства расщепляющихся материалов, используемых в ядерном оружии, и ясного стремления террористических групп получить в свои руки оружие массового поражения[1]. Эта тенденция требует пересмотра и укрепления международного режима противодействия распространению ОМУ.

15 января 2008 г. группа авторитетных американских политиков написала в газете *Wall Street Journal*, что ускоряющееся распространение ядерного оружия, ядерных технологий и ядерных материалов привело нас к переломному моменту: «Мы стоим перед реальной возможностью того, что самый смертоносный из когда-либо придуманных видов оружия может оказаться в руках опасных людей»[2]. 2 февраля 2011 г. они написали в *Wall Street Journal*: «Вероятность того, что ядерное оружие может попасть в руки к террористам, возрастает. В условиях сегодняшней войны, которую террористы ведут против мирового порядка, ядерное оружие является самым опасным средством массового поражения. При этом, с концептуальной точки зрения, обладающие ядерным оружием автономные террористические группы находятся за рамками стратегии сдерживания и представляют собой сложный новый вызов с точки зрения поддержания безопасности»[3].

Как помешать террористам получить доступ к ОМУ? Как помешать им воспользоваться этим оружием, если они все же получили к нему доступ? Как уменьшить

воздействие этого оружия, если оно будет применено? Как убедить таких игроков отказаться от идеи заполучить ОМУ? Добиться какого-либо прогресса в нахождении ответов на эти вопросы невозможно без сотрудничества в рамках международного сообщества.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПОЛИТИКИ

В настоящее время имеется широкий выбор инструментов для предотвращения, контроля, уничтожения или реагирования на распространение ОМУ. Существуют многосторонние соглашения и механизмы контроля, национальный и международный контроль над экспортом, программы сотрудничества по сокращению угроз, политические и экономические рычаги (включая политику в области торговли и развития), методы противодействия незаконной деятельности и, как крайняя мера, методы принуждения в соответствии с Уставом ООН. При этом, как признает ЕС в своей Стратегии нераспространения, необходимы все эти инструменты и ни один из них не является достаточным сам по себе. Поэтому нужно укреплять их все и применять те из них, которые будут наиболее эффективны в каждом конкретном случае. Отдельные эксперты подчеркивают важность обновления мер международной безопасности и нераспространения, а также адаптации их к современным условиям. Для эффективного устранения сегодняшних меняющихся угроз следует вырабатывать новые инструменты. Эти вопросы поднимались на Обзорной конференции по ДНЯО в 2010 г., где также был принят план конкретных действий.

Что касается мирного использования ядерной энергии, то события на АЭС в Фукусиме лишний раз подчеркнули необходимость дальнейшего укрепления безопасности ядерных объектов и управления ядерной безопасностью. Так, например, 19 апреля 2011 г. президент Европейской комиссии Жозе Мануэль Баррозу выступил с призывом активизировать многосторонние усилия в сфере радиационной безопасности, особенно в рамках оказания помощи в чрезвычайных ситуациях. Позднее, в сентябре 2011 г., МАГАТЭ приняло план действий по поддержанию безопасности ядерных объектов, который сейчас находится на стадии реализации.

Все эти (правовые) усилия должны быть полностью поддержаны, при том что каждое из них является важным элементом общей мировой политики ядерного нераспространения. Вместе с тем, чрезвычайно важно включить в обсуждение этих и других связанных с ними вопросов те лица и организации, которые на каждодневной основе имеют дело с этими потенциально опасными материалами и технологиями. Эти факторы необходимо учитывать при решении вопросов ядерного нераспространения. Как показывает опыт в других областях, профилактика более эффективна и менее затратна, чем лечение. Таким образом, задача заключается в дальнейшем развитии *культуры ответственности* среди ученых, инженеров и институтов, имеющих дело с материалами, связанными с повышенным риском. Этот идущий снизу вверх подход окажется более результативным и менее дорогостоящим, чем другие меры в цепочке политики нераспространения.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

Общеизвестно, что работа с материалами и технологиями повышенного риска, включая ноу-хау, может вылиться в их нецелевое и несанкционированное использование, что, в свою очередь, может привести к самым плачевным последствиям. Именно поэтому ключевым элементом эффективного режима нераспространения является человеческий фактор, а действия, непосредственно направленные на работу с конкретными учеными и инженерами, имеют ключевое значение.

Таким образом, критически важными становятся меры, направленные на укрепление культуры нераспространения. В большинстве стран научно-техническая работа специалистов регулируется стандартами контроля на уровне конкретных инсти-

тутов, в том числе посредством экспертной оценки коллег. Вместе с тем, эффекты глобализации, такие как, например, растущая мобильность ученых, ставят под сомнение эффективность подобных стандартов на международном уровне.

Более того, в 2009 г. страны большой восьмерки официально признали необходимость реализации на международном уровне проектов по вовлечению ученых в работу по нераспространению. Они также согласились с рекомендациями относительно скоординированного подхода в области распространения глобальных знаний об ОМУ и вовлечения ученых. На саммите в Довиле в 2011 г. при оценке будущих программ в рамках Глобального партнерства страны восьмерки доработали эти рекомендации. Среди прочего они призвали к укреплению и углублению понимания и ответственности среди ученых, занимающихся химическими, биологическими, радиационными и ядерными исследованиями. Необходимо содействовать применению передовой практики и сотрудничеству в области химической, биологической, радиационной и ядерной безопасности среди международного ученого сообщества и развивать культуру безопасности[4].

На международном уровне существует лишь несколько программ, призванных помогать научным институтам развивать у себя такую *культуру ответственности*. Международные научно-технические центры в Москве и Киеве выполняют именно эту функцию. С самого своего основания в середине 1990-х гг. они последовательно занимаются развитием и продвижением исследований в гражданских — нераспространенческих — целях. Они способствуют повышению ответственности и лучшему пониманию нераспространенческих норм учеными из бывшего Советского Союза путем более тесного их вовлечения в международное научное сообщество. В сегодняшнем мире, когда доступ к новейшим технологиям стал значительно проще, количество новых научно-исследовательских центров стремительно растет, а исследованиям в областях повышенного риска уделяется все больше внимания, эти аспекты деятельности Международного научно-технического центра (МНТЦ) в Москве и Научно-технологического центра в Украине (НТЦУ) становятся еще более актуальными.

Именно с этой целью МНТЦ разработал программу ответственного управления научными исследованиями. Ее содержание координируется с другими партнерами под эгидой МАГАТЭ в рамках Международной группы по образованию в области физической ядерной безопасности; разрабатываются учебные материалы и специальные программы обучения; оказывается поддержка работе преподавателей и студентов МИФИ, занимающихся исследованиями в области безопасности и нераспространения ядерных материалов.

РОЛЬ МНТЦ: СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

МНТЦ как часть механизма нераспространения и контрраспространения занимается научными аспектами тематики нераспространения. Это агентство финансирует научные исследования и работает на пересечении международной политики нераспространения и международного научного сотрудничества. Это — межправительственная организация, в которой бок о бок работают такие страны и объединения, как Канада, ЕС, Япония, Россия, США, а также различные бывшие республики Советского Союза.

Посредством различных мероприятий Центр способствует достижению целей Резолюции 1540 Совета Безопасности ООН о глобальном нераспространении и противодействии терроризму, в частности соблюдению пункта 8 (d), посвященного работе с промышленными и общественными кругами, в том числе учеными и техническим персоналом.

Сегодня работа Центра существенно отличается от ситуации середины 1990-х гг., когда МНТЦ только создавался. Это выражается не только в смене акцентов в вопросах безопасности, но во все более глобальном характере вызовов режиму

нераспространения, с которыми мы сталкиваемся. Финансовая и экономическая ситуация в отдельных странах бывшего СССР претерпела изменения к лучшему. Предпринимаются инициативы в целях лучшей адаптации имеющихся инструментов и методов к существующему положению дел в области исследований двойного назначения, в том числе осуществляемых молодыми учеными.

МНТЦ принимает участие в реализации мероприятий в рамках саммитов по ядерной безопасности и новой программы Глобального партнерства большой восьмерки после 2012 г. Уроки, усвоенные МНТЦ, и накопленные им знания станут доступны другим регионам мира, что позволит создавать новые направления сотрудничества и человеческого взаимодействия в вопросах ядерного нераспространения.

Начиная с 2007 г. МНТЦ работает над новым стратегическим видением и процессом преобразований. В число приоритетов обновленной организации, которая будет построена на принципах равенства и партнерства, входят программы по более активному вовлечению ученых (информационно-разъяснительная работа, повышение квалификации, обучение) и повышению уровней безопасности лабораторий. Структура новой организации, ее архитектура и географический охват еще находятся в стадии обсуждения, так же как и формы ее работы. Однако этот процесс сильно пострадал после объявления Россией в 2010 г. о ее выходе из организации с 2015 г.

Любой новый тип организации должен стать центром передового опыта для оказания научно-технической поддержки в деле снижения рисков от использования химических, биологических, радиоактивных и ядерных материалов и более активного вовлечения ученых в этот процесс; при этом он должен функционировать на глобальной основе. Время для работы и обсуждения этих вопросов еще есть. Так давайте же продолжим работу над этой концепцией, чтобы повысить роль человеческого измерения ядерной безопасности в рамках общей мировой политики ядерного нераспространения, которая сталкивается с новыми вызовами.

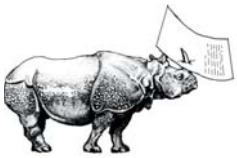
Примечания

[1] ElBaradei Mohamed. Seven steps to raise world security. *Financial Times*. 2005. 2 February; http://www.ft.com/intl/cms/s/0/6c54bc7c-74c0-11d9-a769-00000e2511c8.html#axzz1lm1aQk4h (Последнее посещение — 15 декабря 2011 г.).

[2] Shultz George P., Perry William J., Kissinger Henry A., and Nunn Sam. Toward a Nuclear-Free World. *The Wall Street Journal*. 2008. 15 January.

[3] Shultz George P., Perry William J., Kissinger Henry A., and Nunn Sam. A World Free of Nuclear Weapons. *The Wall Street Journal*. 2011. 2 February.

[4] Repot of the Nuclear Safety nd Security Group. G8 Summit. Deauville. 2011, May 26–27; http://www.g20-g8.com/g8-g20/g8/english/the-2011-summit/declarations-and-reports/appendices/report-of-the-nuclear-safety-and-security-group.1355.html (Последнее посещение — 15 февраля 2012 г.).



Роуз Готтемюллер[1]

ОТ МАНХЭТТЕНСКОГО ПРОЕКТА К ОБЛАЧНЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ: КОНТРОЛЬ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ В ИНФОРМАЦИОННЫЙ ВЕК

В настоящее время, проверяя выполнение странами взятых на себя обязательств в рамках договоров по контролю над вооружениями, мы используем сочетание обмена информацией, уведомлений о статусе вооружений (в каком районе страны находится та или иная межконинтентальная баллистическая ракета), инспекций на местах, а также национальных средств, в том числе так называемых национальных технических средств. Национальные технические средства — это крупные объекты: спутники наблюдения, радары с фазированной антенной решеткой, которыми отдельные страны могут управлять и которые они могут контролировать. В отношении договоров по контролю над вооружениями уже давно стало правилом не вмешиваться в национальные технические средства друг друга: мы даем друг другу возможность пользоваться этими глазами и ушами для проверки выполнения договоров. Все элементы, которые я перечислила, в сумме обеспечивают эффективный режим проверки.

ДУХ ИСТОРИИ

Должна объяснить, что мы подразумеваем под эффективной проверкой. Посол Пол Нитце определил ее следующим образом: «Если другая сторона решит выйти за пределы договора любым существенным в военном отношении образом, мы должны быть в состоянии вовремя обнаружить такие нарушения, чтобы эффективно отреагировать и тем самым не позволить другой стороне получить выгоду от нарушения договора». Таково определение эффективного контроля, и оно является критерием проверки соблюдения договора. Теперь давайте подумаем: чтобы соответствовать этому критерию, не можем ли мы встроить общедоступные информационные технологии и социальные сети в режимы верификации и мониторинга в области контроля над вооружениями?

Я осознаю, что новые концепции не изобретаются в одночасье и мы не в силах объять весь спектр возможностей, открывающихся в информационную эпоху. Первые электронно-вычислительные машины были разработаны в то же время, что и атомная бомба. Более того, генерал Лесли Гроувс, который руководил Манхэттенским проектом, также принимал участие в разработке *UNIVAC* — одного из первых компьютеров, созданных для использования в военных целях. Хотите — верьте, хотите — нет,

но кабинет, который я сейчас занимаю в Государственном департаменте, находится рядом с прежним кабинетом Гроувса в тогдашнем Военном министерстве США. Там я часто чувствую дух истории.

И поскольку уж мы заговорили об истории, я хотела бы напомнить, что в конце Второй мировой войны Ванневар Буш, директор Управления по научным исследованиям и разработкам при президенте США, призвал создателей атомной бомбы начать поиск новых способов управления информацией: «[Человек] построил настолько сложную цивилизацию, — заявил Буш, — что ему необходимо более полно механизировать процесс учета информации, если он хочет довести эксперимент до логического завершения, а не застрять на полпути от перенапряжения своей ограниченной памяти», — или, скажем по-другому, своих ограниченных возможностей наблюдения и понимания.

Благодаря интернету мы достигли видения Ванневара Буша с технической точки зрения, но не осознали в полной мере его последствий для политики национальной безопасности. Сегодня любое событие в любой точке планеты может быть транслировано на весь мир в считанные секунды. Интересно то, как это отражается на контроле над вооружениями и верификации. В наше время стало труднее что-либо скрыть. Когда скрывать становится труднее, легче поймать того, кто пытается это сделать. Бдительное око соседа является мощным инструментом.

ОБЩЕДОСТУПНЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ

Но как именно могут общедоступные информационные технологии повысить качество проверок в области контроля над вооружениями? Это требование можно выполнять как минимум двумя способами: либо в форме активной задачи, включающей выработку новой информации и ее анализ, либо в форме глубокого анализа уже существующей информации.

Примером первого подхода является конкурс «Красные шары», организованный Управлением перспективного планирования оборонных научно-исследовательских работ (*DARPA*). В 2009 г. в честь 40-летия интернета *DARPA* провела конкурс, в рамках которого в разных регионах континентальной части Соединенных Штатов были подняты 10 красных воздушных шаров в точках, где они были хорошо видны. Первая команда, определившая местоположение всех 10 шаров, награждалась значительной денежной премией — 40 000 долларов. В конкурсе приняли участие более 4300 команд, объединивших примерно 2 млн человек из 25 стран. Победу одержала команда из Массачусетского технологического института (MIT) определившая местоположение всех шаров за удивительно короткий срок — 8 часов 52 минуты. Конечно, чтобы победить в такой малый промежуток времени, или вообще выполнить требование конкурса, члены команда MIT не сами *искали* эти воздушные шары. Они вошли в социальные сети с уникальной структурой стимулов, которая побуждала людей не только искать шары, но и привлекать к этому других. Их победа показала огромный потенциал социальных сетей, а также продемонстрировала, как стимулы могут мотивировать большие группы населения для работы в направлении общей цели.

А не может ли нечто подобное работать в контексте контроля над вооружениями? Представим себе, что некая страна, желая продемонстрировать свои добрые намерения в обстановке глубоких ядерных сокращений, согласится добровольно подвергнуться проверке. Она захочет доказать, например, что не прячет неучтенных ракет в лесу или реактор для производства расщепляющихся материалов в пустыне. Конечно, скорее всего, потребуются некоторые формы международного контроля, чтобы обеспечить легитимность проверки и применяемых процедур. И надо будет подумать, сможет ли такая проверка быть эффективной, если эти

вооружения легко можно скрыть, например, в пещерах или глубоких подземных сооружениях.

Я думаю, что подобный метод — назовем его *задачей общественного контроля* — может оказаться особенно ценным по мере продвижения к все более низкому количеству ядерного оружия. Правительства будут заинтересованы в предъявлении доказательств того, что они выполняют свои обязательства по сокращению, а возможно, захотят задействовать свое население для помощи в сборе доказательств.

Другим примером общественной акции по сбору новой информации был мониторинг окружающей среды после катастрофы с разливом нефти в результате аварии на платформе *Deepwater Horizon* в Мексиканском заливе в 2010 г. Общественная лаборатория открытой технологии и науки (*PLOTS*) в сотрудничестве с другими институтами организовала гражданский проект по контролю разлива нефти с помощью воздушных шаров. Группа предложила представителям общин прикреплять цифровые камеры к воздушным шарам или воздушным змеям для проведения аэрофотосъемки. Полученные снимки были затем сведены воедино с использованием открытого программного обеспечения, чтобы на базе многочисленных отдельных цифровых изображений создать единую карту.

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

ЮЛИЯ КИСЛЯК, АЛЕКСЕЙ СОКОЛОВ: Итак, встает серьезнейшая проблема использования доступа к огромным аудиториям пользователей интернета и влияния ведущих интернет-компаний на общественное мнение. Сегодня особое значение имеет наличие торговой марки, что позволяет обладателям данной марки привлекать огромные аудитории на свои сайты. [...] Хотя сама Паутина не создавалась в целях пропаганды отдельных идеологий и взглядов — скорее она преследовала прямо противоположные цели — но именно ее раздробленность на огромное количество источников позволяет самым мощным из них становиться средствами массовой информации нового поколения, объединяющими текстовую, графическую, видео- и аудиоинформацию одновременно. Таким образом, несмотря на демократичность принципов построения Паутины, нельзя исключать возможность использования ее информационных ресурсов и потенциала, например, для продвижения внешне- и внутриполитических целей государства. Влияние на общественное мнение через интернет становится одним из ключевых факторов при формировании стратегических приоритетов общества и затрагивает интересы всех без исключения государств.

Влияние процессов развития интернет-технологий на геополитические интересы государства.
Ядерный Контроль. № 6, ноябрь–декабрь 2000. С. 34.

Итак, гражданские проекты проверки и мониторинга могут применяться для контроля над вооружениями и нераспространением. Если страна *X* заявляет, что некий ядерный объект был закрыт, усилиями граждан можно дополнить стандартные международные гарантии или проверки этого заявления. Опять же, мы должны иметь в виду, что здесь могут возникать существенные ограничения, связанные со свободами, которыми обладают граждане страны *X*: это один из вопросов, который следует обдумать в рамках рассмотрения этой проблемы.

Кроме разработки новой информации, весьма полезным может быть сбор и анализ существующей информации.

После *арабской весны* возросло уважение к таким механизмам социальных сетей, как *Twitter*. Новости о ходе восстаний освещались в режиме реального времени

не только традиционными новостными агентствами, но и рядовыми гражданами на местах. Репортажи о революции вели те, кто ее творил.

Лейла Шерин Сакр из Университета Южной Калифорнии внимательно следила за событиями *арабской весны*, создавая массивные базы данных твитов на арабском языке. Вместо того чтобы самостоятельно выбрать поисковые слова и вести поиск в базе данных, Сакр применила компьютерную программу для агрегации данных и выявления закономерностей. При агрегировании твитов из Ливии программа выявила всплески в использовании некоторых хэштегов или отдельных ключевых слов. Эти всплески стали своего рода импульсом, ранним предупреждением о падении города Завия. Через некоторое время снова стали появляться подобные всплески, что позволило Сакр предсказать предстоящее падение Триполи. Ей удалось сделать это с точностью до нескольких часов.

Способность выявлять закономерности и тенденции в социальных сетях может оказаться подспорьем в процессе проверки в области контроля над вооружениями. Прежде всего социальные СМИ могут привлекать внимание как к обычным, так и к аномальным событиям. Мы, вероятно, сможем выяснять, откуда исходят необычные потоки, выявлять признаки производственной деятельности и нацеливать на этот район датчики и спутники. Подобное нацеливание могло бы помочь нам более эффективно использовать наши ограниченные и дорогостоящие национальные технические средства, а в некоторых случаях — существенно дополнять их. Это важное соображение в эпоху жесткой бюджетной экономии, когда цены на крупные объекты, такие как спутники, продолжают расти. Мы нуждаемся в этом *большом железе*, но мы должны использовать его эффективно.

В этом же духе следует подумать о том, какую пользу мы можем извлечь из использования общедоступных геопространственных баз данных, таких как *Google Earth*. Конечно, общедоступными спутниковыми изображениями уже в течение некоторого времени пользуются для своих исследований НПО, студенты и частные граждане.

Недавно я узнала об интересной работе, проводимой Тамарой Паттон в Монтерейском институте международных исследований. Основное внимание в своем исследовании Паттон уделяет производственной мощности комплекса по производству плутония Хушаб в Пакистане. Она использует свободно доступные геопространственные инструменты для сбора и анализа информации об уровне мощности комплекса. Самое интересное начинается тогда, когда она превращает общедоступные спутниковые снимки комплекса в трехмерные модели с использованием находящейся в свободном доступе программы *Google Sketch-up*. Эта программа строит модели на основе размеров, которые Паттон устанавливает с помощью инструментов в *Google Earth* и элементарной тригонометрии. Модель затем помещается на карту, и на нее наносится рельеф — наблюдаемые признаки. Такое моделирование может быть использовано и в качестве инструмента анализа, и как средство четкой визуализации и обобщения результатов.

Продумывая новые способы использования этих средств, мы должны знать, что впереди нас могут ожидать трудности. Мы не можем полагаться на то, что информация всегда будет столь же легко доступна. Поскольку государства и частные организации продолжают обсуждать границу между неприкосновенностью частной жизни и безопасностью, мы можем предположить, что живем сейчас в золотой век информации из открытых источников, которой со временем станет пользоваться труднее. В недавней статье в газете *Financial Times* Рон Драйберт из Университета Торонто указал: «Возможно, мы будем вспоминать 1990–2000-е гг. как краткий период, когда мы могли свободно общаться и находить информацию в любых источниках». Еще одним предметом беспокойства в отношении общедоступных технологий является надежность. Информацией, получаемой с помощью общедо-

ступных технологий, можно легко манипулировать, ее можно неправильно использовать и неверно истолковывать.

Свои недостатки есть и у социальных сетей, не говоря уже о горах ненужных данных, которые могут маскировать полезную информацию. Иногда социальные сети имеют непредвиденные последствия. Хотя это не помешало миссии и не сделало ее невозможной, далеко не идеальным было то обстоятельство, что штурм дома, где жил Усама бин Ладен, непреднамеренно освещался в реальном времени в сети *Twitter*.

В конечном итоге цель использования технологии открытых источников информации и социальных сетей — расширять наши существующие возможности проверки в области контроля над вооружениями. Например, соблюдение Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний будет контролироваться через Международную систему мониторинга (МСМ). Для обнаружения ядерных взрывов МСМ опирается на четыре устоявшихся метода мониторинга. Можно ли будет интегрировать эту уже надежно действующую систему с социальными сетями, обеспечивая независимое подтверждение официальных выводов? Это тема для обдумывания.

КОНТРОЛЬ НАД КИБЕРВООРУЖЕНИЯМИ?

А теперь, слегка изменив направление, я хочу ясно дать понять, что хотя я и заинтересована в размышлении над тем, как мы можем улучшить политику в области контроля над вооружениями с помощью инструментов информационного века, я думаю, что такие термины, как «контроль над кибервооружениями», могут вносить путаницу и вводить в заблуждение. Слишком часто на не до конца понятые концепции безопасности вешается ярлык, который им совершенно не подходит. Это не удивительно. Новым концепциям требуется время для созревания. Теории о ядерном сдерживании не возникли в одночасье; нам потребовались годы, чтобы понять последствия того, что мы создали.

Контроль над ядерными вооружениями акцентирует внимание на ограничении больших объектов — ракет, подводных лодок, бомбардировщиков, — которые имеют несомненно военное назначение. Технологии же, используемые для производства кибероружия, по своей природе имеют двойное назначение, они легко доступны в Интернете, и по большей части мы видим только их последствия. Способность идентифицировать злоумышленника в реальном времени или с высокой степенью достоверности часто бывает недостижима. Здесь нет громоздких реакторов или больших МБР, которые можно увидеть с неба. Кроме того, физические ограничения и потолки, которые мы применяем к ракетам и запасам химического оружия, неприменимы, когда мы говорим о находящихся на большом расстоянии друг от друга субъектах, порой действующих по заданию правительств, а также об информации и программном обеспечении, а не *железе*. Эта неспособность *видеть* угрозу сгущает туман войны.

Поскольку возможности традиционных инструментов политики в области контроля над вооружениями лишь ограниченно применимы в отношении кибероружия и войны в киберпространстве, мы возлагаем надежды на новые инструменты и стратегии, способные учитывать киберугрозы. Уже накоплен, однако, некоторый опыт, который мы можем использовать.

Хорошей отправной точкой являются меры укрепления доверия. Мы думаем о том, как наши знания в области мер укрепления доверия при контроле над вооружениями могут быть применены к международному сотрудничеству в области кибербезопасности. Например, национальные Центры по уменьшению ядерной опасности (НЦУЯО), традиционно использовавшиеся для обмена информацией, обуслов-

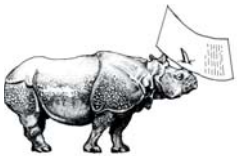
ленной существующими договорными режимами, могут в дальнейшем использоваться для уведомления об угрозах, инцидентах или учениях в киберпространстве. Международные учения могут дать хорошую возможность для выявления новых проблем в области связи в кризисных ситуациях или для технического сотрудничества и обмена, которые могут быть полезны для противостояния общим угрозам и реагирования на них. Даже простые обмены в области государственной политики или законодательства в сфере кибербезопасности могут помочь повысить уверенность государств во внутреннем потенциале решения возникающих проблем, а также содействовать обсуждению общего понимания и передового опыта.

Я понимаю, конечно, что нам придется разработать новые способы применения таких мер по укреплению доверия, но если их внедрить должным образом, они могут создать основу для дальнейшего диалога и способствовать установлению норм и стандартов поведения. Трудность заключается в том, как применять международные нормы и стандарты, чтобы гарантировать, что киберпространство будет расти и развиваться на благо человечества и не станет благоприятной средой для злоумышленников из числа государств или преступников — что является реальной и непосредственной опасностью.

Я часто думаю, сидя в своем кабинете, где витает дух истории, что если людям, осуществившим Манхэттенский проект, хватило ума, чтобы изобрести атомную бомбу, то, конечно, нам хватит ума, чтобы избавиться от нее.

Примечания

[1] Публикуется в сокращении на основе лекции Роуз Готтемюллер по программе Сидни Дрелла в Стэнфордском университете (27 октября 2011 г.) с любезного разрешения автора.



Евгений Мясников

ПЕРСПЕКТИВЫ СОКРАЩЕНИЙ ЯДЕРНЫХ ВООРУЖЕНИЙ США И РОССИИ В СВЕТЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПО СТАТЬЕ VI ДНЯО

Первая сессия Подготовительного комитета Обзорной конференции по рассмотрению действия ДНЯО 2015 г. состоится 30 апреля — 11 мая 2012 г. в Вене. На сессии, в частности, намечается обсудить ход реализации государствами, обладающими ядерным оружием, положений Плана действий, принятого в рамках заключительного документа Обзорной конференции ДНЯО 2010 г. План предполагает выполнение 64 действий[1], объединенных тремя крупными разделами:

- ядерное разоружение;
- ядерное нераспространение;
- использование ядерной энергии в мирных целях.

ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТЫРЕ

В рассматриваемом контексте представляют интерес выводы экспертов американской неправительственной организации «Ассоциация по контролю над вооружениями», которые были опубликованы в октябре 2010 г (см. приложение 1)[2]. Авторы упомянутой работы попытались оценить усилия, предпринимаемые странами, обладателями ядерного оружия де-юре и де-факто, а также пороговыми странами, по десяти различным категориям для каждой из 11 стран (Великобритания, КНР, РФ, США, Франция, Индия, Израиль, Пакистан, Северная Корея, Иран, Сирия). Оценки осуществлялись по градациям шкалы от A (максимальная оценка) до F (минимальная оценка). По мнению авторов методики, оценки носят универсальный характер, хотя и пытаются учесть индивидуальные возможности той или иной страны внести вклад в ядерное разоружение в соответствии с той или иной категорией. На основе этих результатов в работе оценивается вклад каждой из стран.

Разумеется, предлагаемая методика оценки не свободна от недостатков. Тем не менее рассматриваемая работа достаточно объективно отражает оценки и ожидания мирового сообщества в отношении того, какие усилия предпринимаются ключевыми странами для укрепления режима нераспространения. Сделанные оценки, в частности, показывают, что в целом де-юре ядерные страны, выполняя свои обязательства в среднем на *четверку* (оценка B), более ответственно относятся к ядерному разоружению, нежели страны, не являющиеся членами ДНЯО, и пороговые страны. Однако усилия России, так же как и Китая, оценены на *четверку с минусом* (B–), что дает повод проанализировать причины и сделать необходимые выводы.

Настоящая работа посвящена обсуждению конкретных шагов, которые могут быть предприняты для выполнения прежде всего действий 3–6 (см. табл. 2), относя-

щихся к ядерным странам. Поскольку Конференция призвала государства, обладающие самыми крупными ядерными арсеналами, играть ведущую роль в усилиях по выполнению Плана действий[3], цель настоящей работы — обсудить, что представлялось бы важным предпринять в ближайшем будущем США и Российской Федерацией, для того чтобы подтвердить свою приверженность Статье VI ДНЯО.

Безусловно, сторонами ведется многоплановая работа с целью выполнения обязательств по ДНЯО, которая выходит далеко за рамки сокращения ядерных вооружений. Этот факт, в частности, иллюстрируют и упомянутые материалы Ассоциации по контролю над вооружениями. Однако главным достижением за последний год, несомненно, стало вступление в силу нового Договора СНВ и успешное начало его выполнения (действие 4). Официальные представители России и США в своих выступлениях также неизменно подчеркивают это обстоятельство[4].

Действительно, возвращение в рамки контролируемых сокращений ядерных вооружений, которые существовали в период действия старого Договора СНВ, стало большим достижением, и этот факт трудно переоценить. Однако существуют и моменты, которые не вполне увязываются с выполнением Плана действий, принятого Обзорной конференцией 2010 г.

ТРАНСПАРЕНТНОСТЬ И НЕОБРАТИМОСТЬ

В частности, План действий призывает ядерные страны «еще более повысить уровень транспарентности»[5]. К сожалению, приходится признать, что уровень транспарентности ядерных сил США и России снизился по сравнению с тем, который существовал в период действия *старого* Договора СНВ. Хотя стороны и обмениваются два раза в год подробными данными о состоянии своих СНВ, эта информация носит конфиденциальный характер, а общественности доступны лишь обобщенные данные об СНВ[6]. Судить по обобщенным данным о том, как стороны сокращают свои ядерные вооружения, очень сложно. Более того, может даже создаться превратное впечатление, что вооружения не сокращаются, а наращиваются вопреки тому, что План действий обязует государства применять принцип необратимости при осуществлении своих договорных обязательств (действие 2).

Так, в ходе брифинга о ходе выполнения нового Договора СНВ, проведенного в ООН, стороны представили обобщенные количественные данные о своих стратегических вооружениях по состоянию на 1 сентября 2011 г.[7] Если сравнивать их с данными по состоянию на 1 февраля 2011 г.[8], когда Договор вступил в силу (см. таблицу 1), можно увидеть, что у российской стороны количество развернутых боеголовок увеличилось на 29 единиц, а количество развернутых и неразвернутых носителей — на шесть единиц. В связи с этим некоторые наши зарубежные коллеги выражают свое недоумение[9], и наверняка на предстоящей сессии Подготовительного комитета возникнет много вопросов к представителям российской делегации. Вопросов этих можно было бы избежать, если бы общественности были доступными подробные данные по примеру *старого* Договора СНВ. Вряд ли такая информация настолько чувствительна, чтобы ее скрывать.

Таблица 1. **Обобщенные количественные данные по СНВ США и России**

	США		**Российская Федерация**	
	5.02.2011	**1.09.2011**	**5.02.2011**	**1.09.2011**
Развернутые МБР, БРПЛ и ТБ	882	822	521	516
Развернутые боеголовки	1800	1790	1537	1566
Развернутые и неразвернутые МБР, БРПЛ и ТБ	1124	1043	865	871

С принципом необратимости связан еще один факт, который вызывает обеспокоенность. Дело в том что, и США, и Российская Федерация строят масштабные планы по модернизации своих стратегических вооружений. США намерены в перспективе заменить 12 стратегических атомных подводных лодок, развернуть новые типы стратегических бомбардировщиков и МБР, причем расходы для реализации этих планов оцениваются более чем в 400 млрд долл.[10] Аналогичные планы, хотя, возможно, и предполагающие более скромные расходы, существуют и в России. Но если в отношении США пока речь идет о намерениях в относительно далеком будущем, то в глазах зарубежных экспертов российские программы находятся на полном ходу, и Россия в настоящее время создает не менее пяти (!) новых типов стратегических МБР и БРПЛ включая *Ярс*, *Булаву*, *Лайнер*, неизвестный пока новый тип МБР, испытанный в конце сентября 2011 г. в Плесецке[11], и перспективную жидкостную тяжелую МБР. Де-факто этот аргумент используется в США, чтобы обосновать необходимость выделения средств, для того чтобы ускорить планы модернизации СНВ США[12]. Трудно судить, в чем причина таких представлений зарубежных специалистов — то ли в дефиците официальной информации в отношении российских программ по модернизации СНВ, то ли в российской риторике в ответ на развертывание ЕвроПРО. Однако, таково реальное положение дел, и вряд ли оно способствует повышению рейтингов США и России на предстоящей Обзорной конференции ДНЯО.

ЧТО ДАЛЬШЕ?

План, принятый на Обзорной конференции в 2010 г., требует от США и России не только скорейшего вступления в силу нового Договора СНВ, но и продолжения обсуждения последующих мер в целях осуществления более глубоких сокращений их ядерных арсеналов (действие 4). Кроме этого, План действий обязывает ядерные державы «предпринимать дальнейшие усилия к сокращению и последующей ликвидации развернутых и неразвернутых ядерных вооружений всех типов, в том числе посредством осуществления односторонних, двусторонних, региональных и многосторонних мер» (действие 3), а также «рассмотреть вопрос обо всех ядерных вооружениях, независимо от их типа и местонахождения, в качестве неотъемлемого элемента процесса всеобщего ядерного разоружения» (Действие 5b).

Стороны заявили свои предварительные позиции в отношении дальнейших шагов по сокращению ядерных вооружений еще в 2010 г. В резолюцию по ратификации, принятую Сенатом США, внесен пункт, обязывающий администрацию США предпринять усилия с тем, чтобы не позже чем через год после вступления нового Договора СНВ в силу начать переговоры с Россией по контролируемому сокращению тактического ядерного оружия (ТЯО)[13]. Официальные представители администрации США уже предприняли попытки начать консультации с российской стороной по этому вопросу[14]. Российская сторона, не отказываясь от обсуждения, связывает его с целым рядом условий. В частности, в выступлении министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова на Пленарном заседании Конференции по разоружению в Женеве отмечалось, что Россия настаивает «на необходимости учета таких негативно влияющих на стратегическую стабильность факторов, как планы размещения оружия в космосе, создание стратегических наступательных вооружений в неядерном оснащении, развертывание односторонней системы глобальной ПРО». Кроме этого, «нельзя игнорировать и значительные дисбалансы в обычных вооружениях, особенно на фоне сохраняющихся во многих регионах мира опасных конфликтных ситуаций» и «те же самые факторы и их взаимосвязь должны приниматься в расчет в ходе дискуссии о перспективах сокращения тактического ядерного оружия». При этом Россия, как и прежде, продолжает считать, что первыми шагами в решении данной проблемы должны быть вывод ТЯО на территорию государства, которое им располагает, и уничтожение инфраструктуры его размещения за рубежом[15].

Таким образом, становится все более понятно, что если переговоры по следующему этапу сокращений ядерных вооружений начнутся, то перечень обсуждаемых вопросов не будет ограничен исключительно стратегическими наступательными вооружениями. Наиболее важными из них представляются противоракетная оборона, нестратегическое ядерное оружие (НСЯО) и стратегические вооружения в неядерном оснащении[16]. Ключевой из этих трех является проблема ПРО. Сближение позиций сторон в отношении ПРО способствовало бы разрешению и двух других перечисленных проблем, а вот отсутствие прогресса по ПРО закроет путь к диалогу по НСЯО и стратегическим вооружениям в неядерном оснащении, как и к диалогу по более глубокому сокращению стратегических ядерных вооружений.

Хотя консультации по ПРО продолжаются, стороны, к большому сожалению, так и не достигли заметного прогресса в решении этой проблемы. Как известно, Россия добивается от США юридически обязывающих гарантий ненаправленности против нее развертываемой в Европе системы ПРО[17]. Американская сторона заявила о своей готовности подтвердить и устно, и письменно, что будущая ПРО не направлена против России, но без каких-либо юридически обязывающих гарантий[18]. Учитывая реалии внутриполитической ситуации в США, очень сложно представить, как действующая администрации могла бы дать такие юридически обязывающие гарантии, даже если у нее и появилось бы такое желание.

Не исключено, что решение проблемы ПРО возможно, если обе стороны откажутся от своих довольно амбициозных целей и попытаются найти в этой области пусть небольшую, но конкретную техническую задачу, в которой они могли бы предметно сотрудничать. Как известно, США и СССР долго соперничали в области космоса, но еще в годы холодной войны — в середине 1970-х гг. — родился небольшой, но конкретный технический проект ЭПАС (Экспериментальный про-

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ДОКУМЕНТ
ОБЗОРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ДНЯО 2010 г.

Том. 1. Часть 1. Выводы и рекомендации в отношении последующих Действий

I. Ядерное разоружение

B. Разоружение в области ядерных вооружений

[...]

Действие 3: в рамках выполнения государствами, обладающими ядерным оружием, недвусмысленного обязательства осуществить полную ликвидацию своих ядерных арсеналов они обязуются предпринимать дальнейшие усилия к сокращению и последующей ликвидации развернутых и неразвернутых ядерных вооружений всех типов, в том числе посредством осуществления односторонних, двусторонних, региональных и многосторонних мер.

Действие 4: Российская Федерация и Соединенные Штаты Америки обязуются добиваться скорейшего ввода в действие и полного осуществления Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений; им рекомендуется продолжить обсуждение последующих мер в целях осуществления более глубоких сокращений их ядерных арсеналов.

Действие 5: государства, обладающие ядерным оружием, обязуются ускорить достижение конкретных успехов в осуществлении изложенных в Заключительном документе Конференции 2000 г. по рассмотрению действия Договора шагов, ведущих к ядерному разоружению, путем, способствующим упрочению международной стабильности и международного мира и безопасности, и на основе принципа повышения уровня безопасности для всех и ненанесения ей ущерба. В этой связи их призывают как можно скорее наладить взаимодействие, для того чтобы, в частности:

ект *Аполлон–Союз*). Сегодня во многом благодаря этому проекту сотрудничество в области пилотируемой космонавтики между нашими странами стало настолько тесным и плодотворным, что стороны уже не могут обойтись друг без друга. Так что, может быть, нужно найти в области ПРО свой *проект ЭПАС*, который бы не создавал рисков друг для друга и начать с него.

Если бы удалось найти путь к решению проблемы ПРО, можно было бы начать предметный диалог и в отношении нестратегических ядерных вооружений[19]. Представляется, что в этом отношении реалистичен вариант согласованных односторонних инициатив в отношении ядерных боеприпасов. В первую очередь эти инициативы могли бы быть направлены на внедрение и развитие мер трехсторонней (РФ, США, НАТО) транспарентности. Параллельно с осуществлением таких инициатив специалисты России и США могли бы вести совместную работу по разработке технических средств и процедур контроля над ядерными боеприпасами.

Также важно было бы начать обсуждение проблемы стратегических неядерных вооружений[20]. Для начала, по-видимому, российской стороне необходимо будет явно артикулировать, какие именно виды вооружений, помимо МБР и БРПЛ, в неядерном оснащении она относит к стратегическим неядерным. Пока не ясна ее позиция по отношению к вопросу, следует ли к таковым относить тяжелые бомбардировщики (ТБ), крылатые ракеты воздушного (КРВБ) и морского (КРМБ) базирования большой дальности в неядерном оснащении. По мнению российских военных, эти вооружения, обладая скрытностью и сравнительно коротким временем достижения целей, также являются существенным дестабилизирующим фактором. Неясно также, будет ли Россия настаивать на том, что предметом диалога должны стать и некоторые дестабилизирующие неядерные высокоточные вооружения, не охваченные ранее мерами контроля. К примеру, следует ли огра-

a) быстро продолжить общее сокращение глобальных запасов ядерного оружия всех типов, о чем говорится в действии 3;

b) рассмотреть вопрос о всех ядерных вооружениях, независимо от их типа и их местонахождения, в качестве неотъемлемого элемента процесса всеобщего ядерного разоружения;

c) еще более снизить роль и значение ядерного оружия во всех концепциях, доктринах и стратегиях военного строительства и обеспечения безопасности;

d) обсудить политику, которая могла бы предотвратить применение ядерного оружия и в конечном итоге привести к его ликвидации, уменьшить опасность ядерной войны и способствовать нераспространению и ядерному разоружению;

e) рассмотреть законную заинтересованность государств, не обладающих ядерным оружием, в дальнейшем понижении оперативного статуса систем ядерных вооружений путем, способствующим упрочению международной стабильности и безопасности;

f) уменьшить риск случайного или несанкционированного применения ядерного оружия и

g) еще более повысить уровень транспарентности и укрепить взаимное доверие.

К государствам, обладающим ядерным оружием, обращен призыв информировать об осуществлении вышеуказанных мер Подготовительный комитет в 2014 г. Участники обзорной конференции 2015 года проанализируют ситуацию и рассмотрят очередные шаги на пути к полному осуществлению статьи VI.

[...]

Таблица 2. **Оценка усилий, предпринимаемых ключевыми странами и направленных на укрепление режима ДНЯО**

Источник: *Peter Grail and ACA Research Staff, Assessing Progress on Nuclear Nonproliferation and Disarmament, 2009–2010, October 2010.*

Категории	**Ядерные страны**					**Де-факто ядерные страны**			**Пороговые страны**		
	Китай	**Франция**	**Россия**	**Великобр.**	**США**	**Индия**	**Израиль**	**Пакистан**	**КНДР**	**Иран**	**Сирия**
Запрет ядерных испытаний	B	A	A	A	B	D+	C	D+	F	B-	C
Запрет производства расщепл. материалов для ядерного оружия	B	A	A	A	A	F	F	F	F		
Снижение оперативн. боеготовности ядерных вооружений	A	B	C	B	C	A	D+	A	D		
Сокращение ядерных вооружений	F	C+	B-	D+	B-	F	D	F	F		
Негативн. гарантии безопасности	B+	C	C	C	B	B+	D+	B	F		
Зоны, свободные от ядерного оружия	B	B	C	B	C	C-	C-	C-	F	C-	C
Гарантии МАГАТЭ						C+	C	C	F	F	F
Экспортный контроль, связанный с ядерными вооружениями	C-	A	C	A	A	A-	A	F	F	F	F
Обязательства в отношении ядерной безопасности	B	B+	A-	A	B+	A	B	A*	D	D+	D+
Обязательства в отношении незаконной торговли	B+	B+	A	A	B+	A	B+	B	D	C	D+
Итоговая оценка	**B-**	**B**	**B-**	**B**	**B**	**C+**	**C-**	**C-**	**F**	**D**	**D**

* Эта оценка не учитывает усилий, которые предпринимаются Пакистаном в отношении рисков, связанных с внутренней нестабильностью и безопасностью его ядерного арсенала, объектов ядерной инфраструктуры и ядерных материалов.

ничить базирование ударной авиации на территории новых членов НАТО на том основании, что вооруженные высокоточным оружием и обладающие небольшим подлетным временем такие самолеты могут угрожать объектам стратегических сил РФ? Кроме этого, не исключено, что Россия предложит ограничить районы патрулирования подводных лодок — носителей крылатых ракет, чтобы предотвратить возможность развертывания значительной части подводных лодок США вблизи своей территории.

Взаимодействие России и США по поиску комплексных решений обозначенных выше проблем будет невозможно, если стороны не примут во внимание обеспокоенность друг друга в отношении своей безопасности. В то же время, если таковые обеспокоенности будут учтены и удастся достичь успехов в сотрудничестве по обозначенным выше проблемам, можно будет говорить о развитии более доверительных отношений между Россией и США и появлении условий для дальнейшего этапа сокращений их ядерных арсеналов, что необходимо для укрепления режима ДНЯО. Представляется, что предлагаемый подход также способствовал бы уходу от взаимоотношений в рамках модели взаимного ядерного устрашения, которая, несмотря на декларации об окончании холодной войны и перезагрузки отношений, продолжает превалировать в двусторонних отношениях.

Примечания

[1] План действий изложен в Заключительном документе Конференции 2010 г. участников Договора о нераспространении ядерного оружия по рассмотрению действия Договора NPT/CONF.2010/50. T. I. Ч. I. Выводы и рекомендации в отношении последующих действий; http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=NPT/CONF.2010/50%28VOL.I%29 (Последнее посещение — 15 октября 2011 г.).

[2] Peter Grail and ACA Research Staff, Assessing Progress on Nuclear Nonproliferation and Disarmament, 2009–2010. Arms Control Association. 2010, October; http://www.armscontrol.org/reports/2009to2010ReportCard (Последнее посещение — 15 октября 2011 г.).

[3] NPT/CONF.2010/50. T. I. Ч. I., IB, ii.

[4] См., например: Лавров С. В. Выступление на пленарном заседании Конференции по разоружению. Женева. 2011. 1 марта; http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/DC036EDF3687A901C325784600474F50 (Последнее посещение — 15 октября 2011 г.); Gottemoeller Rose. U. S. Priorities in Nuclear Arms. New York, 2011. October 20; http://fpc.state.gov/175924.htm (Последнее посещение — 15 октября 2011 г.).

[5] NPT/CONF.2010/50. T. I. Ч. I., IB, Действие 5g.

[6] В начале декабря 2011 г. Государственный департамент США опубликовал подробную информацию. Россия этого пока не сделала. См.: Kristensen Hans M. US Releases Full New START Data. *FAS Strategic Security Blog*. 2011. December 9; http://www.fas.org/blog/ssp/2011/12/newstartnumbers.php (Последнее посещение — 15 декабря 2011 г.).

[7] The New START Treaty. Bureau of Arms Control, Verification and Compliance. 2011. October 20; http://www.state.gov/t/avc/rls/175945.htm (Последнее посещение — 15 октября 2011 г.).

[8] New START Treaty Aggregate Numbers of Strategic Offensive Arms. Bureau of Arms Control, Verification and Compliance. 2011. June 1; http://www.state.gov/t/avc/rls/164722.htm (Последнее посещение — 15 октября 2011 г.).

[9] Kristensen Hans M. New START Data: Modest Reductions and Decreased Transparency. FAS Strategic Security Blog. 2011. October 24; http://www.fas.org/blog/ssp/2011/10/newstartdata.php (Последнее посещение — 15 октября 2011 г.).

[10] Collina Tom, Davenport Kelsey. U. S. Must Rethink New Subs, Bombers. *Defense News*. 2011. October 24; http://www.defensenews.com/story.php?i=8031421&c=FEA&s=COM (Последнее посещение — 15 октября 2011 г.).

[11] Сафронов Иван, мл. Обломки ракеты нашли на космодроме. *Коммерсантъ*. 2011. 29 сентября; http://www.kommersant.ru/doc/1783440 (Последнее посещение — 15 октября 2011 г.).

[12] Schneider Mark. Prepared testimony, House Armed Services Committee, Strategic Forces Subcommittee Hearing «Nuclear Weapons Modernization in Russia and China: Understanding Impacts to the United States». 2011. October 14; http://armedservices.house.gov/index.cfm/2011/10/nuclear-weapons-modernization-in-russia-and-china-understanding-impacts-to-the-united-states (Последнее посещение — 15 октября 2011 г.).

[13] US Senate Resolution of Advice and Consent to Ratification of New START Treaty. 2010. December 22.

[14] Baker Peter. Arms Talks Now Turn to Short-Range Weapons. *The New York Times*. 2010. December 24; Gottemoeller Rose. Opening Statement to the Conference on Disarmament. Geneva. 2011. January 27.

[15] Лавров С. В. Выступление на пленарном заседании Конференции по разоружению. Женева. 2011. 1 марта.

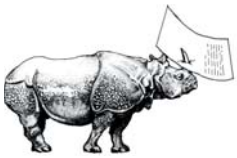
[16] См. более подробно: Diakov Anatoli, Miasnikov Eugene, Kadyshev Timur. Nuclear Reductions After New START: Obstacles and Opportunities. *Arms Control Today*. 2011. May. P. 15–22; http://www.armscontrol.org/act/2011_05/Miasnikov (Последнее посещение — 15 октября 2011 г.).

[17] См, например: Лавров С. В. Ответы министра иностранных дел России на вопросы радиослушателей в эфире радиостанций *Голос России*, *Радио России* и *Эхо Москвы*. 2011. 21 октября; http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/78B20450AE87C3D1C3257931002706D2 (Последнее посещение — 15 октября 2011 г.).

[18] Tauscher Ellen. Transatlantic Missile Defense: Phase II and the Lead Up to the NATO Chicago Summit. Atlantic Council Missile Defense Conference. Washington, DC. 2011. October 18; http://www.state.gov/t/us/c42569.htm (Последнее посещение — 15 октября 2011 г.).

[19] Более подробно см.: Diakov Anatoli, Miasnikov Eugene, Kadyshev Timur. Op. cit.

[20] Более подробно см.: Мясников Евгений. Стратегические вооружения в неядерном оснащении: роблемы и решения. *Индекс безопасности*. 2011, Весна. Т. 17. № 1 (96). С. 123–130; http://pircenter.org/data/publications/sirus1-11/Analysis-Miasnikov.pdf (Последнее посещение — 15 октября 2011 г.).



Авад Альбади

АТОМНАЯ ЭНЕРГЕТИКА В АРАБСКИХ СТРАНАХ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА

Регион Персидского залива имеет важное стратегическое значение в силу своего географического расположения и богатых запасов нефти и газа. В прошлом эти факторы подстегивали конкуренцию между великими державами за влияние в регионе; эта тенденция будет продолжаться и в будущем. В течение последних 60 лет в этой конкурентной борьбе преимуществом обладали США — в результате политика арабских государств регионе более или менее следует политике США, призванной защитить американские интересы и укрепить американскую безопасность.

В силу того, что залогом внешней безопасности этих стран были собственные энергетические ресурсы и благоприятные отношения с США, у них не было серьезных причин задумываться о целесообразности ведения военных или мирных ядерных программ. Ни одна их стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ)[1] не предпринимала попыток создать научно-техническую базу для разработки ядерных технологий. При этом страны ССАГПЗ всегда подчеркивали право любого государства на использование ядерной энергии в мирных целях и всегда решительно выступали против распространения ядерного оружия; более того, члены ССАГПЗ требуют создания на Ближнем Востоке зоны, свободной от оружия массового уничтожения. Все они ратифицировали Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и присоединились к работе МАГАТЭ. Некоторые из них, хотя и не все, подписали соглашения о всеобъемлющих гарантиях, Дополнительный протокол, а также являются участниками ряда других соглашений, в том числе Конвенции о физической защите ядерных материалов и поправки к ней, Конвенции о ядерной безопасности, Конвенции о раннем оповещении о ядерных инцидентах и Международной конвенции по борьбе с актами ядерного терроризма.

В настоящее время ситуация в арабских странах Персидского залива стремительно меняется. Хотя политическая позиция в вопросе о ядерном оружии остается неизменной, страны демонстрируют растущий интерес к атомной энергетике. В декабре 2006 г. лидеры стран — участниц ССАГПЗ на своем ежегодном саммите приняли решение о проведении совместного исследования целесообразности развития ядерных программ, целью которого являлась подготовка почвы для совместной программы в области мирного использования атомной энергии в соответствии с международными стандартами.

Таблица 1. **Участие стран ССАГПЗ в режиме ядерного нераспространения**

Международные договоры и соглашения по нераспространению[7]	**Бахрейн**	**Катар**	**Кувейт**	**ОАЭ**	**Оман**	**Саудовская Аравия**
ДНЯО[8]	1988 п 1988 р	1989 п 1989 р	1968 п 1989 р	1995 п 1995 р	1997 п 1997 р	1988 п 1988 р
Членство в МАГАТЭ[9]	2009	1976	1964	1976	2009	1962
Соглашение о гарантиях МАГАТЭ[10]	2009	2009	2002	2003	2006	2009
Участие в ДВЗЯИ[11]	1996 п[12] 2004 р[13]	1996 п 1997 р	1996 п 2003 р	1996 п 2000 р	1999 п 2003 р	–
Дополнительный протокол[14]	2011	–	2003	2010	–	–
Конвенция о помощи в случае ядерной аварии или радиационной аварийной ситуации[15]	–	2005 п 2005 р	2003 п 2003 р	1987 п 1987 р	2009 п 2009 р	1989 п 1989 р
Конвенция о ядерной безопасности[16]	2010 п 2011 р	–	2006 п 2006 р	2009 п 2009 р	–	2010 п 2010 р
Венская конвенция о гражданской ответственности за ядерный ущерб[17]	–	–	–	–	–	2011 п 2011 р
Конвенция об оперативном оповещении о ядерной аварии[18]	2011 п 2011 р	2005 п 2005 р	2003 п 2003 р	1987 п 1987 р	2009 п 2009 р	1989 п 1989 р
Объединенная конвенция о безопасности обращения с отработавшим топливом и о безопасности обращения с радиоактивными отходами[19]	–	–	–	2009 п 2009 р	–	2011 п 2011 р
Конвенция о физической защите ядерного материала[20]	2010	–	–	2003	–	2009

В ходе подготовки к проведению исследовательской работы страны ССАГПЗ обратились в МАГАТЭ с просьбой дать заключение о целесообразности использования в регионе атомной энергии для производства электричества и опреснения воды. МАГАТЭ сфокусировалось на следующих аспектах:

- определение текущих и будущих потребностей стран региона в области производства электричества и опреснения воды;
- рассмотрение возможности хотя бы частичного удовлетворения этих потребностей за счет экономически обоснованного и безопасного использования атомной энергии;
- определение основных требований к институциональным структурам, законодательству и нормативам, а также к человеческим ресурсам, которые понадобятся для внедрения подобного совместного проекта.

МАГАТЭ представило свой отчет в октябре 2007 г. Агентство пришло к выводу о том, что использование атомной энергии для производства электричества и опреснения воды в странах ССАГПЗ является одним из самых дешевых из имеющихся вариантов. Отчет содержал также общие рекомендации отно-

сительно процедур и шагов, необходимых для развития совместной программы атомной энергетики, а также относительно законодательных, юридических и институциональных аспектов.

Одобрив результаты исследования, Генеральный секретариат ССАГПЗ подписал с МАГАТЭ соглашение о техническом сотрудничестве на период с 2009 по 2011 г. по трем проектам, направленным на разработку национальных и региональных программ в области безопасности и развития научно-исследовательского потенциала в использовании атомной энергии. В рамках этого соглашения МАГАТЭ и атомные агентства стран ССАГПЗ запустили программу исследований и семинаров, призванных помочь членам организации заложить законодательные основы, создать инфраструктуру и разработать программы обучения для соблюдения стандартов эффективности, безопасности и нераспространения.

В сентябре 2009 г. в Катаре прошел региональный семинар «Разработка стратегических, экономических и бизнес-планов: создание регионального центра ядерного тренинга». В июне того же года в стране прошел организованный МАГАТЭ региональный семинар «Основные принципы законодательной инфраструктуры и международные правовые конвенции в области ядерной безопасности». А в январе МАГАТЭ провело семинар «Пересмотр основных международных стандартов безопасности в области защиты от ионизирующей радиации и безопасности источников радиации».

В июне 2010 г. в ОАЭ прошел организованный МАГАТЭ региональный семинар «Инфраструктура ядерной безопасности в странах ССАГПЗ», в мае — региональный семинар «Внедрение законодательства в области ядерной безопасности и гарантий», а в марте — организованная МАГАТЭ конференция «Развитие кадров, необходимых для внедрения и расширения программ атомной энергетики».

В конце 2010 г. МАГАТЭ организовало в Вене семинар «Основные вехи для ССАГПЗ: аспекты создания инфраструктуры ядерной энергетики». Цель проведения семинара — «привлечь внимание стран ССАГПЗ к рекомендациям МАГАТЭ и основным этапам принятия решений по развитию атомной энергетики, а также к конкретным процедурам, организационным моментам и системам менеджмента в ядерной энергетике»[2].

В январе 2011 г. в Кувейте прошел национальный семинар на тему «создания системы экспертной поддержки в укреплении ядерной безопасности».

В дополнение к мероприятиям, проводимым ССАГПЗ совместно с МАГАТЭ, во всех арабских странах Персидского залива официальные институты, университеты и исследовательские центры организовывали отдельные конференции, семинары и мероприятия на тему ядерной и возобновляемой энергетики и мирного применения ядерных технологий.

В ноябре 2008 г. Университет Короля Абд аль-Азиза в Джидде (Саудовская Аравия) организовал первый международный симпозиум «Мирное применение ядерных технологий в странах ССАГПЗ» с целью обсуждения способов и механизмов внедрения мирных ядерных технологий в регионе. Кроме того, Арабский университет исследований в области безопасности в Эр-Рияде (Саудовская Аравия) с 2006 г. организовал несколько семинаров по ядерной безопасности совместно с МАГАТЭ и Арабским агентством по атомной энергии. Последняя такая конференция прошла в Тунисе в октябре 2010 г.; на ней обсуждались стратегии обеспечения ядерной безопасности в арабских странах. Этот университет подписал меморандум об академическом сотрудничестве

с МАГАТЭ; это призвано способствовать развитию академических, образовательных и исследовательских программ в области ядерной безопасности. Был опубликован целый ряд исследований, проведены защиты нескольких академических диссертаций по данной теме.

Очередным важным шагом в укреплении культуры ядерного нераспространения в регионе стало основание Института инфраструктуры атомной энергетики в Персидском заливе при Университете науки, технологий и исследований в Абу-Даби. Институт создан в партнерстве с *Sandia National Laboratories* и Техасской станцией инженерных экспериментов при Техасском университете. Целями работы нового института являются укрепление безопасности ядерной энергетики и системы гарантий, а также развитие инфраструктуры ядерной безопасности в масштабах всего региона.

Как видим, страны ССАГПЗ хорошо осознают необходимость в обеспечении должного уровня *культуры ядерного нераспространения*, прежде чем вступать в эру атомной энергии. Они уже начали работу в данном направлении, и работа эта идет весьма активно.

Параллельно с совместной работой над развитием *культуры ядерного нераспространения* каждая из шести стран — участниц ССАГПЗ внедряет и собственные планы. Саудовская Аравия и ОАЭ — единственные страны ССАГПЗ, которые уже предприняли практические шаги к внедрению программ атомной энергетики. Остальные государства пока находятся на стадии исследований и изучения ситуации.

С тех пор как на саммите ССАГПЗ в 2006 г. было принято решение о проведении исследования целесообразности развития атомной энергетики в регионе, ***Саудовская Аравия*** значительно более серьезно настроена на продвижение в данном направлении. Все принятые с тех пор правительством страны шаги подчеркивают стратегический характер такого решения.

В мае 2008 г. Саудовская Аравия подписала с США меморандум о взаимопонимании в области гражданского ядерного сотрудничества. В меморандуме указано, что эти две страны «создадут широкую основу для сотрудничества в развитии экологически чистой и безопасной гражданской атомной энергетики путем заключения серии взаимодополняющих соглашений в данной области». Говорится также, что «США окажут помощь Саудовской Аравии в развитии гражданских ядерных программ в медицине, промышленности и энергетике, а также будут содействовать в развитии человеческих ресурсов и инфраструктуры в соответствии со всеми последними рекомендациями и стандартами МАГАТЭ». В меморандуме сказано, что Саудовская Аравия не будет развивать чувствительные ядерные технологии, а ядерное топливо будет покупать на международном рынке[3].

В ноябре 2009 г. Саудовская Аравия сформировала комиссию на уровне министров для изучения текущих и будущих потребностей страны в электричестве и пресной воде, а также для рассмотрения вклада, который может внести в удовлетворение этих потребностей атомная энергетика. Комитет пришел к выводу о том, что потребность страны в электричестве и опресненной воде стабильно и быстро растет в результате роста населения. В этой связи использование альтернативных источников энергии для надежного и стабильного производства электричества и опресненной воды позволит Саудовской Аравии снизить свою зависимость от углеводородного сырья. Это даст дополнительные гарантии удовлетворения спроса на воду и электричество в будущем, а также отложит срок исчерпания углеводородных запасов страны.

В апреле 2010 г. король Абдалла издал указ о создании в столице страны новой институции — Центра короля Абдаллы по развитию ядерной и возобновляемой энергетики. Задачами центра являются разработка и внедрение национальной политики в соответствующих областях.

В июне 2010 г. Саудовская Аравия привлекла финскую консалтинговую фирму *Poyry* к разработке стратегии развития ядерной и возобновляемой энергетики.

В июле 2010 г. Саудовская Аравия достигла соглашения с компаниями *Shaw Group, Toshiba* и *Exelon Nuclear Partners* об изучении возможности предоставления полного комплекса услуг в области проектирования, строительства и эксплуатации новых атомных электростанций.

В октябре 2010 г. Совет министров Саудовской Аравии одобрил соглашение о сотрудничестве в области атомной энергии с Россией.

В январе 2011 г. Саудовская Аравия и Япония подписали соглашение об ускорении программы строительства атомных электростанций и обучения саудовских специалистов в области атомной энергетики.

В феврале 2011 г. Саудовская Аравия подписала соглашение о сотрудничестве с Францией, по условиям которого стране будут предоставлены услуги в области обучения специалистов для атомной отрасли и техническая информация.

В апреле 2011 г. Совет министров Саудовской Аравии одобрил соглашение о сотрудничестве в области атомной энергии с Китаем.

В мае 2011 г. Саудовская Аравия объявила о программе строительства 16 атомных ректоров, рассчитанной на 20 лет.

В июне 2011 г. страна подписала соглашение о ядерном сотрудничестве с Аргентиной в таких областях, как проектирование, строительство и эксплуатация коммерческих и исследовательских реакторов, обеспечение мер безопасности и подготовка к возможным аварийным ситуациям, обработка отработанных материалов, а также использование ядерных технологий в медицине, промышленности и сельском хозяйстве.

Объединенные Арабские Эмираты также внедряют планы по развитию атомной энергетики более быстрыми темпами, чем остальные страны ССАГПЗ. С 2008 г. ОАЭ предприняли серию согласованных с МАГАТЭ практических шагов, направленных на скорейшее создание условий для практического внедрения программы атомной энергетики в стране.

В 2008 г. в ОАЭ была опубликована подробная правительственная программа под названием «Политика ОАЭ в области оценки целесообразности и потенциального развития мирной атомной энергетики». В документе проанализированы энергетические потребности страны на перспективу в несколько десятилетий и сделан вывод о том, что наилучшим способом обеспечить экономический рост и национальную безопасность страны можно путем строительства и эксплуатации гражданских атомных электростанций. В документе правительство страны также взяло на себя обязательство «обеспечить полную прозрачность при эксплуатации ядерных объектов; соблюдать самые строгие стандарты в области нераспространения и ядерной безопасности; работать напрямую с МАГАТЭ и соблюдать стандарты агентства при оценке целесообразности внедрения и самом внедрении мирных программ в области атомной энергетики». Правительство ОАЭ заявило также о своей «надежде на развитие мирных национальных ядерных программ в партнерстве с правительствами и компаниями

ответственных стран и при поддержке соответствующих экспертных организаций», а также о своей решимости «руководствоваться в своих подходах к национальным ядерным программам интересами долгосрочной стабильности»[4].

В 2009 г. ОАЭ подписали соглашения о сотрудничестве в мирном использовании атома с США, Японией, Францией и Южной Кореей. Соглашение с США содержит особые условия, на которых ОАЭ согласились отказаться от своего права как государства — участника ДНЯО на собственное производство ядерного топлива в пользу закупок ядерного топлива у надежных международных поставщиков.

В сентябре 2009 г. в ОАЭ было создано Федеральное агентство ядерного регулирования, которое является независимым регуляторным органом, разрабатывающим и следящим за соблюдением обязательных стандартов ядерной безопасности и радиационной защиты, соответствующих высочайшим стандартам передовых стран в данной области.

В декабре 2009 г. в ОАЭ была сформирована корпорация *Emirates Nuclear Energy Corporation* (*ENEC*). Она будет заниматься практическим внедрением национальной программы ядерной энергетики, в частности выступать заказчиком строительства и эксплуатировать АЭС на территории страны. Кроме того, в сферу ответственности компании входит «контроль работы генерального подрядчика при проектировании, строительстве и вводе в эксплуатацию [ядерных объектов]; работа в тесном сотрудничестве с федеральным правительством и правительством Абу-Даби для обеспечения координации программы атомной энергетики страны с планами по развитию промышленной инфраструктуры. Сюда входит контроль работ, которые будут проводиться в районе строительства будущей АЭС, в том числе развитие местной инфраструктуры, строительство дорог, коммуникаций и объектов снабжения; обучение кадров, которые потребуются для внедрения программ, совместно с образовательными учреждениями страны; разработка программ работы с общественностью и образовательных программ с целью обеспечения понимания населением гражданских программ атомной энергетики и донесения до него информации о ходе таких программ»[5].

В декабре 2009 г. консорциум, возглавляемый корейской компанией *Korea Electric Power Corporation* (*KEPCO*), выиграл контракт стоимостью в 20 млрд долл. на строительство четырех гражданских атомных энергоблоков мощностью по 1400 МВт на территории ОАЭ. Первый из этих энергоблоков должен начать производство электричества в 2017 г., остальные три планируется ввести в строй к 2020 г.

В феврале 2010 г. был создан Международный консультативный совет, задачей которого является обеспечение ядерной программы ОАЭ консультациями ведущих международных экспертов в таких областях, как ядерные исследования, нераспространение, создание нормативно-правовой базы, производство электроэнергии, эксплуатация энергосетей и реакторов, работа с ядерными отходами, развитие человеческих ресурсов и др.[6]

В ноябре 2010 г. ОАЭ подписали соглашение о сотрудничестве с Великобританией в сфере атомной энергетики.

В декабре 2010 г. началась работа на площадке, где будут располагаться четыре энергоблока (возле поселка Брака).

Таким образом, страны ССАГПЗ вступают в эру атомной энергии с четким осознанием своих потребностей и решительным настроем на соблюдение всех правил и механизмов ядерного нераспространения, принятых мировым

сообществом. Однако если международному сообществу не удастся добиться успеха в создании на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия и другого ОМУ, то у стран ССАГПЗ будут такие же права, как и у всех остальных государств, в плане использования подобных технологий и программ в интересах собственной безопасности.

Так как же будут развиваться события?

Примечания

[1] Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) был создан в 1981 г. с целью взаимодействия по ряду социально-экономических вопросов. В Совет входят Бахрейн, Кувейт, Оман, Катар, Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ).

[2] Nuclear Power Newsletter. 2011, March. Vol. 8, № 1. P. 4–5.

[3] U.S.-Saudi Arabia Memorandum of Understanding on Nuclear Energy Cooperation. 2008. 16 May; http://www.carnegieendowment.org/2008/05/20/u.s.-saudi-arabia-memorandum-of-understanding-on-nuclear-energy-cooperation/aeq (Последнее посещение — 29 сентября 2011 г.).

[4] Policy of the United Arab Emirates on the Evaluation and Potential Development of Peaceful Nuclear Energy; http://fanr.gov.ae/en/media/get/20100523_nuclear-policy-eng.pdf (Последнее посещение — 29 сентября 2011 г.).

[5] ENEC: History; http://www.enec.gov.ae/about-us/history/(Последнее посещение — 29 сентября 2011 г.).

[6] International Advisory Board; http://www.uaeiab.ae/(Последнее посещение — 29 сентября 2011 г.).

[7] По состоянию на 1 декабря 2011 г.

[8] United Nations Office for Disarmament Affairs. NPT — Status of the Treaty; http://unhq-appspub-01.un.org/UNODA/TreatyStatus.nsf/NPT%20%28in%20alphabetical%20order%29?OpenView

[9] Member States of the IAEA; http://www.iaea.org/About/Policy/MemberStates/(Последнее посещение — 15 декабря 2011 г.).

[10] IAEA Status List — Conclusion of safeguards agreements, additional protocols and small quantities protocols; http://www.iaea.org/OurWork/SV/Safeguards/documents/sir_table.pdf (Последнее посещение — 15 декабря 2011 г.).

[11] Member States: CTBTO Preparatory Commission; http://www.ctbto.org/member-states/country-profiles/(Последнее посещение — 15 декабря 2011 г.).

[12] П — подписан.

[13] Р — ратифицирован.

[14] IAEA Status List — Conclusion of safeguards agreements, additional protocols and small quantities protocols; http://www.iaea.org/OurWork/SV/Safeguards/documents/sir_table.pdf (Последнее посещение — 15 декабря 2011 г.).

[15] Convention on Assistance in the Case of a Nuclear Accident or Radiological Emergency. Latest Status; http://www.iaea.org/Publications/Documents/Conventions/cacnare_status.pdf (Последнее посещение — 15 декабря 2011 г.).

[16] Convention on Nuclear Safety. Latest Status; http://www.iaea.org/Publications/Documents/Conventions/nuclearsafety_status.pdf (Последнее посещение — 15 декабря 2011 г.).

[17] Vienna Convention on Civil Liability for Nuclear Damage. Latest Status; http://www.iaea.org/Publications/Documents/Conventions/liability_status.pdf (Последнее посещение — 15 декабря 2011 г.).

[18] Convention on Early Notification of a Nuclear Accident. Latest Status; http://www.iaea.org/Publications/Documents/Conventions/cenna_status.pdf (Последнее посещение — 15 декабря 2011 г.).

[19] Joint Convention on the Safety of Spent Fuel Management and on the Safety of Radioactive Waste Management. Latest Status; http://www.iaea.org/Publications/Documents/Conventions/jointconv_status.pdf (Последнее посещение — 15 декабря 2011 г.).

[20] Amendment to the Convention on the Physical Protection of Nuclear Material; http://www.iaea.org/Publications/Documents/Conventions/cppnm_amend_status.pdf (Последнее посещение — 15 декабря 2011 г.).

ОТ ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ К ОБЩЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ

15 октября 2010 г. в газете Известия *была опубликована статья* ***«От ядерного сдерживания к общей безопасности»*** *за авторством председателя правительства РФ (1998–1999 гг.), министра иностранных дел (1996–1998 гг.), академика, члена президиума РАН Е.М.* ***Примакова****; министра иностранных дел РФ (1998–2004 гг.), секретаря Совета безопасности (2004–2007 гг.), президента Российского совета по международным делам И.С.* ***Иванова****; президента Российского научного центра* Курчатовский институт*, академика, члена президиума РАН Е.П.* ***Велихова*** *и начальника Генерального штаба, первого заместитель министра обороны СССР (1988–1991 гг.), генерала армии М.А.* ***Моисеева****.*

Авторы выдвигают ряд тезисов, которые еще не получили широкого общественного признания. В связи с этим ПИР-Центр попросил нескольких экспертов в области международной безопасности прокомментировать эту статью и ответить на следующие вопросы:

- ***Действительно ли идеология взаимного ядерного сдерживания устарела?***
- ***Какое место в обеспечении государственной безопасности будет отводиться ядерному оружию в дальнейшем?***
- ***Должно ли ядерное разоружение быть связанно с процессом понижения уровней обычных вооружений?***
- ***Как привлечь к ядерному разоружению остальные страны?***
- ***Как снизить привлекательность ядерного оружия в глазах политического истеблишмента малых стран?***

На вопросы редакции журнала Индекс Безопасности *отвечали: директор центра продвижения нераспространения и разоружения Японского института международных дел Нобуясу* ***Абе****; директор Центра международной безопасности ИМЭМО РАН А.Г.* ***Арбатов****; старший вице-президент ПИР-Центра Е.П.* ***Бужинский****; генерал-полковник (в отставке), первый вице-президент Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка, консультант командующего РВСН В.И.* ***Есин;*** *старший научный сотрудник Центра США и Европы, директор Инициативы по контролю над вооружениями Института Брукингса Стивен* ***Пайфер****; советник начальника Генерального штаба Вооруженных сил РФ А.В.* ***Радчук****; заведующий отделом стратегических исследований Центра международной*

безопасности ИМЭМО РАН А.Г. ***Савельев****; член Совета ПИР-Центра, член редакционной коллегии журнала Индекс Безопасности Ю.Е.* ***Федоров****; старший научный сотрудник Фонда Карнеги Джеймс* ***Эктон****.*

ЕВГЕНИЙ ПРИМАКОВ, ИГОРЬ ИВАНОВ, ЕВГЕНИЙ ВЕЛИХОВ, МИХАИЛ МОИСЕЕВ[1]: Настало время выходить на новый этап разоружения, реализовывать принцип многосторонности действий, что станет важным шагом к формированию нового мирового порядка для XXI века.

Парадокс ядерного сдерживания состоит в том, что оно по большей части обращено к угрозам прошлого века, в то время как вероятность крупномасштабного вооруженного конфликта между великими державами и их союзниками в современных условиях глобализации и многополярности близка к нулю.

Вместе с тем ядерное сдерживание бессильно против новых угроз XXI века: распространения оружия массового уничтожения (ОМУ) и средств его доставки, международного терроризма, этнических и религиозных конфликтов, трансграничной преступности и пр. Хуже того, ядерное сдерживание в ряде случаев подстегивает процессы распространения ОМУ и ракетных технологий или мешает более глубокому сотрудничеству великих держав в борьбе с такими угрозами (совместное развитие систем ПРО).

Для того чтобы ядерное сдерживание не препятствовало взаимодействию ключевых игроков на мировой арене, нужно путем договоров понижать уровни вооружений на основе принципа минимальной достаточности, укреплять стратегическую стабильность в контексте обеспечения равной и неделимой безопасности для всех, исключить возможность первого ядерного удара или пуска ракет из-за технической неисправности и ошибочной оценки намерений другой стороны, или дефицита времени на принятие решения политического руководства. Новый Договор по СНВ отвечает этим целям, но многое в этой сфере еще предстоит сделать.

Следующий этап ядерного разоружения не может быть исключительно двусторонним. Потребуются ограничения и меры доверия применительно к третьим ядерным державам. В отличие от США геостратегическое положение России делает ее досягаемой для всех ядерных государств, что не может не учитываться при дальнейшем глубоком ядерном разоружении.

Концепция ядерного сдерживания стала непреодолимым препятствием на долгом и нелегком пути всеобщего ядерного разоружения. Не секрет, что в США, России и других странах имеются не только сторонники, но и противники процесса ядерного разоружения. Кто-то просто не может избавиться от идеологических стереотипов холодной войны. Но немало и тех, кто высказывает вполне конкретные и не лишенные оснований опасения в связи с этим процессом. От таких доводов нельзя просто отмахнуться — их следует самым серьезным образом учитывать, чтобы последовательно снимать реально существующие препятствия на пути дальнейших глубоких ядерных сокращений.

В России, например, по-прежнему широко распространено мнение, что ядерный потенциал страны является главным атрибутом российского статуса великой державы, без которого США и другие страны не будут считаться с ее внешнеполитическими интересами.

Мы убеждены, что статус России в окружающем мире будет обеспечиваться, главным образом модернизацией экономики, ростом жизненного уровня, социально-политическими правами и свободами граждан, развитием науки и культуры. Но пока в международных отношениях используется угроза *проецирования силы* и ее прямое применение, Россия будет вынуждена сохранять достаточный воен-

ный, в том числе ядерный, потенциал — для защиты себя и своих союзников, отстаивания своих законных интересов.

Таким образом, путь к ядерному разоружению лежит через рост доверия между государствами и укрепление международной безопасности и стабильности. Администрация Барака Обамы провозгласила курс на многосторонность действий в обеспечении международной безопасности, укрепление ее правовых норм и действующих институтов, приоритетность дипломатии в решении спорных проблем, равноправное партнерство с Россией. Важно, чтобы эти принципы были реализованы в практической внешней политике США и их союзников.

Это касается и ПРО, и обычных вооружений, и стратегических носителей в неядерном исполнении, и планов милитаризации космоса. На этих и других направлениях в сфере ограничения вооружений в ближайшее время потребуются дополнительные далеко идущие меры укрепления доверия.

Размышляя о долгосрочной перспективе, мы пришли к мнению, что мир без ядерного оружия — это отнюдь не нынешний мир минус ядерное оружие. Нужна международная система, построенная во многом на иных принципах и институтах. Мир, свободный от ядерного оружия, не должен стать миром, свободным для войн с применением других видов ОМУ, обычных вооруженных сил, новейших неядерных вооружений и систем на новых физических принципах.

При этом речь идет не только о больших войнах, но и о локальных конфликтах. Ведь малые страны сейчас смотрят на ядерное оружие как на средство нейтрализации огромного превосходства ведущих держав по обычным вооружениям. Именно в этом заключается один из стимулов ядерного распространения на региональном уровне, порождающий угрозу ядерного терроризма. Устранение таких опасностей требует создания надежных механизмов мирного решения как больших, так и локальных международных и трансграничных конфликтов.

Поэтому реализация идеи ядерного разоружения, которая должна оставаться стратегической целью, возможна лишь в контексте глубокой реорганизации всей международной системы.

Это, безусловно, поможет решению и других ключевых проблем XXI века, связанных с глобальной экономикой и финансами, энергообеспечением, экологией, климатом, демографией, эпидемиями, трансграничной преступностью, религиозным и этническим экстремизмом.

В таком контексте ядерное разоружение не столько самоцель, сколько одно из важнейших направлений, предпосылка и способ реорганизации международной жизни на более цивилизованной основе в прямом смысле этого понятия и в соответствии с велением наступившего столетия.

Subject: **Идеология. Действительно ли концепция взаимного ядерного сдерживания устарела?**

Александр **Радчук** — по электронной почте из Москвы:

Представленная статья — это фактически идейный ответ западной *четверке мудрецов* от равной ей по своему политическому весу и авторитету отечественной *четверки*. Главная мысль этой статьи, на мой взгляд, состоит в том, что «мир без ядерного оружия — это отнюдь не нынешний мир минус ядерное оружие». Именно из него вытекает необходимость строить *новую систему*

обеспечения международной безопасности, учитывающую складывающиеся геополитические реалии.

Конечно, ядерное разоружение реально не достижимо не только в ближней и среднесрочной, но и в долгосрочной перспективе. Однако в качестве политической цели и лозунга оно может позволить многие другие вопросы, о чем вполне справедливо говорится в этой статье.

Я считаю, что идеология ядерного сдерживания не устарела. Она трансформируется в соответствии с изменением взглядов на роль и место ядерного оружия при обеспечении национальной безопасности, а также вследствие появления новых видов вооружений, способных эффективно решать задачи, прежде решавшиеся с помощью ядерного оружия. При этом сдерживание всегда взаимно, поскольку предполагает взаимодействие рефлексирующей пары лидеров (или элит) государств. Оно всегда объективно присутствует в отношениях ядерных государств, между которыми возможен конфликт, предполагающий возможность его разрешения силовыми методами.

Алексей **Арбатов** — по электронной почте из Москвы:

Я полностью согласен со статьей четырех российских деятелей. В своем анализе она идет дальше, чем первоначальная и последующие статьи четырех американских *мудрецов*.

Идеология взаимного ядерного сдерживания действительно устарела. Это связано с тем, что в дальнейшем роль ядерного оружия в обеспечении государственной безопасности в любом случае будет понижаться — или добровольно, или принудительно. Возможно, это произойдет в ходе взаимного сокращения ядерного оружия и укрепления ДНЯО или по мере распространения ядерного оружия и прогресса в ВТО, ПРО, космических вооружениях.

Стивен **Пайфер** — по электронной почте из Вашингтона:

За последние 25 лет в политических отношениях между Вашингтоном и Москвой произошли коренные изменения. Подход обеих сторон к ядерному сдерживанию уже совсем не тот, что во времена холодной войны. К примеру, в конце 1980-х гг. у Советского Союза и США было по 10 000 развернутых стратегических боеголовок. В новом договоре СНВ потолок установлен на уровне всего 1 550 стратегических боеголовок. Однако пока в мире существует ядерное оружие, ядерное сдерживание — возможно, в более мягкой форме — будет оставаться частью политики безопасности и России, и США, если только нам не удастся изобрести какие-то радикально новые механизмы.

Теперь, когда договор СНВ ратифицирован, Соединенным Штатам и России нужно будет задуматься над последующими шагами. Им следует подумать над возможностью проведения еще одного, последнего раунда двусторонних переговоров о сокращении *только* американского и российского ядерных арсеналов. Желательно, чтобы эти сокращения распространялись не только на развернутое стратегическое оружие, но и на неразвернутое, а также на нестратегическое. Сохранив двухсторонний формат в ходе следующего раунда переговоров, сторонам удастся отодвинуть на какое-то время сложности, связанные с многосторонними переговорами. Однако после этого последнего двухстороннего раунда к процессу сокращения ядерного оружия нужно будет подключить и остальные ядерные державы.

Александр **Савельев** — по электронной почте из Москвы:

Как представляется, суть статьи известных российских политических и военных деятелей можно свести к нескольким положениям. Так, несмотря на ряд достижений 2010 г. в области разоружения и безопасности, они прямо говорят о том, что этого явно недостаточно для противостояния новым угрозам и вызовам XXI в. Одним из препятствий на пути дальнейшего продвижения в сторону более безопасного мира они считают *идеологию* ядерного сдерживания. В указанной связи они предлагают двигаться по пути ядерного разоружения «через рост доверия между государствами и укрепление международной безопасности и стабильности».

Несмотря на то что авторы, казалось бы, предлагают набор конкретных действий в рассматриваемой сфере, их статья во многом оставляет ощущение недоговоренности и неясностей по многим вопросам. Так, они категорично утверждают, что «следующий этап ядерного разоружения не может быть исключительно двусторонним», что, по меньшей мере, является достаточно спорным тезисом. Еще одним неясным вопросом остается высказанное предложение о дальнейшем понижении уровней вооружений «на основе принципа минимальной достаточности». Что это за принцип и чем он должен быть *наполнен*, авторы не уточняют.

Наконец, наиболее противоречива идея авторов об укреплении стратегической стабильности в противовес принципу ядерного сдерживания. Но ведь стратегическая стабильность как раз и базируется на этом принципе. И ее укрепление фактически должно предусматривать усиление действия принципа ядерного сдерживания, какие бы попытки вложить в принцип стратегической стабильности новое наполнение не предпринимались. Все вышеизложенное говорит о том, что теоретическое обоснование движения к безъядерному миру еще недостаточно разработано.

Не вызывает сомнения тот факт, что идеология ядерного сдерживания устарела, о чем говорят и авторы статьи. Но, на мой взгляд, следовало бы сделать следующий шаг, заявив, что принцип стратегической стабильности также устарел и должен стать достоянием истории конфронтации и стратегических отношений ядерных сверхдержав эпохи биполярного мира. Пора всерьез задуматься о том, что нам необходимы новые принципы, отвечающие современному характеру таких отношений в его многостороннем измерении. И эти принципы, как минимум, должны отрицать *ценность* и *полезность* ядерного оружия как средства ведения войны и обеспечения военной безопасности государств. Если такие принципы удастся разработать и согласовать, то процесс ядерного разоружения получит новый импульс, и уже не будет зависеть от математических расчетов, кто сколько раз может уничтожить своего оппонента в первом или ответном ударе. Это, наряду с прочим, облегчит решение проблемы вовлечения в процесс ядерного разоружения третьих стран и в целом снизит *привлекательность* ядерного оружия как средства обеспечения национальной безопасности. Над всеми этими проблемами нужно упорно работать, желательно на многосторонней основе, привлекая к такой работе политиков, военных, дипломатов и экспертов других стран. Как мне представляется, данная статья если не прямо, то косвенно содержит в себе такой призыв.

Юрий **Федоров** — по электронной почте из Праги:

Статья Примакова, Иванова, Велихова и Моисеева — набор банальностей, одни из которых правильны, а другие, мягко говоря, имеют мало общего с реальностью. Трудно возразить авторам, когда они пишут, что ядерное сдерживание (на самом деле — ядерное оружие) бессильно против международного терроризма или трансграничной преступности. Правда, об этом уже написаны сотни

книг и тысячи статей. Столь же правилен, хотя и столь же тривиален, вывод авторов, к которому они пришли, «размышляя о долгосрочной перспективе», а именно: «мир без ядерного оружия — это отнюдь не нынешний мир минус ядерное оружие». К сожалению, авторы умолчали о том, как именно исключить войны из международной жизни. Впрочем, хочется верить, что ответ на этот вопрос будет дан после еще одного тура глубоких размышлений.

Более интересны вопросы, поставленные редакцией *Индекса Безопасности*.

Идеология ядерного сдерживания, не только взаимного, есть осмысление (на современном псевдонаучном жаргоне — концептуализация) реально существующей ситуации в отношениях некоторых, далеко не всех, ядерных государств, которая, в свою очередь, возникает в результате политического или политико-идеологического конфликта между ними. *Идеология*, точнее политика или стратегия ядерного сдерживания, будет сохраняться до тех пор, пока существуют конфликты, эскалация которых блокируется ядерным сдерживанием, взаимным или односторонним.

Виктор **Есин** — по электронной почте из Москвы:

Высказанные в статье идеи в отношении давно назревшей трансформации концепции ядерного сдерживания и выхода на новый этап всеобщего разоружения не могут не импонировать, поскольку они базируются на реалистичных оценках сформировавшихся ныне возможностей. Но чтобы эти возможности реализовать, нужна, как абсолютно точно подмечено авторами статьи, *глубокая реорганизация всей международной системы*, ее построение во многом на иных принципах и институтах, чем это имеет место сегодня.

На мой взгляд, сказано четко и убедительно, в самую точку. Другой вопрос, воспользуется ли этими рекомендациями международное сообщество. А так бы хотелось, чтобы идеи Е. Примакова, И. Иванова, Е. Велихова и М. Моисеева были позитивно восприняты прежде всего лидерами стран *двадцатки*.

Я согласен с утверждением, что идеология взаимного ядерного сдерживания устарела. Главный довод — она бессильна против реальных угроз XXI века и обращена к *угрозам прошлого века*, вероятность проявления которых сегодня близка к нулю. Роль ядерного оружия в обеспечении государственной безопасности ведущих в мире ядерных держав будет снижаться. В то же время так называемые *проблемные* страны, испытывающие силовое давление со стороны лидеров международного сообщества, видят в обладании ядерным оружием гарантию их военной безопасности.

Subject: **Теория. Какое место ядерное оружие *должно* занимать в будущем в системе международной безопасности?**

Евгений **Бужинский** — по электронной почте из Москвы:

«Мир без ядерного оружия — это отнюдь не нынешний мир минус ядерное оружие», — ключевой вывод. Мир должен быть другим. Пока говорить о ядерном разоружении рано.

Идеология взаимного ядерного сдерживания пока действует, хотя конечно, играет скорее *ритуальную роль*, так как конфликт между РФ и США с применением ядерного оружия практически нереален. При этом пока не будет обеспечен *при-*

емлемый баланс с нашими основными партнерами по обычным вооружениям (учитывая их участие в военно-политических союзах), в первую очередь по высокоточному оружию, а также до тех пор, пока процесс ядерного разоружения не примет многосторонний характер, ядерное оружие будет играть существенную роль в обеспечении государственной безопасности РФ.

Для достижения *баланса* РФ и США должны будут понизить уровни своих ядерных вооружений до уровня Китая и Франции, найти решения по всему комплексу индо-пакистанских противоречий и урегулировать ближневосточный конфликт. К сожалению пока ни по одному из вышеперечисленных пунктов в обозримой перспективе решение нереально. Ключевым представляется *изменение подходов Запада* по навязыванию своих стандартов, прежде всего в гуманитарной сфере, малым странам.

Юрий **Федоров** — по электронной почте из Праги:

Место ядерного оружия в обеспечении национальной безопасности зависит от представлений правящей элиты о национальных интересах, причем не только интересах безопасности, которые должны или могут обеспечиваться угрозой применения или применением ядерного оружия. Для каждого ядерного государства такие представления различны. В одних случаях ядерное оружие является инструментом предотвращения ядерного удара потенциального противника, в других — средством нейтрализации превосходства потенциального противника в обычных вооружениях. Оно может служить для сдерживания третьей стороны от вмешательства в региональный конфликт, порожденный экспансией ядерного государства. Вопрос, насколько эффективным может быть такое сдерживание, остается открытым. В частности, *небольшой* ядерный потенциал вполне может быть уничтожен упреждающим ударом современных высокоточных неядерных средств.

Теоретически в ряде случаев, но далеко не всегда, ядерное разоружение может быть связанно не столько с понижением уровней обычных вооружений, сколько с устранением дисбалансов в этой области, созданием региональных или субрегиональных зон пониженной военной деятельности, внедрением мер укрепления доверия, высокоинтрузивных режимов транспарентности и т.д.

Александр **Радчук** — по электронной почте из Москвы:

В дальнейшем ядерное оружие все больше будет отвечать за предотвращение глобальных (крупномасштабных) конфликтов, отдавая вопросы обеспечения региональной и локальной безопасности обычному, в первую очередь высокоточному, оружию.

Ядерное разоружение обязательно должно быть связано с процессом понижения уровней обычных вооружений, так как только это позволит сохранить баланс сил, который еще очень долгое время будет обеспечивать безопасность и стратегическую стабильность как в мире в целом, так и в различных регионах.

Вопрос привлечения других стран к процессу ядерного разоружения чрезвычайно сложен. Сегодня дать на него однозначный ответ невозможно, поскольку альтернативы ядерному оружию, особенно для не очень богатых стран, пока не найдено. Именно поэтому, снизить привлекательность ядерного оружия в глазах руководителей малых стран сегодня вряд ли удастся. Особенно на фоне КНДР и Ирана, для которых ядерные программы стали очень весомым козырем в общении с внешним миром.

Нобуясу **Абе** — по электронной почте из Токио:

Я считаю, что концепция ядерного сдерживания устаревает и в конце концов утратит значимость, так как ядерное оружие будет играть все более ограниченную роль в обеспечении национальной безопасности. Тем не менее свою роль на сегодня концепция по-прежнему сохраняет, хотя роль эта значительно снизилась по сравнению с периодом холодной войны.

Ядерное разоружение должно быть связано с процессом понижения уровней обычных вооружений. При этом процессы сокращения ядерных и обычных вооружений должны быть параллельными, хотя и не полностью жестко привязанными друг к другу. Успех ДОВСЕ помог укрепить взаимное доверие и создал атмосферу, при которой стало возможным подписание договора о РСМД. Но если поставить их в жесткую зависимость, это станет серьезным препятствием для всего процесса.

Subject: **Практика. Как решить основные проблемы, связанные с ядерным (не)распространением?**

Алексей **Арбатов** — по электронной почте из Москвы:

Ядерное разоружение должно быть связано с процессом понижения уровней обычных вооружений, и это наш главный рычаг в решении ряда проблем — ВТО, ПРО, КВ.

На мой взгляд, остальные страны можно привлечь к процессу ядерного разоружения *через понижение роли ядерного оружия в своей доктрине* и реальной стратегии, а также через разумные соглашения с учетом их интересов безопасности. Снизить же привлекательность ядерного оружия можно через последовательное ядерное разоружение, а также через жесткую политику нераспространения и заманчивые стимулы экономического и политического характера.

Нобуясу **Абе** — по электронной почте из Токио:

Чтобы подключить к процессу ядерного разоружения другие страны (Китай, например), было бы полезно улучшить отношения в политической сфере и сфере безопасности между США и Россией с одной стороны и Китаем с другой. Четкие сигналы о том, что арсеналы США и России последовательно сокращаются, приведут к тому, что Китаю не будет необходимости наращивать свой ядерный арсенал, и он впоследствии тоже может присоединиться к разоружению. В то же время, если Китай заявит, что он не планирует достигать ядерного паритета с США и Россией и готов присоединиться к процессу разоружения, это поможет продвинуть усилия Москвы и Вашингтона.

Юрий **Федоров** — по электронной почте из Праги:

Привлечь к ядерному разоружению другие, помимо США и России, ядерные государства можно несколькими путями. Можно, например, предоставить достаточно надежные гарантии безопасности, подобные тем, которые США предоставили странам — членам НАТО. Известно, что именно таким образом удалось предотвратить ядерное вооружение ФРГ во время холодной войны. Другой путь — убедить их в том, что угрозы, которые они хотят нейтрализовать путем ядерного сдерживания, более не существуют, либо что их ядерный потенциал не способен

такие угрозы нейтрализовать. Наконец, если речь о странах, где у власти находятся мало вменяемые деятели или группировки, например, об Иране или Северной Корее, то наилучшим методом их ядерного разоружения является первый обезоруживающий удар. В любом случае важно отказаться от широко распространенной, но крайне наивной теории, что сокращение ядерных потенциалов России и США может стимулировать ядерное разоружение других стран.

Джеймс **Эктон** — по электронной почте из Вашингтона:

На мой взгляд, Примаков и его коллеги абсолютно правы. Ядерное разоружение — это не просто полное уничтожение ядерного оружия, но и в первую очередь создание условий, при которых мир без ядерного оружия будет безопасным местом. К сожалению существующие на данный момент вызовы настолько сильны, что процесс разоружения может прекратиться задолго до того, как возникнет необходимость в разработке целостной архитектуры *неядерной безопасности*.

Договор об ограничении количества развернутого стратегического оружия — основа контроля над вооружениями — скорее всего, будет самой простой частью в следующем раунде переговоров. Все остальные вопросы, стоящие перед США и Россией гораздо сложнее: противоракетная оборона, высокоточные обычные вооружения, тактическое ядерное оружие, возможность загрузки и тяжелые межконтинентальные баллистические ракеты. Возможно ли в принципе соглашение по этим вопросам, покажет будущее, но даже в лучшем случае от подписания следующего договора о сокращении вооружений нас отделяют несколько лет. Пока же я думаю, что уже в краткосрочной перспективе России и США следовало бы договориться по целому спектру взаимовыгодных мер, направленных на укрепление доверия. Они могли бы, например, открыть Совместный центр обмена данными, удостовериться в отсутствии тактического ядерного оружия в местах, где оно хранилось ранее, а также провести совместную оценку угроз, которые представляют крылатые ракеты.

Москва и Вашингтон проявляют все большую обеспокоенность ядерным оружием других стран. Тем не менее Россия и США по-прежнему обладают ядерными арсеналами, которые больше чем в 20 раз превосходят по количеству и значительно превосходят по эффективности аналоги других государств. И хотя процесс сокращения вооружений должен будет приобрести многосторонний формат, делать это сейчас преждевременно. Это не означает, что другие государства, обладающие ядерным оружием, не должны принимать никакого участия. Они могут и должны участвовать в неформальных многосторонних инициативах, направленных на укрепление доверия и обменом информацией. Более того, они могут служить примерами. Другие государства, обладающие ядерным оружием, перед некоторыми из которых стоят значительно более серьезные угрозы, чем перед США и Россией, столь же успешно сдерживают агрессию, обладая значительно меньшим арсеналом. Это должно заставить Москву и Вашингтон задаться вопросом, не может ли *мелкая рыба* научить их чему-нибудь в области ядерной стратегии. Пересмотр ядерной стратегии, особенно ценности больших арсеналов, сделает следующие шаги значительно легче.

Виктор **Есин** — по электронной почте из Москвы:

Органическая взаимосвязь ядерного и всеобщего разоружения была зафиксирована еще в 1960-х гг. при выработке Договора о нераспространении ядерного ору-

С материалами по вопросам разоружения вы можете ознакомиться в разделе «Пути ядерного разоружения» на сайте ПИР-Центра по адресу http://pircenter.org/view/disarmament

жия (см. статью 6 ДНЯО). Отсутствие прогресса в понижении уровней обычных вооружений, а тем более предпринимаемые США меры по созданию новых высокоэффективных систем обычных вооружений, включая ПРО и ВТО, может не только *заморозить* процесс ядерного разоружения, но и обратить этот процесс вспять.

Что касается вовлечения других стран в процесс ядерного разоружения, то это возможно через учреждение в рамках Конференции по разоружению в Женеве вспомогательного органа, уполномоченного заниматься вопросами ядерного разоружения, как это предусмотрено, в частности, итоговым документом Обзорной конференции по рассмотрению действия ДНЯО 2010 г. Но все же главное на нынешнем этапе — это проведение конференции по ядерному разоружению в формате *ядерной пятерки* — США, Россия, Великобритания, Франция и КНР, которая позволила бы этим ядерным державам укрепить взаимное доверие и выработать такие *правила поведения*, которые синхронизировали бы их действия в пропорциональном сокращении своих ядерных арсеналов.

Решение проблемы привлекательности ядерного оружия в глазах малых стран состоит в лишении этих стран мотивации к обладанию им. И первоочередная задача в этом деле — предоставление всем странам, не обладающим ядерным оружием, юридически признанных международным правом гарантий неприменения и (или) угрозы применения против них ядерного оружия странами, обладающими этим оружием. В последующем — принятие международной конвенции о запрещении ядерного оружия.

Примечания

[1] Текст статьи печатается по публикации сайта *Известия.ру (* 2010, 25 октября) с любезного разрешения редакции газеты *Известия*. http://www.izvestia.ru/politic/article3147325/ (Последнее посещение — 15 ноября 2010 г.). Пунктуация и орфография сохранены.

ПОД ВИДОМ БОРЬБЫ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ОМУ ПРЕДПРИНИМАЮТСЯ ПОПЫТКИ СМЕНИТЬ ИРАНСКИЙ РЕЖИМ

24 февраля 2012 г. в Сарове состоялась встреча председателя Правительства России Владимира Путина с экспертами по глобальным угрозам национальной безопасности, укреплению обороноспособности и повышению боеготовности Вооруженных сил Российской Федерации. Во встрече приняли участие президент ПИР-Центра Владимир Орлов и старший вице-президент ПИР-Центра Евгений Бужинский.

Предлагаем вниманию читателей фрагменты из беседы экспертов ПИР-Центра с избранным Президентом России.

ВЛАДИМИР ПУТИН (ПРАВИТЕЛЬСТВО РФ): В стране выстраиваются долгосрочные планы и стратегии развития в сферах экономики, здравоохранения, образования, в других сферах нашей жизни. Армия, флот, Вооруженные силы в целом, развитие оборонно-промышленного комплекса как неотъемлемой части решения общенациональной задачи обеспечения безопасности страны — все это также нуждается в соответствующем долгосрочном планировании. Разумеется, в каждом конкретном случае нужно учитывать перспективы развития науки и техники в нашей стране и в мире. Это нужно и для сохранения нашей безопасности, для обеспечения территориальной целостности страны.

Наши усилия направлены на обеспечение национальной безопасности, но не ограничиваются ей. Важна и международная безопасность (имею в виду известные планы по созданию системы противоракетной обороны). Наша общенациональная задача и, собственно говоря, наша обязанность перед всем человечеством — сохранить баланс стратегических сил и возможностей. Я знаком с работами присутствующих здесь экспертов, и многие иностранные партнеры также считают, что стратегический баланс, который сложился в мире, обеспечил нам отсутствие глобальных конфликтов. Региональных конфликтов, к сожалению, много, и в последние годы их количество растет, но баланс стратегических сил позволил нам избежать крупных, глобальных конфликтов, и поэтому наша задача — сохранить этот баланс.

Разумеется, нам нужно будет подумать и максимально корректно, эффективно решить вопросы социального характера. Совсем недавно мы с коллегами отдельно занимались вопросами развития оборонно-промышленного комплекса — приняли Федеральную целевую программу по развитию ОПК.

В общем, комплекс вопросов большой. И сегодня я хотел бы с вами поговорить по всему этому комплексу. Каждый из вас практически всю жизнь занимается этими вопросами, я с удовольствием послушаю ваше мнение.

ЕВГЕНИЙ БУЖИНСКИЙ (ПИР-ЦЕНТР): Я хочу затронуть вопрос о том, нужно ли нам выдвигать свои инициативы в области контроля над вооружениями. Мне кажется, что в эту гонку нам втягиваться сейчас не имеет смысла, нужно взять определенную паузу. Что касается ядерного разоружения, то особо модная сейчас тема — тема тактического ядерного оружия. Тактическое ядерное оружие — это наш козырь и отказываться от него мы пока никак не можем. Это элемент нашего ядерного сдерживания.

ПУТИН: Евгений Петрович, сразу могу вам сказать: мы вообще не собираемся отказываться ни от чего, что нам нужно. Мы будем отказываться только от того, что нас обременяет и не приносит никакой пользы. А от того, что нам нужно, нас не обременяет, а, наоборот, создает определенные гарантии, мы вообще отказываться не собираемся.

БУЖИНСКИЙ: Я просто хочу сказать, что у нас действительно есть отставание в высокоточном оружии. Пока это отставание не будет ликвидировано, идти на какие-то дальнейшие сокращения нам смысла нет. Мы всегда выступали за то, чтобы ограничить крылатые ракеты морского, воздушного базирования. Американцы отвечают: давайте, сокращать вооружения в ядерном оснащении мы практически готовы. Я им задаю вопрос: а как же ударные беспилотники? Молчат. Фактически это означает, что они ушли вперед по беспилотникам, теперь можно поговорить и о крылатых ракетах. Пока мы не ликвидируем отставание по определенным позициям, идти на какие-то сокращения нельзя.

ПУТИН: Благодарен за Вашу небольшую ремарку. Это полностью соответствует нашим собственным представлениям о том, что мы должны делать, а чего делать не должны.

ВЛАДИМИР ОРЛОВ (ПИР-ЦЕНТР): Я хотел бы обратиться к теме глобальных угроз нашей безопасности. Расширение ядерного клуба — не в наших интересах. Но если мы посмотрим, в частности, на иранскую ситуацию, мы увидим, что иногда под лозунгами борьбы с распространением ядерного оружия, предотвращения распространения на самом деле протаскиваются другие интересы. Говоря о борьбе с распространением, имеют в виду смену политического режима. С этим нам точно не по пути, по крайней мере, мне так кажется. С резолюциями Совета Безопасности ООН мы зашли уже слишком далеко, давления слишком много. Когда речь заходит об ударах, в общем-то иранцев это наталкивает на мысль о том, что им нужно принять меры по укреплению национальной безопасности. Таким образом, задачу мы решаем не так, как хотели. Не пора ли России перестать поддакивать на все американцам? Мы, наверное, немножко избаловали их за последнее время. Может быть, стоит подумать о возобновлении ВТС с Ираном. Стоит вести совместную работу не только с европейскими государствами и США, но также с Турцией, Индонезией, Египтом, Китаем, Бразилией. Мы сможем совместно поработать по иранской проблематике, обретая новых партнеров на международной сцене и имея самостоятельный голос, а не под давлением обстоятельств.

ПУТИН: Должен вам сказать, Владимир Андреевич, что мы так и делаем, мы и работаем со всеми, практически со всеми партнерами, о которых Вы сказали. Вы упомянули Египет. Там сейчас сложно с кем-то работать страна находится в очень непростой внутриполитической ситуации, но это все-таки лидер арабского мира, а в арабском мире скептически относятся к возможности приобретения Ираном ядерного оружия. Лучшее тому доказательство — это то, как арабский мир относится к событиям в Сирии. При этом наша позиция в Совете Безопасности ООН по сирийской проблематике говорит о том, что мы не собираемся никому поддакивать. Надеюсь, что так и будет дальше. У нас есть свои интересы. Мы, конечно, должны работать кооперативно, должны понимать, что происходит в мире, никогда не должны

оставаться в одиночестве: это плохой путь обеспечения наших национальных интересов.

В целом наша позиция по иранской проблеме совпадает с тем, что Вы сейчас сказали. Примерно так мы и планируем действовать, а Ваша оценка — правильная. Конечно, я также считаю, что под видом борьбы с распространением оружия массового уничтожения предпринимаются попытки другого характера, и цели ставятся другие — сменить режим. Вот такие подозрения у нас есть, поэтому мы занимаем позицию, отличную от той, которую нам пытаются предъявить в качестве генерального пути развития иранской проблемы наши партнеры. Но в чем-то наши позиции совпадают: мы не заинтересованы в том, чтобы Иран стал ядерной державой.

Что касается самостоятельности нашей позиции, то она проявилась, в частности, в том, что мы довели до логического конца нашу работу по Бушеру. Несмотря на давление со стороны, мы это сделали и намерены дальше работать независимо (но не агрессивно) и кооперабельно с нашими партнерами на международной арене. Сомнений здесь быть не может. Конечно, нужно всегда чувствовать, кто разделяет наши позиции, и на каждом отрезке по каждой проблеме искать и находить союзников. Вы абсолютно правы.

Я хочу поблагодарить всех за сегодняшнюю встречу. Надеюсь, что мы реализуем те предложения, которые сегодня прозвучали.

АБОНЕМЕНТ на газету **журнал** 80666

(индекс издания)

Индекс Безопасности

(наименование издания) количество комплектов:

на 2012 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
						X	X	X	X	X	X

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер

на газету **журнал** 80666

(индекс издания)

Индекс Безопасности

(наименование издания)

Стои-мость	подписки переадресовки	руб. коп. руб. коп.	количество комплектов:	

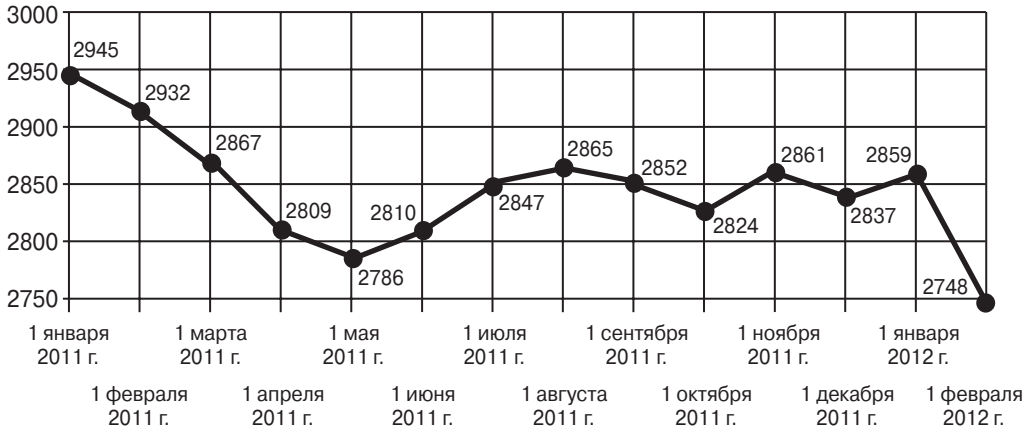
на 2012 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
						X	X	X	X	X	X

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

График 1. **Индекс международной безопасности *iSi* в 2011 г.**



➥ ***Галия Ибрагимова, Ирма Аргуэльо, Евгений Бужинский, Дайан Джаятиллека, Пал Дунай, Халил Каравели, Андрей Кортунов, Евгений Сатановский, Фарход Толипов, Чун-Шэн Тян.*** **ИНДЕКС *ISI* ЗА НОЯБРЬ 2011 — ЯНВАРЬ 2012 г.: *ЛЕДНИКОВЫЙ* ПЕРИОД**

➥ ***Юрий Федоров.*** **ГЛАЗАМИ ЛИБЕРАЛА: ВРЕМЕНА МЕНЯЮТСЯ…**

➥ ***Дмитрий Евстафьев.*** **ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: ВЕТЕР ПЕРЕМЕН ПЕРЕХОДИТ В ШТОРМ**

ИНДЕКС *iSi* ЗА НОЯБРЬ 2011 — ЯНВАРЬ 2012 г.

ЛЕДНИКОВЫЙ ПЕРИОД

В конце 2011 г. ПИР-Центр и члены Международной экспертной группы в очередной раз оценили изменения военных, политических, террористических, экономических, техногенных и природных угроз за прошедшие месяцы и установили новое базовое значение Индекса *iSi* на 2011 г.

При определении базового показателя *iSi* научные сотрудники ПИР-Центра совместно с внешними экспертами рассматривают вероятность возникновения таких угроз, как всеобщая ядерная война, широкомасштабный военный конфликт между ядерными государствами, резкое обострение отношений между мировыми державами, осуществление крупного террористического акта и др. Учитываются также экономические, экологические, техногенные факторы безопасности. В пересмотре базового значения Индекса в декабре 2011 г. участвовали научные сотрудники ПИР-Центра и члены Международной экспертной группы: И. Аргуэльо, Е. П. Бужинский, Д. Джаятиллека, П. Дунай, А. Ф. Зульхарнеев, Х. Каравели, А. В. Кортунов, В. А. Орлов, Е. Н. Петелин, А. Х. Рамальо, Е. Я. Сатановский, Ф. Ф. Толипов, Ч.-Ш. Тян, Н. Унникришнан, К. фон Эггерт.

В течение 2011 г. Индекс международной безопасности рассчитывался не только на основе ежемесячных и ежеквартальных, но и еженедельных событий и комментариев. Каждую неделю новый показатель *iSi* публиковался в газете *Коммерсантъ.* Помимо этого, члены Международной экспертной группы ПИР-Центра еженедельно комментировали наиболее значимые события, которые оказывали влияние на состояние безопасности в мире. Комментарии экспертов МЭГ публиковались на сайте ПИР-Центра http://isi.pircenter.org. Это позволило пристальнее проанализировать тенденции мирового развития и вывести новую цифру *iSi* за год.

Индекс *iSi* — это интегрированный показатель, который фиксирует уровень угроз безопасности и благополучия жителей нашей планеты. Расчет Индекса происходит в два этапа. Первый — определение базового значения индекса, которое отражает *идеальный* уровень международной безопасности. На втором этапе расчета *iSi* оцениваются события, которые произошли в мире за определенный период: неделю, месяц, квартал, — и вызвали отклонение индекса от *идеального* состояния. *Идеальный* уровень международной безопасности равен 4210 пунктам. Чем ближе значение индекса к этому уровню, тем безопаснее окружающий мир, и наоборот. В 2009 г. базовое значение *iSi* составляло **3195 пунктов**, в 2010 г. — **3228 пунктов,** в 2011 — **3284 пунктов.** Новое базовое значение, устанавливаемое на 2012 г. равно **3115 пунктов**.

Дата	Общее значение	Базовое значение	Ежемесячный показатель
1 декабря 2010 г.	2910	3228	-318
1 января 2011 г.	2945	3284	-339
1 февраля 2011 г.	2932	3284	-352
1 марта 2011 г.	2867	3284	-417
1 апреля 2011 г.	2809	3284	-475
1 мая 2011 г.	2786	3284	-498
1 июня 2011 г.	2810	3284	-474
1 июля 2011 г.	2847	3284	-437
1 августа 2011 г.	2865	3284	-419

Дата	Общее значение	Базовое значение	Ежемесячный показатель
1 сентября 2011 г.	2852	3284	-432
1 октября 2011 г.	2824	3284	-460
1 ноября 2011 г.	2861	3284	-423
1 декабря 2011 г.	2837	3284	-457
1 января 2012 г.	2859	3115	-260
1 февраля 2012 г.	2748	3115	-367
1 марта 2012 г.	2771	3115	-344

Снижение годового значения Индекса *iSi* связано с резким обострением ситуации на Ближнем Востоке и в Северной Африке из-за взрыва народного возмущения против властных структур, с катастрофическим землетрясением в Японии, вызвавшим цунами и взрыв на АЭС *Фукусима-1,* а также с ухудшением экономической ситуации в зоне евро и угрозой новой волны экономической рецессии. Негативное влияние на состояние международной безопасности оказали зашедшие в тупик переговоры между Россией и США по вопросу создания ПРО. В июне 2011 г. на заседании Совета Россия–НАТО Андерс Фог **Расмуссен** заявил, что альянс не намерен давать юридических гарантий ненаправленности ПРО против российского стратегического потенциала, в ответ Россия ввела в боевой состав РЛС в Калининграде.

- **Африка и Ближний Восток.** Осенью 2011 г. не снижался уровень напряженности в государствах Ближнего Востока и Северной Африки. В **Сирии** усилились антиправительственные демонстрации, участились нападения мятежников на правительственные учреждения и военные объекты, возросла угроза терактов; оппозиционные организации договорились продолжить сопротивление властям мирными методами. В ноябре Башар Асад одобрил план Лиги арабских государств (ЛАГ) по урегулированию ситуации, но отказался допускать в страну международных наблюдателей. В ответ ЛАГ приостановила членство Сирии в организации и разработала пакет экономических санкций. 23 ноября Комитет ООН по правам человека принял резолюцию, осуждающую режим Башара Асада за серьезные нарушения прав человека; США, ЕС и Турция ввели очередные санкции против ряда сирийских чиновников. В результате 19 декабря официальный Дамаск согласился допустить в страну международных наблюдателей. Россия внесла в Совбез ООН новый проект резолюции по Сирии, но США заявили, что не поддержат его.

  В **Ливии**, несмотря на свержение режима Муаммара Каддафи и завершение военной операции НАТО, в ноябре-декабре 2011 г. сохранялась военно-политическая напряженность: имели место вооруженные столкновения между племенными группировками и сторонниками убитого полковника, усилилось противостояние армии с ополченцами, воевавшими за свержение Каддафи. Между тем 18 декабря Совет Безопасности ООН отменил финансовые санкции против Ливии.

  В **Йемене** 23 ноября 2011 г. президент Али Абдалла Салех и оппозиция подписали примирительное соглашение о передаче власти в стране. Временное правительство возглавил глава оппозиции Мохаммед Басиндва. Несмотря на уход Али Абдаллы Салеха, в стране продолжились столкновения между армией и оппозицией, требующей суда над президентом, а также противниками нового правительства национального единства.

  Осенью резко обострилась ситуация в **Египте**. В ноябре массовые акции протеста против усиления роли военных в стране переросли в столкнове-

Ирма ***Аргуэльо (Аргентина)****, председатель Фонда нераспространения во имя глобальной безопасности — по электронной почте из Буэнос-Айреса:* Политические, экономические, социальные кризисные явления — это показатели того, что международная безопасность достигла критической черты. Стратегическая неопределенность, которая опоясала мир, ведет к *прогрессивному ухудшению* ситуации.

Затянувшаяся *арабская весна* — главный вызов для Ближнего Востока. Быстрый исход революций в Тунисе и Йемене, вооруженный конфликт в Ливии, противостояние оппозиции и власти в Йемене и Сирии вовсе не означают приход демократии и мира в регион, где эти понятия отсутствуют сами по себе. Кризис в отношениях союзников по антитеррористической коалиции — США и Пакистана — могут спровоцировать новые угрозы безопасности, а многолетнее пребывание американских войск в Афганистане окажется напрасным. Иранская ядерная программа по-прежнему полна загадок. Недавно Иран достиг нового технологического уровня в обогащении ядерного топлива. По данным западных организаций, страна обладает подземными ракетными шахтами, расположенными на северо-западе, а это прямая угроза для Израиля, Турции, Ирака и других государств Залива. Недавнее заявление высоких государственных лиц в Тегеране о готовности принять международные инспекции на ядерные объекты ИРИ снизили градус напряженности, но каков будет итоговый результат этих инспекций — большой вопрос.

ния манифестантов с полицией; при разгоне демонстраций пострадало более 750 человек. Из-за неспособности урегулировать кризис правительство Египта подало в отставку. Новый кабинет министров возглавил Камаль аль-Ганзури. 28 ноября в стране прошел первый тур парламентских выборов, 14–15 декабря состоялся второй тур. По результатам выборов лидирует Партия справедливости и свободы «Братьев мусульман».

В **Тунисе** вспыхнули массовые беспорядки недовольных результатами, состоявшихся 24 октября парламентских выборов и победой на них исламистов. 23 ноября в **Кувейте** прошли массовые демонстрации с требованием отставки правительства и проведения политических реформ. Для урегулирования внутриполитического кризиса был распущен парламент страны. В **Ираке** вслед за выводом американских войск в декабре резко возросла политическая напряженность, произошла серия терактов. В **Нигерии** произошли столкновения исламистов с полицией. Антиправительственные демонстрации имели место в Бахрейне и Саудовской Аравии. В **Турции** армия провела крупномасштабную военную операцию против боевиков Курдской рабочей партии.

Иран. 8 ноября МАГАТЭ опубликовало доклад по Ирану. Совет управляющих агентства призвал власти в Тегеране возобновить диалог по ядерной программе страны. 29 ноября иранские студенты устроили погром посольства Великобритании в Тегеране. В ответ официальный Лондон заявил о сворачивании дипломатических контактов с Ираном. Между тем ЕС принял новые санкции против Ирана в связи с развитием ядерной программы страны, а Израиль пригрозил нанести превентивный удар по Ирану. 23 декабря 2011 г. в Ормузском заливе Иран начал военно-морские учения. Однако обстановка вокруг них накалилась 28 декабря,

когда первый вице-президент Исламской Республики Мохаммад Реза Рахими объявил, что ВМС Ирана могут заблокировать проход танкеров по стратегически важному проливу, если Запад введет санкции в отношении нефтяной отрасли Ирана. 2 января 2012 г. Иран провел учебный пуск ракеты средней дальности класса земля–воздух. США ввели санкции против финансового сектора ИРИ и, в частности, в отношении Центробанка страны. 10 января 2012 г. МАГАТЭ распространило информацию о том, что Иран приступил к обогащению урана до 20% в расположенном недалеко от города Кум подземном ядерном центре Фордо. Руководство ООН потребовало от Тегерана доказать мирный характер своих ядерных программ, а США и их союзники обвинили Иран в нарушении резолюции ООН и МАГАТЭ. Россия также выразила обеспокоенность действиями Ирана.

Израиль — арабский мир. Осенью резко обострились отношения между Израилем и Палестиной из-за ракетных ударов боевиков из сектора Газа по израильской территории. В ответ ВВС Израиля подвергли ударам базы экстремистов в анклаве. 31 октября ЮНЕСКО приняла Палестину в состав организации в качестве суверенного государства. В ответ власти США и Израиля прекратили финансирование организации.

Израиль и движение *Хамас* пришли к соглашению по обмену захваченного пять лет назад в секторе Газа военнослужащего Гилада Шалита на палестинских заключенных. 19 декабря 2011 г. Генеральный секретарь *Хамас* Халед Машаль заявил, что движение меняет тактику борьбы

Евгений ***Сатановский (Россия)***, *президент Института Ближнего Востока — по электронной почте из Москвы*: Решение Лондона о разрыве связей с банками Ирана, которые были вовлечены в развитие военной ядерной программы, незамедлительно привело к очередному кризису в отношениях двух стран. Десятки демонстрантов ворвались в здание посольства Великобритании в Тегеране, сожгли британский флаг и заменили его флагом Ирана. В ходе погрома посольства были изъяты секретные документы. Реакция Тегерана на санкции Объединенного Королевства была предсказуемо жесткой. Парламент ИРИ потребовал выдворения британского посла и принял решение понизить дипломатические отношения с Великобританией до уровня временных поверенных. Как отреагирует Лондон на оскорбление флага — вопрос любопытный. Британская армия имеет большой опыт ведения военных операций, оснащена современной техникой, имеет на вооружении ядерное оружие. К тому же правительство в экономическом отношении чувствует себя куда лучше, чем страны зоны евро. В случае гипотетического столкновения с Ираном Великобритания может рассчитывать на поддержку стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), а также Израиля, для которых получение атомной бомбы Ираном представляет серьезную опасность. В целом, вероятность начала военной кампании против Ирана — высокая.

Иранский фактор оказывает определяющее влияние на усиливающееся международное давление на режим в Дамаске. Башар Асад — союзник Ирана и в этом качестве должен быть свергнут. Дирижируют этим процессом Саудовская Аравия и Катар, которые стремятся дискредитировать светские авторитарные режимы на Ближнем Востоке.

за освобождение Палестины и отказывается от прямого вооруженного насилия в пользу переговоров.

4 января 2012 г. в столице Иордании Аммане прошли переговоры представителей Израиля и Палестины, стороны договорились продолжить диалог. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун положительно оценил исход переговоров и призвал стороны продолжить работу. Президент США Барак Обама подтвердил готовность способствовать продолжению контактов между Палестиной и Израилем.

- **Афганистан–Пакистан.** Осенью 2011 г. обострилась военно-политическая напряженность на северо-востоке Афганистана. В октябре-ноябре здесь происходили ожесточенные бои американских и афганских войск против талибов. Возросла угроза терактов. 28 декабря 2011 г. президент Афганистана Хамид Карзай принял решение расформировать нерегулярные полицейские силы, созданные НАТО, обвинив их в вымогательстве денег у рядовых граждан. 8 января 2012 г. власти Афганистана обвинили военных США в издевательствах над заключенными тюрьмы на американской военной базе Баграм.

  Резко ухудшились отношения между США и Пакистаном. 26 ноября авиация НАТО обстреляла блокпост в Пакистане, в результате погибли 28 пограничников. Пакистанские власти выразили протест и запретили США использовать военную базу Шамси, а также приостановили транспортировку грузов альянса через Хайберский проход. Внутри Пакистана усилилось противостояние между военной и политической элитами.

- **Корейский полуостров.** 17 декабря 2011 г. скончался лидер КНДР Ким Чен Ир. Власть в стране была передана его младшему сыну Ким Чен Ыну. Новое руководство Северной Кореи признало, что страна переживает продовольственный кризис. Южная Корея заявила, что настроена на переговоры с КНДР при условии, что Пхеньян откажется от разработки ядерного оружия.

  19 декабря КНДР осуществила испытательный пуск ракеты малой дальности с восточного побережья Корейского полуострова.

- **Европа–США**. Кризис суверенного долга Европы, ставший причиной нестабильности на мировых фондовых биржах, оказывал определяющее влияние на состояние безопасности в регионе. 10 ноября Еврокомиссия обнародовала свой новый макроэкономический прогноз, в котором понизила ожидания по росту экономики Евросоюза на 2011 г. на 0,2 процентного пункта, а на 2012 — на 1,3 процентного пункта, до 0,6%. На саммите ЕС в Брюсселе в декабре были приняты бюджетная и налоговая реформы зоны евро. Лидеры ЕС решили создать бюджетный пакет, в который войдут 17 стран еврозоны и еще 6 государств Евросоюза; также было принято решение о предоставлении 200 млрд евро МВФ для увеличения его кредитных ресурсов; против реформы выступила Великобритания. В целом, среди решений, принятых лидерами ЕС для спасения зоны евро в 2011 г., можно выделить пять основных: 1) создан постоянный Европейский фонд финансовой стабильности; 2) запущен Европейский механизм финансовой стабилизации; 3) одобрен первый пакет спасения Греции на 110 млрд евро; 4) страны еврозоны договорились о списании 50% греческого долга, то есть 100 млрд евро; 5) было принято решение о заключении бюджетного договора еврозоны.

  Акции протеста против экономической политики властей прошли в Португалии, Болгарии, Греции, Италии, Испании, Франции, Бельгии, Кипре, Германии, Италии, Словении. В США осенью-зимой усилились демонстрации активистов движения *Оккупируй Уолл-Стрит*, которые выступают против социального неравенства и налоговой политики властей.

Чун-Шэн ***Тян (Китай)***, *исполнительный директор Китайской ассоциации экономических и политических исследований России и Центральной и Восточной Европы — по электронной почте из Пекина*: Долговой кризис Евросоюза, определявший динамику экономического и политического развития в мире в конце 2011 г., останется главным негативным фактором и в 2012 г. Едва ли улучшится финансовое положение в США. Удастся избежать рецессии, но до тех пор, пока не будет принято единое скоординированное решение по спасению западных экономик, говорить об экономическом росте не приходится. Экономики развивающихся государств, и прежде всего экономика Китая, будут по-прежнему подвержены негативному воздействию кризиса в ЕС и в США. В Китае темпы экономического роста могут снизиться до 8 %. Это в свою очередь приведет к усилению социально-политических проблем в стране, которые окажут влияние на все страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Главным звеном в поиске решений по выходу из кризиса должны стать страны зоны евро.

На севере Косово в ноябре 2011 г. произошли столкновения между местными сербами и солдатами международных сил КФОР, есть пострадавшие. Для стабилизации ситуации Белград и Приштина провели переговоры и договорились совместно управлять пограничными переходами между странами.

- **Стратегическая стабильность и ядерная безопасность.** Испания дала согласие на участие в проекте создания системы ПРО в Европе. 23 ноября президент Дмитрий Медведев заявил о намерении России ввести в боевой состав РЛС в Калининграде и принять комплекс других мер из-за отсутствия прогресса на переговорах с США по созданию противоракетной обороны в Европе.
- **Постсоветское пространство.** В России 10 и 24 декабря прошли массовые митинги, участники которых выразили несогласие с итогами выборов в Госдуму.

  16 декабря Россия подписала протокол о вступлении в ВТО.

Фарход ***Толипов (Узбекистан)***, *независимый политолог — по телефону из Ташкента*: Прошедшие в Киргизии выборы президента и победа на них Алмазбека Атамбаева вовсе не означают, что характер политического процесса в стране претерпел значительные изменения. Борьба за власть различных политических сил пока еще сохраняет свою остроту. Атамбаев пока не провозгласил четкой программы своей деятельности. По-видимому, он так же, как и его предшественники, вряд ли будет свободен от геополитических влияний. Наконец, избранный президент не считает приоритетом Центрально-азиатское региональное сотрудничество, которое должно быть императивом для любого лидера в данном регионе. В связи с этим вызовы и угрозы для безопасности Киргизии и других государств Центральной Азии будут сохраняться.

18 декабря на западе Казахстана вспыхнули столкновения между нефтяниками, требующими повышения зарплаты, и полицией; в районах, охваченных беспорядками, было введено чрезвычайное положение.

20 декабря на саммите ОДКБ в Москве страны — члены организации договорились размещать иностранные военные базы на своей территории только с согласия партнеров по ОДКБ.

- **Природные катастрофы и техногенные аварии.** В ноябре 2011 г. на юго-востоке Турции произошло сильное землетрясение, в результате погибло более 500 человек. В декабре на юг Филиппин обрушился тропический шторм *Ваши*, в результате погибло более 500 человек. Наводнения в странах Центральной Америки, Таиланде, сильное землетрясение в районе индонезийского острова Бали — в числе негативных событий периода.
- Крупные теракты совершены в Ираке, Пакистане, Афганистане, Нигерии, Сомали.

Галия Ибрагимова

ГЛАЗАМИ ЛИБЕРАЛА: ВРЕМЕНА МЕНЯЮТСЯ…

Tempora mutantur, nos et mutamur in illis[1] — глубокомысленно констатировали римляне 2000 лет тому назад, наблюдая за событиями, происходящими в империи и соседних с ней землях варваров. Нечто подобное приходит на ум при попытках осмыслить сегодняшнюю динамику международных отношений. При этом похоже, что они не просто меняются, а постепенно приближаются к некоему поворотному моменту. Причина в том, что многие ключевые идеи, стратегические установки и стереотипы, определявшие мировую политику после холодной войны, оказались несостоятельными. Следуя им, невозможно, например, восстановить глобальную финансовую стабильность; предотвратить крах режима нераспространения; нейтрализовать опасные импульсы, исходящие из мусульманского мира; не допустить обострения военно-политической ситуации вдоль границ бывшего СССР. Осознание этого — важнейшая предпосылка появления нового мышления и новой политики, адекватных реалиям первых десятилетий XXI в.

В свете этого особое внимание в начале 2012 г. привлекали два очага острых международных кризисов. Первый — в зоне Персидского залива — порожден приближением Ирана к обретению ядерного оружия. Все более вероятной становится военная операция, целями которой являются ликвидация иранской ядерной программы, предотвращение блокирования Ормузского пролива и, в более широком контексте, устранение нынешнего иранского режима — своего рода *раковой опухоли* большого Ближнего Востока. В центре дискуссий оказались вопросы о сценариях и, главное, последствиях применения военной силы против Ирана. Но самое интересное, на мой взгляд, в том, что война против Ирана приведет к геополитическим сдвигам, влияние которых будет сказываться далеко за пределами ближневосточного региона.

Второй очаг напряженности формируется в Европе в результате попыток Москвы остановить программу ЕвроПРО. Ситуация станет особенно опасной, если российское руководство, как обещал в ноябре 2011 г. Д. А. Медведев, поставит на боевое дежурство ракеты Искандер в Калининградской области и некие «современные ударные системы вооружений» на юге России. Это, скорее всего, спровоцирует новый военно-политический кризис, аналогичный *ракетному кризису* 1970–1980-х гг. Важны и другие вопросы: чем вызвано быстрое нарастание антизападных элементов во внешней политике России во второй половине 2011 г.,

одним из которых является истерическая реакция Кремля на ЕвроПРО, и можно ли остановить или развернуть этот тренд, не отказываясь от нынешней стратегии *вовлечения России* в конструктивные отношения с Западом?

РАЗВЯЗКА БЛИЗИТСЯ

К началу 2012 г. многолетний кризис вокруг иранской ядерной программы приблизился к развязке. Стало ясно, что Иран все ближе подходит к созданию ядерного оружия, а все попытки предотвратить это, в том числе санкции, введенные резолюциями Совета Безопасности ООН, оказались неэффективными. Об этом, в частности, свидетельствует опубликованный 8 ноября 2011 г. доклад генерального директора МАГАТЭ Юкия Амано. В нем констатировалось, что к началу ноября 2011 г. в Иране накоплено почти 5 т низкобогащенного гексафлорида урана, содержащего от 3 до 5% U-235, и около 80 кг — гексафлорида урана, обогащенного до 20%[2]. В случае, если весь этот уран будет обогащен до 90%, его хватит для производства 3–4 ядерных боеприпасов первого поколения, причем Иран не просто продолжает обогащение, но и наращивает мощности в этой области. В частности, в январе 2012 г. начал работу сильно защищенный подземный объект по обогащению урана в районе Фордо. Далее, и это не менее важно, в докладе содержались доказательства того, что в Иране ведется разработка ядерного боезаряда имплозивного типа. Скорее всего, в распоряжении МАГАТЭ и руководства ряда западных государств и Израиля имеется и другая тревожная информация, относящаяся к иранской ядерной программе.

Далее, не осталось сомнений, что иранское руководство демонстративно саботирует попытки найти компромиссное решение ядерной проблемы. В частности, летом 2011 г. Тегеран прервал длившиеся почти три года переговоры о так называемой *урановой сделке*, предполагавшей, что Иран откажется от обогащения урана более чем на 5%. Речь шла о том, что около 80% низкообогащенного иранского урана будет отправлено в Россию и во Францию, а взамен Иран будет получать оттуда уран, обогащенный до 20% для использования в медицинских целях.

В итоге, во второй половине 2011 г. перед международным сообществом со всей остротой встал вопрос о выработке новых подходов к иранскому ядерному кризису. В западных странах были сформулированы три ключевые установки стратегической линии в отношении Ирана. Прежде всего ядерное вооружение Ирана было сочтено неприемлемым и подлежащим предотвращению. Фактически был дан ответ на дебатируемый в политических, военных и академических кругах Запада вопрос: можно ли сосуществовать с ядерным Ираном?

Далее, военная операция для достижения этой цели рассматривается как крайне нежелательная, но, возможно, неизбежная акция в том случае, если другие меры не приведут к желаемому результату. Типичным примером этой точки зрения стало заявление президента Франции Николя Саркози в августе 2011 г.: иранские ракетная и ядерная программы представляют собой «растущую угрозу, которая может привести к превентивному удару по иранским объектам, что вызовет крупный кризис, которого Франция всеми силами стремится избежать»[3]. Заметим, что столь прямолинейное и жесткое, резко контрастирующее с привычными для французской дипломатии элегантными обтекаемыми и двусмысленными формулами заявление означало, что Париж до предела разражен и обеспокоен действиями Тегерана.

Острая, вышедшая за рамки правительственных кабинетов дискуссия о приемлемости и неизбежности военного удара по Ирану развернулась в правящих кругах Израиля. В частности, президент Шимон Перес, премьер-министр Бенджамин Нетаньяху и министр обороны Эхуд Барак заявили о возможности военной операции против Ирана. Перес, считающийся скорее *голубем*, чем *ястребом*, подчеркнул, что «военный удар по Ирану сегодня более вероятен, чем дипломатическое решение»[4].

Халил ***Каравели (Турция)***, *руководитель проекта по Турции института по изучению Центральной Азии и Кавказа при университете Джона Хопкинса — по электронной почте из Стокгольма*: Ливия — это яркий пример того, что происходит с племенными государствами, которые теряют чувство национального единства. Будущее таких стран отдается на откуп иностранным интервентам. Те политические круги на Западе, кто верят, что смерть полковника Муаммара Каддафи знаменует собой приход демократии и свободы в Ливии, глубоко заблуждаются. Силы Переходного национального совета не смогли бы одержать победу и захватить власть в Триполи без поддержки НАТО. Но, оказавшись вовлеченным в ливийский конфликт, Североатлантический альянс тем самым взял на себя новую тяжелую ношу. Для того чтобы новые правители проводили адекватную политику и Ливия не погрузилась в межплеменное противостояние, страны НАТО должны держать под контролем всю территорию страны.

Крайне нестабильной остается ситуация в Египте. Столкновения христиан и мусульман, которые периодически вспыхивают на территории государства — тревожный вызов для безопасности. Эти события подтверждают прогнозы о том, что военные не намерены выпускать бразды управления государством из своих рук и после выборов. Не исключено, что военные сами провоцируют подобные инциденты, чтобы в обществе сформировалось представление о них как о единственной надежной политической силе, способной навести порядок в стране. Исламистская партия «Братья-мусульмане» намерена стать ведущей политической силой в государстве. В итоге в стране может появиться альянс военных и исламистов, а это свидетельство того, что Египет останется авторитарной страной. Очевидно, что в стране, где исламисты являются главной доминантной политической силой, не следует ожидать роста значения либеральных ценностей и демократии.

Президент США Барак Обама несколько раз повторил формулу: «Америка полна решимости предотвратить получение Ираном ядерного оружия. Я не буду отказываться ни от одного способа достичь этой цели»[5]. В мировых средствах массовой информации началось широкое обсуждение целесообразности и сценариев авиаудара по иранским ядерным центрам. Разумеется, указанные заявления и публикации могут быть и скорее всего являются инструментом давления на Тегеран, с тем чтобы ввести иранскую ядерную программу в приемлемые рамки. Однако если экономические санкции и дипломатическое давление на Иран не достигнут цели, у Запада действительно не останется иного выбора, кроме военной операции.

Но в ближайшее время главный акцент будет сделан на максимальном ужесточении экономических санкций. В конце 2011 — начале 2012 г. США в добавление к уже действующим мерам (запрет на практически весь импорт из Ирана; поставки туда нефтепродуктов, оружия и технологий двойного назначения; инвестиции в иранскую нефте- и газодобывающую промышленность и т.д.) запретили инвестиции в нефтехимическую промышленность и, что самое главное, все операции с иранскими банками, а также заморозили все иранские активы, находящиеся в США или контролируемые американскими финансовыми институтами за рубежом. Эта мера распространяется и на иностранные финансовые организации. Тем

Мехди ***Санаи (Иран)***, *доктор политологии, руководитель Центра по изучению России, Центральной Азии и Кавказа — по телефону из Тегерана*: Народные революции на Ближнем Востоке и в Северной Африке в 2011 г. определяли состояние безопасности в регионе и в мире. Меньше чем через год после свержения режима Хосни Мубарака египтяне смогли проголосовать на первых свободных выборах и самостоятельно определить свою судьбу. Надеюсь, выборная система, формирующаяся в государствах, где произошла смена власти, будет работать и в других странах. Ситуация в Ливии после убийства Муаммара Каддафи отлична от египетской. Ливийцы с одной стороны добились свободы, но с другой — ничего не изменилось. Полковника Каддафи сменили американские приспешники. Сирия — еще одна страна в *черном списке*, где правят неугодные Западу режимы. Мир должен поддержать мирные реформы в Сирии, но не допустить нового военного конфликта. Наиболее целесообразно по отношению к ситуации в регионе ведут себя Россия и Китай, которые не допустили принятия резолюции Совбеза ООН по Сирии. Это удержало НАТО от начала военной операции. Россия и Китай также заняли единую позицию по новому докладу МАГАТЭ по Ирану, заявив, что его выводы носят политизированный характер. По сути, этот доклад — всего лишь предпосылка для введения новых санкций против ИРИ и, возможно, начала военных действий. Но США и его европейские союзники должны отдавать себе отчет в том, что экономическое положение в мире не вынесет очередной военной авантюры. Необходимо начинать диалог и переходить к реальному сотрудничеству. Иран готов к взаимодействию с МАГАТЭ и всем мировым сообществом, и мы открыто заявляем об этом.

из них, кто не прекратит операции с Ираном, будут запрещены контакты с американскими партнерами.

Европейский союз в январе 2012 г. запретил заключать новые контракты на транспортировку, покупку и импорт в Европу иранской нефти и нефтепродуктов, а также связанные с этим финансовые и страховые операции. Все уже заключенные контракты должны быть выполнены к 1 июля 2012 г. Кроме того, запрещены поставки в Иран оборудования для энергетической и нефтехимической отраслей и инвестиции в эти отрасли. Заморожены активы центрального банка Ирана. Расширен список запрещенных для экспорта в Иран технологий двойного назначения. Ряд европейских государств и Канада приняли решение о дополнительных санкциях. Так, в ноябре 2011 г. британское правительство запретило все финансовые операции с иранскими банками.

Теоретически запрет на импорт иранской нефти является наиболее действенным средством давления на Тегеран. Выручка от него, достигшая в 2010 г. около 73 млрд долл., обеспечила примерно 80% всех экспортных поступлений и около половины доходов бюджета. Однако основная часть иранской нефти поставляется в Китай, Японию и Индию, тогда как страны Европейского союза в 2011 г. импортировали около 20% всего иранского нефтяного экспорта, составлявшего во второй половине 2000-х гг. около 2,2 млн баррелей в день[6].

Таблица 1. **Крупнейшие импортеры иранской нефти, 2010 г. (%)**[7]

Страны	Доля в иранском нефтяном экспорте	Доля иранской нефти в общем импорте нефти данной страны
Китай	20	11
Япония	17	10
Индия	16	10
Италия	10	13
Южная Корея	9	10
Другие	28	

Япония и Южная Корея заявили о готовности снизить импорт нефти из Ирана по мере поиска новых источников. Китай сократил импорт из Ирана примерно в два раза в январе 2012 г., но, по-видимому, в результате неурегулированных цен. Индия, напротив, увеличила закупки иранской нефти. Иными словами, в ближайшие месяцы более или менее полное нефтяное эмбарго Ирана маловероятно. Но в долгосрочной перспективе, учитывая нестабильность в зоне Персидского залива и возможную военную операцию против Тегерана, азиатские страны, скорее всего, будут снижать закупки иранской нефти, чтобы не столкнуться с нехваткой энергоресурсов в критический момент.

Более эффективными оказались санкции, направленные против иранской финансовой системы. В январе 2012 г. на 40% упал курс иранского реала по отношению к доллару. Но самое главное — Иран столкнулся с серьезными трудностями при оплате импорта, в том числе продовольствия; в ряде случаев ему пришлось перейти на бартерные сделки.

В какой мере эти санкции окажутся эффективными, оценить трудно. Первоначальная реакция Тегерана на ужесточение политики Запада была болезненно-агрессивной. Иранское руководство пригрозило «нанести по США удары по всему земному шару», что было очевидным блефом; разрушить саудовские нефтяные промыслы; нанести ракетный удар по израильским городам; подтолкнуть Сирию, *Хамас* и *Хезболлу* к массированным террористическим акциям против Израиля и даже блокировать Ормузский пролив, через который на мировой рынок поступает примерно 75% нефти, добываемой в зоне Персидского залива. В районе пролива были проведены демонстративные учения иранского военного флота. США не менее демонстративно направили туда авианосную группу и открыто заявили, что любая попытка блокировать Ормузский пролив станет *casus belli* и будет пресечена военной силой.

Одновременно, как можно предположить, Тегеран при поддержке Москвы и Пекина попытается вовлечь западные страны в очередной тур бесперспективных переговоров; пойдет на незначительные уступки в ядерной области и будет продолжать запугивать общественное мнение и руководство западных стран непредсказуемыми последствиями вооруженного конфликта в районе Ормузского пролива. Но ключевой вопрос — можно ли при помощи санкций остановить иранскую ядерную программу — остается открытым. Следовательно, остается открытым и вопрос о военной операции против Тегерана.

ИРАНСКАЯ УГРОЗА

Судя по всему, западные лидеры пришли к выводу, что последствия обретения Ираном ядерного оружия опаснее, чем последствия военной операции против него. Это вызывает два вопроса: в чем конкретно заключается иранская ядерная угроза? И чем грозит война против Ирана?

Иранская ядерная программа является самым опасным вызовом Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и всей связанной с этим договором систе-

ме международных институтов, соглашений и процедур, составляющих в совокупности режим ядерного нераспространения. Де-факто эта система уже подорвана созданием такого оружия в Израиле, Индии, Пакистане и Северной Корее. Но если к списку этих стран присоединится Иран, то и ДНЯО, и режим нераспространения в целом окажутся окончательно дискредитированы.

Формально режим нераспространения не был скомпрометирован созданием ядерного оружия в Израиле, Индии и Пакистане, поскольку эти страны не являются членами ДНЯО. Выход КНДР из данного договора и последующие ядерные испытания в этой стране могут быть в известной мере *смикшированы* ссылкой на ее экзотический политический режим, *с которого нечего взять*. Но Иран создает ядерное оружие, оставаясь участником ДНЯО, доказывая тем самым, что режим нераспространения можно легко обойти — стоит лишь захотеть.

Крах режима нераспространения будет иметь неприятные политические последствия, но сам по себе вряд ли нанесет существенный ущерб международной безопасности. ДНЯО, МАГАТЭ, десятки резолюций Совета безопасности ООН, многочисленные конференции, разнообразные инспекции на местах и прочие меры, предусмотренные этим режимом, оказались во многом декоративными. Создавая иллюзию активной борьбы с расползанием ядерного оружия и технологий его производства, они не остановили и не могли остановить разработку и производство этого оружия теми государствами, которые приняли соответствующее решение. По сути дела, весь сложный механизм режима нераспространения сводится к проверке того, насколько честно государство, добровольно отказавшееся от создания ядерного оружия, выполняет взятые на себя обязательства.

Плохо другое. Движущие силы ядерной программы Ирана во многом отличны от мотивов, побуждавших другие государства создавать ядерное оружие. Так, в Китае его рассматривали не только как символ великой державы, но прежде всего как средство предотвращения советского или американского ядерного удара. В Индии оно было создано прежде всего для нейтрализации угрозы ядерного удара со стороны Китая, в Пакистане — для сдерживания индийской ядерной атаки. В Израиле ядерное оружие считается своего рода *ultima ratio regum*[8]. Оно может быть применено лишь в том случае, если страна стоит на краю гибели в результате разгрома ее обычных вооруженных сил арабскими армиями или — в случае ядерного вооружения Ирана — для превентивного удара, ликвидирующего иранские ядерные силы. В КНДР ядерное оружие предназначено главным образом для сохранения режима, с тем чтобы предотвратить внешнее вмешательство в случае обострения внутриполитической ситуации.

Иными словами, во всех этих странах имелись и имеются определенные рациональные мотивы, лежащие в основе их ядерной политики. Учитывая их, можно выстраивать отношения с ними таким образом, чтобы минимизировать риск ядерного конфликта. В Иране же ядерное оружие окажется в распоряжении фанатиков, руководствующихся архаическими представлениями милленаристского толка. Последователи шиитской версии этого учения ожидают скорое явление миру некоего Скрытого имама, своего рода мессии, приход которого вызовет катаклизмы и катастрофы, наступление Судного дня и великой войны против *большого Сатаны*, в ходе которой все *темные силы* будут уничтожены и на земле будет установлено истинно справедливое подлинно исламское правление. Апокалиптические видения сопровождаются спорами между Ахмадинежадом и его соперниками из числа крупнейших шиитских богословов, в том числе Высшим руководителем Ирана Али Хаманеи, кто из них является самым верным сподвижником и главным доверенным лицом Скрытого имама и, сответственно, имеет больше прав руководить страной[9]. Иными словами, ядерное оружие рассматривается нынешней иранской верхушкой не только как средство достижения определенных геополитических целей, но и как оружие Армагеддона, последней и решающей битвы сил Света потив сил Тьмы. Эти средневековые взгляды сочетаются с пещерным антисемитизмом. Не далее как в феврале 2012 г. Али Хаменеи сравнил сионистский режим, то есть Израиль, с раковой опухолью и пообещал, что она «будет удалена»[10].

Разумеется, далеко не все в иранской элите выводят внешнюю политику из допотопных эсхатологических учений. Это создает впечатление, что смена верхушки может привести к отказу Тегерана от ядерных амбиций. Однако менее одиозные слои в Иране в значительной своей части стремятся не столько к превращению страны в *нормальное* государство, приспосабливающееся к реалиям XXI в. и ищущее для себя конструктивную роль в сложном глобализирующемся мире, сколько к возрождению великой Персидской империи, включавшей в период своего рассвета весь Ближний Восток, северо-восток Греции, Турцию, Армению, Иран, Афганистан и часть Пакистана. Для этой части иранской элиты и общества в целом ядерное оружие является инструментом политической и территориальной экспансии, прежде всего установления контроля над всей зоной Персидского залива. Наличие в Иране ядерного оружия, естественно, снизит способность граничащих с ним государств сопротивляться иранской экспансии, а также предотвратит вмешательство внерегиональных держав в местные конфликты и кризисы.

Не менее важно другое. Ядерное вооружение Ирана неизбежно подтолкнет его главного соперника и противника на Ближнем Востоке — Саудовскую Аравию — к разработке, а скорее — к приобретению за рубежом собственного ядерного оружия. В регионе возникнет *ядерный треугольник* — Иран, Израиль, Саудовская Аравия, к которому со временем может присоединиться Турция. Поскольку все эти страны ненавидят и боятся друг друга, стратегическая ситуация на Ближнем Востоке будет крайне неустойчивой, и локальная ядерная война, в том числе непреднамеренная или вспыхнувшая в результате неверного истолкования намерений противника, окажется там весьма вероятной. В любом случае она крайне болезненно скажется на мировом рынке углеводородов. Но в наихудшем возможном варианте, если ядерными ударами будет разрушена нефте- и газодобывающая инфраструктура в зоне Персидского залива, неизбежен острый и длительный мировой энергетический кризис. Его глобальные экономические последствия в деталях предсказать невозможно. Ясно лишь, что они будут катастрофическими. Поэтому прекращение ядерной программы Ирана дипломатическими, экономическими или военными средствами становится одним из ключевых направлений обеспечения глобальной безопасности.

СЦЕНАРИИ ИРАНСКОЙ ВОЙНЫ

Наиболее вероятным началом новой войны на Ближнем Востоке считается, и видимо не без оснований, превентивный авиационный удар Израиля по иранским ядерным объектам. В ***ВВС Израиля*** имеется по разным данным от 250 до 350 боевых самолетов, способных осуществить ракетно-бомбовую атаку на иранские цели.

Таблица 2. **Ударный потенциал ВВС Израиля (2010–2011 гг.)**[11]

Типы боевых самолетов		В боевом составе с	A	B	C
F-16 A/B Нец	Многоцелевые истребители	1980/1986	107	108	118
F-C/D Барак		1990	136	101	
F-16I Суфа		2004	101	102	100
F-15I Ра'ам		1998	25	25	25
Заправщики КС-707 и КС-130Н			7	9	12

По данным:
A) Institute for National Security Studies, Tel Aviv University;
B) The Military Balance 2010, IISS;
C) Flight International, 2011/2012.

Разумеется, планы авианалета на иранские объекты известны лишь командованию ЦАХАЛ. Можно предположить, однако, что этот налет будет наноситься несколькими волнами, причем в каждой из них будет участвовать от нескольких десятков до ста самолетов *F-15* и *F-16*, дозаправка которых будет происходить на половине пути до целей — скорее всего, в воздушном пространстве Саудовской Аравии или над акваторией Персидского залива. Понятно также, что самолеты первой волны будут нацелены на подавление и уничтожение ключевых объектов иранской ПВО, прежде всего радаров, командных центров и пусковых установок зенитно-ракетных комплексов (ЗРК) *С-200*, а также пусковых установок ракет *Шехаб-3*. От того, в какой мере удастся решить эти задачи, будут зависеть потери израильских ВВС, эффективность дальнейших ударов по ядерным объектам и ущерб, который может причинить израильским городам ответный иранский ракетный удар.

Иранская система ПВО считается слабой. В ее состав входят истребители *F-14 Tomcat* (25–45 единиц) и *МиГ-29* (25–35 единиц), давно устаревшие ЗРК *С-75* и от 4 до 7 ЗРК *С-200*, принятые на вооружение в СССР в 1960-е гг. и выведенные из бевого состава к концу 1980-х гг. Опыт войны 1991 г. в Персидском заливе и операции НАТО против Югославии в 1999 г. показывает, что *МиГ-29* не выдерживают противоборства с *F-15* и *F-16*. О боевом применении ЗРК *С-200* сведений нет. Насколько можно судить по открытым данным, они вообще не участвовали в реальных боевых действиях. Известно лишь, что принадлежащие Ливии *С-200* были легко уничтожены американской авиацией в марте 2011 г. без какой-либо попытки использовать их для борьбы с авиацией НАТО.

С учетом этого можно предположить, что иранская ПВО будет выведена из строя или серьезно ослаблена в ходе первого же налета израильской авиации. Это создаст условия для относительно беспрепятственных действий против ядерных объектов Ирана. Однако полностью ликвидировать ядерную инфраструктуру Ирана не удастся. Имеющиеся в распоряжении израильских ВВС 55 противобункерных бомб вряд ли могут уничтожить находящийся глубоко под землей объект по обогащению урана в Фордо и некоторые другие высокозащищенные подземные сооружения[12]. Тем не менее ядерной программе Ирана будет нанесен серьезный ущерб, и сроки потенциального создания ядерного оружия будут значительно отодвинуты.

Таблица 3. **Ракетный потенциал Ирана**[13]

Тип	Вес б/г (кг)	Дальность (км)	Количество ПУ [c)]	Количество ракет [c)]	Примечания
Шехаб-1/Scud-B	1000	315	~20	300	Развернуты
Шехаб-2/Scud-C	730	500		100	Развернуты
Шехаб-3	760 –1100	800–1000 [a)] –1500 [b)]	~10 [c)]–12 [d)]	300	Развернуты
Шехаб-3М/Ghadr-1	750	1600			Испытания
Седжил/Ashura	750	2200–2400			Испытания
Pa'ад/Silkworm	500	105			Не известно

[a)] Nuclear Threat Initiative.
[b)] Federation of American Scientists.
[c)] Institute for National Security Studies, Tel Aviv University.
[d)]The Military Balance 2010.

Дальнейшее развитие событий будет зависеть от действий иранского руководства. У Тегерана есть две альтернативы. Первая — развернуть ожесточенную политико-пропагандистскую кампанию против Израиля, нанести ракетный удар по израильским городам и подталкивать *Хезболлу*, *Хамас* и Сирию к вооруженно-

му противоборству с Израилем. Вторая — нанести ракетный и авиационный удары по саудовским нефтяным месторождениям и блокировать Ормузский полив.

Сегодня и в ближайшем будущем единственной иранской ракетой, способной достичь цели в Израиле, является *Шехаб-3*. У Ирана имеется 10 или 12 пусковых установок и 300 таких ракет. Нельзя исключать, что в ходе первого налета израильской авиации не удастся ликвидировать эти пусковые установки, особенно имея в виду, что они, скорее всего, укрыты в подземных убежищах. Можно ожидать поэтому, что в первые день-два после начала воздушной операции часть иранских ракет *Шехаб-3*, которые не будут перехвачены израильской противоракетной обороной, достигнут целей. Израилю будет нанесен определенный ущерб, который, однако, не идет ни в какое сравнение с ущербом от потенциального ядерного удара со стороны Ирана.

Сирия, находящаяся в состоянии разгорающейся гражданской войны, вряд ли выступит против Израиля, какие бы действия против Ирана он не предпринимал. Более сложен вопрос о позиции *Хезболлы* и *Хамаса*. Нет уверенности в том, что их руководители захотят подставить своих боевиков, инфраструктуру, командные центры и штаб-квартиры под массированные удары израильских вооруженных сил просто во имя солидарности с Тегераном. При этом их положение, особенно *Хезболлы*, осложняется тем, что в результате событий в Сирии линии снабжения из Ирана могут быть перерезаны, а в случае поражения нынешнего иранского режима им придется искать содействия у суннитских монархий Персидского залива, которые крайне заинтересованы в разгроме Ирана.

Иными словами, после нескольких запусков *Шехаб-3* в сторону Израиля Тегеран должен будет выбирать между двумя возможностями: признать *де-факто* свое поражение или решиться на эскалацию вооруженных действий, перенеся их в район Персидского залива. Однако и ракетная атака на саудовские нефтяные месторождения, и попытка блокирования Ормузского пролива вызовут вступление в войну США, а возможно, других западных государств и Саудовской Аравии, которые не могут рисковать новым энергетическим кризисом, особенно в условиях глобальной финансовой нестабильности.

Длительное блокирование Ормузского пролива будет иметь весьма тяжелые последствия. Через этот пролив ежедневно транспортируется 16–17 млн баррелей нефти. Если он будет перекрыт, то от 2,5 до 3 млн баррелей в день можно будет поставлять на мировой рынок по нефтепроводу *Петролайн*, идущему от саудовских нефтепромыслов в порт Янбу на побережье Красного моря, и теоретически еще 2 млн — по не действующим сегодня нефтепроводам, соединяющим зону Персидского залива с портами на Средиземном море. Таким образом, дефицит нефти на мировом рынке составит около 12–12,5 млн баррелей в день или 15% среднего мирового потребления нефти в последние несколько лет. Это примерно в три раза больше, чем максимальный дефицит нефти, вызванный различными политическими событиями после Второй мировой войны.

Таблица 4. **Сокращение мирового производства нефти, 1950–2000-е гг.** [14]

Начало	Окончание	Причина	Максимальное падение
Ноябрь 1956	Март 1957	Суэцкий кризис	2 млн б/день
Июнь 1967	Август 1967	Шестидневная война	2 млн б/день
Октябрь 1973	Март 1974	Арабское нефтяное эмбарго	4,3 млн б/день
Ноябрь 1978	Апрель 1979	Революция в Иране	5,6 млн б/день
Октябрь 1980	Январь 1981	Начало ирано-иракской войны	4,1 млн б/день

Начало	Окончание	Причина	Максимальное падение
Август 1990	Январь 1991	Иракское вторжение в Кувейт	4,3 млн б/день
Июнь 2001	Июль 2001	Прекращение экспорта нефти из Ирака	2,1 млн б/день
Декабрь 2002	Март 2003	Забастовка в Венесуэле	2,6 млн б/день
Март 2003	Декабрь 2003	Война в Ираке	2,3 млн б/день

Важно подчеркнуть, что сокращение потребления нефти в случае блокирования Ормузского пролива наступит не мгновенно. Запасы нефти в развитых странах (строго говоря, в государствах — членах Международного энергетического агентства) составляли в конце 2010 г. 4,2 млрд баррелей, что эквивалентно примерно трехмесячному импорту[15]. Это значит, что у США и их возможных союзников будет как минимум несколько недель, для того чтобы восстановить транспортировку нефти через Ормузский пролив и добычу нефти в Иране.

Технически блокирование Ормузского пролива возможно либо его минированием, что требует нескольких дней, либо угрозой применения противокорабельных ракет против проходящих по нему танкеров. Однако нет оснований сомневаться в том, что США выполнят свою угрозу и не только остановят минирование, но и в течение недели-двух уничтожат иранское вооружение и военную инфраструктуру на побережье Персидского залива. Возникнет вопрос о контроле над иранскими нефтяными месторождениями, расположенными в акватории залива и протянувшимися вдоль ирано-иракской границы. Нельзя исключать, что они могут быть переданы под международное управление.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИАЛОГУ *À LA RUSSE*

Иранский ядерный кризис стал наиболее острым, но отнюдь не единственным очагом международной напряженности. Еще один, потенциально не менее опасный, формируется в Европе.

В ноябре 2011 г. президент Д. А. Медведев в очередной раз обвинил США и страны НАТО в том, что они не учитывают российскую озабоченность в связи с реализацией программы ЕвроПРО, и объявил, что:

1) по его поручению будет незамедлительно введена в боевой состав радиолокационная станция СПРН в Калининграде;

2) в рамках создания российской Воздушно-космической обороны «в первоочередном порядке будет усилено прикрытие объектов стратегических ядерных сил»;

3) стратегические ракеты, поступающие на вооружение РВСН и ВМФ, «будут оснащаться перспективными комплексами преодоления ПРО и новыми высокоэффективными боевыми блоками»;

4) «поставлена задача по разработке мер, обеспечивающих при необходимости разрушение информационных и управляющих средств системы ПРО. Указанные меры адекватны, эффективны и малозатратны»;

5) «если перечисленных мер будет недостаточно, Российская Федерация разместит на западе и юге страны современные ударные системы вооружений, обеспечивающие огневое поражение европейского компонента ПРО. Одним из таких шагов станет развертывание ракетного комплекса *Искандер* в Калининградском особом районе»[16].

Евгений ***Бужинский (Россия)***, *генерал-лейтенант запаса, старший вице-президент ПИР-Центра — по телефону из Москвы*: Заявление посла США в России о том, что Вашингтон не намерен давать Москве юридические гарантии ненаправленности ПРО против нашей страны, подтвердило, что ситуация на консультациях с американцами близка к тупиковой. Причин, по которым Барак Обама не может дать юридически обязывающих гарантий ненаправленности европейского сегмента глобальной системы ПРО против российских сил сдерживания, может быть несколько. *Во-первых*, теоретически после 2010 г. система обретет возможность перехвата российских МБР и БРПЛ, и какие-либо юридические обязательства станут для Запада обузой. *Во-вторых*, даже если Белый Дом предоставил бы такие гарантии, они имели бы мало шансов пройти процесс ратификации в Сенате США. Что касается ответных мер, которые Россия грозит предпринять, то речь может идти только о совершенствовании головных частей российских МБР и БРПЛ и оснащении их более совершенными средствами преодоления ПРО.

Для выхода из тупика необходима обоюдная политическая воля: Россия могла бы смягчить свою позицию по гарантиям, согласившись на аналог Римской декларации. США в ответ отказались бы от планов размещения элементов ПРО на территории Польши и в акватории Балтийского моря.

Комментируя заявление Медведева, заместитель российского министра обороны А. И. Антонов назвал его призывом к продолжению диалога. «Заявление Дмитрия Медведева, — сказал он, — это своевременный сигнал нашим партнерам. [...] Все, что хотел сказать наш президент — это послать сигнал, предложить партнерам активизировать наш диалог по поиску взаимоприемлемых решений (по вопросам ПРО)»[17]. Возможно, это шутка, правда не ясно, что в ней смешного. Если высокопоставленный руководитель Министерства обороны не шутил, то его комментарий хорошо иллюстрирует стиль и методы нынешней российской дипломатии. Они напоминают поведение хулигана, приглашающего даму к танцу и угрожающего изуродовать ей лицо бритвой в случае отказа.

Однако сигнал, который послал Медведев, действительно заслуживает интереса. Введение в строй РЛС СПРН в Калининграде (оно, впрочем, должно было произойти в конце 2011 г. и без особых распоряжений президента) или усиление прикрытия объектов российских стратегических сил никоим образом не могут нейтрализовать какие-либо реальные или иллюзорные угрозы этим силам, возникающие в результате реализации ЕвроПРО. Ракеты-перехватчики, которые планируется развернуть в Европе, просто не смогут долететь до стартовых позиций российских РВСН. Но эти меры, а также оснащение российских МБР и БРПЛ «перспективными комплексами преодоления ПРО и новыми высокоэффективными боевыми блоками» (видимо, имеются в виду маневренные боеголовки) и некие меры по разрушению информационных средств системы ПРО имеют смысл, если российская верхушка считает возможным массированный обмен ядерными ударами с США и всерьез к нему готовится. Соответственно, снова и снова возникает вопрос: что может вызвать российско-американское противостояние такой остроты, что она перерастет в ракетно-ядерную войну?

В одном из недавних номеров *Индекса Безопасности* я уже писал, что единственным сценарием такой эскалации может быть вооруженное вмешательство США и/или НАТО в конфликт между Россией и ее соседями. Косвенно этот вывод подтвердил начальник Генерального штаба Н. Е. Макаров. Выступая 17 ноября 2011 г. на заседании Общественной палаты, он заявил: «Возможность локальных вооруженных конфликтов практически по всему периметру границы резко увеличилась. [...] При определенных условиях я не исключаю, что локальные и региональные вооруженные конфликты могут перерасти в крупномасштабную войну, в том числе с применением ядерного оружия»[18].

Угроза Медведева разместить ракетные комплексы *Искандер* в Калининградской области — еще одно подтверждение того, что Москва готовится к вооруженной конфронтации в южной части балтийского региона.

Действительно, в случае нанесения *Искандерами* превентивного ядерного удара могут быть уничтожены стартовые позиции противоракет на большей части территории Польши. Этого, однако, можно избежать, корректируя предполагаемую схему размещения элементов ЕвроПРО, например, развертывая перехватчики в районе польско-словацкой границы или в Чехии, Словакии, на востоке Германии и так далее. Этого не могут не понимать даже в российском Генеральном штабе. Следовательно, развертывая *Искандеры* в Калининградской области, российское руководство имеет в виду не только (и скорее всего, не столько) противодействие ЕвроПРО, сколько изменение соотношения военных сил в южной части балтийского региона. О подготовке к вооруженному конфликту в этой зоне свидетельствует также принятое в феврале 2012 г. решение российского Министерства обороны разместить новую партию зенитных ракетных комплексов *С-400 Триумф* не в Подмосковье, как планировалось ранее, а в Калининградской области[19].

Андрей ***Кортунов (Россия)***, *генеральный директор Российского совета по международным делам — по телефону из Москвы*: Внутриполитическая ситуация в России обострилась после прошедших 4 декабря выборов в Государственную Думу. Митинги в Москве, участники которых выразили несогласие с итогами выборов, оказали непосредственное влияние на мировые финансовые рынки, осложнили внешнеполитическое взаимодействие Кремля с государствами Евросоюза и СНГ. Наши партнеры по СНГ привыкли к модели управляемой демократии, сложившейся в России за последние годы и гарантировавшей стабильность. Но массовые демонстрации в российских городах привели к тому, что ощущение повсеместного контроля над ситуацией в России было поколеблено. Это заставит многих лидеров СНГ переосмыслить отношения с Москвой и переоценить перспективы различных интеграционных проектов, реализуемых на постсоветском пространстве. Например, создание Евразийского союза и присоединение к нему новых членов напрямую зависит от того, каким образом будет осуществляться модернизация российской социально-экономической системы в ближайшие годы. Пока такой модели модернизационного развития нет. России следует серьезно задуматься над тем, что многие страны СНГ стоят на пороге *политического транзита* — смены поколения лидеров. Ситуация в Южной Осетии и Приднестровье показала, что проблема не решена. От того, как получится избежать подобных потрясений и кризисов на стадии перехода власти, зависит успех интеграционных проектов на постсоветском пространстве.

Рис. 1. **Радиус действия ракет *Искандер*, развернутых в Калининградской области** *(источник — расчеты автора)*

Серьезные вопросы вызывает сообщение о планах развертывания на юге страны, скорее всего в Краснодарском крае, недалеко от черноморского побережья, неких «современных ударных систем вооружений, обеспечивающих огневое поражение европейского компонента ПРО». Такими вооружениями могут быть либо фронтовые бомбардировщики, либо, что более вероятно, новые ракеты. Авиация вряд ли будет использоваться для уничтожения компонентов ЕвроПРО, поскольку время от получения пилотом приказа на вылет до цели на противоположном берегу Черного моря составит не менее часа. А это значит, что такой приказ должен быть отдан до получения информации о запуске американских стратегических ракет; в противном случае он просто не имеет смысла. Но если на восточном берегу Черного моря планируется развернуть баллистические ракеты, предназначенные для уничтожения целей в Румынии и, возможно, в Болгарии, то Россия собирается нарушить Договор по ракетам средней и меньшей дальности (Договор РСМД), заключенный в 1987 г. Этот Договор запрещает производство, испытания и развертывание баллистических и крылатых ракет дальностью свыше 500 км. Между тем расстояние между крайней западной точкой российского побережья Черного моря в районе Керченского пролива и румынской авиабазой Девеселу на юге страны, где будут развернуты американские ракеты-перехватчики, составляет около 1000 км. Нарушение Договора РСМД чревато новым *ракетным кризисом*, воспроизводящим события 30-летней давности, когда в ответ на развертывание в СССР баллистических ракет *СС-20* США развернули в Европе свои ракеты, способные долететь до Кремля за 8–10 минут. В итоге советские генералы и маршалы скрепя сердце вынуждены были согласиться с уничтожением всего класса ракет промежуточной дальности, о чем они с грустью вспоминают до сих пор.

УРОКИ ФИЗИКИ, ГЕОГРАФИИ И ПОЛИТГРАМОТЫ

Можно было бы, конечно, не обратить на ноябрьское заявление Медведева особого внимания. После 24 сентября 2011 г. этот персонаж представляет собой *quantité négligeable,* хотя, появляясь иногда из небытия, выступает с заявлениями, претендующими на политическую значимость[20]. Однако озвученные им в конце ноября 2011 г. тезисы многократно воспроизводятся другими российскими руководителями, дипломатами и высокопоставленными чиновниками. В последнее время их пытаются подкрепить ссылками на законы физики и географии.

Так, в январе 2012 г. заместитель министра иностранных дел России С. А. Рябков сослался на «неотменимую физику полета объектов, которые набирают скорости, на которых летят ракеты и противоракеты». Чтобы обеспечить эффективность срабатывания системы ПРО, продолжал он, «нужно выбрать правильные районы, правильные ареалы развертывания этих систем. Если мы примем на веру то, о чем

нам говорят американцы, что это не против России, а против неких ракетоопасных стран, находящихся южнее России, восточнее России, то география, так как мы ее понимаем, говорит в пользу того, чтобы соответствующие силы и средства размещались как можно южнее и юго-восточнее»[21].

Люди, отвечающие в России за разработку позиции по проблемам ЕвроПРО, имеют искаженное представление о потенциальных возможностях планируемых к установке в Европе противоракетных систем. Так, Д. О. Рогзин, назначенный недавно вице-премьером, ничтоже сумняшеся провозгласил: «Сегодня схема размещения, дизайн, как говорят американцы, размещения противоракетной обороны таков, что места дислокации позволяют противоракетам покрывать всю европейскую территорию РФ, перекрывать все стратегические базы на нашей территории вплоть до Уральских гор»[22].

Но обо всем по порядку. Выдвинутые в последние месяцы в России аргументы в поддержку жестко негативной, вплоть до размещения ракет на западе и юге страны, реакции на планы развертывания ПРО в Европе, сводятся к двум основным моментам.

Во-первых, США, НАТО и Запад в целом не учитывают российские озабоченности и интересы, не готовы согласиться с российскими требованиями дать юридически обязывающие гарантии того, что будущая ПРО не будет угрожать российским стратегическим силам. Поэтому, говорят в Москве, мы будем принимать контрмеры, наращивая вооружения в западных и южных районах страны.

На первый взгляд, эти аргументы выглядят убедительно. Но как показывает опыт переговоров по контролю над вооружениями, разработка юридических гарантий, которых требует российское руководство, займет, как минимум, несколько лет, поскольку необходимо будет согласовать десятки, если не сотни тактико-технических параметров будущих систем ПРО, географические зоны, в которых будет разрешено и запрещено их развертывание и многое другое. Учитывая, что интересы США, НАТО и России во многом расходятся, особых оснований надеяться на успех такого рода переговоров нет.

Важнее, однако, другое. Запад был бы обязан учитывать российские озабоченности, если бы Россия была его союзником или, по меньшей мере, конструктивным и честным партнером в решении тех международных проблем, которые рассматриваются там как первоочередные. Россия ни тем, ни другим не является. Более того, российская дипломатия последовательно и настойчиво противодействует американским и европейским усилиям на Ближнем Востоке и в некоторых других регионах, в частности в зоне бывшего СССР. В этих условиях рассчитывать на то, что в Вашингтоне или Брюсселе будут учитывать российские интересы, даже если они вполне обоснованы, просто наивно.

Во-вторых, ссылаясь на физические законы и географические реалии, российские дипломаты и военные, по сути дела, утверждают, что чем ближе к точке запуска баллистической ракеты-цели расположены ракеты-перехватчики, тем выше вероятность успешного перехвата. Поэтому, говорят они, для борьбы с иранскими ракетами компоненты ЕвроПРО должны быть расположены как можно ближе к Ирану. Если же их развертывают в Польше или в северных морях, то они предназначены для снижения российского потенциала ответного удара. Такая схема рассуждений свидетельствует либо о плохом понимании базовых принципов действия противоракетных систем, либо о сознательном введении в заблуждение политического руководства страны, парламентариев и общественного мнения.

На самом деле, приближение перехватчиков к стартовым позициям баллистических ракет имеет смысл в том случае, если перехват планируется на активном участке траектории ракеты-цели, то есть пока работают ее двигатели. Но «чем ближе пусковая установка антиракеты к месту пуска баллистического носителя, тем меньше времени у системы ПРО для выполнения умопомрачительного по сложности цикла обнаружения этого пуска, расчета траектории цели и выдачи полет-

ного задания противоракете, ее запуска в предполагаемую точку встречи с целью и конечного самонаведения для контактно-ударного поражения цели. И тем большие скорость и дальность действия требуются противоракете, чтобы *догнать* МБР» — писал, например, известный российский эксперт А. Г. Арбатов. «Современные твердотопливные МБР, — продолжал он, — разгоняются за три-четыре минуты до скорости 7 км/с, а нынешние антиракеты типа *Иджис/Стандарт-3* или *С-400* имеют скорость 3–4 км/с, и только будущие их аналоги, находящиеся в стадии НИР, теоретически должны разгоняться до 5 и более км/с»[23]. Из этого следует простой и понятный даже неспециалистам вывод: перехват на активном участке траектории пока невозможен, и, следовательно, размещать противоракеты как можно ближе к иранской территории нет смысла.

Далее, нынешние противоракетные системы, как хорошо известно, предполагают уничтожение вражеской боеголовки встречным ударом на средней или конечной фазе ее полета. В этом случае управляющие звенья ЕвроПРО имеют от 10 до 15 минут, для того чтобы зафиксировать старт иранских ракет, рассчитать их траекторию, запустить ракету-перехватчик и так далее. Кроме того, поскольку перехват осуществляется на встречном курсе, когда боеголовка входит в зону поражения ракет-перехватчиков, стартовые позиции последних должны находиться в целевом районе или на некотором удалении от него. Проще говоря, для того чтобы уничтожить боеголовку, нацеленную на Польшу или соседние с ней районы Центрально-Восточной Европы, ракеты-перехватчики должны находиться именно в Польше. И наконец, современные противоракеты типа *Standard missile-3 Block I*, имеющие дальность около 500 км, развернутые в Польше, Румынии или северных морях просто не могут долететь до баз российских стратегических ракет и, тем более, «покрыть всю европейскую территорию РФ».

Поскольку опасения российских официальных лиц, связанные с программой ЕвроПРО, несостоятельны с географической и технической точек зрения, то Москва нагнетает напряженность вокруг этой программы, скорее всего, в результате обострения внутриполитической ситуации в России. Отставка Кудрина в сентябре 2011 г. стала симптомом усиления влияния *силовой группировки* и военного командования в высших слоях российской бюрократической системы. Провоцирование конфликтности в отношениях с Западом позволяет генералитету и далее укреплять свое влияние на экономические и политические процессы в стране, подталкивать правящую группировку к введению мобилизационной экономики, по-прежнему блокировать подлинное реформирование вооруженных сил. *Силовики*, или *питерские чекисты*, используют международную напряженность для выдавливания конкурентов и относительно здравомыслящих элементов из государственного аппарата, подготовки репрессий против оппозиции и консолидации вокруг Кремля *молчаливого большинства*, не избавившегося от стереотипов советской эпохи. Политологи и пропагандисты, сделавшие карьеру на разоблачениях враждебных России козней Запада, получают возможность обвинить своих оппонентов в сознательном содействии внешнему врагу и занять ключевые позиции в академической иерархии и средствах массовой информации. И если доминирующие во внутренней российской политике тенденции не изменятся, а надежд на это немного, то нынешнее противостояние с Западом превратится в новую холодную войну. Детали ее предсказать трудно, но конечный итог не вызывает сомнений — Россия повторит судьбу бывшего СССР.

TEMPORA MUTANTUR

Мировая политика в очередной раз претерпевает глубокие и противоречивые изменения. Некоторые тренды обозначились более или менее ясно.

Так, подготовка к военной операции против Ирана показывает, что лидеры ведущих западных стран освобождаются от исчерпавшей себя линии на умиротворение воинствующих кругов в третьем мире и постепенно изживают постиракский синдром. Внешняя политика Запада — при всей условности этого термина — ста-

новится более реалистической, чем ранее, а военная сила шаг за шагом восстанавливает свою роль в международных отношениях.

Другой устойчивый тренд в международных отношениях связан с Россией. Ее внешняя политика и процесс ее формирования обретают все более явственный советский характер, что чревато целой серией кризисов по периферии российских границ. Западные политические круги и общественное мнение пока не придают этому особого значения, что можно объяснить финансовым кризисом в Европе, ситуацией вокруг Ирана и на Ближнем Востоке в целом, озабоченностью растущей мощью Китая и другими факторами, действующими уже многие годы. В итоге, вспышка конфронтации в восточной части Европы может оказаться неожиданной, а потому особенно неприятной.

Юрий Федоров

ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: ВЕТЕР ПЕРЕМЕН ПЕРЕХОДИТ В ШТОРМ

Не исключено, что второе полугодие 2011 г. впоследствии получит в историографии название *полугодие перемен.* Действительно, глобальный политический ландшафт — и российские реалии, и ситуация на международной арене в отношении международных событий — изменился кардинально. Тектонические перемены происходили под аккомпанемент разговоров о том, что *сейчас ничего не будет.* А если не сейчас, то когда? И что в таком случае происходит *сейчас* и почему происходит именно это? Забавный каламбур, но в этом каламбуре, боюсь, скрыт большой подвох: постоянно убеждая себя в том, что *сейчас ничего не будет*, мы, прежде всего в России, почти пропустили момент, когда *все началось*. И пропустили не только политологи, но и политические элиты. А некоторые, как например евробюрократия, все еще пребывает в глубокой и непоколебимой уверенности в том, что *сейчас ничего не будет*, хотя европейская экономика полыхает, и похоже, что вот-вот полыхнет и политика. О потере мировой и в первую очередь европейской элитой стратегических ориентиров можно судить по абсолютно скучному, если хотите, *пресному* Давосу–2012. То есть идей о том, что делать завтра и послезавтра было много, но вот про то, *чем кончится все и какая в финале пребудет мораль*, как пел в свое время нынешний активист предвыборного штаба М. Прохорова А. Макаревич, почему-то никто ничего не сказал. Интересно, почему?

Самое главное, что изменилось за последние четыре-пять месяцев — это операционное поле мировой политики. Нам еще предстоит осознать и привыкнуть к новым реалиям. Но хотя бы перечислим некоторые новые реалии, которые пока кажутся бесспорными:

- выпадение Европы из числа глобальных игроков;
- превращение уже всего Ближнего Востока в очаг нестабильности;
- возникновение ситуации неопределенности в Северо-Восточной Азии, которая связана отнюдь не с кончиной Ким Чен Ира (ситуация в Японии, в действительности, дает куда больше поводов для размышления);
- замедление экономического роста в Китае при ренессансе в Пекине идей о силовом доминировании, которые пока проявляются в *поигрывании* военно-морскими мускулами;
- явные признаки новой волны нестабильности в Центральной Азии на фоне затухания военной активности в Афганистане с обеих сторон.

Согласитесь, такой масштаб перемен — это уже не просто претензия на глобальность. Это и есть глобальность. То есть мир становится другим, но пока не ясно, каким именно. Главное теперь — попытаться понять скрытую логику событий

и постараться найти ту точку, куда нас могут все эти события привести (ведь те, кто стоял за событиями последних месяцев, не всегда имеют возможность управлять последствиями запущенных процессов). Пока ветер перемен не перерос в ураган, можно заняться тактическими маневрами, в которых есть своя своеобразная логика. О логике мы и поговорим в данном обзоре.

НОВАЯ АМЕРИКАНСКАЯ ВОЕННАЯ ДОКТРИНА: ИСКУССТВО ВОЗМОЖНОГО

Как-то удивительно тихо и без особых дискуссий прошло обсуждение новой американской военной политики, которую под занавес своего пребывания во власти выдала *на гора* администрация Барака Обамы. Это и понятно — сейчас не до чтения написанного специфическим языком документа. Надо сказать, что документ производит впечатление добротного, но несколько наспех сделанного: к одной-двум правильным стратегическим центральным идеям подверстали несколько идей поменьше и разбавили словесной шелухой *для объема*: перед выборами необходимо хоть как-то демонстрировать избирателям, что администрация постоянно думает об обороноспособности США.

Отрешаясь от того, что конкретно написано в новой американской военной стратегии, следует обратить внимание на три важных особенности.

Первое. Назначение Ирана на почетную должность главного противника показательно и подчеркивает двойственность современной американской политики в сфере безопасности.

Конечно, так или иначе главную угрозу безопасности Америке пришлось бы огосударствлять — продолжение игр вокруг борьбы с *мировым терроризмом* выглядело как-то неубедительно и никак не объясняло существование тех вооруженных сил, которые США имеют, тем более в условиях кризиса. Однако выбор именно Ирана несет в себе один специфический *подводный камень*: главным противником стало государство, которое ни политически, ни военно-технически не может и еще очень долгое время не сможет угрожать США. Иран может угрожать только интересам США в крайне удаленном от их территории регионе, причем регионе, который объективно жизненно важным для США не является: импорт нефти из региона Персидского залива составляет заметную, но не опасную величину в 25% от общего потребления (лишь немногим меньше нефти США ввозят из Гви-

Дайан ***Джаятиллека (Шри-Ланка)***, *посол Шри-Ланки во Франции, постоянный представитель Шри-Ланки при ЮНЕСКО, профессор — по электронной почте из Парижа*: Сегодня происходят удивительные изменения в тенденциях исторического развития. Самым слабым звеном в цепи капиталистических стран становятся не традиционные страны азиатской периферии, а центр — Европа. Воздействие кризиса в зоне евро на Азию может быть расценено двояко. С одной стороны, снижение финансовых котировок на европейском и американском фондовых рынках делает уязвимыми экономики азиатских государств; с другой, европейский экономический кризис — это возможность для Азии укрепить свою экономическую основу и, возможно, даже обогнать Европу по показателям экономического роста. Для евразийских государств, например России, логичным решением на фоне кризиса евро было бы обратить взор к экономикам Востока, где начался процесс формирования нового центра силы в противовес западному. Подобным центром экономической и политической мощи в перспективе способны стать страны БРИКС.

нейского залива). Нестабильность в этих двух районах сразу действительно жестко ударит по США. Конечно, наращивание США собственной нефтедобычи существенно смягчит негативные последствия, но только на некоторое время. Мы уже понимаем, что слово *Иран* было произнесено только ради того, чтобы еще некоторое время не произносить слово *Китай*. Выбор-то совсем не богатый.

Второе. Налицо кризис американской тактики ведения войны.

США успешно ведут бесконтактные боевые действия — достаточно посмотреть весьма убедительные результаты всех воздушных кампаний, которые США вели в последние 10 лет. Они неплохо осуществляют действия войск специального назначения. Но как только речь начинает идти о действиях относительно крупных контингентов сухопутных сил, о той самой воздушно-наземной операции, то начинаются проблемы. Вероятно, изменение американских военных приоритетов несколько запоздало — а беспилотников на всех врагов *империи добра* может и не хватить. Поэтому и отказ от концепции *двух примерно одновременных крупных региональных конфликтов*, который был основой американского военного планирования в последние почти 20 лет, выглядит вполне осмысленно и вполне вписывается в формулу *искусство возможного.*

Третье. Реальное американское военное планирование, судя по всему, исходит из того, что никаких союзников, которые смогут внести заметный вклад в обеспечение безопасности США и в защиту их интересов, попросту нет.

Во всяком случае постоянных. То есть существует определенный набор стран, которые считаются союзниками, и если они предоставят какие-то ресурсы для решения геополитических проблем США, то будет здорово. А если не предоставят — придется справляться без них. Но эта формула вообще-то действует и в другую сторону, то есть обязательства США перед союзниками также становятся несколько эфемерными. С теми силами, которые США предполагают иметь после *реформ Обамы*, обещать какие-либо серьезные гарантии безопасности по всему миру — очень наивно, и намек на снижение значимости формальных союзнических отношений для США в будущем сделан. США начинают фиксировать новый геополитический статус, подобно тому, как они фиксировали новый геополитический статус в первой половине 1970-х гг. нашумевшей *доктриной Никсона,* которая сыграла в целом положительную роль для американской внешней политики после Вьетнама.

В заключение хотел бы порекомендовать российским военным аналитикам повнимательнее изучить документ, появившийся в Вашингтоне. Нет, не для того, чтобы попытаться найти там следы *происков,* но для того, чтобы понять, что даже в условиях временного цейтнота, политической напряженности и слабо вменяемого, особенно в долгосрочном плане, руководства можно писать что-то если не выдающееся, то хотя бы читабельное.

ИРАНСКАЯ ЯДЕРНАЯ ПРОГРАММА: ОТВЛЕКАЮЩИЙ МАНЕВР?

Ситуация вокруг Ирана в последние несколько месяцев выглядит двойственно. *С одной стороны*, она продолжает оставаться наиболее серьезным *публичным* кризисным узлом в мировой политике. Причем узлом, который постоянно подпитывается новой информацией и новыми действиями всех участников конфликта. Порой странной бывает реакция мирового сообщества на некоторые события. К примеру, практически истерику вызвала информация о том, что Иран начал промышленное обогащение урана. А в чем, собственно, дело? Тегеран неоднократно заявлял, что создание национальной индустрии обогащения урана — его стратегическая цель и что никакие угрозы санкций ему не страшны. В любом случае, ни у кого нет сомнения в том, что именно ситуация вокруг Ирана и является сейчас самым главным в мировой политике процессом.

С другой стороны, чем больше нагнетается ситуация вокруг Ирана, тем больше возникает ощущение, что не в Иране дело. То есть Иран, конечно, перешел в своих

действиях определенную черту, после которой Запад в принципе не может оставаться безучастным. Но эти действия Ирана не являются принципиально важными. А принципиально важным является то обстоятельство, что в складывающейся на Ближнем и Среднем Востоке обстановке Иран сохранил максимальную свободу рук. И при определенных условиях (особенно обладая даже не ядерным оружием, а способностью создавать убедительную неопределенность вокруг данного вопроса) может сломать ту геополитическую комбинацию, которую с большим трудом и не без издержек встраивали американцы и саудовцы. Именно поэтому Иран обречен на изоляцию, а ситуация вокруг него — на дальнейшее обострение.

И тут возникает странный вопрос: а кому от этого хуже? Говорят, что экономические санкции очень жестко ударят по Тегерану. Это отчасти правда, но только отчасти. Санкции (прежде всего запрет на торговлю и использование счетов в европейских и американских банках) ударит по тем прослойкам иранского общества, которые были в наибольшей степени сориентированы на партнерство с ЕС и США. То есть получается, что Запад своими действиями подрывает позиции тех, кто мог бы при определенных условиях стать его союзниками. А вот армия, госслужащие и бюджетники, крестьянство и городские низшие классы, — иными словами, все те, кто и составляет в первом приближении *электорат* иранских радикалов, — пострадают гораздо меньше. Лишить Иран возможности экспорта нефти не получится: всегда будут страны, которые с удовольствием ее купят, есть также возможность контрабанды и продажи под чужими маркерами и в смеси с нефтью из других источников. Так почему же США (а понятно, что Евросоюз в данном случае играет подчиненную роль — чего еще ждать от образования, которое балансирует на грани экономического коллапса?) действуют в данном случае совершенно *в противоход* своей сегодняшней стратегической логике? Именно потому, что не в Иране дело, а в необходимости сделать так, чтобы Иран не смог вмешаться в действия американцев в регионе и выстраиванию системы управляемого конфликта вокруг Европы.

Эта логика, которая не подразумевает от США какого-то крупного задействования ресурсов, в том числе и военных — тем более что Бараку Обаме в нынешнем его состоянии вряд ли должны позволить серьезную войну с Ираном. Думаю, иранское руководство такую логику США понимает, принимает и действует соответственно, иногда даже подыгрывая американскому президенту. Тегеран понимает, что президент-республиканец подвинет ситуацию куда ближе к полноценному военному решению.

Современное иранское руководство далеко не так искушено в *балансировании на грани*, как северокорейские руководители, и внутренняя борьба в Иране, вероятно, существенно более обострена. Тегеран, несмотря на то что от него зачастую ждут действий, подобных действиям КНДР, пока ведет себя вполне адекватно. Конечно, экзальтированность иранского президента общеизвестна, но она как-то странно не выходит за определенные рамки и в конечном счете вполне соответствует общему настроению иранского общества. Ну а о том, как профессионально, хотя и жестоко, иранское руководство подавило попытки прозападной оппозиции оспорить результаты всеобщих выборов, надо писать книги. Именно те события доказали, что у нынешнего иранского режима есть легитимность и она солидная. Поэтому, хотя угроза *цветной революции* в Иране существует, иранское руководство в своем геополитическом маневрировании будет действовать не в пример более уверенно, нежели все те, с кем США имели дело до того.

АРАБСКАЯ ЗИМА И ТУРЕЦКАЯ ВЕСНА

Было бы самым простым пуститься в банальные рассуждения о том, что сейчас народы арабских стран начинают пожинать порой разочаровывающие плоды революций. Такой подход в корне неверен, тем более что пока разочарования в арабских обществах не так уж и много. Конечно, ощущение того, что все пошло *как-то не так* уже есть, но оно меркнет по сравнению с ажиотажем политического процесса (а в Ливии — еще и по сравнению с процессом сведения счетов со сторонниками Каддафи и между собой) и ожиданием чего-то нового. Разочарование возникнет

*Пал **Дунай (Венгрия)**, руководитель программы по международной безопасности Женевского центра политики безопасности — по электронной почте из Будапешта*: Ситуация в еврозоне ярко продемонстрировала, что политический истеблишмент в демократических сообществах способен действовать твердо и решительно только тогда, когда сталкивается с угрозой кризиса. Но принимаемые меры рассчитаны лишь на разрешение сиюминутных острых проявлений кризиса, чтобы минимизировать его распространение на всю еврозону. К тому же наличие в еврозоне единой монетарной политики, но отсутствие таковой в фискальной системе ведет к тому, что различные полномочные органы ЕС не в состоянии оказывать влияние на расходование средств странами-участницами и на формирование их государственных бюджетов.

Ведущую роль в спасении еврозоны играют Франция и Германия. Главным центром принятия решений является Франция, но *играть первую скрипку* в спасении еврозоны ей не удается в связи с собственными финансовыми сложностями. Это вынуждает Париж следовать в фарватере решений Берлина. Несмотря на дипломатические усилия, предпринимаемые кабинетом Ангелы Меркель, налицо явное противоречие. Экономическая мощь Германии немыслима без усиления ее политического влияния, следовательно, раздражение, связанное с исторической памятью, в Евросоюзе будет только усиливаться. Очевидно, что даже в случае преодоления кризиса еврозоны, развитие государств Евросоюза не удастся вернуть на *единые рельсы*. Каждая страна будет двигаться в соответствии с собственным потенциалом экономического развития.

несколько позже, если *исламисты четвертой волны* не придумают некоей новой идеологической парадигмы (иными словами, внятно, доходчиво и привлекательно объяснят, *кого мочить*). С этой точки зрения мы просто не можем не вернуться к логике управляемого конфликта на Ближнем и Среднем Востоке.

Кажется, сейчас вся стратегическая подноготная *арабской весны* начинает выходить наружу. Нет, конечно, мы все понимаем, что главной причиной волнений и восстаний стало исключительно народное недовольство правящими по 20, 30, а то и 40 лет режимами. И люди, прочитав в *Facebook* про то, как ими помыкают, с чувством глубокого удовлетворения эти режимы свергли. И только один вопрос остается без ответа на фоне этой благостной картины — а деньги где? Где те несколько десятков миллиардов долларов, которые имелись на личных и полуличных счетах лидеров тех арабских стран, которые оказались в *зоне турбулентности*? Ведь если не считать бедного Йемена, все остальные государства так или иначе заработали на бурном росте цен на нефть, даже отнюдь не богатый нефтью Тунис. Нефтедоллары не вернутся на Ближний Восток (в Сирию, Алжир, тот же Бахрейн, даже в ставший, практически, витриной западной демократии Катар, да и в Саудовскую Аравию) из западных банков, прежде всего американских и британских. Куда пошли эти деньги? Во что оказались вложены? Какие банки и в каких странах были спасены от банкротства за счет этих денег (а ведь понятно, что в число этих структур вошли банки Франции и Италии)?

Вопросов, как обычно, много, ответов, как обычно, мало. Но главное, не в этом. Главное в том, что путем очень красивой, хотя и кровавой геополитической комбинации *под шумок* разговоров о грядущем экономическом кризисе был создан пылесос, который и дальше — следующие лет пять, а то и десять — будет исправно

выкачивать нефтедоллары с Ближнего Востока. И война с Ираном в данном случае совершенно не обязательна. Надо лишь постоянно говорить о том, что она вот-вот начнется. Ну а с этой задачей *Аль-Джазира* и американские СМИ справятся.

Главная проблема нынешней ситуации в арабском мире заключается в том, что большая часть игроков, включая иранцев и исключая, быть может, сирийцев и *Хезболлу*, сейчас и именно сейчас заинтересована в конфликте в регионе. Причем большая часть из них считает, что этот конфликт удастся удержать в ограниченных рамках, а главное — контролировать последствия конфликта. А вот насколько это удастся сделать — большой вопрос. Но высокая, зашкаливающая рискованность действий всех участников *большой игры* говорит о том, что ситуация действительно острая.

А теперь главный вопрос — *насколько США заинтересованы в падении цен на нефть*? Традиционные оценки сводятся к тому, что для американской экономики главный рецепт роста — дешевый доллар и дешевая нефть. Может быть, это за последние 20 лет стало главным рецептом экономики Китая? Ведь это для экономики Китая лишние 5 долл. цены на нефть оборачиваются недобранными 2% ВВП. Так может, именно поэтому США с таким упорством делают все, чтобы цены на нефть были высокие, набивая карманы российских олигархов и арабских нефтяных шейхов нефтедолларами, которые потом в той или иной степени возвращаются обратно в американскую экономику, в то время как в Китае действует принцип *рупь вход — два выход*? И тут главным становится вопрос, насколько США будут обладать силовым потенциалом, чтобы управлять ситуацией и не давать ей пойти в неблагоприятном направлении.

Направление это вполне понятно — это нефтяные порты в монархиях Персидского залива, в Оманском заливе и на Красном море. Гибкость военно-силовых возможностей США после вывода войск из Ирака несколько возросла, но не настолько, чтобы дать американцам возможность непринужденно управлять силовыми процессами на Ближнем Востоке в условиях фактической потери возможности оперирования с традиционных баз в Турции и Египте.

Конечно, было бы очень большой ошибкой представлять проамериканскую часть арабского мира, вернее, ту его часть, которая сейчас играет по американскому сценарию сплошными марионетками Вашингтона. Отнюдь. Понятно, что катарский эмир Хамад бин Халифа Ат-Тани, — это даже больше, чем марионетка Вашингтона. Он — человек, само выживание которого полностью зависит от благосклонности Вашингтона и Эр-Рияда. Долгосрочные планы Саудовской Аравии, которые почти наверняка отличаются от задумок наших американских друзей, вызывают большой интерес. Поскольку как-то с трудом верится, что у саудитов, которые ощущают на себе все большее давление со стороны радикальных исламистов, не имеется каких-то *наработок*, направленных на собственное выживание. Ведь любой вменяемый специалист по арабскому Востоку скажет, что после почти неминуемого падения режима Башара Асада и неизбежного прихода к власти в Иордании исламистов, более радикальных, нежели «Братья-мусульмане», взоры *арабских революционеров* неизбежно обратятся к странам Персидского залива. И не потому, что там пока еще нет демократии, а потому, что страны Персидского залива — последнее место на Ближнем Востоке, где к тому времени останется, что пограбить и поделить. Да и американцы будут не прочь вымести остатки нефтедолларов с Аравийского полуострова. Саудовская элита, которая при всей экзотичности даст фору многим во вменяемости, циничности и изворотливости, этого не понимать просто не можем.

Нельзя не затронуть ситуацию в Сирии. Да, наверное, Башар Асад проиграет. Да, наверное, его личная судьба будет трагичной, как и судьба всей Сирии. Не исключено вообще ее исчезновение с карты мира. Но то, как он держится уже почти год — фактически в одиночку, имея крайне незначительные ресурсы и минимальную поддержку России и Ирана, противостоя американским деньгам, европейскому безумию, саудовским инструкторам и пакистанским диверсантам, противостоя волне хаоса и разрушения — вызывает большое уважение.

Встает смешной вопрос: в чем геополитическая стратегия Израиля? Неужели в том, чтобы остаться в окружении враждебных режимов, ни с одним из которых — даже с *ручной* Иорданией — вероятно, вскоре нельзя будет вести какого-то, даже самого ограниченного диалога? Именно так! Ведь только будучи в окружении режимов, по сравнению с которыми даже *Хамас* уже выглядит вполне либерально, можно будет сплотить израильское общество, которое начинает задавать своей элите крайне неприятные вопросы. В частности, как так получилось, что государство, которое начиналось как общинное, как государство социальной справедливости тихо и мирно превратилось в классическую олигархию, управляемую полудюжиной семей с известными фамилиями, значительная часть членов которых уже давно не живет в Израиле и тем более не держит там свое состояние. Как еще, если не формированием — причем на реальной основе — идеологии *осажденной крепости* можно справиться с растущим недовольством большей части общества? Поэтому, несмотря на все прогнозы очень уважаемых политологов, израильская элита не слишком озабочена и огорчена крушением дружественных или нейтральных режимов в арабских странах и, вероятно, кое в чем помогает их крушению.

Проблема только в том, что, судя по всему, израильская элита переоценивает степень готовности общества сплотиться вокруг нее даже в ситуации явной внешней угрозы, а главное — исходит из незыблемости постулата о своем военном превосходстве, который был основой всей израильской политики в сфере безопасности последние 25 лет. Конечно, по формальным признакам это превосходство сохранится и далее, но ведь не в нем дело. Дело в настроениях, и эти настроения не сулят Израилю стратегически ничего хорошего. Ведь одно дело — противостоять в той или иной степени арабским элитам: как правило, неумным, жестоким и одновременно трусливым, вороватым и жадным. Другое — бороться с арабской *улицей*, которая, конечно, необразованна до крайности, однако решительна и считает именно Израиль виновником всех своих проблем. И тут одна надежда — на то, что *Америка не сдаст*. И хотя США сдавали всех своих союзников, думаю, это все же не тот случай. Другой вопрос, что теперь выживание Израиля будет зависеть от отношений США с ваххабитской Саудовской Аравией, а ощущать себя разменной монетой Тель-Авиву вряд ли понравится. Но у любого геополитического предприятия есть определенная динамика. И эта динамика такова, что может затянуть в свой водоворот любого, тем более Израиль, собственные ресурсы которого весьма скромны. Во всяком случае, перед израильским обществом и элитой встает очень неприятный и жесткий вызов, и исходит он явно не из Тегерана.

С этой точки зрения понятно и поведение Турции. Турецкая элита доказала, что является одной из наиболее четко чувствующих перемену ветра. Турции недодали. Турция делает самозащитный превентивный шаг. Турция более не может рассчитывать на обеспечение экономического роста за счет внешних финансовых источников, сиречь за счет встраивания в процессы экономического роста в Европе. Да и вообще, нынешняя геополитика Турции демонстрирует стремление Турции к тому, чтобы строить свою внешнюю политику и экономику *как бы* без Европы. Обратите внимание на утрированно раздутый турецко-французский скандал, который был сразу же переведен Анкарой в плоскость последствий для французских инвесторов. Конечно, речь не идет пока о том, что Турция, так настойчиво стучавшаяся в дверь Евросоюза, решила эту дверь захлопнуть. Это сейчас для Анкары политически нерентабельно, да и экономически может оказаться очень накладно. С другой стороны, очевидно, что Турция пока еще в не очень жесткой форме показывает и Европе, и США и прежде всего Израилю, что будет, если... А кстати, кто-нибудь может сказать, что еще должно случиться, чтобы наступило это *если*?

КОНЕЦ *КАЗАХСТАНСКОГО ЧУДА*, ИЛИ ПРОВЕРКА НА ПРОЧНОСТЬ

Можно было бы просто сказать, что истоком возникшей нестабильности в Казахстане, которая, как мы все понимаем, не ограничивается городком Жанаозеном, а началась еще полтора года назад с серии непонятных поджогов в южных

Халил ***Каравели (Турция)***, *руководитель проекта по Турции института по изучению Центральной Азии и Кавказа при университете Джона Хопкинса — по электронной почте из Стокгольма*: Турция вновь стремится переориентировать свою внешнюю политику под западные ценности. Анкара отстранилась от ситуации в Сирии, а решение присоединиться к созданию единой европейской ПРО НАТО и разместить у себя радиолокационные установки подтвердило, что метания страны между Западом и Востоком преодолены в пользу первого. ПРО в Европе создается прежде всего для защиты от Ирана. Участие Турции в проекте свидетельствует, что турецко-иранское противостояние, которое по сути никогда не прекращалось, переходит в открытую фазу. Турция и Иран отныне враги. Конфронтация между двумя крупными игроками на ближневосточной *шахматной доске* будет иметь весьма серьезные геополитические последствия. Активизация на юге Турции боевиков Курдской рабочей партии, поддерживаемых Ираном и Сирией, — первые признаки этой конфронтации.

областях страны, которые затем как-то странно сменились столь же непонятными взрывами у административных зданий, стала борьба казахских кланов. И это будет правдой. Можно сказать, что причиной произошедшего стало ожидание скорого ухода на покой бессменного лидера страны, что расслабляющим образом подействовало на окружающих, решивших *урвать* по максимуму, пока еще дают. Можно сказать, что причиной казахстанских событий, которые не только не начались в Жанаозене, но и не закончились там, стало непропорциональное распределение эффекта *казахстанского экономического чуда*, когда одни уже интегрировались на роллс-ройсах в европейскую цивилизацию, а другие продолжают топить юрты кизяком. И это тоже будет правдой. Можно поглумиться над казахстанским лидером, который получил проблему, едва успев нанять советником всемирного *вестника беды* — Тони Блэра, успевшего схоронить в прямом и переносном смысле уже не одного клиента. В любом случае ясно, что по витрине, в которой показывали достижения правления Нурсултана Назарбаева, нанесен хотя и не смертельный, но мощный удар. Мораль: витрина, помимо того, что за ней очень хорошо скрывать реальность, обладает тем неприятным свойством, что всегда привлекает кого-нибудь бросить в нее камнем.

Возникновение проблем в Казахстане намекает на провал единственной более или менее успешной программы *догоняющей модернизации* на постсоветском пространстве. Все остальные национальные проекты модернизации в постсоветских государствах либо не начинались, либо откровенно не удались, либо на фоне того, что демонстрировал Казахстан в последние годы, выглядят откровенно убого. И при этом важно обратить внимание на два обстоятельства.

Первое. Нестабильность в Казахстане началась в период, когда цены на сырьевые товары держались на относительно комфортном для экономики этой страны уровне. Иными словами, нестабильность началась не только до начала минимально ощутимой фазы глобального экономического кризиса, но и, в принципе, вне его контекста. Вопрос заключается не в том, что экономическая ситуация стала хуже — а хуже она в Казахстане пока не стала, это, вероятно, произойдет к концу 2012 г. Хотя, конечно, в условиях перманентного ожидания ухода Нурсултана Назарбаева стремление к обогащению у казахстанской элиты начало переходить грань разумного. Вопрос заключается в том, что даже ожидание ухудшения экономической ситуации превращает притухшие было межклановые противоречия в среде титульного народа в источник политического взрыва. И это пока еще без всякого участия в разборках нетитульного населения.

Мехди ***Санаи (Иран)***, *доктор политологии, руководитель Центра по изучению России, Центральной Азии и Кавказа — по телефону из Тегерана*: Решение Турции разместить у себя элементы американской ПРО — еще один негативный фактор, угрожающий безопасности не только Ирана, но и всего Ближнего Востока. Примечательно то, как США манипулируют данной тематикой: Россию они убеждают, что система ПРО создается против Ирана, когда же речь идет о безопасности относительно новых членов НАТО, открыто заявляется, что ПРО создается для защиты от России. Очевидно, что достичь мировой стабильности в отсутствии консенсуса между субъектами международных отношений становится практически неосуществимой задачей.

Второе. С самого начала событий в Жанаозене обозначился силовой компонент, причем с обеих сторон. Едва ли кто-то будет всерьез отстаивать версию о полной стихийности протестов. Помимо протестующих, активное участие в событиях принимали организованные и вооруженные боевики. То есть к событиям в Жанаозене готовились и готовились загодя. Налицо изначальное желание участников политического процесса в Казахстане *пойти на кровь*. Почему? Вероятно, потому, что кровь имеет тенденцию смывать все ранее взятые обязательства. А их казахстанская элита, судя по всему, набрала столько и перед таким количеством контрагентов, что дешевле и проще устроить внутри страны побоище, чем пытаться их выполнять.

Не стоит злорадствовать: дело в том, что нестабильность в Казахстане, даже если она будет происходить в сравнительно мягких формах (хотя исключать возможность какой-нибудь очередной *цветной революции* и нельзя) существенно изменит положение России и состояние российских интересов в одном из важнейших регионов. Причем изменит ситуации там и тогда, когда Россия не сможет проигнорировать эти события, даже если очень этого захочет. А вот готовность российского руководства действовать в данном регионе жестко и тем более на опережение вызывает большие сомнения.

КНДР В НОВОМ ФОРМАТЕ

Как-то сложно воспринимать комментарии политологов о последствиях *неожиданной смерти* Ким Чен Ира. Сложно хотя бы потому, что этой смерти ожидали уже года два и сильно удивлялись тому, что корейский лидер еще жив. В любом случае, все серьезные игроки и в регионе, и за его пределами, были готовы к переменам в Пхеньяне. Хотя, конечно, любой, кто говорил и продолжает говорить о том, что понимает, что происходит в самом закрытом государстве мира (после Ватикана, конечно) либо лукавит, либо неадекватно воспринимает себя. Особенно поразительно, что стратегические выводы делаются на основе высказываний людей, которые известны своей не то чтобы экзотичностью, но уже откровенной неадекватностью. Вызывает удивление, что в западных СМИ в качестве *достоверного источника* стал выступать старший сын Ким Чен Ира Ким Чен Нам, который мало того, что на родине бывает очень редко, так еще и клеймился несколько лет назад этими же СМИ как бездарь и разложенец. Главное же — Ким Чен Нам не может быть допущен в принципе к какой-либо информации о том, что происходит в верхах в Пхеньяне.

В том, что касается ситуации в КНДР, многие наблюдатели допускают одну системную ошибку. Рассуждая о том, что Ким Чен Ын не будет иметь всей полноты власти, они забывают и о том, что всей полноты власти не имел, несмотря на все положенные почести, и Ким Чен Ир. Несмотря на то что он пришел к власти уже во вполне

зрелом возрасте, Ким Чен Ир был уже не императором — каковым, конечно, был Ким Ир Сен, а скорее президентом, то есть фигурой, в своих действиях ограниченной не только формальными обстоятельствами, но и раскладом сил в элите. Именно при Ким Чен Ире началось усиление семейного фактора в управлении КНДР. Да и сам Ким Чен Ир вел себя не как божество, снисходящее до граждан, а как где-то даже *свой парень*. Достаточно посмотреть на то, как он одевался. К тому же еще с начала нулевых все политологи говорили о резком усилении влияния армейских кругов в КНДР, которые, вероятно, должны были потеснить партийную номенклатуру. Поэтому ничего принципиально для страны не поменяется, если Ким Чен Ын поначалу будет не президентом, а просто генсеком, который будет вынужден обсуждать вопросы с Политбюро.

Другой вопрос, что в меняющемся мире КНДР придется искать новый *modus operandi*. Роль *мелкого злодея,* конечно, еще некоторое время будет оставаться рентабельной, однако на фоне крупнейших геополитических сдвигов, которые происходят в других регионах мира и возможности замедления китайской экономики, что отзовется проблемами в Восточной Азии в целом, прежняя модель выживания может оказаться уже неэффективной. И вот это ключевой вызов для северокорейской элиты и Ким Чен Ына. Не факт, что Пхеньян справится с этим вызовом так же успешно, как он обеспечивал свое выживание в последние 20 с лишним лет. Но если Ким Чен Ыну удастся найти такой *modus operandi*, тогда он, безусловно, превзойдет своего отца, приблизившись по своему статусу к почти недостижимому деду. И в этом поиске ядерное оружие или убедительная имитация его существования — очень неплохое подспорье, надо его только с умом использовать.

НЕРАСПРОСТРАНЕНИЕ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЕ СЕГОДНЯ: ПУЧОК ДИЛЕММ И СОМНЕНИЙ

Конечно, на фоне тектонических событий, которые происходят в мире в последний год, проблематика ядерного нераспространения блекнет. Если бы не постоянное нагнетание напряженности вокруг иранской ядерной программы, к слову сказать, успешно и с каким-то странным удовольствием осуществляемое всеми участниками этого действа, про нераспространение все (ну, может быть за исключением авторов и читателей этого журнала) будто уже давно забыли. А зря.

В действительности, несмотря на множество критических комментариев, международный режим нераспространения ядерного оружия проявил себя сравнительно эффективно в пределах тех возможностей и ресурсов, которые в него были заложены. Режим дезавуировал ядерные амбиции, которые имели страны, не обладавшие достаточными ресурсами, и заставил трезво взглянуть на вещи страны, которые не обладали достаточной политической волей к созданию ядерного оружия. А главное, режим серьезно замедлил процесс создания ядерного оружия странами, которые имели и ресурсы, и политическую волю.

Как ни странно, классическим примером эффективности современного режима нераспространения ядерного оружия является Иран. Еще в 1995–1996 гг. общим в оценках политологов было утверждение о том, что Иран будет способен создать собственную атомную бомбу через 5–10, максимум 12, лет, а строительство АЭС *Бушер* этот процесс ускорит. Прошло более 15 лет, АЭС *Бушер* достроена, но атомной бомбы Иран пока не создал, несмотря на серьезные усилия, более того, он находится во все тех же заветных 5–10 годах от получения военного ядерного потенциала. И в этом заслуга не столько США, которые в действительности сделали все возможное для того, чтобы еще больше укрепить существующий в Иране национальный консенсус по поводу жизненной необходимости обладания ядерным оружием, сколько именно *международного режима нераспространения*.

Конечно, международный режим нераспространения несовершенен. Конечно, он был сформирован в условиях биполярности, а совершенствовался в условиях явной и агрессивной монополярности. Он явно несостоятелен применительно

к условиям реальной геополитической многополярности. Но это оборотная сторона стремления не оказать дестабилизирующее воздействие на всю систему нераспространения, которой следовали сторонники бессрочного и безусловного продления ДНЯО. Возможно, это было ошибкой, совершенной из благих и рационально оцениваемых побуждений. Сейчас мировое сообщество не готово к тому, чтобы реально обсуждать возможности развития заключенного более 40 лет назад договора. Но не исключено, что еще лет через 10 настроения все же изменятся. А в современном состоянии у стран, которые не довольны договором, есть только одна альтернатива — его нарушать, не дожидаясь пересмотра.

По сути, если говорить в целом, выделяются три ключевые проблемы, касающиеся режима нераспространения в современном его виде.

- ***Политизированность.*** Проблематика нераспространения стала частью геополитической игры. Конечно, такое положение существовало и раньше, но никогда политизированность темы нераспространения не была столь значительной и явной.
- Из политизированности произрастает вторая проблема — ***отсутствие вписанности режима нераспространения в современную экономическую картину мира***. Дело не только в том, что международный режим нераспространения не был рассчитан на ситуации, подобные фукусимской (хотя, конечно, можно было бы уделить больше внимания вопросам технологической безопасности и физической защиты ядерных установок, а не тратить время и деньги на исследования того, сколько боеголовок украли из арсеналов Советского Союза). Нынешний режим нераспространения ядерного оружия не содержит в себе инструментов управления экономической стороной нераспространения. И это несмотря на то, что при создании МАГАТЭ элемент экономического управления в *мандат* этой организации закладывался. Именно поэтому, нравится нам или нет, система нераспространения ядерного оружия почти не сыграла роли в управлении процессами глобального атомно-энергетического *ренессанса*, который был скропостижно прерван Фукусимской аварией. Да прерван так быстро, что очень многих взяло сомнение — а был ли *ренессанс*, или же это была еще одна пиарская *мулька*.
- Третья проблема,— это ***зависимость от национальных средств мониторинга и интерпретаций получаемых данных***. МАГАТЭ не стала организацией, которая сама получает информацию и сама может ее корректно оценить. В конечном счете вся информация, которая сходится в МАГАТЭ, исходит из национальных источников и несет на себе солидный отпечаток интересов конкретных стран в конкретных обстоятельствах, в том числе и интересов, связанных с дезинформацией. Так может, МАГАТЭ и не стоит выступать в виде наднационального органа, во всяком случае пока? Может быть, стоит ограничить себя рамками обычной межгосударственной организации, которая является всего лишь трибуной для своих стран-членов и не стремится присвоить себе какую-либо самостоятельную роль. В конечном счете главными сдерживающими факторами для потенциальных нарушителей режима нераспространения является не гнев МАГАТЭ, а проблемы в политических и экономических отношениях с ведущими государствами мира, сиречь с клубом ядерных держав и еще 4–5 крупнейшими экономическими игроками.

Но вот вопрос, который не дает покоя: очевидно, что система если не полного нераспространения, то, как минимум, ограничения распространения ядерного оружия и соответствующих технологий работает, несмотря на все наши к ней претензии. Так, может быть, в принципе стоит отказаться хотя бы на время от постоянных креативных *вбросов* насчет того, что бы еще в системе подправить, чем бы еще дополнить, что бы такое новое придумать? Ибо не сломанное — не чинят и тем более не ломают.

И КАКАЯ В ФИНАЛЕ ПРЕБУДЕТ МОРАЛЬ?

Вы давно не были в российских книжных магазинах? Давно? Напрасно, ибо книжный магазин, вернее его ассортимент, в значительно большей мере, нежели те же социальные сети, отражает настроения в обществе. Поскольку для того, чтобы *трепаться* в социальных сетях, нужна всего лишь куча свободного времени. Для того чтобы почитать книгу, нужно ее сперва купить (даже в электронном варианте), то есть произвести определенное усилие над собой, а также совершить затраты, социально не оправданные по меркам нашего времени. Так вот, наряду с привычными Донцовой и Устиновой вы с удивлением обнаружите постоянно растущий пласт совершенно нового типа литературы — альтернативной истории, в том числе и того, что на *новоязе* называется *литература попаданцев*. Это рассказы о том, как бы поступил современный человек, будучи перенесенным в далекое или не очень далекое прошлое. Таких книг уже не десятки — их сотни, и каждую неделю их становится больше. И такие книги читают, вчитываются в них и активно обсуждают, причем не только завсегдатаи национал-патриотических форумов в интернете, но и вполне системная, почти респектабельная, публика.

Не вдаваясь в обсуждение исторической и литературной ценности данных опусов (а среди них есть и полный бред, и вполне адекватные в историческом и художественном плане вещи), остановлюсь на общественной составляющей данного явления. Массовое распространение альтернативной истории и рост спроса на нее означает, что значительная, образованная и социально активная часть общества считает, что живет в неправильной реальности и готова думать — пока еще только думать — как эту реальность изменить. И эта общественная тенденция — мечта о сильной, уважающей себя стране с вменяемой элитой — рано или поздно выйдет за пределы книг и интернет-форумов. И тогда потешный бунт *офисного планктона* на Болотной площади покажется детской шалостью. По сути стремление *поменять реальность* стало результатом *движения без вектора*, которое наша страна успешно демонстрирует в последние пять-семь лет. А ведь *движение без вектора*, в принципе допустимое в условиях относительной стабильности и видимого благоденствия, становится угрозой самому факту существования страны, если происходит в период, когда вокруг постоянно возникают различные кризисные ситуации. На таком фоне даже неуклюжие действия нового посла США в России Майкла Макфола становятся источником беспокойства и нервозности среди всех политических игроков на российской сцене.

Отрешимся от темы выборов (хотя это сложно, поскольку каждый политолог должен бросить свой камень в этот огород). Посмотрим на ситуацию в России с точки зрения способности ее элиты к адекватному реагированию на военно-политические, которые в последние три-четыре месяца обозначились по ее периметру. Возникает странное ощущение, что проблемы военно-политической безопасности страны никому не интересны, и если просыпается даже минимальный интерес к этим проблемам, то он обнажает профессиональную несостоятельность и полное отсутствие системности мышления. Об этом можно судить по *беззубой*, *халтурной* концепции национальной безопасности России, тратить время на обсуждение которой просто не хочется.

Ситуация в российской военной сфере становится уже совсем не приличной. За последние несколько лет — под разговоры о закупках военной техники за рубежом — наш оборонпром умудрился, постоянно скандаля с Министерством обороны, не продемонстрировать ни одного по-настоящему нового образца вооружения, за исключением нескольких фактически муляжей самолетов то ли пятого, то ли *не совсем пятого* поколения. И это на фоне последовательно проигрываемой битвы за космос и настораживающей ситуации в стратегических оборонных силах. Иными словами, весь пар обновления военной сферы ушел в гудок, и с военно-политической точки зрения у России возникли такие уязвимости, которые грех не использовать не только нашим противникам, но даже нашим партнерам. Ну как, скажите, не использовать против России ситуацию, которая складывается в Казахстане? Как не превратить в инструмент давления все больше

расширяющееся *окно уязвимости* в стратегических силах, связанное с фактической утратой — хотя бы и на некоторое время — потенциала морского компонента СЯС? Как не использовать откровенный развал космической отрасли, для восстановления минимальной эффективности которой требуется человек масштаба Лаврентия Берия и его же жестокости? По сути то, что мы наблюдаем в сфере оборонной промышленности, дает глубокую и печальную почву для размышлений, идущих дальше констатации неизбывного стремления наших начальников пропиариться. Ситуация показывает, что система утратила способность осознавать и выделять приоритеты. И это в момент, когда к нашим границам уже вовсю *подъезжает демократия*. То есть наряду со способностью выбирать приоритеты утрачен инстинкт самосохранения.

События последних месяцев показали, что проблемы в сфере безопасности и обороноспособности страны носят системный характер, а не являются проявлением *дефекта исполнителя*.

Российская политика *нулевых,* выродившаяся в борьбу кланов за распил бюджета, была обречена. Кстати, в действительности обречена она оказалась в силу того, что так называемый *путинский консенсус* стал выражать интересы все сокращающегося спектра элитных сил и оказался настолько неспособен к обновлению, что уже не мог считаться консенсусом даже самыми ангажированными *ура-путинистами*. Главная же проблема ситуации в настоящее время в том, что ни власть, ни те, кто противостоят власти, не способны сформулировать вменяемое *видение будущего*, которое бы стало интересно для страны, для большинства ее населения. А если нет видения будущего, то все, что остается — изображать кипучую деятельность на ровном месте и решать тактические задачи, которые почти всегда сводятся к тому, чтобы что-то у кого-то *урвать*. Пока этот совершенно очевидный идейный тупик не будет преодолен, говорить о каком-то поступательном развитии страны как минимум наивно.

Неудачливым российским правителям хорошо бы сделать вывод из нынешней ситуации. Вывод банальный, но тем не менее не пришедший пока им в голову: может быть, и неплохо, что в преддверии надвигающейся новой волны глобального экономического кризиса Россия продолжает оставаться в не очень-то завидном статусе сырьевого придатка стран Запада. Это снимает многие головные боли, связанные с неясностью будущего отрасли высоких технологий и машиностроения в принципе. Это, конечно, замечательно, учитывая общий интеллектуальный уровень современной российской элиты, но беда в том, что большая политика появляется там и тогда, когда есть большая экономика. Если экономика маленькая, не развивающаяся, сконцентрированная вокруг распила не очень в сущности большого бюджета и сидения на не очень толстой трубе, то и политика будет почти микроскопическая. Как раз по размеру Болотной площади или Лиговки.

Дмитрий Евстафьев

Примечания

[1] Времена меняются и мы меняемся вместе с ними.

[2] Implementation of the NPT Safeguards Agreement and relevant provisions of Security Council resolutions in the Islamic Republic of Iran. Report by the Director General. IAEA. GOV/2011/65. 8 2011, November. Pp. 6–7.

[3] Iranian nuclear bid could provoke attack: Sarkozy. 2011. August 31; http://www.france24.com/en/20110831-iranian-nuclear-bid-could-provoke-attack-sarkozy (Последнее посещение — 13 февраля 2012 г.).

[4] Bloomfield Adrian. Ehud Barak refuses to rule out military strike against Iran. *The Telegraph*. 2011. November 6; http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/middleeast/israel/8873009/Ehud-Barak-refuses-to-rule-out-military-strike-against-Iran.html(Последнее посещение — 13 февраля 2012 г.).

[5] Remarks by the President in State of the Union Address. 2012. January 24.

[6] Iran. Country analysis brief. 2011. November; http://www.eia.gov/EMEU/cabs/Iran/pdf.pdf (Последнее посещение — 13 февраля 2012 г.).

[7] Ibid.

[8] Ultima ratio regum — последний довод короля.

[9] В отличие от суннитов шииты верят, что следующий имам — или мессия — существует в некоем скрытом виде в современном мире. См., например: Alfoneh Ali. Ahmadinejad versus the Clergy. *AEI Online*. 2008. August 21; http://www.aei.org/outlook/foreign-and-defense-policy/regional/middle-east-and-north-africa/ahmadinejad-versus-the-clergy/(Последнее посещение — 13 февраля 2012 г.).

[10] Хаменеи пообещал удалить «раковую опухоль» сионистского режима. 2012. 3 февраля; http://www.jewish.ru/news/world/2012/02/news994304403.php (Последнее посещение — 13 февраля 2012 г.).

[11] Israel. Military balance files. Institute for National Security Studies, Tel-Aviv University; http://www.inss.org.il/upload/(FILE)128498651.pdf (Последнее посещение — 13 февраля 2012 г.); The Military Balance 2010. IISS. 2010. February. P. 256; World Air Force 2011/2012. Special report. Flight International. Flightglobal/Insight. P.17

[12] См. Гельман Захар. Гремучая смесь ближневосточного противостояния. *Независимое военное обозрение*. 2012. 12 февраля; http://nvo.ng.ru/wars/2012-02-10/1_smes.html?mpril (Последнее посещение — 13 февраля 2012 г.).

[13] Design Characteristics of Iran's Ballistic and Cruise Missile Inventory. NTI; http://www.nti.org/country-profiles/iran/delivery-systems (Последнее посещение — 13 февраля 2012 г.); Iran. Military balance files. Institute for National Security Studies, Tel-Aviv University; http://www.inss.org.il/upload/(FILE)1317902891.pdf (Последнее посещение — 13 февраля 2012 г.); The Military Balance 2010. P. 252.

[14] IEA Response system for oil supply emergencies. International Energy Agency. 2011. P. 11

[15] Ibid. P. 7.

[16] Заявление Президента в связи с ситуацией, которая сложилась вокруг системы ПРО стран НАТО в Европе. 2011, 23 ноября; http://www.president.kremlin.ru/news/13637 (Последнее посещение — 13 февраля 2012 г.).

[17] Минобороны назвало заявление Медведева по ПРО призывом к диалогу. РИА Новости. 2011. 25 ноября; http://ria.ru/defense_safety/20111125/497609066.html (Последнее посещение — 13 февраля 2012 г.).

[18] Генштаб не исключает, что локальные конфликты у границ России могут перерасти в войну с применением ядерного оружия. *Interfax*. 2011. 17 ноября; http://www.interfax.ru/politics/news.asp?id=217215 (Последнее посещение — 13 февраля 2012 г.).

[19] Минобороны разместит комплексы *С-400* на границе России. 2012. 13 февраля; http://news.rambler.ru/12786168/(Последнее посещение — 13 февраля 2012 г.).

[20] Quantité négligeable — пренебрежимо малая величина.

[21] Рябков Сергей. Интервью: Российско-американские отношения на новом этапе. *Эхо Москвы*. 2012. 26 января; http://www.echo.msk.ru/programs/beseda/851949-echo/#element-text (Последнее посещение — 13 февраля 2012 г.).

[22] Рогозин Дмитрий. Выступление в эфире радио *Эхо Москвы*. 2012. 19 января; http://www.echo.msk.ru/programs/exit/850246-echo/(Последнее посещение — 13 февраля 2012 г.).

[23] Арбатов Алексей. Эскалация противоракетных дебатов. *Независимая газета*. 2012. 30 января; http://www.ng.ru/politics/2012-01-30/3_kartblansh.html (Последнее посещение — 13 февраля 2012 г.).

Василий Лаврищев

ПОДО МНОЙ — КАВКАЗ, СО МНОЙ — ЯДЕРНЫЙ БОЕПРИПАС

Ядерная безопасность — это не миф, а реальность и жизненная необходимость для страны, обладающей ядерным оружием и ядерными установками. Именно недопонимание и пренебрежение к вопросам ядерной безопасности привели к катастрофам на Чернобыльской АЭС, в Челябинской области, на Фукусиме-1, к потере боеголовок в Гренландии и заражению значительной части территории.

В статье раскрыты составляющие ядерной безопасности и подходы к решению тех проблем, с которыми неизбежно сталкивается любая страна. Особенно надо отметить роль отбора и подготовки специалистов и дальнейшего контроля их работы, так как никакая техническая система (даже самая совершенная) не в состоянии обеспечить безопасность без участия человека.

При проведении учений с участием стран НАТО, обмене опытом с США на базах хранения ядерного оружия российская сторона демонстрировала свое видение обеспечения ядерной безопасности на различных этапах эксплуатации ядерного оружия. На этих встречах также отмечалась особая роль персонала. Сравнивая состояние безопасности в странах, обладающих ядерным оружием, мы сможем пересмотреть и скорректировать некоторые взгляды как на подготовку специалистов, так и на все составляющие ядерной безопасности. Такой подход позволит значительно повысить уровень ядерной безопасности.

Игорь Валынкин
Генерал-полковник в отставке
Начальник 12-го Главного управления
Министерства обороны РФ
(1997–2005 гг.)

В декабре 1988 г. после разрушительного землетрясения на Кавказе в зону стихийного бедствия для оценки состояния войск и техники, в первую очередь ядерного оружия, прибыл министр обороны Д. Т. Язов, с ним находился начальник 12-го Главного управления Министерства обороны (12 ГУ МО) В. И. Герасимов. Оценив состояние войсковой части, дислоцированной в Армении и эксплуатирующей ядерные боеприпасы (ЯБП), было принято решение об экспресс-анализе состояния боеприпасов и вывозе их в одну из войсковых частей Центральной России. Я был назначен руководителем работ по оценке состояния боеприпасов и вывозу их автомобильным транспортом. Соединение, дислоцировавшееся в районе Нальчика, сформировало, экипировало и подготовило к маршу автоко-

Источник:
http://www.iriston.com/books/cuciev_-_etno_atlas/maps/map30.jpg
(последнее посещение — 1 марта 2012 г.).

лонну. В состав автоколонны входило более сотни автомобилей и 400 специалистов разного профиля. До пункта назначения предстояло пройти более 2000 км.

СКВОЗЬ КАРАБАХ

В маршруте автоколонна растягивалась на 15–20 км. Большой Кавказский перевал был закрыт, и маршрут проходил через город Баку по Азербайджану, в том числе и через воюющий Нагорный Карабах. У властей Азербайджана наша колонна вызвала настороженность, и при подъезде к Баку нас стали сопровождать от пяти до десяти автомобилей ГАИ, которые активно вмешивались в наше движение. Это осложняло наши действия, особенно установку связи с Москвой и расположение на ночные привалы. Но они во многом и помогали нам, особенно при движении через Нагорный Карабах.

Наиболее сложным этапом было прохождение горных дорог Армении. Мы заблаговременно изучали маршрут и были ориентированы на преодоление непростых участков, но не могли даже представить сложности, с которыми пришлось столкнуться. С одной стороны — отвесная скала, с другой — такая же отвесная пропасть, и через каждые пять-десять метров — повороты. Перед преодолением этого участка был сделан привал и проведен целевой инструктаж, в первую очередь водителей (в основном это были солдаты срочной службы) о предстоящей сложной дорожной обстановке и порядку преодоления опасного участка. Огромная колонна начала втягиваться в бесконечный серпантин, по которому навстречу на большой скорости неслись автомобили местных водителей, привыкших к этим дорогам. В начале спуска не всем водителям удавалось вписаться в поворот за один прием, они вынуждены были останавливаться, а находящиеся в кабинах офицеры инженерно-технической службы ставили под колеса тормозные колодки, водители сдавали назад и только потом вписывались в поворот.

По прибытии в войсковую часть специалисты провели экспресс-анализ состояния ядерных боеприпасов. Они проверили размещение контейнеров на установленных местах в спецсооружениях, наличие повреждений на контейнерах и их характер, целостность крепления — все это для определения возможности транспортировки боеприпасов. Затем боеприпасы были погружены в автомобили, сформирована колонна, проведены необходимые тренировки и инструктажи.

Когда автоколонна везла ЯБП, сложность и опасность задачи многократно возрастала. Вместе с тем на этом этапе безопасность автоколонны обеспечивалась целым рядом дополнительных мер. Для охраны использовались бронетехника и вертолеты, примыкающие дороги перекрывались.

Боеприпасы в установленное время были доставлены в определенные приказом начальника 12 ГУ МО места хранения. На заключительном этапе выполнения работ руководство осуществлял начальник штаба Главного управления генерал-лейтенант В. И. Коротков. Масштабная работа по перемещению значительного количества боеприпасов в сложных условиях подтвердила наличие и готовность специалистов выполнять работы по доставке ЯБП, достаточность и пригодность разработанных и находящихся на снабжении технических средств (защищенные контейнеры, автомобили, средства крепления и перемещения и др.), а также всех видов боевого и тылового обеспечения. В последующем боеприпасы, подвергнувшиеся воздействию землетрясения, были детально продефектированы, определена их полная исправность и пригодность для использования по назначению.

Этот эпизод демонстрирует, в какой степени важно соблюдать меры безопасности ядерных боеприпасов на одном из наиболее сложных этапов — при транспортировке. Перевозки ЯБП, с точки зрения безопасности, по вполне понятным причинам являются одним из наиболее опасных этапов эксплуатации. В этой ста-

тье мне хотелось бы обратиться к вопросу об обеспечении ядерной безопасности в советское время, обратившись к различным аспектам и не ограничиваясь вопросами транспортировки, и сделать некоторые выводы, применимые к сегодняшнему дню.

ОТБОР И ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ

В центре любой системы безопасности стоит *специалист*. Отбор и подготовка специалистов для системы войсковой эксплуатации ЯБП, в том числе руководителей различных структур и органов, занимающихся ЯБП, были особо тщательными.

На начальном этапе поиск и привлечение к работе с ЯБП в войсках осуществлялся из числа личного состава видов Вооруженных сил и выпускников военных учебных заведений. Многие специалисты пришли из военной авиации — это были высокоэрудированные и ответственные военнослужащие с хорошей инженерной подготовкой. Условия проведения работ с ЯБП требовали от специалистов максимального напряжения как физических, так и психических, душевных сил, абсолютной честности и правдивости. Сокрытие хоть мельчайших недостатков могло привести к непоправимым последствиям. Кроме того, существовало множество ограничений, в том числе и для членов семей. Но, несмотря на это, я не припомню случаев неисполнения установленных правил, какого-либо недовольства ограничениями, сомнений в их обоснованности. Коллективы отделов инженерно-технических служб, которые занимались содержанием ЯБП, отличались сплоченностью, добрыми взаимоотношениями, нацеленностью на качественное выполнение работ. Тщательно подобранные, исключительно преданные важнейшему для государства делу специалисты обеспечили успех освоения ЯБП в войсках.

Первоначальная подготовка проводилась в учебных центрах при конструкторских организациях. Я сам до подготовки на таких курсах оканчивал авиационное техническое училище, потом два высших учебных заведения, но ни в одном из них не было такого уровня подготовки. От слушателя требовалось одно — научиться работать с боеприпасом так, чтобы не только не допустить какую-либо ошибку, но даже предпосылку к ней. От учеников добивались знания каждого элемента, каждой детали, отдельного коммутационного устройства, его предназначения, особенностей функционирования. На практических занятиях внедрялся принцип работы строго по документации в непременной последовательности: один читает, другой делает, третий контролирует. Перед началом работ проводились подробнейшие инструктажи. После их окончания детальный разбор с оценкой действий каждого специалиста по заранее отработанным критериям. В сознание будущего специалиста в ходе теоретических занятий и при практических тренировках внедрялась мысль о тех непоправимых последствиях, к которым может привести даже незначительная ошибка.

Преподаватели отличались высочайшим методическим мастерством, умением рассмотреть в каждом ученике особенности, предрасположение работать по той или иной специализации. Занятия по конструкции основных узлов боеприпасов, а также практические занятия проводили ведущие специалисты конструкторских организаций — разработчики боеприпасов. В последующем несколько учебных центров было создано в 12 ГУ МО и Вооруженных силах.

Кроме первоначальной подготовки в учебных центрах была создана и эффективно функционировала система подготовки и переподготовки непосредственно в местах эксплуатации. Она включала:

- освоение новых образцов ЯБП, поступающих на эксплуатацию. Обучение проводилось в учебных центрах или непосредственно в войсковых частях с привлечением преподавателей учебных центров;

- периодическая переподготовка со сдачей экзаменов не реже одного раза в полгода;
- теоретические и практические занятия в подготовительный период перед каждым регламентным и другими видами работ с ЯБП;
- целевые занятия и тренировки по решению соответствующих руководителей.

Установленная система подготовки с непременным достижением заданного уровня знаний стала обязательной, превратилась в традицию во всех частях Министерства обороны, что обеспечило содержание ЯБП без предпосылок к аварийным ситуациям.

ТЕХНИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ: ПРОВЕРКИ И ТОЛЬКО ПРОВЕРКИ!

Основные меры безопасности технического характера определялись в технических заданиях на разработку боеприпасов. Формирование состава этих мер осуществлялось научно-исследовательскими организациями промышленности и Министерства обороны, заказывающими управлениями, в первую очередь 12 ГУ МО. Существенное внимание при определении мер безопасности уделялось информации, поступающей из войсковых частей, эксплуатирующих конкретные образцы. Эта информация собиралась, анализировалась, обобщалась и доводилась до соответствующих организаций для реализации. Исключительно ценные данные по боеприпасам в целом давали специально создаваемые постоянно действующие и разовые комиссии: по авторскому надзору, по оборудованию и средствам эксплуатации, по анализу отказов, по проведению испытаний, в том числе и эксплуатационных. Действенным был и контроль состояния боеприпасов, проводимый разработчиками, как правило, под руководством главных конструкторов или их заместителей.

После известных событий на Чернобыльской АЭС комиссиями 12 ГУ МО и Минсредмаша была проведена целевая проверка практически всех воинских частей, на эксплуатации которых находились ядерные боеприпасы. На заключительном этапе проверок собственную оценку безопасности решил дать *патриарх* атомно-

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

ЕВГЕНИЙ МАСЛИН: Что такое ядерная безопасность? Ведь учет и контроль ядерных материалов — это только частичка безопасности. Если посмотреть шире, то понятие «ядерная безопасность ядерного оружия» означает внутреннее свойство ядерного боеприпаса, которое, при соблюдении норм эксплуатации, исключает нештатный ядерный взрыв при любых обстоятельствах, а также снижает до определенной степени риска радиологиеское загрязнение местности при аварийных воздействиях. Чем обеспечивается ядерная безопасность? Во-первых, конструкцией боеприпаса. Во-вторых, хранением. [...] В-третьих, подбором персонала. [...] Четвертая [мера] — физическая защита хранилищ. [...] В-пятых, использование специальных транспортных средств при перевозках. В-шестых, целая серия правил при работе с изделием. [...] В-седьмых, система учета и контроля ядерных боеприпасов.

Пока что ни один ядерный боеприпас в России не пропал и не был похищен.
Ядерный Контроль. № 5, Май 1995. С. 9.

го проекта академик Ю. Б. Харитон, в 1986 г. научный руководитель ВНИИЭФ. Им было принято решение проверить состояние эксплуатации ядерных боеприпасов на одном из объектов 12 ГУ МО и одной из авиационных частей, дислоцированных в Белоруссии. Представлять эти части для проверки было поручено мне и начальнику отдела управления ВВС полковнику В. П. Крючкову. В проверке вместе с Ю. Б. Харитоном принимал участие главный конструктор ВНИИ автоматики А. А. Бриш. Размещались мы в персональном вагоне Ю. Б. Харитона, который курсировал в составе скорого поезда.

Я не одно десятилетие служил в структурах войсковых частей 12 ГУ МО, эксплуатирующих ядерные боеприпасы, возглавлял органы, осуществляющие контроль по организации и качеству работ с боеприпасами, в том числе и за соблюдением мер безопасности, считал себя специалистом по контролю, хорошо знал, что и как должно проверяться согласно требованиям нормативных документов. Но даже меня удивила скрупулезность, методическая правильность и последовательность, доскональные знания требований по безопасности документов, в том числе и разработанных Министерством обороны, которые проявил Ю. Б. Харитон при работе в воинских частях.

Были проверены условия хранения (организация вскрытия хранилища, учет, размещение, крепление, температурные условия, соблюдение сроков регламентных работ, порядок выдачи и другое); организация регламентных работ (подготовка расчетов, состояние и укомплектованность рабочих мест, методика выполнения операций, ведение протоколов проверки), охрана и оборона хранилищ, наличие и состояние транспортных средств, готовность частей к работам в нестандартных ситуациях и другие составляющие безопасности. Все это было сделано не формально, а с разъяснением физической сущности последствий, к которым могут привести нарушения мер безопасности.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ

Все работы по созданию, функционированию и контролю системы безопасности проводились комплексно. Комплекс начинался с поиска на этапе научно-исследовательских проработок и эскизного проектирования технических решений, способных обеспечить безопасность боеприпаса на всех этапах его эксплуатации (транспортировка, хранение, проведение погрузочно-разгрузочных работ, техническое обслуживание, перевод в высшие степени готовности). Эти технические решения на следующем этапе — этапе основного проектирования и серийного изготовления — реализуются в конструктивные устройства, обеспечивающие недопущение несанкционированного воздействия на боеприпас. Кроме технических мер безопасности, заложенных в конструкцию ядерных боеприпасов, и средств эксплуатации, была разработана и постоянно совершенствовалась система организационных мероприятий.

Исключительно важным фактором является объективная и всеобъемлющая оценка *достаточности и эффективности всего комплекса мер*, принятых конструкторами и Министерством обороны для безопасной эксплуатации конкретного образца ядерного боеприпаса. Провести такую оценку весьма и весьма не просто. Министерству обороны удалось найти способ решить эту задачу путем создания специализированной организации — Эксплуатационно-технологического бюро (ЭТБ).

ЭТБ — это специальная войсковая часть 12 ГУ МО РФ, которая была создана в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Правительства СССР 22 февраля 1959 г. У истоков ее создания стоял главный инженер 12 ГУ МО РФ М. К. Никольский. По замыслу руководства, ЭТБ призвано было стоять на стыке науки, промышленности и войсковой эксплуатации, выполнять роль не просто передаточного звена, а быть методологическим и методическим центром обеспечения

качественно другого уровня эксплуатационных характеристик ядерных боеприпасов, в том числе их безопасности.

Основными задачами ЭТБ из них были сбор, изучение, анализ и обобщение опыта эксплуатации ядерных боеприпасов на центральных и войсковых базах хранения, технических и стартовых позициях. Определялись достоинства и недостатки ядерных боеприпасов, средств эксплуатации, нормативных и эксплуатационных документов. На этой основе вырабатывались конкретные предложения и рекомендации по устранению выявленных недостатков, совершенствованию эксплуатационных характеристик. Предложения и рекомендации представлялись в 12 ГУ МО и после их рассмотрения направлялись в научные, конструкторские и серийные предприятия для реализации. Реализация контролировалась военными представительствами и оценивалась впоследствии на различных испытаниях.

Несколько слов о военных представительствах. Военные представительства (ВП) Министерства обороны были созданы в мае 1951 г. Входя в штаты *заказывающих органов* Министерства обороны, они функционировали при научно-исследовательских и конструкторских организациях Минсредмаша, серийных предприятиях. Контролю ВП подлежали работы по проектированию, изготовлению опытных образцов, серийная продукция, в том числе материалы и комплектующие для этой продукции. В военных представительствах сосредотачивалась огромная информационная база. Отлично зная производство, технологию, имея хорошо установленное взаимодействие со всеми участниками работ, располагая реальными рычагами воздействия, в том числе и экономическими, ВП обеспечивали реализацию планов по устранению недостатков, совершенствованию эксплуатационно-технических характеристик ЯБП.

По всей вероятности роль ВП в настоящее время еще более возрастает в первую очередь из-за усложнения конструкции военной техники и технологии ее производства. Увеличилось количество поставщиков материалов и комплектующих изделий, среди них появились негосударственные предприятия. ВП, располагая подготовленными специалистами и уникальными методиками контроля, в состоянии предотвратить аварии и многомиллиардные потери, которые, к сожалению, характерны для последнего времени.

Вернемся к *методологическому центру*. Специалисты ЭТБ участвовали во всех этапах создания боеприпасов, начиная от научно-технической проработки. Дальнейшее системное участие осуществлялось на следующих этапах:

- формирование и окончательное оформление технического задания на разработку;
- эскизное и основное проектирование;
- проведение государственных испытаний;
- серийное освоении, в том числе эксплуатационно-технических испытаниях;
- освоение войсковыми частями вновь поставленных образцов ядерных боеприпасов;
- другие работы по решению 12 ГУ МО, в том числе научно-исследовательские.

Анализ данных по эксплуатации основывался на непосредственной работе в войсках. Эта работа была очень важна при освоении новых образцов техники и возникновении отказов и неисправностей. *Упреждающая* подготовка специалистов ЭТБ проходила на серийных предприятиях, а в составе расчетов — непосредственно в ЭТБ, и это позволяло получить как теоретическую, так и практическую базу для аналитической работы. Освоение новых образцов техники расчетами войсковых частей с участием специалистов ЭТБ существенно повышало качество

подготовки, в значительной степени позволяло исключить предпосылки к появлению каких-либо отступлений от требований нормативной документации.

Не менее важным с точки зрения эффективности было участие специалистов ЭТБ в работе комиссий по анализу отказов техники. Ценную информацию давали целевые опросы эксплуатирующих организаций — для их проведения разрабатывались специальные анкеты. Существовала целая система представления разовых и периодических сведений и отчетов, на основе которых формировались данные для совершенствования ЯБП, средств их обслуживания и системы эксплуатации.

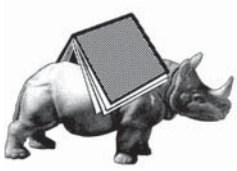
ЭТБ имело в своем составе хорошо оснащенную материально-техническую базу, практически всю номенклатуру учебных боеприпасов и средств их эксплуатации, хорошо оснащенные лаборатории. Размещаясь территориально на одном из действующих стационарных объектов, ЭТБ могла смоделировать практически любую нестандартную ситуацию и достоверно определить причины появления тех или иных недостатков, выработать мероприятия по их устранению и предотвращению. В составе ЭТБ функционировали хорошо оснащенный вычислительный центр, типография, подразделение по обеспечению эксплуатационной документацией на ядерные боеприпасы всех войсковых частей Министерства обороны. На базе ЭТБ функционировал ряд межведомственных комиссий (по эксплуатационным характеристикам, совершенствованию эксплуатационной документации и др.), проводилось множество конференций, совещаний, сборов с участием руководства Министерства обороны, видов Вооруженных сил, Минсредмаша, главных конструкторов и других специалистов.

Успех деятельности ЭТБ обеспечивался составом ее сотрудников. Первым командиром в 1959 г. был назначен один из наиболее подготовленных главных инженеров объектов Е. А. Беляков. Он прошел серьезную инженерную подготовку, обладал большим практическим опытом эксплуатации ЯБП, был отличным методистом и аналитиком. На другие должности в ЭТБ 12 ГУ МО отбирало самых подготовленных, творчески мыслящих, склонных к аналитической деятельности специалистов. Высочайший уровень подготовки, в том числе и по конкретным образцам техники, принципиальность и настойчивость, умение взаимодействовать на любом уровне, в том числе и с должностными лицами высокого ранга, позволяли добиваться в обеспечении безопасности ядерного оружия нужных результатов.

Выявление недостатков в ядерных боеприпасах на ранних этапах эксплуатации позволяло не допустить нарушений в обращении с ними. А это *святое* правило при работе с таким опасным оружием. Позднее эксплуатационно-технические бюро были организованы в некоторых видах ВС. Они также эффективно работали по совершенствованию всей системы эксплуатации ЯБП, в том числе в области безопасности. Это дает основание утверждать целесообразность использования такого рода организаций и методов их работы.

***

В последнее время средства массовой информации с пугающей частотой сообщают о множественных катастрофах, авариях и других чрезвычайных происшествиях и предпосылках к ним на транспорте, электростанциях, авиации и даже в космонавтике. Так и хочется настойчиво порекомендовать: работайте над подготовкой специалистов, изучайте состояние, анализируйте, делайте выводы и устраняйте недостатки. Все придет в норму. Это доказуемо подтверждает опыт эксплуатации ЯБП и вся система их безопасности.



Хоффман Дэвид. Мертвая Рука: Неизвестная история холодной войны и ее опасное наследие. М.: Астрель: CORPUS. 2011. 736 с.

Hoffman David E. The Dead Hand: The Untold Story of the Cold War Arms Race and its Dangerous Legacy. Doubleday. 2009. 592 p.

Рецензия — Виктор Есин

В своем триллере Хоффман основное внимание уделил событиям 1980-х гг. Тогда, после ввода советских войск в Афганистан, период разрядки семидесятых годов закончился, и возникла острая конфронтация между СССР и США с взаимными ракетно-ядерными угрозами. Как подчеркнуто Хоффманом, обе стороны «преследовал страх — мысль о разоружающем первом ударе, грянувшем, как гром среди ясного неба» (с. 35).

О том, как нарастало противостояние СССР и США и обострялось их противоборство в первой половине восьмидесятых годов, повествуется в первой части триллера. Своего апогея события того периода достигли в 1983 г. По оценке Хоффмана, с которой я полностью солидарен, это был самый тяжелый год за всю историю холодной войны, не считая Карибского кризиса 1962 г.

Вторая часть триллера посвящена событиям холодной войны второй половины восьмидесятых годов, когда, как свидетельствует Хоффман, руководители СССР и США поняли, что их противостояние на грани войны дальше продолжаться не может. Это, конечно же, не означало, что противоборство между Советским Союзом и Соединенными Штатами закончилось, оно оставалось, но неуклонно шло на убыль, а после того как рухнула Берлинская стена (ноябрь 1989 г.), холодная война фактически закончилась.

В третьей части триллера описываемые события связаны с опасным наследием холодной войны, которое омрачало отношения США и новой России, ставшей правопреемником окончательно распавшегося к концу 1991 г. Советского Союза. Это наследие, как убедительно показано Хоффманом, стало непреодолимым препятствием на пути выстраивания полноценного партнерства между *клинтоновскими США* и *ельцинской Россией*. От себя же замечу, что и поныне менталитет холодной войны в отношениях между США и Россией во многом не преодолен, даже несмотря на провозглашенную сорок четвертым американским президентом Бараком Обамой *перезагрузку*, которая, как мне представляется, искренне была поддержана третьим российским президентом Д. А. Медведевым. Здесь невозможно не согласиться с Хоффманом, который утверждает: «Оружие, способное уничтожить цивилизацию, это наследие холодной войны, все еще с нами. *Мертвая рука* нашего времени, этот смертоносный арсенал, по-прежнему угрожает миру, хотя его создатели давно ушли в небытие» (с. 46).

НА ГРАНИ ВОЙНЫ

В главе первой «На грани войны» повествуется о тех событиях, которые предопределили неизбежность резкого обострения отношений между СССР и США к весне 1983 г.

Хоффманом весьма точно подмечено, что определяющим фактором, положившим начало дальнейшему обострению противоборства Советского Союза и Соединенных Штатов, стал приход к власти в США в январе 1981 г. сорокового президента Рональда Рейгана. Реакция на это советских руководителей «оказалась просто параноидальной» (с. 56). Их напугал рейгановский ярый антикоммунизм и отторжение им политики взаимного ядерного сдерживания, которой до этого следовали СССР и США. Это было расценено как угроза развязывания ядерной войны, и руководство Советского Союза запустило новую программу сбора разведывательных данных по всему миру под кодовым названием РЯН (ракетно-ядерное нападение)» (с. 61) в целях «поиска признаков подготовки Запада к войне» (с. 85).

К такой реакции советское руководство подтолкнуло демонстративное наращивание Соединенными Штатами ядерных вооружений: «Рейган возобновил работу над бомбардировщиком *B-1*, остановленную Картером, потребовал ускорить введение нового режима базирования[1] для новой ракеты *MX*, а также создания новой баллистической ракеты *Трайдент II* (*D-5*), запускаемой с субмарин и обладавшей большой точностью и дальностью. Кроме того, Рейган одобрил секретный план агрессивных морских и воздушных учений США, в сценарии которых в качестве цели был обозначен Советский Союз» (с. 57).

Выступление Рейгана 8 марта 1983 г. в Орландо (штат Флорида) перед группой протестантских священников стало тем событием, которое надолго отравило отношения между СССР и США. В этом выступлении Рейган охарактеризовал Советский Союз как «средоточие зла в современном мире»[2], с которым нельзя иметь дело (с. 87). А спустя две недели в телевизионном обращении к нации Рейган провозгласил идею Стратегической оборонной инициативы (СОИ), которая позволит американцам защититься от советской ядерной угрозы и «сделать ядерное оружие бессильным и отжившим свое» (с. 90). Тем самым американский президент обозначил, что он намерен добиться решающего военного превосходства над СССР, руководство которого в своей военно-политической стратегии сдерживания США ставку делало как раз на обладание ядерным оружием.

В главе второй «Военные игры» освещаются события, которые способствовали нагнетанию напряженности в отношениях между СССР и США в период конца весны и лета 1983 г.

Больше всего в то время советское руководство пугала не туманная концепция СОИ, а, как правильно отмечено Хоффманом, «грядущее размещение в Европе ракет *Першинг-2*, которые, как думали в Кремле, могут долететь до Москвы за шесть минут» (с. 91).

Советским властям казалось, что все оборачивается против них. И на самом деле, США стали увеличивать военное давление на СССР. Как пишет Хоффман: «В апреле и мае 1983 г. Тихоокеанский флот США провел крупнейшие со времен Второй мировой войны учения на севере Тихого океана, у полуострова Камчатка. Сорок кораблей, в том числе три боевых группы с авианосцами в составе, участвовали в масштабных маневрах под кодовым названием *FLEETEX 83-1*» (с. 96, 97). Направленность этих учений носила ярко выраженный провокационный характер.

Эти учения в любом случае вызвали бы тревогу советского руководства, но в данной ситуации был еще один усугубляющий аспект. Стало известно, что произошедшее 4 апреля нарушение шестеркой американских палубных самолетов *F-14* советского воздушного пространства над Курильскими островами было не случайным, а преднамеренным: согласно отданному на учении приказу эти самолеты осуществили учебную бомбардировку военной базы на советском острове Зеленый. Этот вскрывшийся факт вызвал крайнюю настороженность у советского руководства, которое и без того испытывало страх перед обезглавливающим ракетно-ядерным ударом, возможность нанесения которого США обретали с развертыванием ракет *Першинг-2* в Европе.

Эту предгрозовую обстановку я, как говорится, *ощущал на своей шкуре*. Все лето 1983 г. главный штаб РВСН, в котором мне довелось служить, организовывал и проводил мероприятия, связанные с повышением готовности войск к внезапному развязыванию ядерной войны.

Осенью того же года произошло несколько событий, которые стали следствием возникшей резкой конфронтации между СССР и США. О них говорится ***в главе третьей «Военный психоз»***.

Первое их этих событий — трагическая гибель 269 пассажиров и членов экипажа южнокорейского гражданского самолета *Боинг-747*, вылетевшего из Анкориджа на Аляске в Сеул 31 августа 1983 г. Из-за ошибки экипажа *Боинг-747* вторгся в воздушное пространство Советского Союза, пролетел над полуостровом Камчатка и в 3 часа 25 минут утра (в темное время суток) 1 сентября был сбит советским истребителем *Су-15* над Сахалином, поскольку по ошибке был принят советской ПВО за американский самолет-разведчик *RC-135*. Формально к трагедии привели две вышеуказанные фатальные ошибки. Но последствия этих ошибок наверняка были бы не столь трагичными, если бы *стараниями* американских военных ситуация на советском Дальнем Востоке не была доведена до *белого каления*.

В Вашингтоне уничтожение южнокорейского гражданского самолета расценили как преднамеренное массовое убийство[3]. В Москве же всячески изворачивались и лгали, стремясь снять ответственность с советских военных за случившуюся трагедию. Но, как отмечено Хоффманом, «умышленное запутывание вопроса лишь усугубило подозрения на Западе. Молчание и неправда со стороны Советского Союза выглядели действиями настоящей *империи зла*» (с. 123). И с такой нелицеприятной оценкой невозможно спорить.

После трагедии с южнокорейским самолетом отношения между СССР и США еще больше ухудшились, а военный психоз нарастал. Хоффман ссылается на мемуары Рейгана, в которых тот писал: «Инцидент с KAL как ничто иное показал, насколько близко мир подошел к войне и насколько нам нужен контроль над ядерными вооружениями. Если, как некоторые предполагают, советские пилоты просто по ошибке приняли авиалайнер за военный самолет, то много ли воображения надо, чтобы представить себе, как советский военный, чей палец приближается к кнопке запуска ядерных ракет, совершает еще более трагическую ошибку?» (с. 124).

Опасения Рейгана о возможности совершения подобной по последствиям ошибки были не беспочвенными, хотя в момент, когда он об этом писал в дневнике, ему не было известно, что произошло в ночь с 26 на 27 сентября 1983 г. на командном пункте советской системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН), о чем Хоффман повествует в Прологе к триллеру. Тогда из-за случившегося сбоя в работе этой еще не отлаженной системы, от которой, по образному выражению Хоффмана, «зависела судьба мира» (с. 26), СССР и США могли быть ввергнуты в ядерную войну. Избежать этого удалось только благодаря самообладанию и профессионализму подполковника Станислава Петрова, возглавлявшего дежурную смену на командном пункте СПРН, который сумел правильно интерпретировать выданную этой системой ложную тревогу о запуске американских МБР и не задействовал систему оповещения о ракетном нападении (с. 28).

Своего пика военный психоз достиг в начале следующего месяца, когда 2 ноября начались 10-дневные крупномасштабные учения НАТО под кодовым названием *Able Archer*. «[Учения] были нацелены на то, чтобы отработать сценарии полномасштабного ядерного конфликта в Европе. Советский Союз давно опасался, что такие тактические упражнения могут быть использованы как прикрытие для реального нападения; советские планы войны предусматривали возможность подобного обмана» (с. 134, 135). Считаю, что Хоффман прав в своих утверждениях.

В ночь с 8 на 9 ноября, когда учения *Able Archer* вошли в активную фазу, агенты советской разведки в Западной Европе, как свидетельствует Хоффман, «получили срочные шифровки из Москвы, где ошибочно сообщалось о тревоге на американ-

ских военных базах, и им было предписано срочно сообщить о причинах *тревоги* и других признаках военных приготовлений» (с. 135, 136). К счастью для человечества, советские агенты не подтвердили наличия подготовки американцев к войне, в противном случае недостоверная агентурная информация могла послужить *спусковым крючком* для развязывания военного конфликта, который неизбежно бы перерос в ядерную войну.

Как очевидец и в определенной мере участник тех событий замечу, что и в РВСН на период с 5 по 11 ноября 1983 г. был введен режим военной настороженности: весь руководящий состав войск должен был неотлучно находиться на своих рабочих местах.

По окончании натовских учений военный психоз немного ослаб. Хоффман обоснованно утверждает, что «сверхдержавы все же не стремились вступить на минное поле» (с. 136). Прозрел и Рейган, осознав, что опасность развязывания войны в 1983 г. была реальной. Сороковой президент США решил вернуться к той политике в отношении Советского Союза, которую проводили его предшественники.

Главами шестой и седьмой Хоффман завершает первую часть своего триллера.

В главе шестой «Мертвая рука» он раскрывает причины, которые подвинули советское руководство к созданию неуязвимого подземного командного пункта в Уральских горах под названием *Грот* (с. 203) и *машине Судного дня*[4], гарантирующей возмездие — запуск ядерных ракет, даже если все военно-политическое руководство СССР погибнет от ядерного удара противника (с. 205). Главное, к чему стремилось советское руководство, создавая дорогостоящие командный пункт *Грот* и *машину Судного дня*, — это избавиться от изнуряющего страха внезапного ядерного нападения США, который приобрел параноидальный оттенок, после того как в конце 1983 г. Соединенные Штаты разместили в Западной Европе баллистические ракеты *Першинг-2* и крылатые ракеты наземного базирования *BGM-109*, а Советский Союз в знак протеста против этого вышел из переговоров по контролю над вооружениями в Женеве.

ПОИСК ВЫХОДОВ

В главе восьмой «Так дальше жить нельзя», которая открывает вторую часть триллера Хоффмана, повествуется о том, как и с какими намерениями к власти в СССР пришел М. С. Горбачев. ***В главе десятой «Щиты и мечи»*** рассказывается о том, как Горбачев и Рейган готовились к первому их саммиту в Женеве и как этот саммит прошел. В области внешней политики, как свидетельствует Хоффман, «у Горбачева на уме были не просто косметические перемены, но практически поворот на 180 градусов. […] Он хотел расчистить *снежные заносы* времен холодной войны» (с. 276). Но чтобы это осуществить, ему недоставало реальных данных. «Нам крайне необходима объективная информация, показывающая не то, что мы хотели бы видеть, а то, что есть на самом деле», — взывал Горбачев к Политбюро ЦК КПСС (с. 275). Но *старая гвардия*, как утверждает Георгий Шахназаров, помощник Горбачева, «докладывала что-то одно, а думала и делала совершенно другое, это была игра в кошки-мышки» (с. 275).

В июне 1985 г. Горбачев решился на перемены. На заседании Политбюро он сместил Громыко с поста министра иностранных дел и сделал его председателем Верховного Совета СССР. На его место был назначен Э. А. Шеварднадзе, который сделал карьеру в Грузии и был близок к Горбачеву. На том же заседании Политбюро Горбачев поручил выходцу из Ленинграда Л. Н. Зайкову курировать военно-промышленный комплекс (ВПК). Эти предпринятые Горбачевым шаги позволяли ему постепенно освобождаться от пут *старой гвардии* и проводить более самостоятельную политику. Но, как подмечено Хоффманом, «Горбачев был все еще в начале пути и не контролировал ситуацию» (с. 282).

Проявилось это вскоре, в июле, при обсуждении в ЦК КПСС представленного Военно-промышленной комиссией грандиозного и затратного проекта советских *звездных войн*[5], как ответа на СОИ Рейгана. Несмотря на свою внутреннюю убежденность в ненужности и даже вредности этого проекта, втягивающего страну в новую гонку вооружений, Горбачев не решился противостоять мнению большинства в ЦК КПСС, где было засилье военных и представителей ВПК, и не стал возражать против одобрения представленного проекта.

Но уступив, Горбачев сформировал свой вариант *асимметричного ответа* на американскую СОИ — «заключить сделку с Рейганом, прекратить создание гигантской военной машины [противоракетной обороны страны. — *В. Е.*], которой США еще не обладали и которую Советский Союз никак не мог воспроизвести, и вместо этого добиться того, чего хотели оба лидера: серьезного сокращения существующего ядерного оружия» (с. 288).

В рамках подготовки к саммиту 5 ноября Москву посетила американская делегация во главе с госсекретарем Джорджем Шульцем. Встреча американцев с Горбачевым фактически закончилась ничем. Хоффман пишет: «Горбачев был раздражен и не настроен идти на компромисс. Он резко критиковал СОИ и предупредил: «Если Рейган будет продолжать со своим планом *звездных войн*, то мы займемся наращиванием наступательных вооружений, которые сломают ваш щит» (с. 296, 297). После того как Шульц вернулся и рассказал Рейгану о результатах поездки, американский президент резюмировал: «В Женеве мне понадобится сесть с ним [Горбачевым. — *В. Е.*] где-нибудь наедине и вправить ему мозги» (с. 297).

Саммит в Женеве[6] начался утром 19 ноября встречей Рейгана и Горбачева наедине, присутствовали только переводчики. На последовавшей формальной встрече в расширенном составе руководители СССР и США принялись обсуждать гонку вооружений. Дискуссия Горбачева и Рейгана результата не дала. Хоффман отмечает: «Они ходили по кругу — Горбачев пытался уговорить Рейгана отказаться от мечты, Рейган описывал Горбачеву ее преимущество» (с. 301). Оценивая значимость состоявшегося саммита, Хоффман констатирует: «Реформатор из Ставрополя и голливудский мечтатель добились передышки после долгих лет напряженности и страха. Они отбросили страхи перед ядерной атакой. […] Оба хотели, чтобы в мире было меньше ядерного оружия, и они вместе сделали в Женеве первый шаг по этому пути. Слова имеют силу. Они нашли эти слова. Теперь нужно было переходить к делу» (с. 304).

В главе одиннадцатой «Дорога в Рейкьявик» Хоффман повествует об инициативе Горбачева о полной ликвидации ядерного оружия во всем мире к 2000 г., реакции Рейгана на эту инициативу и о том, что обсуждали лидеры двух сверхдержав на саммите в Рейкьявике и почему им не удалось заключить соглашение о радикальном сокращении ядерных вооружений.

Горбачев был неудовлетворен результатами саммита в Женеве и стал искать новые инициативы. Вот тогда-то, как отмечает Хоффман, и пригодился разработанный под руководством начальника Генерального штаба Вооруженных сил СССР маршала С. Ф. Ахромеева проект под названием «Предложения СССР по программе полной ликвидации ядерного оружия во всем мире к 2000 г.» Ознакомившись с этим документом в начале января 1986 г., Горбачев произнес: «Вот это то, что нужно» (с. 307).

В сжатые сроки был подготовлен текст заявления Генерального секретаря ЦК КПСС о ядерном разоружении, который 15 января был озвучен диктором в вечерней телевизионной программе *Время*, а на следующий день заявление Горбачева было опубликовано в официальных советских газетах *Правда* и *Известия*. Как пишет Хоффман, «Горбачев предложил на первом этапе (5–8 лет) остановить все ядерные испытания, вполовину сократить стратегические арсеналы сверхдержав (до 6000 боеголовок у каждой стороны) и вывести из Европы американские и советские ракеты средней дальности. […] Он также призвал к отказу США и СССР

на взаимной основе от *космического оружия* (отсылка к СОИ Рейгана). На следующем этапе, который должен был начаться в 1990 г. и продолжаться от пяти до семи лет, СССР и США продолжили бы сокращать свои арсеналы, и к ним бы присоединились другие ядерные державы — Франция, Великобритания и Китай; Соединенные Штаты и Советский Союз ликвидировали бы тактическое ядерное оружие. Наконец, на третьем этапе, к 2000 г., все страны избавились бы от ядерного оружия и подписали всемирный пакт об отказе от него» (с. 307, 308).

Заявление Горбачева американским истеблишментом было встречено неоднозначно, но, как свидетельствует Хоффман, «Рейгану понравилось то, что он услышал в предложениях Горбачева. [...] На следующий день он сказал журналистам: «В первый раз кто-то предложил действительно ликвидировать ядерное оружие» (с. 310). Но в администрации американского президента превалировали скептики, которые не могли принять мысль о том, что мир подойдет к ликвидации ядерного оружия.

Горбачев не мог взять в толк, почему дух Женевских переговоров угасает. По его указанию было подготовлено приглашение Рейгану о проведении встречи в октябре, которое Шеварднадзе 19 сентября отвез в Вашингтон. Рейган, согласившись на встречу, оговорил, что это будет «короткая встреча один на один, возможно, всего на один день, для сугубо конфиденциальной, личной и откровенной дискуссии, возможно, в присутствии только министров иностранных дел» (с. 335). Но Горбачев думал о чем-то большем. Как отмечает Хоффман, «он хотел предложить Рейгану нечто, имеющее *прорывной потенциал*; вверху его списка стояла "ликвидация ядерного оружия"» (с. 337).

К утру второго дня встречи, как пишет Хоффман, «в результате драматических ночных переговоров, потрясающие соглашения о сокращении ядерных арсеналов были оформлены на бумаге. Если бы саммит на этом прекратился и два лидера подписали бумаги, то гонка вооружений совершила бы разворот» (с. 340, 341). Но этого не случилось. На возобновившейся встрече Горбачев настаивал на том, чтобы «оставить противоракетную оборону в лабораторных стенах», а Рейган не собирался уступать. Оба покинули Хефди разочарованными, предоставленный историей шанс развернуть гонку ядерных вооружений был упущен.

Глава двенадцатая «Прощай, оружие» посвящена в основном тем событиям осени 1986 г. и 1987 г., которые завершились проведением саммита Рейгана и Горбачева в Вашингтоне, где они подписали исторический Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (Договор РСМД).

К неудовольствию Горбачева Рейган после саммита в Рейкьявике молчал. Ему было не до этого — Рейгана отвлекали внутренние проблемы в США.

Чтобы преодолеть возникшую паузу в отношениях между СССР и США, Горбачеву нужны были новые смелые идеи. 25 февраля 1987 г. А. Н. Яковлев, директор ИМЭМО, представил ему меморандум, в котором доказывал, что пришло время *развязать пакет*[7] и добиваться отдельных соглашений, касающихся ядерных вооружений. Он утверждал, что первым в списке приоритетов должно быть *отдельное* соглашение по ракетам средней дальности, ослабляющее угрозу американских ракет *Першинг-2*. 28 февраля Горбачев сделал заявление: «Советский Союз предлагает, чтобы вопросы по ракетам средней дальности в Европе были отделены от *пакета* и чтобы по этому вопросу было заключено отдельное соглашение, и без промедления» (с. 360).

8 декабря 1987 г. в Вашингтоне Рейган и Горбачев подписали Договор РСМД. Оценивая значимость этого договора, Хоффман пишет: «Впервые за всю ядерную эпоху СССР и США отказались от целого класса вооружений и вводили строгие условия проверок. Этот шаг не избавил человечество от ядерной угрозы, но стал совместным достижением мечтателя Рейгана и радикала Горбачева — ядерных *аболиционистов*, нашедших друг друга» (с. 380). Пожалуй, лучше и не скажешь о значимости Договора РСМД, чем Хоффман.

Главы четырнадцатая, пятнадцатая и шестнадцатая завершают вторую часть триллера Хоффмана.

События, о которых повествуется в главе четырнадцатой «Потерянный год», связаны с завершением президентства Рейгана и первым годом правления в США сорок первого президента Джорджа Буша-старшего. Для Рейгана 1988 г. стал концом холодной войны. Однако вице-президент США Буш, который вел избирательную кампанию, надеясь стать преемником Рейгана, «не разделял энтузиазм Рейгана. Он сомневался, что в Москве действительно идут перемены [...] и несколько недель спустя заявил: «Холодная война не закончилась» (с. 402, 403). Победив на выборах и придя к власти в США, Буш «решил не проводить саммит с Горбачевым» (с. 405). Долгожданная встреча Горбачева с Бушем все же состоялась 2–3 декабря 1989 г. на Мальте, но никаких решений на саммите принято не было.

В **главе пятнадцатой «Величайший прорыв»** Хоффман повествует о событиях конца 1989 г. и 1990 г., которые затронули СССР и подвели его к последующему распаду, а в **главе шестнадцатой «Год опасностей»** — о событиях 1991 г., которые в Советском Союзе завершились августовским путчем.

Хоффман пишет: «Зимой 1991 г. Горбачев, которому скоро исполнялось шестьдесят, чувствовал, что выдохся. Его попытка создать реальную, конкурентную политику привела к восхождению сильного соперника — Ельцина. Тот стал объединяющей фигурой для многих оппонентов Горбачева, партии и действующей власти. Национальные окраины, которые Советский Союз долго душил, стали пробуждаться, рассчитывая на независимость. Этого Горбачев не предвидел» (с. 458). А мне, как очевидцу тех событий, представляется, что Горбачеву недоставало еще и решительности, да к тому же он часто уходил от ответственности.

Должен согласиться со сделанным Хоффманом выводом: «Горбачев пытался выиграть время, удовлетворить запросы *старой гвардии*, при этом цепляясь за прогрессивных интеллектуалов, сторонников перестройки. Но он не мог делать одновременно и то, и другое — и в итоге не преуспел ни в чем. [...] Страна сорвалась с якоря, Горбачев утратил контроль» (с. 459, 460). Это привело к тому, что узкий круг советских реакционеров из КГБ, армии и партии стал сговариваться, решая, как взять власть в свои руки.

Вместе с тем затянувшиеся советско-американские переговоры по стратегическим ядерным вооружениям к удовлетворению обеих сторон завершились успешно. Это позволило Горбачеву и Бушу провести в конце июля в Москве саммит, на котором они подписали Договор о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (Договор СНВ-1). Оценивая это событие, Хоффман отмечает: «Это соглашение [...] было не столь радикальным, как Рейган с Горбачевым представляли себе в Рейкьявике. Вместо ликвидации всех баллистических ракет или сокращении ядерных боеголовок на 50 %, договор уменьшал силы двух сверхдержав примерно на 30 %. [...] К этому моменту и следа не осталось от старых дебатов о СОИ — а ведь именно из-за этого саммит в Рейкьявике потерпел неудачу. Горбачев, так долго и так шумно протестовавший против космических вооружений, не сказал о них ничего, а Буш — упомянул мимоходом. ВПК призывал Горбачева создать советскую машину *звездных войн*. Он не пошел на это. Горбачева также призывали создать ракетные силы возмездия — *асимметричный ответ*, позволяющий пробить американский щит. Он не согласился и на это. То, что Горбачев не сделал, было среди его величайших достижений» (с. 469, 470). Я согласен с такой оценкой, но добавлю следующее. В то время советские технологии в принципе не позволяли создать машину *звездных войн*, так, что если бы этому проекту Горбачев дал *зеленый свет*, то на выходе ничего бы не получилось, а выделенные огромные средства оказались бы бросовыми затратами.

НАСЛЕДИЕ

В главе семнадцатой «Великое разоблачение», которая открывает третью часть триллера Хоффмана, повествуется о событиях осени 1991 г. и окончательном распаде СССР.

После августовского путча лидеры ведущих западных стран окончательно поняли, что дни существования Советского Союза сочтены. В Вашингтоне беспокоились за безопасность советского ядерного арсенала, особенно тактического ядерного оружия. Потеря централизованного контроля над этим оружием представляла угрозу для США.

Как пишет Хоффман, «Буш обсудил с Брентом Скоукрофтом [советником президента по национальной безопасности. — *В. Е.*] возможность новой радикальной инициативы, направленной на снижение вероятности ядерной войны. При всех призывах к благоразумию и своей осторожности Буш решил действовать смело. [...] В телевизионном выступлении из Белого дома 27 сентября Буш объявил, что Соединенные Штаты откажутся от всего наземного тактического ядерного оружия и снимут такое оружие с кораблей» (с. 487, 488). Спустя 10 дней к инициативе Буша присоединился Горбачев. Он «объявил о ликвидации всего тактического ядерного оружия наземного базирования и выводе тактического ядерного оружия с кораблей и подводных лодок» (с. 488). «Обещания Буша и Горбачева не были обязательными, и их реализацию нельзя было проверить, но это был самый спонтанный и драматический разворот за всю историю гонки вооружений» (с. 489). Историк Рэймонд Гартхофф назвал это *гонкой вооружений наоборот* (с. 488).

Но Советский Союз оказался не готов к *гонке вооружений наоборот*: ему требовалась помощь в обеспечении безопасной перевозки, складировании и хранении большого количества ядерных боезарядов, изымаемых из войск. Хоффман подробно описывает те большие усилия, которые понадобилось приложить американскому сенатору-демократу Сэму Нанну, тогда председателю сенатского комитета по вооруженным силам, чтобы склонить американский парламент к выделению Советскому Союзу столь необходимой помощи. В конце концов он совместно с сенатором-республиканцем Ричардом Лугаром подготовил закон о снижении советской ядерной угрозы, и в ноябре они смогли этот закон провести через Конгресс. По этому закону ежегодно выделялось 400 млн долларов на оказание помощи Советскому Союзу в обеспечении ядерной безопасности.

А в это время Советский Союз продолжал разваливаться. «Ситуация была настолько тревожной, что Бейкер, выступая в Принстоне 12 декабря, даже не мог подобрать подходящих слов, чтобы описать гибнущий Советский Союз. [...] А в конце речи Бейкера были такие слова: «Если во время холодной войны мы тратили триллионы долларов на ракеты и бомбардировщики, чтобы уничтожить советское ядерное оружие в случае войны, то сейчас, конечно же, мы можем потратить какие-то миллионы на то, чтобы ликвидировать его и обеспечить контроль над ним в мирное время» (с. 498). В тот же день Буш подписал закон о снижении советской ядерной угрозы, который широко известен как закон Нанна–Лугара.

Здесь замечу, что оказанная по этому закону американская помощь в *лихие девяностые* годы России и таким новым независимым государствам, как Украина, Казахстан и Белоруссия, на территории которых оставалось советское ядерное оружие, была неоценимой. В частности, в РВСН в те годы ликвидация выводимых из эксплуатации устаревших ядерных вооружений осуществлялась за американские деньги, у нашей страны на это просто не было средств.

В главе восемнадцатой «Ученые» повествуется о развале, постигшем военно-промышленный комплекс России и о его последствиях для международного сообщества.

«Печальная реальность тех лет: многие не смогли адаптироваться к новому миру и оказались брошены на произвол судьбы. Среди них ученые, занимавшиеся

вооружениями, а также работники ВПК. Ельцин желал деградации ВПК» (с. 512). Это утверждение Хоффмана — горькая правда. Выбранная Ельциным и его окружением модель перехода к рыночной экономике никоим образом не учитывала специфики функционирования доставшегося России от Советского Союза ВПК. В 1992 г. ВПК лишился какого-либо гособоронзаказа и был обречен на самовыживание. О том, чтобы реструктурировать конструкторские бюро и предприятия ВПК и обратить их на выпуск коммерческих продуктов и услуг, которые они могли предлагать западным инвесторам, никто из членов российского правительства даже не помышлял.

Но США, как повествует Хоффман, были встревожены таким положением в российском ВПК и серьезно озаботились проблемой *утечки мозгов* в страны, стремящиеся стать обладателями оружия массового поражения. В середине февраля 1992 г. Бейкер посетил на Урале закрытый научно-исследовательский институт технической физики (*Челябинск-70*), который занимался разработкой ядерных боезарядов. Там он «встретился с 25 ведущими научными сотрудниками института, которые поведали ему о резком ухудшении условий жизни. Бейкер призвал их не терять надежду [...] и рассказал о планах Запада создать на средства международных фондов новый центр для поддержки научной и технической работы» (с. 513, 514). По возвращении из *Челябинска-70* Бейкер встретился с Ельциным. О результатах этой встречи Хоффман пишет так: «Они объявили о формировании Международного научно-технического центра (МНТЦ), чтобы помочь разработчикам оружия переключиться на гражданские проекты. Соединенные Штаты пообещали вложить в него 25 млн долл. Германия предложила воспользоваться помощью Евросоюза» (с. 517).

МНТЦ открылся в Троицке Московской области на фондах научно-исследовательского института импульсной техники. Но «ни в 1992, ни в 1993 г. центр не мог выдать гранты [из-за бюрократических препон. — *В.Е.*] [...], и он начал финансировать проекты только в марте 1994 г. Первыми гранты получили специалисты по ядерному оружию и ракетам, то есть люди, чьи знания не должны были стать достоянием широкого круга лиц» (с. 517, 518). Конечно, представляемые через МНТЦ гранты не были, да и не могли стать *панацеей* от распада оборонных конструкторских бюро и предприятий, но в то тяжелое время они оказали существенную помощь тем российским ученым, которые хотели остаться в России.

В главе девятнадцатой «Откровения» повествуется о том, как на заре новой России люди без страха вставали на борьбу с ложью прошлого и раскрывали секреты гонки вооружений.

Один из приведенных Хоффманом случаев связан с оказанной американцами помощью российским военным в обеспечении безопасной перевозки по железной дороге тактических ядерных боеприпасов. Как уже упоминалось, Советский Союз оказался неготов к инициированной Бушем и Горбачевым *гонке вооружений наоборот*, которую 29 января 1992 г. в своем обращении к россиянам поддержал Ельцин. Он заверил международное сообщество, что в течение ближайших пяти месяцев (к 1 июля) все советское тактическое ядерное оружие, которое оставалось у бывших союзных республик, будет вывезено в Россию. Чтобы выполнить данное Ельциным обещание, российские военные нуждались в поставке сотни надежных вагонов для транспортировки ядерных боеприпасов. Американцы были готовы оказать такую помощь, но для этого им нужно было ознакомиться с конструкцией созданного в советское время спецвагона *ВГ-124*. Начальник 12-го Главного управления Минобороны России генерал-лейтенант С.А. Зеленцов, в ведении которого находилось ядерное оружие, опасаясь раскрыть секреты, отказал американцам в осмотре вагона *ВГ-124*. Тогда американский генерал-майор в отставке Уильям Бернс, которому госдепартамент США поручил заниматься проблемой оказания помощи России в обеспечении безопасной перевозки ядерных боеприпасов, решился на необычный по тем временам шаг. «Бернс договорился, чтобы российская делегация посетила Сандийскую национальную лабораторию в Альбукерке, штат Нью-Мексико. [...] Там американцы организовали два инструктажа

и рассказали русским, как они реагируют на чрезвычайные происшествия с ядерным оружием. [...] «Своей честностью и открытостью, рассказами о том, как мы портачили, какие уроки из этого вынесли, мы их ошеломили», — вспоминал Бернс» (с. 529, 530). Зеленцов, возглавлявший российскую делегацию, проникся открытостью американских ядерщиков и снял свои возражения в отношении доступа американских специалистов к вагону *ВГ-124*.

Завершая повествование об этом случае, Хоффман констатирует: «Это был поразительный случай сотрудничества, учитывая недоверие, с которым столкнулся Бернс, и секретность, окружавшую ядерное оружие» (с. 530).

В главе двадцать первой «Сапфир» речь идет о тех проблемах, которые возникли вследствие ослабления контроля за ядерными материалами в новых независимых государствах, образовавшихся после распада Советского Союза.

«Когда СССР распался, Казахстан унаследовал четвертый в мире по величине ядерный арсенал» (с. 558). После некоторых колебаний Н. А. Назарбаев, ставший главой обретшего самостоятельность Казахстана, согласился передать ядерные вооружения России, но он, как отмечает Хоффман, «не мог найти применения высокообогащенному урану из Усть-Каменогорска» (с. 559), который в количестве 600 кг хранился на металлургическом заводе в Ульбе (с. 557).

Оценивая *проект Сапфир*, Хоффман пишет: «При всей смелости и изобретательности его участников, проект *Сапфир* показал, чего можно добиться, а чего нет. Американцы проникли в другую страну, готовую к сотрудничеству, и выкупили опасные материалы. Но эту операцию нельзя было повторить в России, где было гораздо больше не только урана и плутония, но и разного рода подозрений. [...] В конце 1994 г. американский правительственный секретный комитет подготовил доклад о масштабах российского кризиса. Авторы доклада заключали: на территории бывшего СССР ни на одном объекте, где хранится высокообогащенный уран или плутоний, не приняты меры предосторожности, предусматриваемые западными стандартами» (с. 577, 578).

Я не собираюсь опровергать выводы американского правительственного комитета, они по большому счету отражали истинное положение дел. Впоследствии Министерство энергетики США оказало большую помощь в доведении до стандартов МАГАТЭ систем физической защиты, учета и контроля ядерных материалов на тех объектах России, Казахстана, Украины и других республик бывшего СССР, где производятся и хранятся расщепляющиеся материалы. Но отмечу такой факт. Когда в 1997 г. главком стратегического командования вооруженных сил США генерал Юджин Хабигер посетил один из ядерных арсеналов 12-го Главного управления Минобороны России, он отметил, что система охраны и режим доступа на этом объекте ни в чем не уступают принятым в американских вооруженных силах стандартам.

***

В эпилоге, как мне представляется, автор *убийственно точно* характеризует сложившуюся сегодня в мире ситуацию: холодная война давно закончилась, а *мертвая рука* гонки ядерных вооружений все еще жива. И это аномально для человечества, которое до сих пор не избавилось от оружия, способного его уничтожить.

Политикам, стоящим во главе государств — обладателей ядерного оружия, надо перейти от слов к практическим делам, чтобы статья VI ДНЯО, вступившего в силу в 1970 г., к которому присоединилось подавляющее большинство государств мира, наконец-то воплотилась в реальность, и ядерное оружие навсегда кануло в Лету. Но для этого надо изменить и сам мир, выстроив общее пространство безопасности, чтобы ни одно из государств не подвергалось внешней угрозе. Ключевое условие — обеспечение равной и неделимой безопасности. В противном случае мир без ядерного оружия так и останется недостижимой мечтой человечества.

Рецензия — Василий Лата

Представленный читателям документальный триллер Дэвида Хоффмана посвящен самому сложному периоду прошлого столетия и характеризует международную обстановку в тот период как балансирующую на грани мировой войны, в том числе с применением ядерного и других видов оружия массового поражения. Книга позволяет всесторонне посмотреть на природу зарождения и развития противостояния между США и СССР, как выражается автор, «заглянуть по обе стороны железного занавеса».

ОТРАЖЕНИЕ…

Как мне представляется, не будь Дэвид Хоффман спецкором газеты *Вашингтон Пост* и главой московского бюро этого издания, вряд ли бы он смог так подробно осветить двусторонний процесс развития международных отношений в этот период. Это был период, когда ракетно-ядерное оружие рассматривалось и США, и Россией как один из важнейших инструментов ядерного сдерживания агрессии, обеспечения своей военной безопасности, поддержания международной стабильности и мира. При этом одной из важнейших проблем в теории применения ядерного оружия являются системы управления и предупреждения о ракетно-ядерном нападении. Этой проблеме в книге уделено достаточно много внимания, а учитывая то, что эти вопросы объективно всегда были закрыты и в США, и в СССР, книга весьма интересна и познавательна в историческом плане. Хоффман показывает различного рода риски, возникавшие при создании стратегических наступательных и оборонительных систем, которые могли привести к непоправимым последствиям.

Опираясь на уникальные архивные документы — документы государственных структур и спецслужб США, свидетельства очевидцев и участников значительного количества процессов и событий, — авторитетный американский журналист в области внешней политики, спецкор газеты *Вашингтон Пост* в Белом доме в период правления Рональда Рейгана смог сформировать целостную картину холодной войны и в частности событий 1970–1980-х гг. Не вызывает сомнений, что автор и его коллеги, чьи информация и материалы использованы при подготовке книги, глубоко понимают суть происходивших в США политических процессов.

Вместе с тем мой опыт службы в этот период в Вооруженных силах СССР, а затем и России на достаточно высоких должностях позволяет утверждать, что многие события и процессы, отражающие действительность в СССР (России) в период холодной войны, представлены в книге недостаточно объективно, со специфическим эмоциональным подходом к их отражению. Я не склонен утверждать, что автор преследовал при этом какую-то определенную цель. Причиной этому, на мой взгляд, является то, что многие процессы рассматривались не на основе архивных документов, как это имеет место при освещении процессов, происходивших в США, а базировались на фактах и интерпретациях, полученных из бесед. Люди, с которыми беседовал автор, зачастую могли действовать не в интересах государства или же попросту не являлись компетентными специалистами, и порой выдавали плоды своих фантазий, находясь за пределами России в поисках лучшей жизни, за действительность, которая интересовала огромное количество зарубежных спецслужб и СМИ. Это был очень сложный период в обществе, когда на всех уровнях государственного управления чиновники забыли о присяге своему народу и государству, потеряли чувство ответственности. Справедливости ради необходимо отметить, что этому способствовала обстановка, которая сложилась в России в процессе демократических преобразований.

К примеру, на основе информации, полученной от В. Е. Ярынича, моего бывшего коллеги, полковника РВСН, автор построил для читателя образ *мертвой руки — изначально автоматической системы, когда компьютер сам принимает решение о запуске ракет.* Прежде всего должен заметить, что Ярынич в интервью выдал

далеко не достоверную информацию, базирующуюся на слухах, которые он мог слышать из таких же недостоверных источников. Во-вторых, он не имел никакого отношения к так называемой *автоматической системе*, кроме как к телефонному аппарату и радиостанции, и поэтому достоверной информацией обладать не мог. Но, как утверждает автор, затем подходы к решению задачи изменились, и последнее слово осталось за небольшой командой дежурных офицеров, которые несли дежурство в бункере. Автор назвал эту систему *машиной Судного дня*.

…И РЕАЛЬНОСТЬ

Были ли у России другие варианты для сдерживания и что она могла тогда противопоставить плану ядерной войны, который был разработан в 1960 г. в США и утвержден президентом Дуайтом Эйзенхауэром, в соответствии с которым США могли нанести ядерный удар с применением 3500 ядерных зарядов? Этого было вполне достаточно, чтобы уничтожить СССР, Китай и их союзников. Более того, этот план не отвергался, а только совершенствовался последующими президентами США, а отношения при Рейгане, считавшего главной целью развалить советскую систему, накалились до предела и мир висел на волоске. В третьей главе автор книги отмечает: «Оглядываясь назад, Гейтс заключил, что ЦРУ пропустило важный поворотный момент». «Прокручивая в памяти обстановку тех дней, анализируя события, а теперь просматривая и документы, я не думаю, что Советы забили ложную тревогу, — писал он в мемуарах. — Может, они и не верили в то, что атака со стороны НАТО неизбежна уже в ноябре 1983 г., но тем не менее посчитали эту ситуацию очень опасной. И американские спецслужбы не смогли оценить степень их обеспокоенности. Проведенный в 1990 г. анализ действий ЦРУ в период военного психоза, хоть он и остался засекреченным, заканчивается аналогичным выводом. Угроза войны была реальной». Этим тезисом автор только подтверждает, что российское руководство правильно оценивало все планы и действия США, которые, как и сейчас, добивались доминирующего положения в мире и прежде всего над СССР.

В этой связи следует подумать, возможно, *мертвая рука*, о которой пишет автор, стала на том этапе фактором предотвращения ядерной войны и сдерживания угроз национальной безопасности СССР. Таким образом, вместо концепции *гарантированного уничтожения* появилась концепция *взаимного гарантированного уничтожения*. Концепция равной уязвимости и взаимного сдерживания стала символом холодной войны.

Не менее сказочной в книге представлена российская система раннего предупреждения о ракетном нападении и работа дежурной смены на командном пункте во главе с С. Петровым, который прослужил 26 лет в Вооруженных силах и в возрасте 44 лет так и не понял свою принадлежность к той области деятельности, которой занимался столько лет. Особенно эффектно в книге представлена *страшилка с ложной тревогой*. В этой системе действительно были ложные срабатывания, но только в период отработки системы, а не в период несения боевого дежурства. Ни один конструктор или руководитель не взял бы на себя ответственность поставить ее на дежурство, не будучи уверенным в ее надежности. Более того, этой системой и не предусматривалось автоматическое принятие решения на ответные действия, то есть нанесение ответного ядерного удара. К принятию решения на ответные действия во времена холодной войны руководители государства относились с полной ответственностью, осознавая последствия возможной ошибки. Этому в немалой степени способствовали и постоянные провокации со стороны США и НАТО на границах СССР и стран — участниц Варшавского договора.

В целом можно отметить, что книга Дэвида Хоффмана является результатом титанического труда, раскрывающего существо самого сложного периода не только во взаимоотношениях США–Россия, но и в международных отношениях в период холодной войны. Книга может быть хорошим пособием для анализа и извлечения

уроков из совершенных ошибок, а также предотвращения появления таких ошибок в практической деятельности государств и их политических деятелей в современных условиях, несмотря на существенные положительные сдвиги в международных отношениях. Выводы и уроки будут полезными до тех пор, пока существует оружие массового уничтожения, а лидеры государств планируют решение своих амбициозных политических планов с его помощью.

***

События последнего времени свидетельствуют о том, что роль ядерного фактора в мировой политике не уменьшается. Это является следствием, в том числе, и того, что лидеры государств, на словах признавая необходимость сокращения ядерного оружия, на деле продолжают наращивать стратегические наступательные и оборонительные системы. В результате этого режим нераспространения ядерного оружия не стал обязательным и универсальным для всех государств, прежде всего для стран третьего мира. А это может привести к слому сложившейся системы взаимного ядерного сдерживания ведущих ядерных держав мира. Статус ядерной державы по-прежнему велик, что дает дополнительный стимул *пороговым* государствам наращивать свои усилия по освоению и развитию ядерных технологий. Военно-политическое руководство многих стран рассматривает оружие массового поражения, наличие баллистических и крылатых ракет как необходимое условие сохранения влияния в регионе, а также как средство быстрого достижения целей. Все это может рано или поздно привести к тем рискам и последствиям, которые изложены в данной книге.

P. S. — Владимир Орлов

Я прочитал эту книгу уже давно. Отдельные главы — когда они были еще в рукописи. Две из них ПИР-Центр перевел, и мы первыми, с любезного разрешения автора, опубликовали их в журнале *Индекс Безопасности*[8]. Потом — книжку, как только она вышла в США, — сразу, залпом, и семь сотен страниц не были помехой; правы Есин и Лата, не сговариваясь назвав ее *триллером*.

Мне сразу очень захотелось написать рецензию на эту очень важную книгу.

Книгу очень важную — и потому, что ее автор — один из лучших публицистов Америки; и потому, что она получила в Америке высшее признание — Пулитцеровскую премию (2010); и еще потому — что она о России, о ядерном оружии — по-прежнему основе мощи нашей страны.

Но этот мой текст — ни в коем случае не рецензия. У меня попросту не получилось бы написать объективную рецензию — и потому что Дэвид — друг, и потому что мое имя есть в числе тех, кого он благодарит за вклад в написание этой книги, пусть этот вклад и был скромным.

Поэтому я обратился к трем крупнейшим российским экспертам в тех областях, о которых пишет Дэвид. Две рецензии — по ядерному оружию — вы только что прочитали. Их две именно потому, что взгляды российского профессионального сообщества на то, что пишет Дэвид, просто никак не могут быть одинаковыми; Есин и Лата в своих полярных оценках некоторых глав и сюжетов книги точно отражают эту общую полярность. Третьей рецензии нет пока: главы Дэвида, касающиеся биологического оружия, вызвали столь сильное отторжение наших потенциальных российских рецензентов, что они не захотели взяться за перо; вниманию авторов: место для такой рецензии — или тоже двух? — остается вакантным.

Но я все-таки не могу не поделиться *пятью соображениями*, которые по-прежнему волнуют меня, хотя книга давно прочитана и перечитана (включая и рецензируемый Есиным и Латой русский перевод — к слову, перевод в целом очень акку-

ратный и достойный, спасибо неизвестному мне Антону Ширикову и известному издательству *Астрель*).

Первое. Это очень **скрупулезная** книга. И это ее неоспоримый плюс. Она основана на таком массиве информации, которого еще никто не перелопачивал: ни в России, ни в Америке — нигде. Когда Дэвид только что завершил книгу, он сказал, даже с упреком: книга об этих временах и о роли ядерного оружия должна была прежде всего появиться в России, написанная российским автором. Дэвид, конечно, прав. Но такой книги не было. И уже одно то, что Дэвид взялся за этот труд, который включал в себя и массу источников на русском языке (которым Дэвид почти не владеет), говорит о его авторской смелости.

Второе. Это очень **искренняя** книга. Дэвид страстно отстаивает в ней свое убеждение, что человечество было бы более счастливо и безопасно без ядерного оружия. Советский Союз эпохи распада и ельцинская Россия для него — яркие *кейсы*, доказывающие его тезис о том, что с ядерным оружием не станет ни безопасней государству, ни счастливей людям, в нем проживающим.

Третье. Это очень **американская** книга. Конечно, трудно представить, чтобы могло быть иначе. Дэвид — американец (в Москве он работал, но с тех пор прошел уже десяток лет), в своих предыдущих трудах (включая действительно выдающихся *Олигархов*), как и в *Мертвой Руке* (до высочайшей планки *Олигархов* все-таки не дотягивающей) последовательно отстаивающий американские ценности, которые он разделяет. И меньше всего хочется становиться здесь в позу, притворно удивляясь, почему Дэвид *не понимает* Россию.

Дэвид и не собирался, и не должен был глядеть на Россию *как россиянин*. Ему совершенно достаточно того, что он периодически использует в книге голоса и взгляды людей из СССР, из России — хотя, правда, как-то так получилось, что большинство из них из СССР, из России сбежали (и это не добавляет сбалансированности).

То есть нет ни сбалансированности, ни попытки сбалансированности, — иначе, с точки зрения Дэвида, это вступило бы в противоречие с его стремлением — удавшимся ему — быть искренним. Но в Америке и по-английски эта книга наверняка читается одними глазами. В России и по-русски она читается иначе. Искренность Дэвида наталкивается здесь... да нет же, не на лубянских читателей, а на искренность тех людей, которые непосредственно участвовали в событиях, о которых повествует Дэвид, знают о них не понаслышке, никуда не сбежали, не имели склонности к публичным разоблачениям, остались в России и видят эти события, как бы сказал Кортасар, *в ином свете*.

И примирения здесь быть не может.

Впрочем, как талантливый публицист, Дэвид очень близок к этому примирению, когда начинает анализировать трагическую фигуру маршала Ахромеева, столь важную для понимания того, что же произошло со страной (*нашей* страной; но для Дэвида — с *их* страной, и иного не дано). Дэвид завершает вторую часть мощным трагическим аккордом, воспроизводя текст записки, которую оставил повесившийся маршал. Вот она: «*Не могу жить, когда гибнет мое отечество и уничтожается все, что я всегда считал смыслом моей жизни. Возраст и прошедшая моя жизнь дают мне право уйти из жизни. Я боролся до конца*» (с. 479). Ахромеев часто появляется на страницах книги. Дэвид то и дело дает ему характеристики. Но цельного образа не выстраивается. Когда Ахромеев перестает быть для Дэвида просто подпоркой для тезиса о важности *ядерного ноля*, автор теряет интерес к его личности, и трагедия этой личности снижается до *еще одной* иллюстрации *неизбежности* краха СССР.

Четвертое. Я совершенно не могу согласиться с трактовкой Дэвидом роли единственного президента СССР. Горбачев и Хоффман давно знакомы, Горбачев щедро делился с Хоффманом своими воспоминаниями. Но это все равно не повод, чтобы

быть столь некритичным к лидеру, потерявшему страну. Хоффману гораздо лучше удается — опять же, какая *американская* книга! — образ Рейгана; его Хоффман тоже хорошо знал, но тут удивительная пластика, интереснейшие оттенки в отображении трансформации Рейгана и его мировоззрения. Это Хоффман и блестяще знает, и тонко чувствует.

Горбачев же подан некой стандартно-западной схемой: реформатор... друг Америки и Маргарет Тэтчер... отдалил мир от края ядерной катастрофы... При этом Дэвид, укладывая Горбачева в прокрустово ложе своей схемы, то и дело противоречит сам себе: из многих документов книги вырисовывается непоследовательный, слабый, ведомый обстоятельствами политик, которому совершенно не веришь (Дэвид — верит), когда он говорит о мире без ядерного оружия к 2000 г. У россиян слишком крепкий иммунитет против его многословия и пустословия, которое Дэвид пытается выдать за чистую монету.

Отсюда, из России, взгляд, данный в *Мертвой Руке* на Горбачева, выглядит не просто фальшивым. Он выглядит как невольное подтверждение тезиса тех, кто убежден, что Горбачев был нужен Америке, чтобы он сам развалил Советский Союз. Этот тезис не менее фальшив, вот только невольно ловишь себя на мысли, что тональность глав книги, посвященных Горбачеву и его времени, как-то льет воду именно на эту мельницу. Надо сказать, что на *Горбачева в розовом цвете* обращали мое внимание даже некоторые американские читатели этой книги, в остальном ей восхищавшиеся: слишком уж приторным, *ходульным* получился образ.

Наконец, *последнее*. Это поучительная книга, российский читатель. Вызывают ли выводы Хоффмана симпатию или отторжение, эта книга очень хорошо иллюстрирует, что случается с большой страной, которая *подставляет* свою независимость и забывает заботиться о своей обороноспособности.

На зеркало пенять не стоит. Дэвид показывает нам достаточно уродств первой половины девяностых, а также — что особенно ценно — восьмидесятых, где следует искать корни и истоки бед девяностых.

Книга Хоффмана — это *ракетно-ядерная* версия балабановского *Груза-200*. Можно дразнить ее *чернухой*. Как угодно. Но не задуматься — нельзя.

Но только уроки нам надо извлекать самим. И не наступать повторно на те же грабли.

Впрочем, догадываюсь, Хоффман думал, что ведет нас прямо к противоположному выводу.

Примечания

[1] Рейган отказался от идеи своего предшественника Джеймса Картера о размещении межконтинентальных ракет *MX* по обширному *скаковому кругу* (в мобильном варианте базирования) и выдвинул план *компактного базирования*, предложив разместить 100 ракет *MX* в хорошо защищенных шахтах на юго-западе штата Вайоминг. В последующем этот план был реализован на практике.

[2] Рейган также употребил в отношении СССР слова *«империя зла»*, которые стали олицетворением его взглядов на Советский Союз.

[3] На самом же деле проведенная американскими специалистами в течение двух дней после трагедии экспертиза показала, что пилот советского истребителя *Су-15* скорее всего не знал о том, что сбивает гражданский самолет. Однако о результатах этой экспертизы долгое время умалчивалось, о них стало известно лишь в 1988 г. См. Дэвид Хоффман. 1983. *Индекс Безопасности.* 2007, весна. № 1 (87). С. 177.

[4] Здесь речь идет о резервной полуавтоматической системе боевого управления стратегическими ядерными силами СССР в чрезвычайной обстановке *Периметр*, управляемой компьютером. Она способна осуществить запуск всех сохранившихся ракет в случае, если все руководители страны и вся система командования были бы уничтожены нанесением противником так называемого обезглавливающего ядерного удара. См. Yarynich V. E. Nuclear Command, Control Cooperation. W.: Center for Defense Information, 2003.

[5] Проект советских *звездных войн* включал две *зонтичные* программы. Первая носила название *Д-20* и касалась разработок в области наземной ПРО, вторая называлась *СК-1000* и предусматривала разработку новых ракетных комплексов, способных преодолевать ПРО. Общее количество запланированных к реализации НИР, ОКР и фундаментальных исследований — 289.

[6] Саммит проходил на вилле Флер д'О за западном берегу Женевского озера. На этой вилле проживали Рейган и его супруга Нэнси.

[7] В то время СССР увязывал в единый *пакет* возможные договоренности с США по сокращению стратегических наступательных вооружений, ликвидации ракет средней дальности в Европе и недопущению развертывания вооружений в космосе.

[8] Хоффман Дэвид. 1983. Индекс Безопасности. 2007, весна. № 1 (81). С. 169; Хоффман Дэвид. Неизвестная история гонки вооружений. *Индекс Безопасности*. 2010, лето. № 2 (93). С. 153.

ДНЯО — ОСНОВА КУЛЬТУРЫ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ

Главному редактору:

Развивающиеся страны в решении своих энергетических проблем встают на путь развития атомной энергетики. При этом они сталкиваются с рисками ядерного распространения. Как найти баланс между правом на развитие атомной энергетики и риском распространения? Можно решать проблему посредством усиления режима гарантий и инспекций, однако главное в этой ситуации — выработать *культуру поведения*, так как ключевую роль играет все же осознание обществом угрозы распространения ядерного оружия и ядерных материалов.

Хотел бы поделиться опытом непосредственного участника подготовительных комитетов и обзорных конференций по рассмотрению действия ДНЯО, вступление в силу в 1970 г. и бессрочное продление в 1995 г. которого стали, на мой взгляд, ключевыми событиями в формировании современной культуры нераспространения.

Для успеха режима нераспространения необходимо сбалансировать три основы ДНЯО — нераспространение, разоружение и мирное использование атомной энергии. Мне представляется, что при подготовке Обзорной конференции 2010 г. нам удалось уравновесить эти три основы, а сам успех конференции зависел от того, до какой степени точно неядерные государства смогли реализовать свои интересы в рамках договора. Баланс интересов ядерных и неядерных государств является необходимым условием для развития универсальной культуры нераспространения.

Первое, на что обратили внимание неядерные государства — это наличие конкретных результатов в области разоружения. Итоговые документы Обзорной конференции по рассмотрению действия ДНЯО 2010 г. содержат новые и довольно конкретные формулировки. Так, в итоговом документе Конференции говорится: «Заключительный этап процесса ядерного разоружения и другие соответствующие меры должны быть осуществлены в согласованных правовых рамках, которые, по мнению большинства государств-участников, должны включать в себя конкретные сроки»[1]. Вопрос конкретных сроков приобретает важнейшее значение и закреплен в Заключительном документе, тогда как ранее сроки в отношении процесса разоружения не оговаривались.

Еще одним вопросом, поднятым на конференции, стало мирное использование атомной энергии. Неядерные государства выразили озабоченность в связи с тенденцией несколько принижать значение статьи IV, которая предоставляет неядерным странам — членам ДНЯО право на использование атомной энергии в мирных

целях. В настоящее время существует мнение, что развивать атомную энергетику — слишком дорого, и отдельным странам не имеет смысла рассматривать возможность создания собственных ядерных программ. Африканские страны обозначили бы это как *технологический апартеид*: есть те, кто способен развивать атомную энергетику, а есть те, кому эту возможность предоставлять не следует. Консенсус, к которому пришли участники Обзорной конференции, заключается в том, что неядерные государства имеют полное право разрабатывать программы ядерной энергии в мирных целях.

Вопрос безъядерных зон приобретает новое звучание в преддверии Конференции 2012 г. по созданию зоны, свободной от оружия массового уничтожения, на Ближнем Востоке. Будучи родом из Африки, я рад отметить, что Договор Пелиндаба о создании в Африке зоны, свободной от ядерного оружия, ратифицирован и вступил в силу. Безъядерные зоны могут быть чрезвычайно полезны с точки зрения продвижения культуры нераспространения. По крайней мере, в Африке такая зона создана, тогда как на Ближнем Востоке остаются проблемы, потому что отдельные страны региона не входят в ДНЯО, что создает проблемы для всего ближневосточного сообщества.

Культура нераспространения, заложенная в ДНЯО, связывает всех членов международного сообщества, которые являются участниками Договора. ДНЯО налагает более строгие обязательства и в большей степени нацелен на страны, которые являются его участниками. Именно поэтому необходимо универсализировать Договор таким образом, чтобы в него вошли все, и чтобы все страны подчинялись его нормам.

Бонифас Чидьяусику[2]
Чрезвычайный и полномочный посол
Республики Зимбабве в Российской Федерации
председатель Первого главного комитета
Конференция 2010 г. по рассмотрению действия ДНЯО
zimbabwe@rinet.ru

Примечания

[1] Рассмотрение действия Договора в соответствии с пунктом 3 его статьи VIII с учетом решений и резолюции, принятых Конференцией 1995 г. по рассмотрению и продлению действия Договора, и Заключительного документа Конференции 2000 г. по рассмотрению действия Договора. Выводы и рекомендации в отношении последующих действий. Нью-Йорк. 2010. С. 15; http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=NPT/CONF.2010/50%20%28VOL.I%29&referer=http://www.un.org/en/conf/npt/2010/&Lang=R (Последнее посещение — 27 февраля 2012 г.).

[2] В основе данного письма — комментарий Бонифаса Чидьяусику на семинаре «Атомная энергетика и развитие культуры нераспространения: охватывая новые регионы», проведенном ПИР-Центром совместно с Международным научно-техническим центром 23 июня 2011 г. в Москве.

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ

Главному редактору:

Основной целью пласта договоров, формирующих режим нераспространения, является полное запрещение и уничтожение ядерного оружия. Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), краеугольный камень режима, включает положения о ядерном нераспространении и разоружении. В нем оговаривается еще один, *неоружейный,* аспект использования ядерной энергии. Конечной целью режима нераспространения можно считать запрещение и полную ликвидацию ядерного и термоядерного оружия и переход всех государств к мирному использованию ядерной и термоядерной энергии. Цель благородная, но, как свидетельствует история международных отношений последних десятилетий, путь к ней весьма и весьма тернистый.

Считаю, что в настоящее время есть две основные задачи, решая которые мы укрепим режим нераспространения и приблизимся к достижению его основной цели. Первая — это повышение эффективности действия ДНЯО, вторая — введение в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Здесь важны следующие меры:

- повышение эффективности гарантий МАГАТЭ (присоединение стран-участниц, в первую очередь ядерных государств, к Дополнительному протоколу 1997 г., внедрение интегрированных гарантий, укрепление научно-технической базы механизма гарантий);
- совершенствование системы экспортного контроля за ядерными и так называемыми технологиями *двойного назначения*;
- жесткая формализация и повышение политической значимости процедуры выхода из ДНЯО;
- ускорение введения в силу ДВЗЯИ и подписания Договора о запрещении производства расщепляющихся материалов (ДЗПРМ) как договоров смежных и сопутствующих ДНЯО по своим целям и задачам;
- применение параллельных мер принуждения и поощрения стран-участниц (усиление роли Совета Безопасности ООН, реализация Инициативы по безопасности в борьбе с распространением оружия массового поражения (ИБОР), предоставление гарантированного доступа всех неядерных государств к поставкам и услугам многосторонних центров ядерного топливного цикла);
- ратификация ДВЗЯИ Соединенными Штатами и Китаем.

Только политическая воля руководства государств в стремлении к безъядерному миру вкупе с позитивными действиями дипломатических, военных и научно-технических организаций могут в обозримом будущем существенно повысить действенность ДНЯО и приблизить момент вступления в силу ДВЗЯИ.

***

Было приятно узнать о приближающемся выпуске сотого номера журнала *Индекс Безопасности*. Являюсь благодарным читателем и почитателем журнала с 1996 г., когда начал работать в Центральном аппарате Минатома России, когда журнал еще назывался *Ядерный Контроль* и выходил в другом формате. С тех пор и по нынешние времена всегда слежу за статьями журнала, в которых рассматриваются проблемы ядерной безопасности, ограничения и нераспространения ядерного оружия. Все эти годы мне приятно сознавать, что ведущие политические эксперты и специалисты по международным отношениям, в том числе и лично мне знакомые, непосредственно участвуют и в работе экспертно-консультативного совета ПИР-Центра, и в издании журнала.

Николай Волошин
помощник директора
РФЯЦ ВНИИТФ им. Е. И. Забабахина
otdeldou@vniitf.ru

SUMMARY

FROM THE EDITOR

7 **Reaching One Hundred** — *Vladimir Orlov*

It's a special kind of pleasure to read through all the congratulatory emails. Especially emails like, «I congratulate the entire Editorial Team of the *Security Index* on your 100th anniversary». Believe me, that was far from the only such slip of tongue. Our actual stats are as follows. The journal was born in November 1994, when the test issue came out. So we are not actually 100 years old, we're only 18. But we have reached a hundred: the 100th issue of the *Security Index*.

Key words: *Security Index, Yaderny Kontrol.*

CELEBRATING THE LANDMARK 100TH ISSUE

11 **Greeting Letters** — *Minister of Defense of the Russian Federation Anatoly* ***Serdyukov****, Assistant to the President of the Russian Federation Sergey* ***Prikhodko****, Deputy Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation Sergey* ***Ryabkov****, Deputy Director General of Rosatom State Corporation Nikolai* ***Spassky****, Vice President of the Russian Academy of Sciences Nikolai* ***Laverov****, Secretary General of the CTBTO Preparatory Commission Tibor* ***Tóth****, Acting Under Secretary of State for Arms Control and International Security Rose* ***Gottemoeller****, former High Representative of the United Nations for Disarmament Affairs Sergio* ***Duarte****, Chair of the NPSGlobal Foundation Irma* ***Arguello***

INTERVIEW

17 **Further Sanctions Against Iran Are Pointless** — *Sergey Ryabkov*

The Iranian nuclear program: is it a threat, and can it trigger an arms race in the Middle East? Or are rumors about its dangers much exaggerated? What are the main problems with the approaches being used by the international community to address the issue? What are the steps Iran itself is prepared to take? What is the Russian strategy and tactics in resolving the Iranian nuclear problem? The *Security Index* Editor-in-Chief has put these questions to Russian Deputy Foreign Minister.

Key words: *Iranian nuclear program, arms race in the Middle East, Russian policy toward Iran.*

25 **The Conference on Disarmament Agenda Must Be Revised** — *Kassym-Jomart Tokayev*

UN Under-Secretary-General Kassym-Jomart Tokayev talks about the prospects of the Conference on Disarmament. He discusses the idea of transferring the negotiations on FMCT to an alternative platform, about the negotiations on the draft treaty preventing the deployment of weapons in outer space, the chances for Global Treaty on Cybersecurity and Cybercrime, and the trends in the national cyber strategies.

Key words: *Conference on Disarmament, countering new challenges and threats*.

31 **Nuclear Weapons Have Outlived Their Usefullness as a Political Instrument** — *Gennady Evstafiev*

In the first issue of the *Yaderny Kontrol* journal, the predecessor of the *Security Index*, we published an interview headlined «Nine Questions about Nuclear Nonproliferation» with Gennady Evstafiev, who served at the time as head of the WMD nonproliferation department of the Russian Foreign Intelligence Service (SVR). It was the autumn of 1994. We talked about the

key problems facing the nonproliferation regime, about the difficulties Russia was facing in the area of nuclear security, and about the future of the regime. What has changed since then?

Key words: *nonproliferation regime, nuclear security, Russian nonproliferation policy, Iranian nuclear program, WMD-Free Zone in the Middle East*.

37 **Kazakhstan Regrets that NPT is Asymmetric and Not Efficient Enough** — *Yerzhan Kazykhanov*

Ever since independence Kazakhstan has always been among the leading advocates of reducing the nuclear threat. Kazakhstani Foreign Minister Yerzhan Kazykhanov talks about the experience of establishing a nuclear weapons-free zone in his own country and the wider region describing Kazakhstan's international initiatives.

Key words: *nuclear weapons, Central Asian nuclear-weapons-free zone, Kazakhstan*.

A N A L Y S I S

47 **Global Nuclear Energy Architecture: A Key to Energy Security** — *Nikolai Ponomarev-Stepnoi*

The future of nuclear energy has become a subject of much debate. Will nuclear power plants become the central part of our energy strategies, or will safety concerns spell the end of the *nuclear renaissance*? Member of the Russian Academy of Sciences, Vice-President of the Kurchatov Institute (1992–2010) discusses the future of nuclear energy.

Key words: *nuclear energy, nuclear fuel cycle, nuclear nonproliferation, nuclear security*.

61 **Nonproliferation: A View from *Venus*** — *Hans Blix*

Are Europeans really worried — or should be worried — about a threat of missile attacks from Iran and North Korea? Would not the prospect of solid retaliation suffice to deter any temptation in North Korea or Iran to attack Europe? — asks the Director General of the IAEA (1987–1997) Hans Blix.

Key words*: nonproliferation, Iran, North Korea, US security and defense policy, EU security and defense policy.*

65 **NTI Nuclear Materials Security Index: A Framework for Assurance, Accountability and Action** — *Sam Nunn*

The Nuclear Threat Initiative recently released the NTI Nuclear Materials Security Index, which can serve as a solid foundation to help inform this urgent and ongoing work. The NTI Index is a country-by-country assessment of the status of nuclear materials security conditions around the world. Executive Director of the Nuclear Threat Initiative tells about the methodology of Index calculation and level of nuclear materials security throughout the world.

Key words*: security of nuclear materials, nuclear terrorism threat.*

71 **The Little-Known Story of Nuclear Deproliferation** — *Harald Müller, Andreas Smidt*

Two German experts tackle one of the greatest puzzles of international politics in the last fifty years: the failure of nuclear proliferation to assume a pandemic-like dynamic. The first article in series looks at the historical aspects of nuclear proliferation and motivations for start and cessation of nuclear arms programs.

Key words*: nuclear weapons, deproliferation.*

91 **Missile Defense: What Are the Threats?** — *Alexandra Khodakova*

The U.S. is currently investing resources into several missile defense projects throughout the world. The goal is to create the global American missile defense system. Reassessing this system and its objectives, the author analyses its future impact on the geopolitical balance of power. Once the Asia Pacific and NATO missile defense systems are in place, Russia will be squeezed by missile defense shields from both sides. A young Russian researcher, graduate of USA and Canada Institute educational program in Moscow argues that the system developers are paying too little attention to the threat posed by comets and asteroids which cannot be ignored.

Key words*: global missile defense system, US missile defense in the Asia Pacific, European missile defense.*

C O M M E N T A R Y

107 **The Human Dimension of Nuclear Security** — *Adriaan van der Meer*

It is common knowledge that dealing with high-risk materials and technologies, including know-how, has the potential for inappropriate and unauthorized use that could result in great harm. The human factor is a key element of an effective non-proliferation regime. Actions directly

targeted at the grassroots level, i.e. individual scientists and engineers are crucial. Measures to foster a non-proliferation culture are therefore essential.

***Key words**: nuclear security, nonproliferation culture.*

111 **From the Manhattan Project to the Cloud: Arms Control in the Information Age** — *Rose Gottemoeller*

Today, any event anywhere on the planet has the potential to be broadcast globally in mere seconds. The implications for arms control and verification are interesting. It is harder to hide things nowadays. When it is harder to hide things, it is easier to be caught. It becomes harder to hide something now. But how exactly can open source information technologies improve arms control verification?

***Key words**: arms control, information technologies.*

117 **Prospects for US and Russian Nuclear Cuts In View of NPT Article VI Commitments** — *Eugene Miasnikov*

The first Session of the Preparatory Committee of the 2015 NPT Review Conference will be held in Vienna on April 30 — May 11, 2012. The agenda includes reviewing of the progress made by nuclear-weapon states on implementing the Action Plan contained in the Final Document of the 2010 NPT Review Conference. The article analyses results and prospects for the further implementation of this plan.

***Key words**: NPT Review Conference, transparency.*

125 **Nuclear Energy in the Gulf Cooperation Council States** — *Awadh Albadi*

The intention to develop and use nuclear energy for peaceful purposes was announced by the Gulf Cooperation Council states. The article by a Saudi scholar from King Faisal Centre for Research and Islamic Studies is focused on the measured taken by these countries to identify the current and future need in electric power, to start developing a nuclear energy capacity, to prepare the institutional and legal framework for this program, and to create a nuclear nonproliferation culture in the region.

***Key words**: nuclear energy in the Middle East, WMD free zone in the Middle East, nonproliferation culture, Saudi Arabia, United Arab Emirates.*

P O L E M I C S

133 **From Nuclear Deterrence to Common Security** — *Igor Ivanov, Mikhail Moiseyev, Evgeny Primakov, and Evgeny Velikhov commented by Nobuyasu Abe, James Acton, Aleksey Arbatov, Evgeny Buzhinsky, Viktor Yesin, Steven Pifer, Alexander Radchuk, Alexander Savelyev, Yury Fedorov*

Four Russian former policy makers have published an article «From Nuclear Deterrence to Common Security» asserting that nuclear deterrence is not effective against the new threats of the 21st century. The authors have provided their vision of the new international system based on principles of confidence, international security and stability. *Security Index* has asked leading international security experts to voice their opinion on this article and react to most recent developments related to nuclear deterrence.

***Key words**: nuclear weapons, nuclear deterrence, nonproliferation of WMD.*

R O U N D T A B L E

143 **Under the Guise of Fight Against WMD Proliferation, Attempts Are Undertaken to Change the Regime in Iran** — *Evgeny Buzhinsky, Vladimir Orlov and Vladimir Putin*

On February 24, 2012 in Sarov, the heart of Russian nuclear weapons program, Prime Minister Vladimir Putin has met with experts on global threats to national security, strengthening defense capability and combat readiness of the Russian Armed Forces. PIR Center's President Vladimir Orlov and Senior Vice President Evgeny Buzhinsky participated in the meeting. We are publishing fragments of the discussion between the experts and the President-elect of the Russian Federation.

***Key words**: nuclear disarmament, tactical nuclear weapons, Iranian nuclear program.*

R E V I E W S O F R E C E N T W O R L D E V E N T S

148 ***iSi* Index in November 2011 — January 2012: *The Ice Age*** — *Galiya Ibragimova, Irma Arguello, Evgeny Buzhinsky, Pal Dunay, Dayan Jayatilleka, Halil Karaveli, Andrey Kortunov, Evgeny Satanovsky, Chun-Sgeng Tian, Farkhod Tolipov*

The *iSi* Index value for the year was down due to rising tensions in the Middle East and North Africa, a catastrophic earthquake, tsunami and the ensuing nuclear accident at the Fukushima NPP in Japan, a deteriorating economic situation in the Eurozone and the growing likelihood of a double-dip recession.

***Key words**: Middle East, Libya, Egypt, Iran, European economy, strategic stability, nuclear security.*

154 **A View by a Russian Liberal: Times Change…** — *Yury Fedorov*

Tempora mutantur, nos et mutamur in illis, the Romans used to say two thousand years ago as they observed events in their own empire and farther afield. The saying comes to mind as one attempts to understand the dynamics of today's international relations. It seems, however, that the times are not just changing but actually approaching a major turning point.

***Key words**: Iranian nuclear program, Russia's foreign policy, economic crisis.*

169 **A View by a Russian Conservative: The Winds of Change Becoming a Storm** — *Dmitry Evstafyev*

It is obvious that the international nuclear nonproliferation system — or the proliferation limitation system, if you like – still works, despite all the criticisms leveled at it. Would it not be better, therefore, to just leave it be for a time instead of spouting various ingenious and creative ideas for fixing the regime?

***Key words**: US military doctrine, Iranian nuclear program, Middle East, Kazakhstan, nonproliferation regime, Russia's domestic pilitics.*

HISTORICAL PAGES

183 **Over South Caucasus with Nuclear Weapons on Board** — *Vasily Lavrishev*

A huge convoy of trucks slowly entered the endless winding mountain road along Nagorno-Karabakh. The local traffic was hurtling from the opposite direction at breakneck speeds; the locals are quite used to these roads. At the beginning, some of the army drivers were finding it difficult to squeeze their trucks into the sharp bends of the road. They had to stop; the officers of the engineering service who accompanied the drivers would get out and put break block under the wheels; the truck would then slowly pull back and make another attempt to negotiate the corner.

***Key words**: nuclear weapons security, training programs.*

LIBRARY

191 **In a Different Light** — *Victor Esin, Vasily Lata, Vladimir Orlov*

«I talked to three of the most prominent Russian experts on the subjects David writes about in his book. Two of the reviews — on nuclear weapons — are published in this issue. There are two of them because the views held by the Russian expert community on the issues David raises are very diverse. General Yesin and General Lata are diametrically opposed in their assessments of some of the chapters of the book. This accurately reflects the broader state of affairs», writes Vladimir Orlov in the final essay on a series of reviews of «The Dead Hand» by David E. Hoffman. Both General Esin and General Lata have at different time served as Chief of Operations at Strategic Missile Forces' General Staff.

***Key words**: cold war, nuclear deterrence, nuclear security, USSR–USA, Russia–USA.*

TO THE EDITOR

207 **NPT — the ABC of Nonproliferation Culture** — *Boniface Chidyausiku*

209 **The Thorny Road Towards Nonproliferation** — *Nikolai Voloshin*

211 SUMMARY

215 ABOUT THE AUTHORS

223 PIR CENTER ADVISORY BOARD

227 SUSTAINABLE PARTNERSHIP WITH RUSSIA GROUP

228 INTERNATIONAL EXPERT GROUP

229 EDITORIAL TEAM IN 1994–2012

I–LXIV FULL CONTENTS OF THE JOURNAL IN 1994–2012

FINAL QUOTES

Cov.III **On the History**

ОБ АВТОРАХ

Абе Нобуясу — директор Центра поддержки разоружения и нераспространения Японского института международных отношений (Токио, Япония). Ранее занимал должность заместителя Генерального секретаря ООН по вопросам разоружения. Изучал политические науки в университете Токио и университете Амхерста (США). Адрес электронной почты: *nobuyasu.abe@cpdnp.jp*

Альбади Авад — директор департамента исследований Центра исламских исследований имени короля Фейсала (Эр-Рияд, Саудовская Аравия). Адрес электронной почты: *awadhb@yahoo.com*

Арбатов Алексей Георгиевич — академик РАН, директор Центра международной безопасности Института мировой экономики и международных отношений РАН. Депутат Государственной Думы Федерального собрания РФ первого и второго созывов, заместитель председателя Комитета по обороне. Окончил МГИМО. Доктор исторических наук. С 1976 г. работал в ИМЭМО РАН, был заведующим отделом проблем разоружения; возглавлял Центр геополитических и военных прогнозов, был директором Центра по разоружению и стратегической стабильности Внешнеполитической ассоциации; в качестве научного консультанта работал в различных структурах ООН. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. Адрес электронной почты: *arbatov@imemo.ru*

Бликс Ханс — политик, дипломат, ныне — независимый эксперт. С 2000 по 2003 г. — глава Комиссии ООН по наблюдению, контролю и инспекциям (ЮНМОВИК), 1981–1997 гг. — генеральный директор МАГАТЭ, 1978–1979 гг. — министр иностранных дел Швеции. С 1961 по 1981 г. входил в состав шведской делегации на Генеральной Ассамблее ООН. С 1962 по 1978 г. — член шведской делегации на Конференции по разоружению в Женеве. Ханс Бликс получил высшее юридическое образование в Кембридже (Великобритания), а также в университетах Уппсалы (Швеция) и Колумбийском (США), получил степень доктора юридических наук в Стокгольмском университете (Швеция). Адрес электронной почты: *hans.blix@comhem.se*

Бужинский Евгений Петрович — старший вице-президент ПИР-Центра, генерал-лейтенант запаса. В 2002–2009 гг. — начальник Международно-договорного управления, заместитель начальника Главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны РФ. В Вооруженных силах с 1968 г. Окончил Военный институт, Военную академию имени М. В. Фрунзе. В 1976–1992 гг. проходил службу на различных должностях офицера Генерального штаба, в 1992–2009 гг. — в Международно-договорном управлении Главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны

Российской Федерации. Член Совета по устойчивому партнерству с Россией (СУПР), член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. Адрес электронной почты: *buzhinsky@pircenter.org*

Велихов Евгений Павлович — доктор физико-математических наук, президент РНЦ *Курчатовский институт*, действительный член Российской академии наук, член президиума РАН, Секретарь Общественной палаты Российской Федерации. В 1958 г. окончил физический факультет Московского государственного университета им. И. В. Ломоносова. С 1971 по 1978 г. — директор филиала Института атомной энергии им. И. В. Курчатова (в настоящее время — ГНЦ РФ «ТРИНИТИ»). С 1972 г. — заведующий созданной им же кафедры плазменной энергетики в Московском физико-техническом институте (МФТИ). В 1976–1986 годах — декан факультета проблем физики и энергетики (ФПФЭ) МФТИ. С 1986 года — научный руководитель ФПФЭ. Вице-президент Академии наук СССР в 1978–1991 гг. и Российской академии наук в 1991–1996 гг. Был участником ликвидации последствий Чернобыльской аварии. С 2010 года — член Консультативного научного совета Фонда *Сколково*.

Волошин Николай Павлович — помощник директора РФЯЦ-ВНИИТФ им. академ. Е. И. Забабахина, доктор технических наук, профессор. В 1996–2004 гг. — руководитель Департамента разработки и испытаний ядерных боеприпасов Минатома России, с 2004 по 2009 г. — заместитель директора ФГУП РФЯЦ-ВНИИТФ им. академ. Е. И. Забабахина. Лауреат Государственной премии и премии Правительства Российской Федерации.

Готтемюллер Роуз — заместитель Госсекретаря США. Ранее — директор Московского центра Карнеги, ведущий научный сотрудник Фонда Карнеги за международный мир (Вашингтон, США). До октября 2000 г. была заместителем министра энергетики США по вопросам ядерного нераспространения. С ноября 1997 г. работала в министерстве энергетики в качестве директора департамента по нераспространению ОМУ и национальной безопасности. В 1994–1997 гг. — заместитель директора Международного института стратегических исследований (Лондон, Великобритания). В 1993–1994 гг. — директор по делам России, Украины и Евразии Совета национальной безопасности США. Сфера научных интересов — вопросы нераспространения ядерного оружия и стратегической стабильности. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. Страница в твиттере: *http://twitter.com/Gottemoeller*

Евстафьев Геннадий Михайлович — генерал-лейтенант (в отставке), член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. Старший вице-президент ПИР-Центра (2009–2012 гг.). Выпускник Ленинградского университета. Более 40 лет проработал в учреждениях государственного аппарата. Работал в советских посольствах в Пакистане и ряде других стран. В 1999–2000 гг. — член Комиссии по разоружению при Генеральном секретаре ООН. Последнюю должность занимал в Брюсселе. Курировал проблемы нераспространения оружия массового уничтожения и контроля над вооружениями. Участвовал в переговорах по разоружению, в выработке соглашений по правам человека. Постоянный автор журнала ПИР-Центра *Индекс Безопасности*. Адрес электронной почты: *evstafiev@pircenter.org*

Евстафьев Дмитрий Геннадиевич — директор департамента стратегии коммуникаций *ТНК-ВР*. Окончил исторический факультет Института стран Азии и Африки при МГУ в 1989 г., работал сначала младшим научным сотрудником, а затем научным сотрудником в Институте США и Канады РАН, где в 1993 г. защитил диссертацию в секторе военно-политических исследований. С 1995 по 1998 г. работал старшим, затем ведущим научным сотрудником Российского института стратегических исследований (РИСИ). Позднее — старший научный сотрудник, дирек-

тор проекта ПИР-Центра. В 2001–2006 гг. работал в ЗАО *Компания развития общественных связей* (*КРОС*), а также директором Департамента по информационной политике ОАО *Техснабэкспорт*. Позже работал заместителем генерального директора Национальной лаборатории внешней политики. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра, редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*. Постоянный автор обзоров мировых процессов в журнале *Индекс Безопасности.*

Есин Виктор Иванович — консультант командующего Ракетными войсками стратегического назначения РФ, генерал-полковник (в отставке). Кандидат военных наук, профессор, автор ряда публикаций, в том числе «Ядерное оружие и будущее российских вооруженных сил», «Противоракетное глобальное превосходство», «Тенденции развития ядерных сил в XXI веке», «Ядерное оружие КНДР: угроза или шантаж» и др. Член авторского коллектива энциклопедии «Ядерное нераспространение» (ПИР-Центр, 2009). Более 40 лет проработал в структурах Министерства обороны СССР/России. В 1996–1998 гг. — начальник отдела в аппарате Совета обороны РФ. В 1998–2002 гг. — начальник Управления в аппарате Совета безопасности РФ. Ранее — начальник Главного штаба РВСН. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. Адрес электронной почты: *victor-esin@mail.ru*

Ибрагимова Галия Ринатовна — консультант ПИР-Центра, представитель журнала *Индекс Безопасности* в Ташкенте. Научный сотрудник Университета мировой экономики и дипломатии (Ташкент, Узбекистан). Выпускница магистратуры отделения международной журналистики факультета международных отношений УМЭД. В 2008–2009 гг. прошла интенсивный курс по программе MBA в Узбекско-японском центре развития человеческих ресурсов с присвоением международной степени Project Management Professional (PMP). Участница ряда конференций по проблемам региональной безопасности в Центральной Азии. Выпускница Международной летней школы по проблемам международной безопасности (2008). Адрес электронной почты: *ibragimova@pircenter.org*

Иванов Игорь Сергеевич — член-корреспондент Российской академии наук, президент Российского совета по международным делам. Имеет дипломатический ранг Чрезвычайного и полномочного посла. Доктор исторических наук, почетный доктор философских и филологических наук. В 1969 г. окончил Московский государственный институт иностранных языков имени Мориса Тореза, в 1972 г. — аспирантуру МГИМО МИД СССР. 2004–2007 гг. — секретарь Совета безопасности РФ, член совета директоров ОАО *Лукойл*. В 1998–2004 гг. — министр иностранных дел РФ, ранее — заместитель министра иностранных дел (1993–1998 гг.), посол РФ и СССР в Испании (1991–1993 гг.).

Казыханов Ержан Хозеевич — министр иностранных дел Республики Казахстан, Чрезвычайный и полномочный посол, кандидат исторических наук. В 1995–2000 гг. — Первый секретарь, советник Постоянного представительства РК при ООН (Нью-Йорк). В 2000–2003 гг. — директор Департамента многостороннего сотрудничества МИД Казахстана. С 2003 по 2007 г. — постоянный представитель Казахстана при ООН, Чрезвычайный и полномочный посол Республики Казахстан в Республике Куба по совместительству. С 2007 по 2008 г. — заместитель министра иностранных дел Республики Казахстан. В 2008 г. — помощник президента Республики Казахстан. С 2009 по 2011 г. — чрезвычайный и полномочный посол Республики Казахстан в Республике Австрия; Постоянный представитель РК при международных организациях в Вене. В 2011 г. — заместитель министра иностранных дел Республики Казахстан.

Лаверов Николай Павлович — вице-президент Российской академии наук. С 1987 по 1989 г. — президент Академии наук Киргизской ССР. С 1989 по 1991 г. —

заместитель председателя Совета министров СССР и премьер-министра СССР. В 1989 г. был назначен на должность председателя Государственного комитета СССР по науке и технике, в 1991 г. — на должность председателя Госкомитета СССР по науке и технологиям. Председатель Межведомственной комиссии по изучению Арктики, председатель Национального комитета геологов Российской Федерации. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра.

Лаврищев Василий Стефанович — начальник отдела по оснащению объектов 12 ГУ МО РФ техническими средствами охраны по международным программам АНО «Аспект-Конверсия», полковник в отставке. В 1956–1994 гг. служил в войсковых частях, организациях и центральном аппарате 12 ГУ МО РФ. В 1994–1998 гг. — главный специалист, советник Начальника 12 ГУ МО РФ. В 1998–2003 гг. — консультант по утилизации ядерных боеприпасов по международным программам московского представительства компании *Raytheon Technical Services Company, RTSC*. В 2003–2006 г. — заместитель директора ФГУП *Атомспецтранс* по спецперевозкам.

Лата Василий Филиппович — генерал-лейтенант (в отставке), ведущий научный сотрудник Академии ракетных войск им. Петра Великого, профессор кафедры ракетных войск и артиллерии Военной академии Генерального штаба. Действительный член Академии военных наук. Более 35 лет проработал в структурах Министерства обороны СССР/России, в том числе в 1992–1994 гг. — начальник направления и первый заместитель начальника управления военной политики МО РФ. Затем — начальник Оперативного управления Главного штаба РВСН и первый заместитель начальника Главного штаба РВСН. Консультант ПИР-Центра, член редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*. Адрес электронной почты: *lata@pircenter.org*

ван дер Меер Адриаан — исполнительный директор Международного научно-технического центра (МНТЦ). Учился в университетах Лейдена (Нидерланды) и Брюгге (Бельгия). С 1988 г. работал на разных должностях в Европейской комиссии. В 2002–2005 гг. был главой представительств Евросоюза на Кипре, в 2005–2008 гг. — в Казахстане, Киргизии и Таджикистане. Адрес электронной почты: *istcinfo@istc.ru*

Моисеев Михаил Алексеевич — генеральный директор Всероссийского центра переподготовки офицеров, увольняемых в запас, генерал армии, кандидат военных наук. В 1962 г. окончил с отличием Дальневосточное танковое училище. В 1972 г. окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе. В 1988–1991 гг. — начальник Генерального штаба Вооруженных сил СССР. С 1996 г. — главный специалист, с 1999 г. по настоящее время — ведущий эксперт Генерального штаба ВС РФ. Возглавляет ветеранскую организацию Генерального штаба, является заместителем председателя Координационного совета по проблемам социальной защиты военнослужащих при председателе Совета Федерации Федерального собрания РФ. Председатель совета Общероссийской общественной организации ветеранов Вооруженных сил РФ.

Мюллер Харальд — доктор, профессор, директор Института исследований проблем мира (Франкфурт, Германия). Член экспертного совета по проблемам разоружения при Генеральном секретаре ООН. Член экспертного совета Академии федеральной безопасности Германии. Профессор Университета Джона Хопкинса (Болонья, Италия). Профессор международных отношений, Франкфуртский университет. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. Сфера научных интересов — вопросы международной безопасности. Адрес электронной почты: *mueller@hsfk.de*

Мясников Евгений Владимирович — директор Центра по изучению контроля над вооружениями, энергетики и экологии. Ранее — ведущий научный сотрудник Центра по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при Московском физико-техническом институте, где работает с 1992 г. Окончил факультет аэрофизики и космических исследований МФТИ в 1985 г. После окончания аспирантуры МФТИ в 1988 г. и защиты диссертации работал научным сотрудником в НПО *ЭЛАС* и старшим научным сотрудником НПЦ *ОПТЭКС* в г. Зеленограде. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. Адрес электронной почты: *miasnikov@armscontrol.ru*

Нанн Сэм — сопредседатель Инициативы по сокращению ядерной угрозы (NTI), ведущий профессор Школы международных отношений Сэма Нанна при университете шт. Джорджия, председатель правления Центра по стратегическим и международным исследованиям (Вашингтон, США), старший партнер юридической фирмы *King & Spalding* в г. Атланта (США). Избирался в Сенат США от штата Джорджия в течение 24 лет (1972–1996 гг.). Занимал должность председателя Комитета Сената по делам вооруженных сил и постоянного подкомитета по расследованиям, участвовал в работе комитетов по разведке и развитию малого бизнеса. Соавтор закона о реорганизации Министерства обороны, разработанного вместе с сенатором Бэрри Голдуотером, а также Программы по совместному уменьшению ядерной угрозы, известной под названием Программа Нанна–Лугара. Адрес электронной почты: *stephen@nti.org*

Орлов Владимир Андреевич — президент ПИР-Центра, главный редактор журнала *Индекс Безопасности*. Является основателем (1994 г.) и бессменным президентом ПИР-Центра. С 2006 г. возглавляет Европейское отделение ПИР-Центра в Женеве — Centre russe d'etudes politiques. Является членом Совета ПИР-Центра. Член Российского Пагуошского комитета при Президиуме РАН. Член Научного совета при Национальном комитете по исследованию БРИКС. Член Монтерейской группы по разработке стратегии в области нераспространения. Член Редакционной коллегии журнала *Washington Quarterly*. Основатель (1993 г.), член Международного клуба *Триалог*. Ассоциированный научный сотрудник Женевского центра политики безопасности (GCSP). Член делегации Российской Федерации на Обзорной конференции ДНЯО. Член Международной академии по ядерной энергии (INEA). Кандидат политических наук. Под его общей редакцией был издан учебник *Ядерное нераспространение* (второе издание – 2003 г.). Автор (соавтор) более десяти книг и монографий, около трехсот научных работ и публицистических статей. Адрес электронной почты: *orlov@pircenter.org*

Пайфер Стивен — посол, старший научный сотрудник Института Брукингса. Страший советник Центра стратегических и международных исследований. Комментировал вопросы контроля вооружений в России и на Украине для *CNN, Fox News, CNBC, BBC, Национального общественного радио* и *Голоса Америки*. Его работы публиковались в *Washington Post*, *International Herald Tribune* и др. Сотрудник дипломатической службы в отставке. Проработал в Государственном департаменте более 25 лет. Работал заместителем помощника Государственного секретаря в Бюро европейских и евразийских отношений, отвечая за отношения с Россией и Украиной (2001–2004 гг.), послом США на Украине (1998–2000 гг.) и специальным помощником президента и старшим директором по России, Украине и Евразии в Совете Национальной безопасности (1996–1997 гг.). Также он работал в посольствах в Варшаве, Москве и Лондоне и в составе делегации США на переговорах по ядерным вооружениям средней дальности в Женеве. Член Совета по устойчивому партнерству с Россией (СУПР). Адрес электронной почты: *spifer@brookings.edu*

Пономарев-Степной Николай Николаевич — академик РАН (с 1991 г.), академик АН СССР (с 1987 г.), доктор технических наук, лауреат Государственной премии. После окончания Московского механического института (ныне МИФИ) по специальности «Проектирование и эксплуатация физических приборов и установок» в 1952 г. работал в Институте атомной энергии (ныне РНЦ *Курчатовский институт*) в должностях старшего лаборанта, старшего инженера, старшего научного сотрудника, заведующего лабораторией, начальника отдела, заместителя директора, с 1987 г. — первый заместитель директора. С 1992 г. по 2010 г. — вице-президент РНЦ *Курчатовский институт*. Член Ядерного общества России; редактор журнала *Атомная Энергия*, член редколлегии журнала *Nuclear Science and Engineering*.

Примаков Евгений Максимович — академик, член президиума РАН, лауреат Государственной премии СССР. В 1953 г. окончил Московский институт востоковедения, в 1956 г. — аспирантуру МГУ имени М. В. Ломоносова. С 1970 по 1977 г. — заместитель директора Института мировой экономики и международных отношений АН СССР. В 1977–1985 гг. — директор Института востоковедения АН СССР, в 1985–1989 гг. — директор ИМЭМО АН СССР. В 1991–1996 гг. возглавлял Службу внешней разведки России. 1996–1998 гг. — министр иностранных дел РФ, 1998–1999 гг. — председатель Правительства РФ. Депутат Государственной думы РФ третьего созыва (2000–2001), президент Торгово-промышленной палаты Российской Федерации (2001–2011). С 2011 г. — председатель совета директоров федерального сетевого оператора в сфере навигационной деятельности НИС ГЛОНАСС. Имеет ранг Чрезвычайного и полномочного посла.

Приходько Сергей Эдуардович — помощник Президента Российской Федерации по вопросам внешней политики и международных отношений, член Редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*. В 1980 г. окончил факультет международных экономических отношений МГИМО МИД СССР. После окончания МГИМО работал в центральном аппарате МИД СССР (РФ) и на дипломатических должностях за рубежом. С 1993 по 1996 г. заведовал отделом, а с декабря 1996 по апрель 1997 г. исполнял обязанности заместителя директора 2-го Европейского департамента МИД РФ. В 1997 г. Сергей Приходько перешел на работу в администрацию президента РФ, стал помощником президента РФ по международным вопросам. В 1998 г. был назначен заместителем руководителя администрации президента РФ. В феврале 1999 г. дополнительно к должности заместителя руководителя администрации получил пост начальника управления по внешней политике. В 2004 г. назначен помощником президента РФ и работает в этой должности до настоящего времени. Действительный государственный советник РФ 1 класса. Имеет дипломатический ранг чрезвычайного и полномочного посланника 1 класса.

Путин Владимир Владимирович — председатель Правительства Российской Федерации. С 1991 г. — председатель Комитета по внешним связям мэрии Санкт-Петербурга, с 1994 г. — первый заместитель председателя правительства Санкт-Петербурга. С 1996 по 1997 г. — заместитель управляющими делами президента РФ. В 1997–1998 гг. — заместитель, затем — первый заместитель Администрации Президента РФ. В 1998 г. — директор Федеральной службы безопасности Российской Федерации, в 1999 г. — секретарь Совета безопасности РФ. В 1999 г. — председатель Правительства РФ. В 2000–2008 гг. — Президент Российской Федерации. 4 марта 2012 г. избран Президентом РФ.

Радчук Александр Васильевич — советник начальника Генерального штаба Вооруженных сил РФ. Полковник запаса, профессор Академии военных наук. Окончил Московское высшее техническое училище им. Н. Э. Баумана, факультет переподготовки и повышения квалификации Военной академии Генерального штаба, Российскую академию государственной службы при Президенте РФ. Проходил

службу на различных должностях в Центральном научно-исследовательском институте Министерства обороны РФ. Автор более 130 научных трудов по вопросам стратегической стабильности и национальной безопасности, ядерного сдерживания, моделирования и оценки эффективности сложных систем. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. Адрес электронной почты: *avr415@migmail.ru*

Рябков Сергей Алексеевич — заместитель министра иностранных дел РФ. В 1995–1999 гг. — начальник отдела ОБСЕ Департамента общеевропейского сотрудничества МИД РФ. В 1999–2001 гг. — старший советник посольства России в США, в 2002–2005 гг. — советник-посланник посольства России в США. В 2005–2008 гг. — директор Департамента общеевропейского сотрудничества МИД РФ. С августа 2008 г. — заместитель министра иностранных дел Российской Федерации. Имеет дипломатический ранг Чрезвычайного и полномочного посла. Награжден орденами Почета и Дружбы.

Савельев Александр Георгиевич — заведующий отделом стратегических исследований Центра международной безопасности ИМЭМО РАН, профессор факультета мировой политики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор политических наук. Автор более 70 научных работ, включая книгу «Большая Пятерка. Механизм выработки решений по контролю над вооружениями в СССР» (в соавторстве с Н. Н. Детиновым, 1995 г.) и монографию «Политические и военно-стратегические аспекты Договоров СНВ-1 и СНВ-2» (ИМЭМО РАН, 2000 г.). В 1989–1991 гг. в качестве представителя АН СССР принимал участие в советско-американских переговорах СНВ-1 (группа по обороне и космосу) в должности советника делегации СССР. Является членом авторского коллектива Краткой энциклопедии «Ядерное нераспространение» (2009). Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. Адрес электронной почты: *saveliev@imemo.ru*

Сердюков Анатолий Эдуардович — министр обороны Российской Федерации. Председатель наблюдательного совета ГК *Ростехнологии*. В 1984 г. окончил Ленинградский институт советской торговли, в 2001 г. — Санкт-Петербургский государственный университет. В 1984–1985 гг. проходил военную службу в Вооруженных силах СССР. С 2000 по 2004 г. — заместитель руководителя инспекции, заместитель, руководитель Управления Министерства Российской Федерации по налогам и сборам по работе с крупнейшими налогоплательщиками по Санкт-Петербургу. В 2004–2007 гг. — руководитель Федеральной налоговой службы РФ. Доктор экономических наук. Действительный государственный советник Российской Федерации 1 класса.

Спасский Николай Николаевич — доктор политических наук, кандидат исторических наук. Член Редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*. Заместитель генерального директора Государственной корпорации по атомной энергии *Росатом*. В 1983 г. окончил Московский государственный институт международных отношений. В системе МИД с 1983 г. Работал на различных дипломатических должностях в центральном аппарате министерства. В 1992–1994 гг. — заместитель, первый заместитель директора, с февраля 1994 г. — директор Департамента Северной Америки. С декабря 1995 г. — член Коллегии МИД России. В 1998–2004 гг. посол Российской Федерации в Итальянской Республике и Республике Сан-Марино по совместительству. В 2004–2006 гг. — заместитель Секретаря Совета безопасности Российской Федерации. Имеет дипломатический ранг Чрезвычайного и полномочного посла.

Токаев Касым-Жомарт — государственный деятель, дипломат, имеет ранг Чрезвычайного и полномочного посла. С марта 2011 г. — заместитель Генерального секретаря ООН, генеральный директор отделения ООН в Женеве. 2007–

2011 гг. — депутат, председатель Сената Парламента Республики Казахстан. 2003–2007 гг. — министр иностранных дел РК. 1999–2003 гг. — председатель правительства РК. 1994–1999 гг. — министр иностранных дел Республики Казахстан. Окончил Московский государственный институт международных отношений, Пекинский лингвистический институт и Дипломатическую академию МИД России. Доктор политических наук (диссертация на тему «Внешняя политика Казахстана в период становления нового мирового порядка»). Автор шести книг и многочисленных статей по вопросам международных отношений, изданных в Казахстане и за рубежом.

Федоров Юрий Евгеньевич — профессор Пражского муниципального университета. Член Совета ПИР-Центра, член редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*. Окончил физический факультет МГУ. Работал в Институте конкретных социологических исследований АН СССР. Занимал должность заведующего сектором в отделе проблем разоружения ИМЭМО РАН. С сентября 1998 г. — заведующий сектором, а с декабря 2000 г. — заведующий отделом военно-политических исследований в Институте США и Канады РАН. В 2001–2002 гг. — заместитель директора ПИР-Центра. С 2002 по 2003 г. — заместитель директора Института прикладных международных исследований. Постоянный автор обзоров мировых процессов в журнале *Индекс Безопасности.* Адрес электронной почты: *fedorov.yury@yahoo.com*

Ходакова Александра Игоревна — выпускница факультета мировой политики Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) (специальность «Регионоведение»), реализующего свои учебные программы на базе Института США и Канады РАН (2011 г.). В мае 2009 г. проходила стажировку в штаб-квартире НАТО (Брюссель) и в военном лагере верховного главнокомандования сил Альянса в Европе (Монс), в апреле 2010 г. — в Мэрилендском университете (Мэриленд, США). В апреле 2009 г. проходила учебную ознакомительную практику в ИТАР ТАСС. Адрес электронной почты: *ly4ezarnaja@mail.ru*

Чидьяусику Бонифас — Чрезвычайный и полномочный посол Республики Зимбабве в Российской Федерации, Председатель третьей сессии Подготовительного комитета Конференции 2010 г. по рассмотрению действия ДНЯО, председатель Первого главного комитета (Main Committee One) Конференции по рассмотрению действия ДНЯО.

Шмидт Андреас — научный сотрудник Института исследований проблем мира (Франкфурт, Германия). 2006–2077 гг. — старший преподаватель в Университете им. Йоханнеса Гуттенберга (Майнц, Германия). Адрес электронной почты: *schmidt@hsfk.de*

Эктон Джеймс — старший научный сотрудник Программы по ядерной политике Фонда Карнеги за международный мир и стипендиат Фонда Стэнтона по ядерной безопасности. Степень доктора философии получил в Кембриджском университете. В октябре 2008 г. преподавал в Центре точных наук и наук о безопасности на факультете военных исследований Королевского колледжа в Лондоне. В 2008 г. участвовал в подготовке конференции по разоружению в Осло. Представляет Великобританию в Международной группе по расщепляющимся материалам. С 2007 по 2009 г. был одним из постоянных авторов блога *Arms Control Wonk*. Публикуется в таких изданиях, как *Бюллетень ученых-атомщиков* (*Bulletin of the Atomic Scientists*), *Foreign Affairs*, *Jane's Intelligence Review*, *New York Times*, *Nonproliferation Review* и *Survival*.

ЭКСПЕРТНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ ПИР-ЦЕНТРА

(по состоянию на 26 марта 2012 г.)

Айнхорн Роберт, старший советник по вопросам нераспространения и контроля над вооружениями, Госдепартамент, Вашингтон, США

Академия ОБСЕ, Бишкек, Киргизия

Антипов Сергей Викторович, д.т.н., заведующий отделом, Институт безопасного развития атомной энергетики РАН, Москва, Россия

Антонов Анатолий Иванович, Чрезвычайный и Полномочный Посол, к.э.н., заместитель министра, Министерство обороны Российской Федерации, Москва, Россия

Арбатов Алексей Георгиевич, д.и.н., академик РАН, руководитель, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Ахтамзян Ильдар Абдулханович, к.и.н., доцент, кафедра международных отношений и внешней политики России, МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Баев Павел Кимович, к.и.н., проф., Международный институт исследований проблем мира, Осло, Норвегия

Барановский Владимир Георгиевич, д.и.н., проф., академик РАН, заместитель директора, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики им. акад. Е. И. Забабахина (ВНИИТФ), Российский федеральный ядерный центр, Снежинск, Россия

Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики (ВНИИЭФ), Российский федеральный ядерный центр, Саров, Россия

Воронков Владимир Иванович, к.и.н., постоянный представитель, Представительство России при международных организациях в Вене, Вена, Австрия

Готтемюллер Роуз, заместитель госсекретаря США, Вашингтон, США

Данапала Джаянта, посол, президент, Пагуошское движение ученых, председатель Совета Университета ООН, Коломбо, Шри-Ланка

Данилов Дмитрий Александрович, к.э.н., проф., ведущий научный сотрудник, заведующий Отделом европейской безопасности, Институт Европы РАН, Москва, Россия

Дворкин Владимир Зиновьевич, д.т.н., генерал-майор (в отставке), главный научный сотрудник, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Джонсон Ребекка, д-р, директор, Институт *Акроним*, Лондон, Великобритания

Евстафьев Геннадий Михайлович, генерал-лейтенант, старший вице-президент ПИР-Центра (2009–2012), Москва, Россия

Евстафьев Дмитрий Геннадьевич, к.п.н., директор, Департамент стратегии коммуникаций, управление общественных связей, TNK BP, Москва, Россия

Елеукенов Дастан Шериазданович, д. ф.-м. н., советник, посольство Республики Казахстан в США, Вашингтон, США

Есин Виктор Иванович, к.в.н., проф., генерал-полковник (в отставке), консультант Командующего ракетными войсками стратегического назначения, Министерство обороны РФ, Москва, Россия

Женевский центр политики безопасности, Женева, Швейцария

Институт стратегической стабильности, Москва, Россия

Кириченко Элина Всеволодовна, к.э.н., руководитель, Центр североамериканских исследований, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Кожокин Евгений Михайлович, д.и.н., ректор, Академия труда и социальных отношений, Москва, Россия

Кортунов Андрей Вадимович, к.и.н., генеральный директор, Российский совет по международным делам, Москва, Россия

Краснов Алексей Борисович, начальник управления, Управление пилотируемых программ, Федеральное космическое агентство, Москва, Россия

Лаверов Николай Павлович, д. г.-м. н., проф., академик РАН, вице-президент, Российская академия наук, Москва, Россия

Ладыгин Федор Иванович, генерал-полковник (в отставке), советник генерального директора, Авиационная холдинговая компания *Сухой*, Москва, Россия

Лебедев Владимир Владимирович, заместитель руководителя департамента, Департамент внешнеэкономических и международных связей, правительство Москвы, Москва, Россия

Лукьянов Федор Александрович, главный редактор, журнал *Россия в глобальной политике*, Москва, Россия

Лысенко Михаил Николаевич, Чрезвычайный и Полномочный Посол, директор, Департамент международного сотрудничества, Государственная корпорация по атомной энергии *Росатом*, Москва, Россия

Льюис Патриция, д-р, директор по исследованиям, *Chatham House*, Лондон, Великобритания

Маргелов Михаил Витальевич, председатель, Комитет по международным делам, Совет Федерации ФС РФ, Москва, Россия

Международная жизнь, журнал, Москва, Россия

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ, Москва, Россия

Мурогов Виктор Михайлович, проф., Государственный технический университет атомной энергетики, Обнинск, Россия

Мурсанков Сергей Геннадьевич, заместитель директора, Аналитический центр, ОАО «Объединенная авиастроительная корпорация», Москва, Россия

Мюллер Харальд, д-р, проф., директор, Институт проблем мира, Франкфурт, Германия

Мясников Евгений Владимирович, директор, Центр по изучению контроля над вооружениями, энергетики и экологии, Долгопрудный, Россия

Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Москва, Россия

Никитин Александр Иванович, д.п.н., проф., директор, Центр политических и международных исследований, Москва, Россия

Новиков Владимир Евгеньевич, к.э.н., ведущий научный сотрудник, Российский институт стратегических исследований, Москва, Россия

Пархалина Татьяна Глебовна, к.и.н., заместитель директора, ИНИОН РАН, директор, Центр по изучению проблем европейской безопасности ИНИОН РАН, Москва, Россия

Пономарев-Степной Николай Николаевич, д.т.н., проф., академик РАН, Москва, Россия

Радчук Александр Васильевич, к.т.н., советник начальника Генерального штаба Вооруженных сил РФ, Москва, Россия

Решетников Леонид Петрович, к.и.н., генерал-лейтенант, директор, Российский институт стратегических исследований (РИСИ), Москва, Россия

РНЦ *Курчатовский институт*, Москва, Россия

Рогачев Илья Игоревич, директор, Департамент по вопросам новых вызовов и угроз, МИД России, Москва, Россия

Рыбаченков Владимир Иванович, к.т.н., ведущий научный сотрудник, Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии, Долгопрудный, Россия

Савельев Александр Георгиевич, д.п.н., заведующий отделом стратегических исследований, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Сатановский Евгений Янович, к.э.н., проф., президент, Институт Ближнего Востока, Москва, Россия

Семин Валерий Витальевич, д.т.н., проф., старший советник, Постоянное представительство РФ при НАТО, Брюссель, Бельгия

Сиринционе Джозеф, президент, Фонд Плаушерс, Вашингтон, США

Соков Николай Николаевич, к.и.н., д.п.н., старший научный сотрудник, Венский Центр изучения проблем разоружения и нераспространения, Вена, Австрия

Сумский Виктор Владимирович, д.и.н., директор, Центр АСЕАН при МГИМО (У) МИД РФ, Москва, Россия

Тимербаев Роланд Михайлович, Чрезвычайный и Полномочный Посол, д.и.н., профессор, Москва, Россия

Тренин Дмитрий Витальевич, к.и.н., директор, Московский центр Карнеги, Москва, Россия

Трубников Вячеслав Иванович, генерал армии, член дирекции, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Тузмухамедов Бахтияр Раисович, к.ю.н., проф., судья Международного уголовного трибунала по Руанде, советник, Управление международного права, Конституционный Суд РФ, Москва, Россия

Убеев Алексей Вадимович, к.т.н., главный специалист, Офис ядерной безопасности, Департамент ядерной безопасности и физической защиты, Международное агентство по атомной энергии, Вена, Австрия

Федоров Александр Валентинович, к. ф.-м. н., эксперт, Служба внешней разведки, Москва, Россия

Федоров Валерий Валерьевич, к.п.н., генеральный директор, Всероссийский центр изучения общественного мнения, Москва, Россия

Фонд нераспространения во имя глобальной безопасности, Буэнос-Айрес, Аргентина

Хлопков Антон Викторович, директор, Центр энергетики и безопасности, Москва, Россия

Цзи Чжие, вице-президент, Китайская академия современных международных отношений, Пекин, КНР

Эггерт Константин фон, политический обозреватель, радио *КоммерсантЪ FM*, Москва, Россия

СОВЕТ ПО УСТОЙЧИВОМУ ПАРТНЕРСТВУ С РОССИЕЙ

(по состоянию на 26 марта 2012 г.)

Антонов Анатолий Иванович, Чрезвычайный и Полномочный Посол, к.э.н., заместитель министра, Министерство обороны РФ, Москва, Россия

Бужинский Евгений Петрович, генерал-лейтенант, старший вице-президент, ПИР-Центр, Москва, Россия

Ганкин Леонид Эммануилович, заведующий отделом, отдел внешней политики, газета *Коммерсант* (2006–2011), Москва, Россия

Зевелев Игорь Александрович, д.п.н., директор Московского филиала, Фонд Макартуров, Москва, Россия

Орлов Владимир Андреевич, к.п.н., президент, ПИР-Центр, Москва, Россия

Пайфер Стивен, посол, старший научный сотрудник, Институт Брукингса, Вашингтон, США

Сиринционе Джозеф, президент, Фонд Плаушерс, Вашингтон, США

Скуазони Шэрон, директор, старший научный сотрудник, Программа по предотвращению распространения, Центр стратегических и международных исследований, Вашингтон, США

Спасский Николай Николаевич, к.и.н., д.п.н., Чрезвычайный и Полночный Посол, заместитель генерального директора, Государственная корпорация по атомной энергии *Росатом,* Москва, Россия

Холловэй Дэвид, д-р, проф., член Совета директоров, Фонд Плаушерс, Сан-Франциско, США

Хоффман Дэвид, внештатный редактор газеты *Вашингтон Пост*, Вашингтон, США

Эллеман Майкл, старший научный сотрудник, Международный институт стратегических исследований, Манама, Бахрейн

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭКСПЕРТНАЯ ГРУППА

(по состоянию на 1 марта 2012 г.)

Аргуэльо Ирма, основатель и руководитель, Фонд нераспространения во имя глобальной безопасности, Буэнос-Айрес, Аргентина

Бужинский Евгений Петрович, генерал-лейтенант, старший вице-президент ПИР-Центра, Москва, Россия

Джаятиллека Дайан, Посол Шри-Ланки во Франции, постоянный представитель Шри-Ланки при ЮНЕСКО, Париж, Франция

Дуарте Сержио, высокий представитель Генерального секретаря ООН по вопросам разоружения (2007–2012 гг.), Рио-де-Жанейро, Бразилия

Дунай Пал, руководитель программы по международной безопасности, Женевский центр политики безопасности, Женева, Швейцария

Каравели Халил, руководитель проекта по Турции, Институт по изучению Центральной Азии и Кавказа при университете Джона Хопкинса, Анкара, Турция

Кортунов Андрей Вадимович, к.и.н., президент, фонд *Новая Евразия*, Москва, Россия

Макгетланенг Сехларе, д.п.н., директор, Программа государственного управления и демократии, Южноафриканский институт африканских исследований, Претория, ЮАР

Поттер Уильям, проф., директор, Центр исследования проблем нераспространения им. Джеймса Мартина, Монтерейский институт международных исследований, Монтерей, США

Рамальо Антонио, проф. международных отношений, Университет Бразилиа, Бразилиа, Бразилия

Сагер Абдулазиз, основатель и председатель, Исследовательский Центр Залива, президент, Sager Group Holding, Дубаи, ОАЭ

Санаи Мехди, доктор политологии, руководитель, Центр по изучению России, Центральной Азии и Кавказа, Тегеран, Иран

Сатановский Евгений Янович, к.э.н., проф., президент, Институт Ближнего Востока, Москва, Россия

Толипов Фарход Фазилович, политолог, Ташкент, Узбекистан

Тян Чун-Шэн, профессор, заместитель директора, Китайская ассоциация экономических исследований России и Центральной и Восточной Европы, Пекин, КНР

Унникришнан Нандан**,** вице-президент, старший научный сотрудник Центра по международным вопросам, Фонд *Observer*, Дели, Индия

Эггерт Константин фон, политический обозреватель, радио КоммерсантЪ-FM, Москва, Россия

Выражаю признательность сотрудникам и экспертам, работавшим в редакции журнала на протяжении всех лет его существования:

АБЕН Даурен

с 2008 г. — представитель журнала в Алма-Ате (Казахстан)

АБИРУ Тайсуке

с 2007 г. — представитель журнала в Токио (Япония)

АБРАМОВА Татьяна Владимировна

в 1998–2000 гг. — корректор

АРАСЛИ Джангир

в 2007–2010 гг. — представитель журнала в Баку (Азербайджан)

АХТАМЗЯН Ильдар Абдулханович

в 1994–1996 гг. — сотрудник редакции;

в 1997 г. — консультант редакции

БАКАЕВА Евгения Андреевна

в 2007–2010 гг. — корректор

БАЛАНДИНА Людмила Николаевна

в 1994–1995 гг. — сотрудник редакции;

в 1995–1996 гг. — корреспондент

БАФФУМ Джейн

с 2010 г. — менеджер международного издания

БАРАНОВА Инна Валерьевна

с 2007 г. — представитель журнала в Нью-Йорке и Атланте (США)

БЕРЕЗНИЦКАЯ Валентина Филипповна

в 2002 г. — помощник редактора

БОЙЛ Катерина

в 1997 г. — переводчик

БОКОВА Елена Анатольевна

в 1995 г. — координатор проекта

БОРИСОВА Алла Николаевна

в 2004–2007 гг. — корректор

БРИЛЕВ Сергей Борисович

с 2005 г. — член Редакционной коллегии

БУЛЫЧЕВ Александр Валерьевич

в 2005 г. — корреспондент

ВЕРНИКОВА Мария Яковлевна

в 1997–1999 гг. — секретарь

ГАЛАКА Сергей Павлович

с 2007 г. — представитель журнала в Киеве (Украина)

ГАПОНЕНКО Вадим Сергеевич

с 2007 г. — представитель журнала во Владивостоке (Россия)

ГРЕБЕНЩИКОВ Андрей Вадимович

в 2007–2008 гг. — представитель журнала в Бамако (Мали)

ДВОРКИН Владимир Зиновьевич

с 2002 г. — член Редакционной коллегии

ДЕРИГЛАЗОВА Лариса Валерьевна

с 2008 г. — представитель журнала в Томске (Россия)

ЕВСТАФЬЕВ Дмитрий Геннадиевич

в 1994–1997 гг. — сотрудник редакции;

в 1997 г. — редактор-консультант;

с 2000 г. — член Редакционной коллегии

ЗАЙЦЕВ Вячеслав Алексеевич

с 1997 г. — главный бухгалтер

ИБРАГИМОВА Галия Ринатовна

с 2010 г. — представитель журнала в Ташкенте (Узбекистан)

ИВАНОВА Юлия Геннадьевна

в 2007–2009 гг. — секретарь

КАЦВА Мария Самуиловна

в 1996–1997 гг. — корреспондент;

в 1997 г. — заместитель главного редактора

КОБЯКОВ Даниил Олегович

в 2003–2006 гг. — корреспондент

КОВЧЕГИН Дмитрий Алексеевич

в 1999–2002 гг. — корреспондент

КОЖУРИНА Евгения Андреевна

в 2003 г. — корректор

КОЗЫРЕВА Ирина Владимировна

в 2007–2008 гг. — представитель журнала в Дели (Индия)

КОЗЮЛИНА Людмила Александровна

в 1994–1996 гг. — бухгалтерия

КОЗЮЛИН Вадим Борисович

в 1994–1997 гг. — сотрудник редакции;

в 1997–1999 гг. — связи с общественностью

КОНДРАТЬЕВ Сергей Витальевич

с 2007 г. — представитель журнала в Тюмени (Россия)

КОНТЯВА Людмила Ивановна

в 2001 г. — корректор

КОРНЕЕВА Мария Александровна

в 2000–2001 гг. — секретарь

КОРОЛЕВА Ольга Ивановна

в 2003 г. — литературный редактор

КОТЕЛКИНА Татьяна Юрьевна

в 2009–2011 гг. — технический редактор

КОТОВЩИКОВА Наталия Сергеевна

в 2003–2004 гг. — технический редактор

КРЮЧКОВА Маргарита Михайловна

в 2004–2006 гг. — корректор

КУЛАКОВ Олег Владимирович

в 2000–2006 гг. — компьютерное обеспечение

КУТНАЕВА Нурия Асылбековна

с 2007 г. — представитель журнала в Бишкеке (Киргизия)

КУШНЕР Ада Львовна

в 2001 г. — корректор

ЛАТА Василий Филиппович

с 2000 г. — член Редакционной коллегии

ЛИТОВКИН Дмитрий Викторович

в 1998–2000 гг. — специальный корреспондент

ЛУКАНОВА Ольга Викторовна

в 2001 г. — секретарь

ЛЫСЕНКО Михаил Николаевич

в 2007–2008 гг. — представитель журнала в Веллингтоне (Новая Зеландия)

МАКЕЕВА Елена Ивановна

с 2011 г. — корректор

МАКИЕНКО Константин Владимирович

в 1997 г. — редактор отдела ВПК, высоких технологий и контроля над экспортом

МАЛЫГИНА Анастасия Александровна

с 2010 г. — представитель журнала в Санкт-Петербурге (Россия)

МАНСУРОВ Павел Александрович

в 2007 г. — выпускающий редактор

МАСЛИН Евгений Петрович

в 1998 г. — консультант;

в 1999 г. — старший советник;

с 2000 г. — член Редакционной коллегии

МАРКАРОВА Наталья Сергеевна

в 2004–2006 гг. — литературный редактор

МЕЛЬНИКОВА Инна Юрьевна

в 1996 г. — корреспондент

МЕРИМСОН Виктор Гиршевич

в 1999–2002 гг. — производство

МИРОНОВА Ирина Юрьевна

в 2010 г. — помощник главного редактора

с 2011 г. — заместитель главного редактора

МИСЮЧЕНКО Владимир Федорович

в 1997 г. — консультант

МУРСАЛИЕВ Азер Ариф-оглы

с 2005 г. — член Редакционной коллегии

МУРСАНКОВ Сергей Геннадьевич

в 2007–2008 гг. — представитель журнала в Алжире (Алжир)

МЫШЕВА Екатерина Викторовна

в 2003 г. — литературный редактор;

в 2004 г. — корректор

НЕКРАСОВА Юлия Александровна

в 2010 г. — технический редактор

ОЗАРНОВА Ирина Анатольевна

в 1999–2000 гг. — секретарь

ОРЛОВ Владимир Андреевич

с 1994 г. — главный редактор

ОТКИНА Анна Михайловна

в 1997–1998 гг. — корреспондент

ПАНФИЛОВ Александр Вадимович

в 1998 г. — представитель в США

ПЕРФИЛЬЕВ Никита Вячеславович

в 2007–2008 гг. — заместитель главного редактора;

в 2008–2010 гг. — представитель в Монтерее (США);

с 2010 г. — представитель в Вене (Австрия)

ПЕТЕЛИН Евгений Николаевич

в 2008 г. — помощник главного редактора;

в 2009–2010 гг. — заместитель главного редактора;

с 2010 г. — редактор международного издания

ПОЛИДВА Елена Дмитриевна

в 2001–2002 гг. — секретарь;

в 2003 г. — администратор проекта

ПОЛИКАНОВ Дмитрий Валерьевич

в 2000–2006, 2008–2009 гг. — редактор международного издания

с 2011 г. — член Редакционной коллегии

ПОНАМАРЕВА (ЛАГУТА) Анастасия

в 2006 г. — корреспондент

ПРИХОДЬКО Сергей Эдуардович

с 2004 г. — член Редакционной коллегии

РАССКАЗОВА Галина Дмитриевна

с 2003 г. — бухгалтерия

РЕЙ Алексей Игоревич

в 1997 г. — корреспондент

РОГОЗИН Дмитрий Олегович

с 2011 г. — член Редакционной коллегии

РЫХТИК Михаил Иванович

с 2007 г. — представитель журнала в Нижнем Новгороде (Россия)

САФРАНЧУК Иван Алексеевич

в 1997 г. — редактор отдела проблем ядерного оружия;

в 1998 г. — обозреватель

СИРИКОВ Константин Анатольевич

с 2002 г. — распространение

СОЛДАТКИНА Любовь Андреевна

в 2009 г. — секретарь

СПАССКИЙ Николай Николаевич

с 2007 г. — член Редакционной коллегии

СТЕПАНОВА Екатерина Андреевна

с 2005 г. — член Редакционной коллегии

в 2007–2009 гг. — представитель журнала в Стокгольме (Швеция)

ТАРАНОВА Юлия Юрьевна

в 2005–2008 гг. — технический редактор

ТЕЛЛЕР (ЛОГУТОВА) Надежда Борисовна

в 2005–2007 гг. — корреспондент;

с 2007 г. — представитель журнала в Вене (Австрия)

ТИМЕРБАЕВ Роланд Михайлович

в 1996–1997 гг. — редактор-консультант;

в 1999 г. — старший советник;

в 2000–2004 гг. — член Редакционной коллегии

ТИТОВА Татьяна Дмитриевна

в 2000–2001 гг. — корректор

ТРОФИМОВА Елена Николаевна

в 1997–2000 гг. — компьютерное обеспечение

ТРУХТАНОВА Екатерина Александровна

с 2011 г. — технический редактор

ФАБРИЧНИКОВ Илья Сергеевич

в 2002 г. — корреспондент;

в 2003 г. — выпускающий редактор

ФЕДОРОВ Юрий Евгеньевич

с 2001 г. — член Редакционной коллегии

в 2007–2008 гг. — представитель журнала в Лондоне (Великобритания)

с 2008 г. — представитель журнала в Праге (Чехия)

ФЕДЧЕНКО Виталий Геннадьевич

в 2002 г. — корреспондент

ФРОЛОВ Андрей Львович

в 2003–2005 гг. — выпускающий редактор

ФУРАЛЕВА Карина Ивановна

в 1998 г. — технический редактор, помощник редактора, помощник главного редактора;

в 2000 г. — технический редактор

ХАРЧЕНКО Наталья Николаевна

в 1997–2002 гг. — распространение

ХЛОПКОВ Антон Викторович

в 2000–2001 гг. — корреспондент;

с 2003 г. — член Редакционной коллегии;

в 2005–2006 гг. — вр. и.о. выпускающего редактора

ЦЫРКОВА Наталья Николаевна

в 2007 г. — корректор

ХАНСЕЛЛ (ЧУЕН) Кристина

в 2007–2008 гг. — редактор международного издания

в 2007–2009 гг. — представитель журнала в Монтерее (США)

ШАМАНОВА Ольга Анатольевна

в 1999–2000 гг. — секретарь

ШКОЛЬНИК Екатерина Владимировна

В 1994–1996 — сотрудник редакции

фон **ЭГГЕРТ** Константин Петрович

с 2007 г. — член Редакционной коллегии

ЯКУШЕВ Михаил Владимирович

с 2005 г. — член Редакционной коллегии

ЯРОШЕНКО Любовь Анатольевна

в 2010 г. — помощник главного редактора

Но как можно отделить редакцию журнала от ПИР-Центра? Ведь наш журнал — это продукт коллективного творчества всего ПИР-Центра. Поэтому в день выхода юбилейного номера хочу сказать сердечное спасибо всем пировцам!

Владимир Орлов
26 марта 2012 г.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА *ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ (ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ)* В 1994–2012 гг. (№ 1–100)

А

Абаева Анна

Россия и страны Скандинавии — расширение программы Глобального партнерства. № 1 (71), весна 2004, с. 107.

Абиру Тайсуке

Треугольник Токио–Москва–Астана: установление стратегического партнерства в атомной энергетике неизбежно. № 2 (85), лето 2008, с. 147.

Агапов Михаил

Политика между *небом* и *землей*. № 3 (83), зима 2007, с. 185.

Адамов Евгений

Осуществление российской инициативы позволит решить проблемы безопасности и снизит угрозу распространения. № 1 (55), январь–февраль 2001, с. 4.

Айнхорн Роберт

Необходимость возобновления американо-российского сотрудничества с целью предотвращения создания иранской бомбы. № 4 (64), июль–август 2002, с. 34 *(в соавторстве)*

«Ядерное сближение» Индии и США: за и против. № 4 (78), зима 2005, с. 75.

Акчурин Ильдар

Состояние ядерного оружейного комплекса в странах ближнего зарубежья. № (1)13, январь 1996, с. 15 *(в соавторстве)*

Алексеев Андрей

Россия и Пакистан имеют общие интересы. № 1 (79), зима 2006, с. 75.

Алиев Ильхам

Азербайджан приучен опираться на собственные ресурсы, поэтому и не присоединяется к блокам. № 1 (81), весна 2007, с. 17.

Алимов Анатолий

Военно-промышленный потенциал Ирана: некоторые оценки. № 3 (57), май — июнь 2001, с. 41.

Аллио-Мари Мишель

Поиск адекватных ответов на угрозу терроризма может потребовать ограничения личных свобод. № 4 (79), зима 2005, с. 17.

Альбади Авад

Атомная энергетика в арабских странах Персидского залива. № 1 (100), весна 2012, с. 125.

Андрюшин Игорь

Ядерное оружие малой мощности — возможная основа ядерного арсенала нового века. № 2 (77), лето 2005, с. 27 *(в соавторстве)*

Ангелова Анастасия

АЭС «Дружба»: Россия на рынке стран Центральной и Восточной Европы. № 2 (85), лето 2008, с. 97.

Анин Анатолий

Глобальное партнерство на распутье. № 4 (70), зима 2003, с. 15.

ДНЯО и концепция НАТО по «совместному управлению» ядерным оружием. № 1 (71), весна 2004, с. 73.

ДОВСЕ — вчера, сегодня… Завтра?.. № 1 (96), весна 2011, с. 61; № 2 (97), лето 2011, с. 21 *(в соавторстве)*

Антипов Сергей

«Утилизация АПЛ: финишной ленточки пока не пересек никто». № 4 (70), зима 2003, с. 9.

Антонов Анатолий

«В ближайшее время ситуация в области ПРО будет той лакмусовой бумажкой, которая покажет реальную готовность сторон к эффективному взаимодействию». № 2 (97), лето 2011, с. 11.

Антонов Евгений

Угроза террористического акта с использованием оружия массового уничтожения из Чечни. № 2 (56), март–апрель 2001, с. 55.

Арбатов Алексей

«Ратифицировать СНВ-2 можно лишь после подписания рамочного соглашения по СНВ-3». № (6–7) 30–31, июнь–июль 1997, с. 8 *(в соавторстве)*

Что общего у Ахмадинеджада с Гаврилой Принципом: решаем иранские головоломки. № 1 (81), весна 2007, с. 117 *(полемика с Андреем Пионтковским)*

Арбатова Надежда

Расширение НАТО: как обойти Россию? № 6 (60), ноябрь–декабрь 2001, с. 55.

Общее пространство безопасности между Россией и ЕС: императивы и препятствия. № 3 (86), осень 2008, с. 63.

Замороженные конфликты в контексте европейской безопасности. № 3 (94), осень 2010, с. 57.

Арбекова Елена

Исходит ли угроза ОМУ-терроризма с Северного Кавказа? № 1 (79), зима 2006, с. 105 *(в соавторстве)*

Аргуэльо Ирма

Ядерная энергетика в Латинской Америке: между экономическим развитием и рисками распространения. № 4 (95), зима 2010, с. 59.

Атурин Михаил

Деятельность по обеспечению физической защиты, учета и контроля радиоактивных материалов на объектах морского транспорта. № 4 (74), зима 2004, с. 117 *(в соавторстве)*

Ахтамзян Ильдар

На пути к ядерной анархии? Недостаточная безопасность оружейных расщепляющихся материалов в России и СНГ. № 1 (43), январь–февраль 1999, с. 88.

Аюмов Родион

ДОВСЕ — вчера, сегодня... Завтра?.. № 1 (96), весна 2011, с. 61; № 2 (97), лето 2011, с. 21 *(в соавторстве)*

Б

Бадрак Валентин

Украинско-российское ВТС: взгляд из Украины. № 3 (73), осень 2004, с. 109.

Баев Павел

Виртуальная геополитика Центральной Азии. № 1 (84), весна 2008, с. 83.

Байерли Джон

Россия — ключевой партнер США в деле нераспространения. № 2 (93), лето 2010, с. 15.

Баландина Людмила

Позиции пятнадцати государств бывшего Советского Союза накануне Конференции по ДНЯО. № 5 (5), май 1995, с. 1.

Балуджи Гейдар Али

О ядерном выборе Ирана. № 4 (70), зима 2003, с. 51.

Балуевский Юрий

«Договор СНП отвечает интересам России и сегодня, и в перспективе». № 1 (67), весна 2003, с. 9.

Ядерное сдерживание и сокращение стратегических наступательных потенциалов. № 1 (71), весна 2004, с. 31; № 2 (80), лето 2006, с. 99.

Индекс безопасности глобального мира: российское измерение. № 1 (81), весна 2007, с. 33.

Только на основе взаимного глубокого изучения стратегических документов могут быть построены равноправные взаимовыгодные отношения НАТО и России. № 4 (95), зима 2010, с. 21.

Банн Джордж

Ядерное разоружение: достаточно ли обязательств взяли на себя пять ядерных государств по Договору о нераспространении ядерного оружия? № 3 (3), март 1995, с. 2; № 4 (4), апрель 1995, с. 2 *(в соавторстве)*

Право выхода из ДНЯО: мнение двух участников переговоров по выработке Договора. № 3 (77), осень 2005, с. 31 *(в соавторстве)*

Банн Мэтью

Администрация Буша и политика нераспространения: скептики у власти. № 3 (57), май–июнь 2001, с. 20.

Барабанов Михаил

Перспективы атомного подводного судостроения в XXI в. № 2 (72), лето 2004, с. 133.

Атомное надводное судостроение в начале XXI века. № 1 (75), весна 2005, с. 141.

Басрур Раджеш

К вопросу о ядерной доктрине Индии. № 1 (75), весна 2005, с. 41.

Батурин Юрий

Обращение к читателям. № 1 (1), январь 1995, с. 1.

Ядерная безопасность до и после московской встречи в верхах. № 6–7 (18–19), июнь–июль 1996, с. 10.

Белобородова Наталья

Глобальное партнерство в российско-японских отношениях. № 3 (69), осень 2003, с. 139.

Белова Анна

Итоги реформирования атомной отрасли России. № 2 (85), лето 2008, с. 141.

Белова Людмила

Космические средства наблюдения за нераспространением ядерного оружия. № 8–9 (20–21), август–сентябрь 1996, с. 15; № 10 (22), октябрь 1996, с. 14 *(в соавторстве)*

Белоус Владимир

Тактическое ядерное оружие в новых геополитических условиях. № 2 (14), февраль 1996, с. 2.

Будет ли ратифицирован договор СНВ-2? № 6–7 (18–19), июнь–июль 1996, с. 31

Ракетно-ядерная программа Северной Кореи. № 1 (25), январь 1997, с. 5.

Может ли Япония стать ракетно-ядерной державой? № (2) 26, февраль 1997, с. 20.

Концепция ядерного сдерживания и договор СНВ-3. № 2 (38), март–апрель 1998, с. 44.

Характеристики и задачи современного нейтронного оружия. № 3 (45), май–июнь 1999, с. 61.

Угроза использования ЭМИ-оружия в военных и террористических целях. № 1 (75), весна 2005, с. 133.

Белоусов Владимир

Всеобъемлющее запрещение ядерных испытаний: проблемы, смежные области и реальности. № 7 (7), июль 1995, с. 2 *(в соавторстве)*

Взаимосвязь проблем ПРО, ядерных вооружений и нераспространения оружия массового уничтожения. № 3 (15), март 1996, с. 14 *(в соавторстве)*

Беляева Марина

О некоторых актуальных проблемах экспортного контроля в ядерной области. № 10–11 (34–35), октябрь–ноябрь 1997, с. 41.

Бенджамин-Альварадо Джонатан

Демонизация Кубы: что делать? № 3 (51), май–июнь 2000, с. 58.

Бердыев Марат

Инициатива по безопасности в области распространения ОМУ: взгляд из России. № 3 (77), осень 2005, с. 69 *(в соавторстве)*

Бертч Гэри

Запад, экспортный контроль и Россия. № 1 (1), январь 1995, с. 18.

Бликс Ханс

МАГАТЭ и ядерная энергетика: на пороге нового века. № 10 (22), октябрь 1996, с. 3.

Сегодня я вижу три ключевые проблемы нераспространения. № 4 (74), зима 2004, с. 173; № 2 (80), лето 2006, с. 187.

Нераспространение: взгляд с *Венеры.* № 1 (100), весна 2012, с. 61.

Бо Бойсен Сорен

Перспективы расширения сотрудничества России и НАТО в области совместного миротворчества. № 1 (84), весна 2008, с. 55 *(в соавторстве)*

Богдан Валерий

Атомная энергетика для России — это единственный способ перестать быть сырьевым придатком. № 8 (8), август 1995, с. 8.

Использование плутония в России. № 11 (11), ноябрь 1995, с. 13 *(в соавторстве)*

Болсуновский Александр

Кто поспорит с президентом? № 1 (1), январь 1995, с. 16.

Проблемы сохранности ядерных материалов на предприятиях России. № 9 (9), сентябрь 1995, с. 16. *(в соавторстве)*

Пути использования ядерных материалов в России после демонтажа боеголовок. № 12 (24), декабрь 1996, с. 2.

Об интервью Евгения Мишина и о проблеме сохранности ядерных материалов. № 6, ноябрь-декабрь, с. 70.

Болтон Джон

«Инициатива по безопасности в области распространения — не формальная организация, а комплекс мер». № 3 (73), осень 2004, с. 15.

Борисенко Андрей

Переговоры по тактическому ядерному оружию: проблемы и перспективы. № 2 (62), март–апрель 2002, с. 41 (*в соавторстве)*

Борисов Тенгиз

Захоронение отравляющих веществ на дне Балтийского и Северного морей после Второй мировой войны. № 3 (63), май–июнь 2002, с. 75 *(в соавторстве)*

Бохановский Леонид

Создание универсальной модели спроса и предложения на газ под эгидой ФСЭГ — основная перспектива российского участия в форуме. № 3 (94), осень 2010, с. 23.

Братерский Максим

Откровенно о политике? № 2 (97), лето 2011, с. 173–178.

Братчиков Игорь

Внеблоковость позволяет Берну играть заметную роль на европейском континенте. № 1 (92), весна 2010, с. 17.

Брезкун Сергей

Ядерное равновесие и стабильность в современном мире. № 4 (52), июль–август 2000, с. 40.

Брукс Линтон

Надежные замещающие боеприпасы: как они помогут делу нераспространения. № 3 (83), зима 2007, с. 135.

Бухарин Олег

Интеграция военного и гражданского ядерных топливных циклов в России. № 9, сентябрь 1995, с. 10.

Проблемы ядерного терроризма. № (3) 16, март 1996, с. 2.

Консолидация ядерных оружейных комплексов США и России после окончания холодной войны. № 5 (47), сентябрь–октябрь 1999, с. 43.

Эффективность физической защиты: уроки специальных программ Комиссии по ядерному регулированию США. № 2 (50), март–апрель 2000, с. 67.

Быстрова Иветта

Взаимосвязь проблем ПРО, ядерных вооружений и нераспространения оружия массового уничтожения. № 3 (15), март 1996, с. 14 *(в соавторстве)*

В

Валынкин Игорь

«Мы сделаем все, чтобы новоземельское ЧП не повторилось». № 6 (42), ноябрь–декабрь 1998, с. 42.

Ван дер Меер Адриаан

Человеческое измерение ядерной безопасности. № 1 (100), весна 2012, с. 107.

Васильев Владимир

Национальная система ПРО США: возможности и перспективы. № 2 (62), март–апрель 2002, с. 48 *(в соавторстве)*

Велихов Евгений

Физико-технологические и правовые основания отнесения тепловыделяющих сборок для ядерных реакторов к непотребляемым вещам. № 5 (53), сентябрь–октябрь 2000, с. 86 *(в соавторстве)*

Верховцев Владимир

Безопасность ядерного оружия — приоритет России на долгосрочную перспективу. № 1 (75), весна 2005, с. 29.

Обеспечение безопасности ядерного оружия — одна из главных задач национальной безопасности. № 1 (96), весна 2011, с. 77.

О главном ядерном управлении. № 3 (83), зима 2007, с. 171.

Вильданов Мидыхат

Ракетная гордость страны. № 3 (86), осень 2008, с. 169.

Виноградов Михаил

О необходимости ограничения работ по модернизации существующих ядерных вооружений и при разработке новых ядерных боеприпасов. № 2 (50), март–апрель 2000, с. 34.

Володин Юрий

К вопросу об укреплении режима нераспространения ядерного оружия. № 1 (25), январь 1997, с. 2 *(в соавторстве)*

Организованная преступность + местные элиты = ядерный шантаж. № 12 (36), декабрь 1997, с. 17 *(в соавторстве)*

Волошин Николай

«Подкритические испытания — важная составляющая проверки». № 5 (47), сентябрь–октябрь 1999, с. 29.

Тернистый путь нераспространения. № 1 (100), весна 2012, с. 209.

Вольфсон Зеев

Об интервью Валентина Евстигнеева: «Штамм Эболы в Россию привезли разведчики». № 3 (51), май–июнь 2000, с. 81.

Вольфстал Джон

Новые стратегические взаимоотношения между Россией и США: проблемы и перспективы. № 3 (63), май–июнь 2002, с. 4 *(в соавторстве)*

Воробьев Анатолий

Физико-технологические и правовые основания отнесения тепловыделяющих сборок для ядерных реакторов к непотребляемым вещам. № 5 (53), сентябрь–октябрь 2000, с. 86 *(в соавторстве)*

Воронков Владимир

Договор о европейской безопасности: после Корфу. № 3–4 (90–91), осень–зима 2009, с. 143.

Воронов Виктор

СНВ-3: проблемы равной безопасности (о рамочных соглашениях к будущему договору). № 3 (51), май–июнь 2000, с. 62.

Вотановская Екатерина

Азоры здесь тихие. № 2 (89), лето 2009, с. 11.

Г

Галака Сергей

Программа Нанна–Лугара на Украине. № 3 (51), май–июнь 2000, с. 51 *(в соавторстве).*

Гагаринский Андрей

Малая энергетика — хорошо забытое старое и неизбежное будущее. № 2 (85), лето 2008, с. 33 *(в соавторстве)*

Гареев Махмут

Так на кого же нацелены ракеты? № 1 (75), весна 2005, с. 183.

Гвоздева Светлана

Закон об экспортном контроле: нужен, но требует доработки. № 3 (45), май–июнь 1999, с. 13 *(в соавторстве)*

Гелескул Елена

Бомба для Каддафи: история одной игры. № 1 (88), весна 2009, с. 143.

Герасим Михаил

Новый вектор сотрудничества России и США в области нераспространения: «операция Винча». № 6 (66), ноябрь–декабрь 2002, с. 70.

де Глиниасти Жан

Каждое государство должно внести свой вклад в обеспечение ядерного разоружения. № 3–4 (90–91), осень–зима 2009, с. 17.

Голдблат Йозеф

Необходимо отменить статью о выходе из Договора о нераспространении ядерного оружия. № 4 (78), зима 2005, с. 155.

Голиков Александр

Современная сельскохозяйственная биотехнология и национальная безопасность. № 3–4 (90–91), осень–зима 2009, с. 83–89.

Голоскоков Игорь

Реформирование войск МВД по охране ядерных объектов России. № 4 (70), зима 2003, с. 39.

Голотюк Юрий

Контроль над распространением легкого и стрелкового оружия: взгляд из России. № 3 (63), май–июнь 2002, с. 45 *(в соавторстве)*

Голубов Борис

Экологические последствия подземных ядерных взрывов. № 10 (10), октябрь 1995, с. 14 *(в соавторстве)*

Гончарук Артем.

Атомная отрасль Китая: новый *Большой скачок*? № 4 (99), зима 2011, с. 77.

Гор Альберт

Российско-американское сотрудничество: в ближайшем будущем ожидаем прогресса. № 12 (24), декабрь 1996, с. 5 *(в соавторстве)*

Горбулин Вдадимир

Доверие и ядерное разоружение. № 2 (93), лето 2010, с. 167.

Гордиенко Андрей

Возможности ратификации Договора СНВ-2 нынешней осенью: предпосылки и препятствия. № 4 (40), июль–август 1998, с. 5.

Горностаев Геннадий

Россия и мировой рынок оружия. № 4 (40), июль–август 1998, с. 43.

Горьковский Евгений

Образование в области разоружения: требуется активизация усилий. № 5 (59), сентябрь–октябрь 2001, с. 66.

Готтемюллер Роуз

Новые стратегические взаимоотношения между Россией и США: проблемы и перспективы. № 3 (63), май–июнь 2002, с. 4 (*в соавторстве)*

Контроль над вооружением и нераспространением: задачи для новой администрации. № 2 (89), лето 2009, с. 125.

Новый договор СНВ — продолжение успешной истории и победа для обеих сторон. № 2 (97), лето 2011, с. 15.

От Манхэттенского проекта к облачным технологиям: контроль над вооружениями в информационный век. № 1 (100), весна 2012, с. 111.

Граве Алексей

Экспортный контроль в России и безопасность международных перевозок ядерных материалов. № 3 (86), осень 2008, с. 85 *(в соавторстве)*

Гребенщиков Андрей

Проблема северокорейского «вызова»: взгляд из России. № 2 (72), лето 2004, с. 105.

Григорьев Александр

Дистанционный мониторинг ядерных материалов в России. № 11 (23), ноябрь 1996, с. 12 *(в соавторстве)*

Громыко Алексей

Проект панъевропейской системы безопасности: первые результаты. № 3 (94), осень 2010, с. 99.

Гудби Джеймс

Инициатива ядерного разоружения как составляющая будущих соглашений. № 2 (89), лето 2009, с. 19.

Гуриев Сергей

Ни революций, ни переворотов ожидать не стоит. № 2 (89), лето 2009, с. 11.

Гуща Александр

Космические программы развивающихся стран и международная безопасность. № 4 (87), зима 2008, с. 83 *(в соавторстве)*

Гюрзель Айлин

Нужно ли Турции американское ядерное оружие? № 3 (86), осень 2008, с. 117 *(в соавторстве)*

Д

Дав Элисон

О нормативных документах по учету, контролю и физической защите свежего топлива на Военно-морском флоте России. № 1 (43), январь–февраль 1999, с. 83 *(в соавторстве)*

Данапала Джаянта

Теперь мы должны сделать весь мир безъядерной зоной. № 6 (6), июнь 1995, с. 14; № 2 (80), лето 2006, с. 31.

Данилов Дмитрий

Договор о европейской безопасности в рамках треугольника ЕС–США–НАТО. № 3 (94), осень 2010, с. 67.

Дворкин Владимир

Состояние и перспективы развития ракетного вооружения в странах *третьего мира* в период до 2015 года. № 1 (61), январь–февраль 2002, с. 43; № 2 (80), лето 2006, с. 155.

О предварительных уроках войны в Ираке. № 2 (68), лето 2003, с. 125.

О сотрудничестве России, США и Европы в создании ПРО. № 4 (74), зима 2004, с. 43.

Компромисс в оценках угроз. № 1 (92), весна 2010, с. 163.

Девятков Андрей

Замороженные конфликты как предмет диалога о европейской безопасности. № 4 (95), зима 2010, с. 175.

Демидов Олег

Социальные сетевые сервисы в контексте национальной и международной безопасности. № 4 (99), зима 2011, с. 59.

Денисов Андрей

СНГ — отнюдь не умершая организация, и вопрос о роспуске Сотрудничества не стоит. № 3 (83), зима 2007, с. 15.

Детинов Александр

Механизм выработки и принятия решений по вопросам контроля над вооружениями в СССР. № 1 (49), январь–февраль 2000, с. 64 *(в соавторстве)*

Джонс Майкл

Об испытаниях систем противоракетной обороны в Тихом океане. № 5 (47), сентябрь–октябрь 1999, с. 57.

Джонс Скотт

Система ликвидации избыточных вооружений США: недооцененная угроза распространения. № 2 (44), март–апрель 1999, с. 54.

Джонсон Лок

Стратегическая разведка и распространение ядерного оружия. № 8 (8), август 1995, с. 18.

Джонсон Ребекка

Подготовка к конференции по ДНЯО 2010 г.: основные задачи. № 2 (93), лето 2010, с. 121.

Диас-Баларт Фидель Кастро

Ядерный путь Кубы. № 4 (58), июль–август 2001, с. 57.

Длужневский Борис

Режим контроля над ракетными технологиями (РКРТ) в России, США и на Украине. № 3 (3), март 1995, с. 12 *(в соавторстве)*

Дольник Адам

Усама бен Ладен и оружие массового уничтожения. № 4 (58), июль–август 2001, с. 4; № 2 (80), лето 2006, с. 87.

Дуарте Сержио

«Как можно говорить о развитии атомной энергетики и при этом накладывать ограничения на это развитие? — вот дилемма, стоящая перед участниками ДНЯО». № 1, весна 2005, с. 13.

Простым ужесточением контроля проблему ядерной угрозы не решить. № 1 (84), весна 2008, с. 11.

Дубенсков Олег

Космические средства наблюдения за нераспространением ядерного оружия. № 8–9 (20–21), август–сентябрь 1996, с. 15; № 10 (22), октябрь, с. 14 (*в соавторстве)*

Дьяков Анатолий

Сокращение ядерных вооружений и вопросы транспарентности. № 5 (47), сентябрь–октябрь 1999, с. 37.

Контроль над стратегическими наступательными вооружениями России и США после 2009 г.: возможен ли компромисс? № 4 (87), зима 2008, с. 41.

Дьяченко Владимир

Оружие нелетального воздействия. № 5 (65), сентябрь–октябрь 2002, с. 58 *(в соавторстве)*

Дьяченко Олег

Правовое регулирование экспорта обычного вооружения и военной техники в Российской Федерации. № 1, январь–февраль 1999, с. 57.

Е

Евдокимов Евгений

Внешнеполитическая пропаганда КНР в период подготовки и проведения олимпийских игр в Пекине. № 1 (92), весна 2010, с. 145.

Евстафьев Геннадий

Девять вопросов о ядерном нераспространении. № 1 (1), январь 1995, с. 12.

Дискуссия о будущем ядерного оружия только разворачивается. № 6 (6), июнь 1995, с. 18.

Экспортный контроль в России: наивно ожидать простых решений. № 3 (45), май–июнь1999, с. 8.

Нераспространение ОМУ: некоторые проблемы и риски. № 1 (71), весна 2004, с. 65.

Беспилотные летательные аппараты в классических и террористических войнах. № 3 (73), осень 2004, с. 77 (*в соавторстве)*

Полвека в авиации. Записки академика. № 3 (73), осень 2004, с. 155.

Разоружение Ирака. № 1 (75), весна 2005, с. 177.

Распространение беспилотных летательных аппаратов — нарастающая угроза безопасности. № 2 (76), лето 2005, с. 55.

Америка теряет свои «вулканы». № 4 (78), зима 2005, с. 143.

Некоторые размышления об эволюции подходов США к проблемам региональной безопасности в Центральной Азии. № 1 (79), зима 2006, с. 45.

Несколько вопросов о ядерном нераспространении. № 2 (80), лето 2006, с. 15.

Разоружение возвращается. № 2 (82), лето-осень 2007, с. 41.

ООО «Вооруженные силы». № 3 (83), зима 2007, с. 179.

Политика в стиле slam dunk. № 1 (84), весна 2008, с. 133.

Обучение историей: Запад и ядерное оружие Пакистана. № 1 (88), весна 2009, с. 153.

Исповедь американского политического ястреба. № 2 (89), лето 2009, с. 173.

Ядерное оружие практически исчерпало себя как политическое средство. № 1 (100), весна 2012, с. 31.

Евстафьев Дмитрий

Ядерный фактор и региональные балансы сил. № 10 (10), октябрь 1995, с. 8.

Новое в ядерной стратегии США: Ядерное сдерживание на региональном уровне? № 11 (11), ноябрь 1995, с. 18 *(в соавторстве)*

Неядерное сдерживание в постсоветскую эпоху. № 10 (22), октябрь 1996, с. 21.

О глобализации режима нераспространения ядерного оружия. № 3 (27), март 1997, с. 2.

Обновление российской власти и проблемы контроля над вооружениями. № 2 (50), март–апрель 2000, с. 5 *(в соавторстве)*

Ядерный кризис на Корейском полуострове: возможные сценарии развития. № 2 (68), лето 2003, с. 131.

Наследство Средмаша во взаимоотношениях Москвы и регионов в начале 1990-х гг. № 4, зима 2004, с. 147.

Апокалипсис? — No! № 1 (81), весна 2007, с. 156.

В предчувствии глобальных перемен. № 2 (82), лето–осень 2007, с. 176.

Суверенная демократия — глобальный контекст. № 3 (83), зима 2007, с. 155.

Стратегическая стабильность переходного периода, или торможение на взлете. № 1 (84), весна 2008, с. 112.

Консенсус прошлого и дилеммы будущего. № 2 (85), лето 2008, с. 168.

Фокусы с электричеством, или разоблачение магии. № 3 (86), осень 2008, с. 148.

В ожидании зари многополярности: заметки на полях мирового финансового кризиса. № 4 (87), зима 2008, с. 133.

Мировая политика вступает в зону тумана. № 1 (88), весна 2009, с. 129.

Контуры *большой игры* и *конец истории*. № 2 (89), лето 2009, с. 159.

Глобальная повестка дня сквозь туман кризиса. № 3–4 (90–91), осень — зима 2009, с. 171.

Политэкономия современной геополитики. № 2 (93), лето 2010, с. 139.

Запоздалое начало нового мирового беспорядка. № 3 (94), осень 2010, с. 125.

2010 год, итоги. Объективная реальность, данная нам в ощущениях. № 4 (95), зима 2010, с. 141.

Новый облик Вооруженных сил: фантом или вынужденная реальность. № 1 (96), весна 2011, с. 7.

Хроника объявленных смертей. № 2 (97), лето 2011, с. 140–152.

Нулевые позади — время подводить итоги. № 3 (98), осень 2011, с. 144–156.

Перезагрузка мертва. № 4 (99), зима 2011, с. 138.

Ветер перемен переходит в шторм. № 1 (100), весна 2012, с. 169.

Евстигнеев Валентин

Штамм Эболы в Россию привезли разведчики. № 4 (46), июль–август 1999, с. 15; № 2 (80), лето 2006, с. 41.

Егоров Николай

Вопросы хранения и утилизации плутония еще ждут своего решения. № 2 (26), февраль 1997, с. 9.

Ельченко Владимир

Россия–Украина: альтернативы развитию стратегического партнерства нет. № 3 (98), осень 2011, с. 17.

Ерастов Виктор

Ядерные злоумышленники в Челябинской области могли нанести серьезный вред государству. № 6 (48), ноябрь–декабрь 1999, с. 40.

Ермаков Владимир

Эволюция экспортно-контрольного законодательства США. № 4 (58), июль–август 2001, с. 47 *(в соавторстве)*

Ершова Ксения

Студенты ведут «переговоры» по заключению Договора СНВ-3. № 5 (17), май 1996, с. 16 *(в соавторстве)*

Есин Виктор

Ядерное оружие будет применено тогда, когда в результате агрессии встанет вопрос: быть или не быть России. № 2 (50), март–апрель 2000, с. 29.

О военной реформе в Российской Федерации. № 3 (63), май–июнь 2002, с. 66.

Ядерное сдерживание в стратегическом диалоге между Россией и США. № 1 (67), весна 2003, с. 131.

Пути противодействия международному терроризму. № 4 (70), зима 2003, с. 89.

А был ли «ядерный чемоданчик»? № 2 (76), лето 2005, с. 67.

В ином свете. № 1 (100), весна 2012, с. 191.

Ефимов Андрей

Новые вызовы международному режиму нераспространения и Группа ядерных поставщиков. № 3 (51), май–июнь 2000, с. 54.

Ё

Ёсинори Такэда

Северокорейский ядерный кризис и международные отношения в Северо-Восточной Азии. № 1 (75), весна 2005, с. 117.

Ж

Жантикин Тимур

Государственная система контроля ядерных материалов в Республике Казахстан. № 6–7 (30–31), июнь–июль 1997, с. 36 *(в соавторстве)*

Жильцов Сергей

Борьба за воду. № 3 (86), осень 2008, с. 49 *(в соавторстве)*

З

Заборский Виктор

Ядерная энергетика Украины: проблемы и перспективы. № 5 (47), сентябрь–октябрь 1999, с. 67.

Заварзин Виктор

Военное присутствие России в Центральной Азии будет способствовать стабилизации региона. № 1 (79), зима 2006, с. 21.

Отношениям России и НАТО нужна *перезагрузка.* № 3–4 (90–91), осень–зима 2009, с. 21.

Загидуллин Сергей

Российский ядерный комплекс и Государственная Дума: проблемы и перспективы. № 5 (59), сентябрь–октябрь 2001, с. 40.

Загорский Андрей

Модели европейской безопасности. № 6–7 (18–19), июнь–июль 1996, с. 24.

Заппелли Даниэль

Подчас просвещенный деспот во главе государства — наилучшее решение. № 1 (84), весна 2008, с. 23.

Захаров Валентин

Состояние ядерного оружейного комплекса в странах ближнего зарубежья. № 1 (13), январь 1996, с. 15 *(в соавторстве)*

Захаров Владимир

О мотивации военного строительства в России. № 2 (44), март–апрель 1999, с. 67.

Зведре Евгений

Российско-американский диалог по нераспространению: иранский фактор и взаимодействие в экспортном контроле. № 3 (51), май–июнь 2000, с. 4.

Эволюция экспортно-контрольного законодательства США. № 4 (58), июль–август 2001, с. 47 *(в соавторстве)*

Становление системы экспортного контроля в России. Участие России в международном сотрудничестве в области нераспространения и экспортного контроля. № 1 (55), январь–февраль 2001, с. 32.

Глобальная система экспортного контроля и международный кодекс поведения. № 1, весна 2003, с. 155.

Зеленцов Сергей

Ядерный арсенал должен быть в одних руках. № 5 (17), май 1996, с. 20.

Зобов Андрей

Новая эра в ядерной политике России? № 8 (8), август 1995, с. 12 *(в соавторстве)*

Северокорейская ядерная программа. Безопасность, стратегия и новый взгляд из России. № 3 (51), май–июнь 2000, с. 84.

Вооруженные силы Ирана на переходном этапе. Обычные угрозы и оружие массового уничтожения. № 4 (58), июль–август 2001, с. 77.

Партнеры по необходимости. Стратегические взаимоотношения России и Ирана. № 1 (61), январь–февраль 2002, с. 84.

Ежегодник СИПРИ 2003. Вооружения, разоружение и международная безопасность. № 3 (73), осень 2004, с. 157.

Зуева Ирина

Déjà Vu, или юбилейные традиции Балкан. № 1 (88), весна 2009, с. 107.

Большой балканский демонтаж. № 2 (93), лето 2010, с. 87.

Зульхарнеев Альберт

Энергетические интересы Ирана в Каспийском регионе. № 2 (93), лето 2010, с. 45.

Кадровый резерв для военной реформы гражданского министра. № 1 (96), весна 2011, с. 149.

И

Ибрагимова Галия

Атомная энергетика в Центральной Азии: есть ли перспективы? № 4 (95), зима 2010, с. 77.

Афганистан: что его ждет и что это значит для России. № 2 (97), лето 2011, с. 113. *(в соавторстве)*

Иванов Александр

Некоторые практические вопросы выполнения Россией обязательств по Конвенциям о запрещении химического и биологического оружия. № 2, март–апрель 1998, с. 74.

Иванов Игорь

Неделимость безопасности в глобальном мире. № 4 (99), зима 2011, с. 29.

Ижак Алексей

Циклы расширения НАТО. № 5, сентябрь–октябрь 2001, с. 43 *(в соавторстве)*

Измайлов Александр

Взаимосвязь и вопросы интеграции системы физической защиты и системы учета и контроля ядерных материалов. № 6 (54), ноябрь–декабрь 2000, с. 66.

Илькаев Радий

Организованная преступность + местные элиты = ядерный шантаж. № 12 (36), декабрь 1997, с. 17 *(в соавторстве)*

Илюхин Виктор

Государственная Дума о ратификации СНВ-2. № 5 (29), май 1997, с. 2 *(в соавторстве)*

Иффт Эдвард

Следующие шаги в российско-американском процессе сокращения вооружений. № 2 (89), лето 2009, с. 125.

Й

Йорыш Абрам

Об изменении норм уголовного права, регулирующих использование атомной энергии. № 3 (45), май–июнь 1999, с. 51.

К

Каграманян Владимир

Использование плутония в России. № 11 (11), ноябрь 1995, с. 13 *(в соавторстве)*

Казыханов Ержан

Казахстан с сожалением отмечает малоэффективность и асимметричность ДНЯО. № 1 (100), весна 2012, с. 37.

Калинин Ремос

Первая атомная подводная лодка на Дальнем Востоке. № 1 (71), весна 2004, с. 165.

Калинина Наталия

Нормативная правовая база Российской Федерации в области химического разоружения. № 6 (48), ноябрь–декабрь 1999, с. 50.

Эффективность Конвенции по химическому оружию зависит от действий России. № 1, весна 2003, с. 89.

Для Конвенции по запрещению химического оружия наступило время «Ч». № 1 (88), весна 2009, с. 169.

Глиняные ноги российского ОПК. № 3–4 (90–91), осень–зима 2009, с. 47 *(в соавторстве)*

Договор о торговле оружием: заставить пушки замолчать. № 3 (94), осень 2010, с. 81 *(в соавторстве)*

Калядин Александр

«Семь опор» ядерного нераспространения: вклад и перспективы России. № 10–11 (34–35), октябрь–ноябрь 1997, с. 16.

Россия и ядерное нераспространение. 1945–1968. № 3, май–июнь 1999, с. 82.

Россия перед лицом дефолта по обязательствам в отношении КХО. № 3 (45), май–июнь 1999, с. 54.

Проблема своевременной ликвидации запасов химического оружия бывшего СССР. № 2 (56), март–апрель 2001, с. 48.

Последний шанс? (По поводу продления общего срока уничтожения запасов химического оружия в РФ на пять лет). № 2 (62), март–апрель 2002, с. 28.

Роль силового принуждения в предотвращении распространения оружия массового уничтожения. № 3 (69), осень 2003, с. 49.

Станет ли ИБОР действенным инструментом политики контрраспространения? № 1, весна 2005, с. 65.

Камилов Абдулазиз

Создание зоны, свободной от ядерного оружия, — приоритет внешнеполитической деятельности Узбекистана. № 8–9 (32–33), август–сентябрь 1997, с. 12.

Кармазин Евгений

Некоторые аспекты международно-правового ограничения противолодочной деятельности государств на современном этапе. № 3 (63), май–июнь 2002, с. 31 *(в соавторстве)*

Касаев Эльдар

Ирак: инвестиционные интересы России. № 1 (88), весна 2009, с. 59.

Кенжетаев Марат

ВТС России со странами Ближнего и Среднего Востока. № 1 (71), весна 2004, с. 131.

Кибароглу Мустафа

Нужно ли Турции американское ядерное оружие? № 3 (86), осень 2008, с. 117 *(в соавторстве)*

Кириенко Сергей

Россия выполняет обязательства по уничтожению своих арсеналов химического оружия. № 6 (66), ноябрь–декабрь 2002, с. 4.

При существующей сейчас конкуренции невозможно быть вторым. № 2 (85), лето 2008, с. 11.

Кириллин Михаил

Несколько американских фирм, занимающихся разработкой ракетной техники, связаны с иранцами. № 2 (38), март–апрель 1998, с. 37; № 2 (80), лето 2006, с. 37.

Кириллов Юрий

Возможно, пора выдвинуть идею договора о гарантиях ядерного сдерживания. № 6 (66), ноябрь–декабрь 2002, с. 31.

Кириченко Элина

Система экспортного контроля России в целях нераспространения оружия массового уничтожения. № 5 (5), май 1995, с. 15.

Национальная система экспортного контроля США и России: сравнительный анализ. № 5 (53), сентябрь–октябрь 2000, с. 74.

Ракетный режим экспортного контроля: вызовы и вопросы, ждущие ответов. № 6 (66), ноябрь–декабрь 2002, с. 52.

Передача технологий и экспортный контроль в век глобализации. № 3 (69), осень 2003, с. 127.

«Серые зоны» распространения в Закавказье. № 4, зима 2004, с. 59 *(в соавторстве)*

Трансформация системы экспортного контроля в России. № 4 (74), зима 2004, с. 125 *(в соавторстве)*

де Китспоттер Винсен

Большая игра в Центральной Азии. № 1 (75), весна 2005, с. 81.

Киселев Геннадий

О статье Алексея Яблокова «Об опасных последствиях внешнеполитической деятельности Минатома». № 1 (37), январь–февраль 1998, с. 77.

Кисляк Сергей

Россия выступила против того, чтобы расколоть Конференцию на лагерь победителей и горстку побежденных. № 6 (6), июнь 1995, с. 16; № 2 (80), лето 2006, с. 27.

Иран: ситуация стала понятнее, но не все вопросы сняты. № 2 (76), лето 2005, с. 9.

Перезагрузка российско-американских отношений — это избавление от вредоносных вирусов, мешавших нашему диалогу. № 3–4 (90–91), осень–зима 2009, с. 11.

Кисляк Юлия

Влияние процессов развития Интернет-технологий на геополитические интересы государства. № 6 (54), ноябрь–декабрь 2000, с. 30 *(в соавторстве)*

де Клерк Пит

Деятельность МАГАТЭ в свете решений Конференции по рассмотрению действия ДНЯО. № 1 (55), январь–февраль 2001, с. 61.

Клименко Владимир

Новый взгляд на использование ядерно-взрывной технологии в мирных целях. № 4 (4), апрель 1995, с. 21.

Ключанская Светлана

Перспективы сотрудничества России и стран Юго-Восточной Азии в стратегических областях. № 2 (97), зима 2010, с. 55.

Князева Елена

Опыт иностранных армий мы изучаем не с целью копирования, а для анализа и адаптации к современным российским реалиям. № 1 (96), весна 2011, с. 11.

Кобяков Даниил

Рожденные атомной эрой. № 2 (72), лето 2004, с. 159.

«Серые зоны» распространения в Закавказье. № 4 (74), зима 2004, с. 59 *(в соавторстве)*

Укрощение ядра: Страницы истории ядерного оружия и ядерной инфраструктуры СССР. № 4 (74), зима 2004, с. 169.

Программа возврата топлива исследовательских реакторов советского производства: время *собирать камни*. № 1 (79), зима 2006, с. 143 *(в соавторстве)*

Ковалев Александр

Международно-правовой режим Арктики и интересы России. № 3–4 (90–91), осень — зима 2009, с. 115.

Ковалева Светлана

Радиоактивная угроза из-под воды: как она возникла. № 2 (56), март–апрель 2001, с. 71 *(в соавторстве)*

Захоронение отравляющих веществ на дне Балтийского и Северного морей после Второй мировой войны. № 3 (63), май–июнь 2002, с. 75 *(в соавторстве)*

«Я даже для одной бомбы не вижу применения». Об академике Льве Феоктистове. № 1 (67), весна 2003, с. 165.

Рожденная атомным веком. № 1 (67), весна 2003, с. 187.

Ковчегин Дмитрий

Обновление российской власти и проблемы контроля над вооружениями. № 2 (50), март–апрель 2000, с. 5 *(в соавторстве)*

Об инициативе президента Путина на Саммите тысячелетия ООН. № 6 (54), ноябрь–декабрь 2000, с. 62. *(в соавторстве)*

Реструктуризация Минатома: проблемы и перспективы. № 3 (57), май–июнь 2001, с. 53.

ИНПРО: новый подход к ядерной энергетике будущего. № 1 (61), январь–февраль 2002, с. 56.

Решения по глобальной безопасности на саммите в Кананаскисе. № 5 (65), сентябрь–октябрь 2002, с. 4. *(в соавторстве)*

Налогообложение средств, выделяемых в рамках российско-американского сотрудничества в области нераспространения. № 6 (66), ноябрь–декабрь 2002, с. 58.

Международный рынок ОЯТ: есть ли у России перспективы? № 2 (68), лето 2003, с. 69.

Переработка ОЯТ в контексте реализации программы Глобального партнерства. № 2 (76), лето 2005, с. 105.

Кожин Вячеслав

Физико-технологические и правовые основания отнесения тепловыделяющих сборок для ядерных реакторов к непотребляемым вещам. № 5 (53), сентябрь–октябрь 2000, с. 86 *(в соавторстве)*

Козлов Виктор

Перспективы российского атомного экспорта. № 3 (69), осень 2003, с. 119.

Перспективы российско-индийского сотрудничества в ядерной сфере. № 3 (73), осень 2004, с. 37.

Козлов Михаил

Режим контроля над ракетной технологией: структура и функционирование. № 8–9 (20–21), август–сентябрь 1996, с. 20.

Козюлин Вадим

Зачем России вооружать Пакистан? № 3 (39), май–июнь 1998, с. 51.

По поводу возможной активизации реэкспорта российских вооружений. № 6 (48), ноябрь–декабрь 1999, с. 43.

Экспортный потенциал наземно-космической обороны — скрытое оружие России. № 1 (49), январь–февраль 2000, с. 15.

Россия–Сирия: военно-технический торг. № 3 (51), май–июнь 2000, с. 66.

Сирийское ракетное устрашение — последний парад наступает? № 1 (49), январь–февраль 2001, с. 67.

ВТС: российско-израильское противостояние. № 1 (67), весна 2003, с. 17.

Зеленая «Иголочка», белые ниточки, или как сотрудничество крупнейших спецслужб мира помогло разоблачить международного террориста. № 4 (78), зима 2005, с. 119 (*в соавторстве)*

Россия и проблема бесконтрольного распространения легкого и стрелкового оружия. № 1, зима 2006, с. 157 *(в соавторстве)*

Государства Центральной Азии: развитие вооруженных сил и перспективы военно-технического сотрудничества с Россией. № 3 (83), зима 2007, с. 41.

Отнять винтовку у диктатора. № 3 (86), осень 2008, с. 33.

Судан между миром и войной. № 2 (89), лето 2009, с. 31.

Глиняные ноги российского ОПК. № 3–4 (90–91), осень–зима 2009, с. 47 *(в соавторстве)*

Договор о торговле оружием: заставить пушки замолчать. № 3 (94), осень 2010, с. 81 *(в соавторстве)*

ОПК: рецепты *реинкарнации.* № 1 (96), весна 2011, с. 143.

Афганистан: что его ждет и что это значит для России. № 2 (97), лето 2011, с. 113 *(в соавторстве)*

Кокеев Михаил

Роль ООН в системе регулирования вооружения. № 1 (37), январь–февраль 1998, с. 27.

Колтунов Виктор

Договор по ПРО не должен быть подорван в ходе создания систем нестратегической ПРО. № 12 (36), декабрь 1997, с. 2.

О статье Анатолия Шевцова «Договор об ограничении систем противоракетной обороны: основа стратегической стабильности или яблоко раздора?» № 4 (52), июль–август 2000, с. 78 *(в соавторстве)*

Коновалов Виталий

Физико-технологические и правовые основания отнесения тепловыделяющих сборок для ядерных реакторов к непотребляемым вещам. № 5 (53), сентябрь–октябрь 2000, с. 86 *(в соавторстве)*

Коротченко Игорь

Новый облик Вооруженных сил РФ становится реальностью. № 1 (96), весна 2011, с. 57.

Кортунов Сергей

Российско-американское взаимодействие в контексте «контрраспространения». № 10 (10), октябрь 1995, с. 1.

Будущее ядерного разоружения. № 5 (17), май 1996, с. 9.

Российско-американское партнерство и договор по ПРО. № 6–7 (30–31), июнь–июль 1997, с. 2.

Парадоксы ядерного сдерживания. № 8–9 (32–33), август–сентябрь 1997, с. 14.

Ядерный гамбит Барака Обамы. № 3 (98), осень 2011, с. 39.

Косачев Константин

Россия не должна замыкаться на выстраивании взаимосвязей исключительно с сегодняшними центрами силы. № 3 (77), осень 2005, с. 11.

Определиться с тем, что представляет собой сегодняшняя Россия, где ее место в мире. № 4 (87), зима 2008, с. 11.

Котлов Владислав

Сегодня России надо продавать все, что покупают. № 1 (37), январь–февраль 1998, с. 77.

Кочетков Лев

К истории создания первой АЭС в СССР. № 2 (72), лето 2004, с. 155.

Кочкин Алексей

Космические средства наблюдения за нераспространением ядерного оружия. № 8–9 (20–21), август–сентябрь 1996, с. 15; № 10 (22), октябрь 1996, с. 14 (*в соавторстве)*

Кравченко Николай

Лишь 25 процентов пунктов пропуска на границе оборудованы специальными приборами для пресечения ядерной контрабанды. № 8–9 (20–21), август–сентябрь 1996, с. 8; № 2 (80), лето 2006, с. 35.

Краснов Алексей

Иранская тема в российско-американском диалоге по ракетному нераспространению. № 5 (65), сентябрь–октябрь 2002, с. 56.

Сфера пилотируемых полетов всегда была ареной политического соперничества. № 2 (82), лето-осень 2007, с. 37.

Крупнов Юрий

Война с наркотиками — проиграна? № 3 (98), осень 2011, с. 85 *(полемика с Львом Левинсоном)*

Кудакаев Александр

Обзор современной военно-биологической программы США и интересы России. № 3 (27), март 1997, с. 20; № 2 (80), с. 71.

Кудрявцев Евгений

Международные проекты по утилизации оружейного плутония. Результаты и перспективы. № 10–11 (34–35), октябрь–ноябрь 1997, с. 27.

Кузнецов Евгений

Новое в ядерной стратегии США: Ядерное сдерживание на региональном уровне? № 11 (11), ноябрь 1995, с. 18 *(в соавторстве)*

Кулик Михаил

Некоторые проблемы хранения ядерных материалов на Северном флоте. № 2 (2), февраль 1995, с. 12; № 2 (80), лето 2006, с. 59

Андреева губа: раскрыто еще одно ядерное хищение. Версия следствия. № 11 (11), ноябрь 1995, с. 2

Куприянова Ирина

Оценка эффективности американских программ в области учета, контроля и физической защиты ядерных материалов в России. № 2 (62), март–апрель 2002, с. 56

Культура безопасности ядерных объектов: критерии оценки и способы ее повышения. № 2 (72), лето 2004, с. 45

Международный форум «Молодежь и плутониевая проблема». № 4 (40), июль–август 1998, с. 80

Кутнаева Нурия

Перспективы заключения Договора о создании зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии. № 1 (79), зима 2006, с. 59

О подписании Договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии. № 1 (81), весна 2007, с. 131 *(в соавторстве)*

Л

Лаврищев Василий

Подо мной — Кавказ, со мной — ядерный боеприпас. № 1 (100), весна 2012, с. 183.

Лавров Сергей

Стратегическая стабильность не может оставаться эксклюзивной областью российско-американских отношений. № 3 (86), осень 2008, с. 11.

Ладыгин Федор

О характере современных внешних вызовов и угроз национальным интересам и безопасности России. № 6 (48), ноябрь–декабрь 1999, с. 72.

Лата Василий

Направления совершенствования и развития механизма международно-правового регулирования военно-космической деятельности. № 6 (60), ноябрь–декабрь 2001, с. 19 *(в соавторстве)*

Национальная система ПРО США: возможности и перспективы. № 2 (62), март–апрель 2002, с. 48 *(в соавторстве)*

Некоторые аспекты международно-правового ограничения противолодочной деятельности государств на современном этапе. № 3 (63), май–июнь 2002, с. 31 *(в соавторстве).*

Иран: ракетно-ядерная загадка для России. № 2 (68), лето 2003, с. 39 *(в соавторстве)*

Геополитические аспекты строительства СЯС в интересах укрепления военной безопасности России. № 3 (69), осень 2003, с. 59.

Роль человеческого фактора в обеспечении ядерной безопасности. № 4 (70), зима 2003, с. 81.

Стратегические ядерные силы и обеспечение военной безопасности государства. № 4 (70), зима 2003, с. 109.

Система систем: информационно-ударное оружие. № 3 (83), зима 2007, с. 101 *(в соавторстве)*

Галилео: как Европа движется в космос. № 1 (92), весна 2010, с. 71 *(в соавторстве)*

ПРО: искусственный тупик или окно возможностей во взаимоотношениях НАТО–Россия? № 1 (96), весна 2011, с. 113 *(в соавторстве)*

В ином свете. № 1 (100), весна 2012, с. 191.

Лаумулин Мурат

Узбекистан и Казахстан: борьба за лидерство? № 1 (92), весна 2010, с. 105 *(полемика с Фарходом Толиповым)*

Лебедев Валерий

Нам нужно найти какой-то *оптимум* в деле утилизации АПЛ. № 6 (54), ноябрь–декабрь 2000, с. 25.

Лебедев Михаил

Распространение ядерного оружия: спор продолжается. № 4 (70), зима 2003, с. 153.

Левинсон Лев

Война с наркотиками — проиграна? № 3 (98), осень 2011, с. 85 *(полемика с Юрием Крупновым)*

Леонард Джеймс

Ядерное разоружение: достаточно ли обязательств взяли на себя пять ядерных государств по Договору о нераспространении ядерного оружия? № 3 (3), март 1995, с. 2 *(в соавторстве)*

Литаврин Петр

Проблемы ракетного распространения в Азии. № 3 (39), май–июнь 1998, с. 5.

Распространение легкого и стрелкового оружия: о позиции России. № 4 (46), июль–август 1999, с. 76.

Литвинов Борис

Об определении назначения ядерного взрыва. № 12 (36), декабрь 1997, с. 11 *(в соавторстве)*

Литовкин Виктор

Булава надежды. № 1 (96), весна 2011, с. 137.

Литовкин Дмитрий

К вопросу о создании Объединенного главного командования СЯС. № 2 (44), март–апрель 1999, с. 39.

Индийская программа развития атомного подводного флота: сотрудничество с Россией. № 5, сентябрь–октябрь1999, с. 4.

Морская доктрина России не рассматривает проблемы списанных атомных подводных лодок. № 1 (49), январь–февраль 2000, с. 12.

Личаев Виктор

Проблема бесхозных радиоактивных источников: пути решения. № 2 (68), лето 2003, с. 139.

Ливийский выбор: последствия для глобального контрраспространения ОМУ. № 1 (71), весна 2004, с. 97.

Личидов Виталий

Контрраспространение: оценка политики и планов США. № 5 (53), сентябрь–октябрь 2000, с. 61 *(в соавторстве)*

Ло Бобо

Российская политика в Восточной Азии: эволюция и преемственность. № 6 (66), ноябрь–декабрь 2002, с. 38.

Лоборев Владимир

Об определении назначения ядерного взрыва. № 12 (36), декабрь 1997, с. 10.

Взаимосвязь проблем ПРО, ядерных вооружений и нераспространения оружия массового уничтожения. № 3 (15), март 1996, с. 14 *(в соавторстве)*

Логутова Надежда

О новых инициативах в области контроля над ядерными материалами и технологиями. № 4 (78), зима 2005, с. 99.

Перспективы реализации многосторонних подходов к ядерному топливному циклу. № 1 (79), зима 2006, с. 87.

Лузин Павел

Космос: перспективы сотрудничества и конфликтов. № 4 (87), зима 2008, с. 55.

В поисках гения войны. № 1 (96), весна 2011, с. 173–176.

Лукин Владимир

Государственная Дума о ратификации СНВ-2. № 5 (29), май 1997, с. 2 *(в соавторстве)*

Лучин Анатолий

О деятельности Международной организации развития энергетики Корейского полуострова (КЕДО). № 5 (65), сентябрь–октябрь 2002, с. 53.

Ядерное будущее Мьянмы. № 1 (67), весна 2003, с. 143 *(в соавторстве)*

Лысенко Михаил

Атомная энергетика будет развиваться, и этот процесс необратим. № 4 (95), зима 2010, с. 29.

Закончился ли *ядерный ренессанс*? № 3 (98), осень 2011, с. 111–112.

Люсьен Клэр

Секторальная ПРО: взгляд из Европы. № 3 (98), осень 2011, с. 113.

M

Макаров Николай

России необходима современная армия, способная адекватно реагировать на любые, прежде всего внешние, угрозы и вызовы. № 3 (94), осень 2010, с. 11.

Макарычев Андрей

Терроризм: энциклопедии, археология, грамматика. № 2 (82), лето-осень 2007, с. 133.

Безопасность и возвращение политического: критические дебаты в Европе. № 4 (87), зима 2008, с. 25.

Макафей Чарльз

Движется ли Саудовская Аравия по пути создания ОМУ? № 4 (74), зима 2004, с. 43 *(в соавторстве)*

Макиенко Константин

Переговоры, контракты и трансферты вооружения и военной техники из России и стран СНГ в ноябре 1996 — декабре 1997 гг. № 1 (37), январь–февраль 1998, с. 70.

Перспективы российского присутствия на рынках вооружения и военной техники стран Южной Азии. № 2 (38), март–апрель 1998, с. 63.

Украина и Белоруссия на рынке вооружений: 1996–1999. № 6 (54), ноябрь–декабрь 2000, с. 75.

Маклеллан Ник

Тихоокеанский регион в ядерный век: история, проблемы, перспективы. № 1 (61), январь–февраль 2002, с. 65.

Малкин Семен

Физико-технологические и правовые основания отнесения тепловыделяющих сборок для ядерных реакторов к непотребляемым вещам. № 5 (53), сентябрь–октябрь 2000, с. 86. *(в соавторстве)*

Малышев Андрей

«Международный рынок ОЯТ имеет тенденцию к сокращению». № 2 (72), лето 2004, с. 11.

Мальцев Владимир

Направления совершенствования и развития механизма международно-правового регулирования военно-космической деятельности. № 6 (60), ноябрь–декабрь 2001, с. 19 *(в соавторстве)*

Национальная система ПРО США: возможности и перспективы. № 2 (62), март–апрель 2002, с. 48 *(в соавторстве)*

Система систем: информационно-ударное оружие. № 3 (83), зима 2007, с. 101 *(в соавторстве)*

Галилео: как Европа движется в космос. № 1 (92), весна 2010, с. 71. *(в соавторстве)*

ПРО: искусственный тупик или окно возможностей во взаимоотношениях НАТО–Россия? № 1 (96), весна 2011, с. 113 *(в соавторстве)*

Мамедов Георгий

Контроль над распространением легкого и стрелкового оружия: взгляд из России. № 3 (63), май–июнь 2002, с. 45 *(в соавторстве)*

Манилов Валерий

«Россия сделает максимум возможного, чтобы Договор о нераспространении был продлен бессрочно». № 4 (4), апрель 1995, с. 10.

Маншайя Харбир

Индия перед окончательным выбором: быть или не быть ядерным государством? № 4 (4), апрель 1995, с. 18.

Маргелов Михаил

«Национальные интересы России и США не противоречат друг другу». № 2 (68), лето 2003, с. 11.

России и США нужен брак по расчету. № 3 (83), зима 2007, с. 21.

Маркедонов Сергей

Косово: прецедент или исключение? № 1 (84), весна 2008, с. 71 *(полемика с Сергеем Романенко)*

Мартынов Борис

Бразилия: приоритеты и фобии *восходящей державы.* № 4 (95), зима 2010, с. 43.

БРИКС: *заря новой эры* или *business as usual*? № 3 (98), осень 2011, с. 161–168.

Мартынов Сергей

Глобальный вызов требует глобального ответа. № 4 (95), зима 2010, с. 11.

Мартынюк Раиса

Международные центры как основа в борьбе с инфекционными болезнями и в противодействии биотерроризму. № 2 (62), лето 2002, с. 36 *(в соавторстве)*

Маслин Евгений

Пока что ни один ядерный боеприпас в России не пропадал и не был похищен. № 5 (5), май 1995, с. 9; № 2 (80), лето 2006, с. 21.

ДВЗЯИ и поддержание безопасности ядерного оружия. № 3 (45), май–июнь 1999, с. 75.

Безопасность ядерных арсеналов Российской Федерации. № 4 (74), зима 2004, с. 17.

Матвеева Анжелика

Атомная отрасль Германии: вперед в прошлое? № 2 (85), лето 2008, с. 117.

Махиджани Аржун

ДВЗЯИ и «ядерная пятерка»: проблемы остаются. № 10 (22), октябрь 1996, с. 19.

Маэрли Мортен Бремер

Совместное с США укрепление системы безопасности на Военно-морском флоте России: извлеченные уроки и дальнейшие меры. № 4 (64), июль–август 2002, с. 72.

Медведев Владимир

Некоторые аспекты обеспечения Россией ядерного сдерживания в предстоящем десятилетии. № 1 (43), январь–февраль 1999, с. 48.

Уроки Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. № 4 (52), июль–август 2000, с. 65.

Мельникова Инна

Последствия Косовского кризиса не скажутся на российско-американском сотрудничестве по снижению ядерной угрозы. № 5 (47), сентябрь–октябрь 1999, с. 33.

Меньщиков Валерий

Вокруг ситуации с хранением плутония и обогащенного урана в Томске-7. № 2 (2), февраль 1995, с. 2.

Проблемы сохранности ядерных материалов на предприятиях России. № 9 (9), сентябрь 1995, с. 16 *(в соавторстве)*

Экологические последствия подземных взрывов. № 10 (10), октябрь 1995, с. 14 *(в соавторстве)*

Отработавшее ядерное топливо: масштабы и основные проблемы. № 5 (29), май 1997, с. 19.

Отработавшее ядерное топливо в атомном флоте России. № 8–9 (32–33), август–сентябрь 1997, с. 31.

Мизин Виктор

Режим контроля над ракетными технологиями (РКРТ) в России, США и на Украине. № 3, март 1995, с. 12 (*в соавторстве)*

Минаев Максим.

Американо-британское оборонное партнерство в первой декаде XXI в. № 3–4 (90–91), осень–зима 2009), с. 69.

Миронова Ирина

Корейская проблема в свете *новой дипломатии* Китая. № 4 (95), зима 2010, с. 115.

В поисках верного пути. № 2 (97), лето 2011, с. 7.

Основы безопасности. № 3 (98), осень 2011, с. 7.

Мисюченко Владимир

Закон об экспортном контроле: нужен, но требует доработки (из стенограммы конференции ПИР-Центра «Экспортный контроль: законодательство и практика»). № 3 (45), май–июнь 1999, с. 13 *(в соавторстве)*

Михайлов Виктор

Учет и контроль ядерных материалов: взгляд главы Минатома. № 2 (2), февраль 1995, с. 9.

Демонтаж одного ядерного боезаряда обходится России в 10–15 тысяч долларов. № 5 (17), май 1996, с. 2.

В области учета, контроля и физзащиты ядерных материалов мы приходим к той схеме, которая эффективно работала в Союзе. № 4 (28), апрель 1997, с. 14.

О некоторых результатах девятой комиссии Гора–Черномырдина. № 6–7 (30–31), июнь–июль, с. 25.

К стратегической стабильности — через баланс силы и транспарентности. № 6 (42), ноябрь–декабрь 1998, с. 63.

Минатом и международное сотрудничество. № 2, март–апрель 1999, с. 62.

Ядерное оружие малой мощности — возможная основа ядерного арсенала нового века. № 2 (76), лето 2005, с. 27 *(в соавторстве)*

Основные тенденции политики новой администрации США в области противоракетной обороны. № 2 (93), лето 2010, с. 115 *(в соавторстве)*

Мишин Евгений

Публикации о плохой охране ядерных материалов на флоте справедливы. № (6–7) 30–31, июнь–июль 1997, с. 25.

Младинео Стивен

«У российских и американских ядерных городов больше общего, чем различий». № 5 (47), сентябрь–октябрь 1999, с. 80.

Морен Жан

Двадцатилетний опыт реформ французских Вооруженных сил. № 1 (96), весна 2011, с. 103.

Морогов Александр

Формирование системы энергетической безопасности Японии. № 1 (92), весна 2010, с. 155.

Морозов Юрий

Перспективы расширения сотрудничества России и НАТО в области совместного миротворчества. № 1 (84), весна 2008, с. 55 *(в соавторстве)*

Мурогов Виктор

Предлагаю создать в России ядерные острова. № 7 (7), июль 1995, с. 10

Атомная энергетика для России — это единственный способ перестать быть сырьевым придатком. № 8 (8), август 1995, с. 8

Использование плутония в России. № 11, ноябрь 1995, с. 13 *(в соавторстве)*

Назрела необходимость создать международный фонд ядерного разоружения. № 5 (41), сентябрь–октябрь 1998, с. 5.

Ядерные технологии — гарант стабильности развития России. № 2 (76), лето 2005, с. 75. *(в соавторстве)*

Россия обречена на развитие ядерной энергетики. № 3 (77), осень 2005, с. 21.

Мурсалиев Азер

Россия и энергетические потоки на Евразийском континенте. № 1 (79), зима 2006, с. 125.

Мыцыков Александр

Ядерные хищения и ядерная безопасность: что говорят документы Генеральной прокуратуры. № 9 (9), сентябрь 1995, с. 2

Мюллер Харальд

Транспарентность в сфере ядерных вооружений: возрождение идеи реестра ядерных вооружений. № 10–11 (34–35), октябрь–ноябрь 1997, с. 31.

Европа и планы США в области НПРО: почти неразрешимая дилемма. № 6 (54), ноябрь–декабрь 2000, с. 42.

Малоизвестная история *ядерного разворота*: почему государства отказываются от военных ядерных программ. № 1 (100), весна 2012, с. 71 *(в соавторстве)*

Мясников Евгений

Стратегические вооружения в неядерном оснащении: проблемы и решения. № 1 (96), весна 2011, с. 123.

Перспективы сокращений ядерных вооружений США и России в свете обязательств по статье VI ДНЯО. № 1 (100), весна 2012, с. 117.

Н

Назаркин Юрий

Договор о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений. № 6 (60), ноябрь–декабрь 2001, с. 65.

Гражданский контроль над Вооруженными силами в России: история и перспективы. № 3 (77), осень 2005, с. 113.

Нанн Сэм

Как избежать апокалипсиса? № 4 (58), июль–август 2001, с. 37.

Соединенные Штаты и Россия должны взять на себя инициативу в создании глобальной коалиции против терроризма. № 5 (65), сентябрь–октябрь 2002, с. 23.

Энергетическая безопасность предусматривает безопасность в ядерной сфере. № 4 (78), зима 2005, с. 3.

Теория ядерного сдерживания не действует в отношении негосударственных игроков. № 2 (82), лето–осень 2007, с. 29.

Индекс безопасности ядерных материалов NTI: основа для гарантий, прозрачности и эффективности. № 1 (100), весна 2012, с. 65.

Нетесов Сергей

Международные центры как основа в борьбе с инфекционными болезнями и в противодействии биотерроризму. № 2 (62), март–апрель 2002, с. 36 *(в соавторстве)*

Никитин Александр

Меня могут и посадить, но я уверен, что невиновен. № 10–11 (34–35), октябрь–ноябрь 1997, с. 12.

Никитин Александр И.

Участие России в международном миротворчестве и перспективы его реформирования. № 2 (97), лето 2011, с. 105.

Никитина Юлия

ОДКБ и ШОС как модели взаимодействия в сфере региональной безопасности. № 2 (97), лето 2011, с. 45.

Никифоров Никита

К вопросу о правилах организации системы государственного учета и контроля ядерных материалов. № 1 (43), январь–февраль 1999, с. 43.

Системный подход к обеспечению безопасности ядерных объектов. № 1 (55), январь–февраль 2001, с. 46.

Николайчук Игорь

Первый удар остается важным элементом современной ядерной политики. № 4 (46), июль–август 1999, с. 57.

Никонов Вячеслав

Два питерских саммита. № 1 (81), весна 2007, с. 127.

Никонов Дмитрий

Реструктуризация и сокращение военного ядерного комплекса США. № 2 (50), март–апрель 2000, с. 57 *(в соавторстве)*

Новиков Владимир

Ракетно-ядерное нераспространение: вопрос Ирана. № 5 (65), сентябрь–октябрь 2002, с. 49.

Политика США и судьба режима ядерного нераспространения. № 2 (68), лето 2003, с. 17 *(в соавторстве)*

Утечка ядерных технологий из Пакистана. № 2 (72), лето 2004, с. 95.

Новиков Михаил

Бомбодел, который усомнился. № 2 (82), лето–осень 2007, с. 225.

Норка Сергей

Геополитические сценарии для Ближнего Востока. № 4 (74), зима 2004, с. 81.

О

Обухов Алексей

Взаимное гарантированное уничтожение: возможна ли альтернатива? № 1 (75), весна 2005, с. 103.

Эдвард Теллер. Мемуары. Путешествие в науку и политику в XX в. № 3 (69), осень 2003, с. 165.

Деидеологизированная дипломатия: опыт советско-американских переговоров по ограничению и сокращению стратегических вооружений. № 3 (77), осень 2005, с. 145.

Ядерное оружие и христианская этика. № 1 (81), весна 2007, с. 47.

С точки зрения *реликта*: о трудных путях разоружения. № 3 (86), осень 2008, с. 159.

Секреты дипломата-переговорщика. № 2 (97), лето 2011, с. 153.

Оганесян Армен

Не просите у тех, кто сильнее вас. № 4 (95), зима 2010, с. 177.

Орлов Александр

Контроль над распространением легкого и стрелкового оружия: взгляд из России. № 3 (63), май–июнь 2002, с. 45 *(в соавторстве)*

Орлов Владимир

Открытость информации по принципу «меньше знаешь — крепче спишь». № 4 (4), апрель 1995, с. 6.

ДНЯО продлен бессрочно. Кто выиграл? № 6 (6), июнь 1995, с. 2.

Как продлевали Договор о нераспространении. Дневник ДНЯО. № 6 (6), июнь 1995, с. 4; № 7 (7), июль 1995, с. 21; № 9 (9), сентябрь 1995, с. 21; № 10 (10), октябрь с. 21.

«Ядерный саммит» в Москве: подводя итоги. № 6–7 (18–19), июнь–июль 1996, с. 1. № 2 (80), лето 2006, с. 141.

Позиции отдельных государств по продлению Договора о нераспространении ядерного оружия. № 3 (27), март 1997, с. 8.

Быть или не быть ратификации СНВ-2 — зависит от президента. № 2 (38), март–апрель 1998, с. 3.

Уроки «дела о гироскопах». № 2 (38), март–апрель 1998, с. 4 *(в соавторстве)*

О некоторых особенностях позиции Израиля в вопросах нераспространения: заметки с конференции. № 6 (42), ноябрь–декабрь 1998, с. 44.

Закон об экспортном контроле: нужен, но требует доработки. № 3 (45), май–июнь 1999, с. 13 *(в соавторстве)*

ДНЯО: очередной экзамен сдан успешно. Впереди — новые. № 4 (52), июль–август 2000, с. 4 *(в соавторстве)*

Время налаживать сотрудничество по широкому спектру проблем безопасности. № 5 (59), сентябрь–октябрь 2001, с. 4 (*в соавторстве)*

ООН дает зеленый свет программам образования в области нераспространения. № 6 (66), ноябрь–декабрь 2002, с. 66.

Иранская ядерная программа вызывает серьезные вопросы. № 3 (73), осень 2004, с. 105.

Из тени в свет… или на чистую воду. № 2 (76), лето 2005, с. 141.

Запах страха, запах пыли… № 3 (77), осень 2005, с. 157. № 2 (85), лето 2008, с. 185.

От 8 к ∞. № 2 (80), лето 2006, с. 13.

В добрый путь, читатель! № 1 (81), весна 2007, с. 11.

Три сквозные темы: разоружение, атомная энергетика, Китай. № 2 (82), лето–осень 2007, с. 11.

В ожидании новых подходов. № 2 (82), лето–осень 2007, с. 221.

Требуется: архитектор. № 3 (83), зима 2007, с. 7.

Игра на удаление. № 1 (84), весна 2008, с. 7.

Сети Хана: широко закрытые глаза. № 1 (84), весна 2008, с. 139.

АБЭВЭГЭДЕЙКА-21. № 2 (85), лето 2008, с. 7.

Бои глобального значения. № 3 (86), осень 2008, с. 7.

Женевская разминка. № 3 (86), осень 2008, с. 123.

За приоткрытыми окнами, или к вопросу о конкуренции. № 4 (87), зима 2008, с. 7.

Без иллюзий: о российско-американских стратегических отношениях после грузинского кризиса. № 4 (87), зима 2008, с. 105

Конец п-ой эпохи. № 1 (88), весна 2009, с. 7.

У страха глаза... № 2 (89), лето 2009, с. 7.

Точки над «и». № 3–4 (90–91), осень–зима 2009, с. 7.

Корни мака. № 3–4 (90–91), осень–зима 2009, с. 183.

Приглашение к столу. № 1 (92), весна 2010, с. 7.

Ускользающая борода. № 1 (92), весна 2010, с. 167.

Россия–США: товарищество с ограниченной ответственностью. № 2 (93), лето 2010, с. 7.

Кто сказал ДНЯО? № 3 (94), осень 2010, с. 7.

Цемент удачи. № 4 (95), зима 2010, с. 7.

Три «Ф» Сергея Брилева. № 3 (94), осень 2010, с. 153.

«Природа и власть» Иоахима Радкау. № 4 (95), зима 2010, с. 159.

После *перезагрузки.* № 3 (98), осень 2011, с. 157–160.

Не проспать, как просыпается новый тигр. № 4 (99), зима 2011, с. 7.

Наш стольник. № 1 (100), весна 2012, с. 7.

В ином свете. № 1 (100), весна 2012, с. 191.

Откина Анна

Место России в урегулировании ситуации вокруг Ирака и пути контроля над российским критическим экспортом в Ирак. № 1 (37), январь–февраль 1998, с. 4 *(в соавторстве)*

Уроки «дела о гироскопах». № 2 (38), март–апрель 1998, с. 4 *(в соавторстве)*

П

Павлюшенко Михаил

Беспилотные летательные аппараты в классических и террористических войнах. № 3 (73), осень 2004, с. 77 *(в соавторстве)*

Пак Зиновий

«Российское агентство по боеприпасам обладает новейшими технологиями утилизации химического оружия». № 2 (56), март–апрель 2001, с. 19.

Палаццоло (Шадрина) Екатерина

Вторая линия защиты: результаты международного сотрудничества в зоне действия Астраханской таможни. № 3 (77), осень 2005, с. 127.

Большая каспийская икра. № 1 (81), весна 2007, с. 93.

Панов Сергей

Программа возврата топлива исследовательских реакторов советского производства: время собирать камни. № 1 (79), зима 2006, с. 143 *(в соавторстве)*

Пархалина Татьяна

Отношения Россия–НАТО: изменение стратегии или тактический маневр? № 1 (61), январь–февраль 2002, с. 34.

Пастухова Галина

Сотрудничество Китая и Ирана: взаимные интересы, тактические и стратегические. № 2 (89), лето 2009, с. 49–64.

Перебоев Владимир

Газовые игры в Центральной Азии: ставки России. № 3 (94), осень 2010, с. 167.

Перкович Джордж

Ядерный ноль: основные проблемы. № 3–4 (90–91), осень–зима 2009, с. 205.

Перфильев Никита

Перспективы и проблемы российско-китайского нефтегазового сотрудничества. № 1 (84), весна 2008, с. 37.

Атомная панда: Китай в поисках энергобезопасности. № 2 (85), лето 2008, с. 81 *(в соавторстве)*

Петелин Евгений

Атомная панда: Китай в поисках энергобезопасности. № 2 (85), лето 2008, с. 81 *(в соавторстве)*

Энергетика на грани войны и мира. № 1 (88), весна 2009, с. 159.

Энергомонолог Китая с Центральной Азией. № 4 (99), зима 2011, с. 35.

Петров Станислав

Технологии по уничтожению химического оружия выбраны. Приступаем к созданию пилотных установок. № 1 (13), январь 1996, с. 2.

Мы выполним свои обязательства перед международным сообществом. № 2 (44), март–апрель 1999, с. 42.

Пионтковский Андрей

Кризис институтов международной безопасности в свете иракского конфликта. № 2 (68), лето 2003, с. 121; № 2 (80), лето 2006, с. 121.

Подайте на пару боеголовок. № 4 (78), зима 2005, с. 153.

Плугарев Александр

Уничтожение химического оружия: будут ли выполнены обязательства России и США к 2012 г.? № 1 (88), весна 2009, с. 37.

Подвиг Павел

Сможет ли Россия сохранить Договор по ПРО? № 23, ноябрь 1996, с. 2.

Есть ли будущее у договора по ПРО? № 5 (53), сентябрь–октябрь 2000, с. 4.

Противоракетная оборона после Договора по ПРО. № 1 (75), весна 2005, с. 51.

Подгорных Юрий

Нестратегическая европейская ПРО: возможные концепции построения. № 2 (68), лето 2003, с. 91 *(в соавторстве)*

Поликанов Дмитрий

К вопросу о будущем Договора Пелиндаба. № 1 (49), январь–февраль 2000, с. 22.

Нелегальная торговля вооружениями в Африке и механизмы ее ограничения. № 4 (52), июль–август 2000, с. 45.

Афганский эндшпиль. № 4 (99), зима 2011, с. 153.

Понамарев Сергей

Ракетно-ядерный потенциал Тайваня в контексте «проблемы воссоединения». № 4 (78), зима 2005, с. 21.

Особый статус Тайваня в режиме нераспространения. Пример для «серых зон»? № 1 (79), зима 2006, с. 117.

Генерал Вандам — забытый основатель русской геополитики. № 1 (81), весна 2007, с. 193.

КНР: новая великая морская держава? № 2 (82), лето-осень 2007, с. 75.

Понамарева (Лагута) Анастасия

Зеленая «Иголочка», белые ниточки, или как сотрудничество крупнейших спецслужб мира помогло разоблачить международного террориста. № 4 (78), зима 2005, с. 119 (*в соавторстве)*

Россия и проблема бесконтрольного распространения легкого и стрелкового оружия. № 1 (79), зима 2006, с. 157 *(в соавторстве)*

Мусульмане Европы: прогрессирующий фактор страха. № 3 (83), зима 2007, с. 61.

Политизация истории в российско-украинских отношениях. № 2 (93), лето 2010, с. 173.

Пономарев Сергей

Обеспечить конкурентоспособность ГЛОНАСС — вот ключевая задача. № 1 (88), весна 2009, с. 11.

Ракетно-космический потенциал позволяет решать стратегические задачи. № 1 (96), весна 2011, с. 15.

Пономарев-Степной Николай

Международная горизонталь научно-технического сотрудничества в ядерном нераспространении. № 4 (16), апрель 1996, с. 2 *(в соавторстве)*

Физико-технологические и правовые основания отнесения тепловыделяющих сборок для ядерных реакторов к непотребляемым вещам. № 5 (53), сентябрь–октябрь 2000, с. 86 *(в соавторстве)*

О возможностях и путях осуществления инициативы Президента Российской Федерации. № 2 (56), март–апрель 2001, с. 43; № 2 (80), лето 2006, с. 115.

Архитектура глобальной атомной энергетики: ключ к энергетической безопасности. № 1 (100), весна 2012, с. 47.

Попов Роман

Роль американского бизнеса в реализации программ Совместного уменьшения угрозы. № 2 (72), лето 2004, с. 21.

Поттер Уильям

Оценивая опасность ядерных хищений из государств бывшего Советского Союза. № 1 (13), январь 1996, с. 10.

Тактическое ядерное оружие: постановка проблемы и некоторые рекомендации. № 4 (52), июль–август 2000, с. 31 *(в соавторстве)*

Многоликий ядерный терроризм. № 1 (67), весна 2003, с. 71 *(в соавторстве)*

Конференция по рассмотрению ДНЯО: в поисках консенсуса. № 3, осень 2005, с. 95.

Политика нераспространения: в поисках адекватности. № 2 (82), лето–осень 2007, с. 93 *(в соавторстве)*

Перспективы росийско-американского сотрудничества в области нераспространения ядерного оружия во времена *холодного мира.* № 1 (88), весна 2009, с. 31.

Правиц Ян

Зона, свободная от ядерного оружия, от Черного до Балтийского моря. № 11 (23), ноябрь 1996, с. 15; № 12 (24), декабрь 1996, с. 9.

Примаков Евгений

Сегодняшняя ситуация на ближнем Востоке — очень хорошая иллюстрация того, к чему приводит американский экспорт демократии. № 1 (81), весна 2007, с. 21.

Прингл Энн

Ядерные державы должны продемонстрировать прогресс в деле ядерного разоружения. № 1 (92), весна 2010, с. 11.

Прохорова Мария

Инициатива по безопасности в области распространения ОМУ: взгляд из России. № 3 (77), осень 2005, с. 69 *(в соавторстве)*

Пушкарев Вячеслав

Укрепление и развитие гарантий МАГАТЭ. № 2 (68), лето 2003, с. 57.

Пфиртер Рохелио

Запрещение химического оружия: укрепление международной безопасности. № 3 (73), осень 2004, с. 21.

Пшакин Геннадий

Организованная преступность + местные элиты = ядерный шантаж? № 12 (36), декабрь 1997, с. 17 *(в соавторстве)*

Пядушкин Максим

Контроль над распространением легкого и стрелкового оружия: взгляд из России. № 3 (63), май–июнь 2002, с. 45 *(в соавторстве)*

Р

Рабодзей Александр

Угроза биологического терроризма: роль средств массовой информации. № 3 (77), осень 2005, с. 87.

Радчук Александр

Большая ядерная игра в XXI в.: разоружение или война? № 1 (92), весна 2010, с. 21.

Рапота Григорий

Всеми вопросами регулирования ВТС должен заниматься Минторг. № 3 (51), май–июль 2000, с. 40.

Расмуссен Андерс Фог

Я не считаю противоракетную оборону проблемой — я считаю ее самой большой возможностью, когда-либо открывавшейся перед нами. № 4 (99), зима 2011, с. 11.

Рассел Дэниэл

От эпохи ядерного соперничества к этапу партнерства в ядерной сфере. № 4 (87), зима 2008, с. 21.

Рейтор Константин

Контроль над распространением легкого и стрелкового оружия: взгляд из России. № 3, май–июнь 2002, с. 45 *(в соавторстве)*

Рексрот Пол

О нормативных документах по учету, контролю и физической защите свежего топлива на Военно-морском флоте России. № 1 (43), январь–февраль 1999, с. 83 *(в соавторстве)*

Решетников Сергей

Об участии России в деятельности Подготовительной комиссии Организации по ДВЗЯИ и перспективах вступления Договора в силу. № 3 (45), май–июнь 1999, с. 72.

Робертс Брэд

В информации о биологическом оружии темных пятен больше, чем достоверной информации. № 4 (4), апрель 1995, с. 13.

Рогачев Илья

«Европейская конвенция о борьбе с киберпреступностью недостаточна для ответа на новые вызовы». № 3 (98), осень 2011, с. 11.

Рогозин Дмитрий

Протокольными нотами мировая история не пишется. № 3 (69), осень 2003, с. 9; № 2 (80), лето 2006, с. 49.

Четвертая идеология. № 1 (96), весна 2011, с. 21.

Родионов Станислав

Что может способствовать ядерному распространению? № 12 (24), декабрь 1996, с. 14.

Рожков Олег

Верификационный механизм Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний: процесс создания. № 4 (58), июль–август 2001, с. 25 *(в соавторстве)*

Романенко Сергей

Косово: прецедент или исключение? № 1 (84), весна 2008, с. 71 *(полемика с Сергеем Маркедоновым)*

Рохлин Лев

Ратифицировать СНВ-2 можно лишь после подписания рамочного соглашения по СНВ-3. № 6–7 (30–31), июнь–июль 1997, с. 8 *(в соавторстве)*

Рубин Узи

Иран в космосе. № 2 (89), лето 2009, с. 125.

Рукшин Александр

Вооруженные силы РФ в условиях новых вызовов и угроз. № 2 (76), лето 2005, с. 15.

Румянцев Александр Н.

Государственная система учета и контроля ядерных материалов и радиоактивных веществ в России. № 3 (15), март 1996, с. 10.

Международная горизонталь научно-технического сотрудничества в ядерном нераспространении. № (4)16, апрель 1996, с. 2 *(в соавторстве)*

Дистанционный мониторинг ядерных материалов в России. № 11 (23), ноябрь 1996, с. 12 *(в соавторстве)*

Ядерная энциклопедия. № 8–9 (30–31), август–сентябрь 1997, с. 45 *(в соавторстве)*

Организованная преступность + местные элиты = ядерный шантаж. № 12 (36), декабрь 1997, с. 17 *(в соавторстве)*

О нормативных документах по учету, контролю и физической защите свежего топлива на Военно-морском флоте России. № 1 (43), январь–февраль 1999, с. 83 *(в соавторстве)*

Румянцев Александр Ю.

Вопросы ядерной безопасности — под неослабным контролем высшего руководства страны. № 2 (62), март–апрель 2002, с. 27.

«Атомная отрасль является одним из крупнейших национальных экспортеров». № 1 (71), весна 2004, с. 15.

Рыбальченко Игорь

Контроль за нераспространением химического оружия: международный межлабораторный квалификационный эксперимент. № 5 (59), сентябрь–октябрь 2001, с. 56.

Рыбаченков Владимир

О международном сотрудничестве России в области утилизации избыточного оружейного плутония. № 6 (54), ноябрь–декабрь 2000, с. 51.

К вопросу о ввозе зарубежного отработавшего ядерного топлива в Россию. № 4 (58), июль–август 2001, с. 43

Рябков Сергей

ДНЯО: конвертировать позитивные тенденции в реальный капитал. № 2 (93), лето 2010, с. 11

Санкции против Ирана: ресурс исчерпан. № 1 (100), весна 2012, с. 17.

Рязанцев Евгений

Физико-технологические и правовые основания отнесения тепловыделяющих сборок для ядерных реакторов к непотребляемым вещам. № 5 (53), сентябрь–октябрь 2000, с. 86 *(в соавторстве)*

С

Савельев Александр

Механизм выработки и принятия решений по вопросам контроля над вооружениями в СССР. № 1 (49), январь–февраль 2000, с. 64 *(в соавторстве)*

США пересматривают свою стратегию ядерного сдерживания? № 2 (62), март–апрель 2002, с. 4.

Новый смысл взаимного ядерного сдерживания. № 1, весна 2003, с. 123.

К вопросу о роли ядерного оружия в обеспечении безопасности Российской Федерации в XXI веке. № 3 (77), осень 2005, с. 45.

Политика безопасности, международные отношения и современные технологии: необходима ликвидация разрыва в сфере образования. № 1 (79), весна 2006, с. 179.

Сажнев Марк

Дистанционный мониторинг ядерных материалов в России. № 11 (23), ноябрь 1996, с. 12 *(в соавторстве)*

Сандахчиев Лев

Международные центры как основа в борьбе с инфекционными болезнями и в противодействии биотерроризму. № 2 (62), март–апрель 2002, с. 36 *(в соавторстве)*

Санин Александр

К вопросу об укреплении режима нераспространения ядерного оружия. № 1 (25), январь 1997, с. 2 *(в соавторстве)*

Саргсян Гарик

Споры о российской демографической безопасности: существующие тенденции и грядущие пути развития. № 3 (83), зима 2007, с. 81 (*в соавторстве)*

Сартори Андрей

Физико-технологические и правовые основания отнесения тепловыделяющих сборок для ядерных реакторов к непотребляемым вещам. № 5 (53), сентябрь–октябрь 2000, с. 86 *(в соавторстве)*

Сатановский Евгений

Мир после иракской войны. № 3 (69), осень 2003, с. 87.

Центры силы: прогноз геополитической ситуации после иракской войны. № 1 (71), весна 2004, с. 37.

Сафранчук Иван

Ядерное оружие после холодной войны: нужно ли оно миру и России? № 10–11 (34–35), октябрь–ноябрь 1997, с. 23.

Место России в урегулировании ситуации вокруг Ирака и пути контроля над российским критическим экспортом в Ирак. № 1 (37), январь–февраль 1998, с. 4 *(в соавторстве)*

Ядерное оружие как внешнеполитический ресурс: поиски критерия адекватности. № 2 (38), март–апрель 1998, с. 53.

О перспективах ратификации Договора СНВ-2. № 3 (39), май–июнь 1998, с. 39.

Создание зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азиии: что думают в России. № 4 (46), июль–август 1999, с. 40.

Ежегодник СИПРИ 1998. Вооружения, разоружение и международная безопасность. № 5 (47), сентябрь–октябрь 1999, с. 84.

Ценности ядерного нераспространения разделяет 75% россиян. № 1 (49), январь–февраль 2000, с. 4.

Стратегическое ядерное вооружение России. № 1 (49), январь–февраль 2000, с. 83.

Свиридов Андрей

Состояние ядерного оружейного комплекса в странах ближнего зарубежья. № 1 (13), январь 1996, с. 15 *(в соавторстве)*

Сеймур Гэри

Необходимость возобновления американо-российского сотрудничества с целью предотвращения создания иранской бомбы. № 4 (64), июль–август 2002, с. 34 (*в соавторстве)*

Семин Валерий

О международном финансовом и техническом содействии Российской Федерации в области укрепления режима нераспространения. № 5 (59), сентябрь–октябрь 2001, с. 61.

Сергеев Игорь

На пути к стратегической стабильности. № 1 (71), весна 2004, с. 25.

Дестабилизирующие процессы могут усилиться, если не противодействовать распространению ядерного оружия. № 3 (51), май–июнь 2001, с. 16.

Серебряков Иван

Договор по ПРО: анализ американской позиции. № 5 (29), май 1997, с. 11.

Сибал Канвал

Ядерное и военно-техническое сотрудничество Индии и России основывается на стратегических интересах, а не сиюминутных выгодах. № 2 (82), лето–осень 2007, с. 21.

Сиддика Айеша

Перспективы диалога по проблемам безопасности между Россией, СНГ и Пакистаном. № 3 (39), май–июнь 1998, с. 44.

Военбиз и будущее Пакистана. № 1 (84), весна 2008, с. 27.

Силкин Юрий

Всеобъемлющее запрещение ядерных испытаний: проблемы, смежные области и реальности. № 7 (7), июль 1995, с. 2 *(в соавторстве)*

Сиринционе Джозеф

Ядерная трансформация Обамы — каковы шансы на успех? № 3–4 (90–91), осень–зима 2009, с. 37.

Сиротинин Евгений

Нестратегическая европейская ПРО: возможные концепции построения. № 2, март–апрель 2003, с. 91 *(в соавторстве)*

Скопич Оксана

Нахум Манбар и ирано-израильская торговля оружием. № 4 (87), зима 2008, с. 145.

Военно-техническое сотрудничество Израиля и государств Латинской Америки. № 2 (93), лето 2010, с. 105.

Слипченко Виктор

Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний — четыре года спустя. № 6 (54), ноябрь–декабрь 2000, с. 59.

Верификационный механизм Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний: процесс создания. № 4 (58), июль–август 2001, с. 25 *(в соавторстве)*

Инспекции на месте в ДВЗЯИ и других соглашениях в области разоружения и укрепления безопасности: проблемы, решения, перспективы. № 3 (73), осень 2004, с. 47 *(в соавторстве)*

Смертина Ксения

Реформирование европейской архитектуры безопасности: российской предложение и европейский контекст. № 1 (92), весна 2010, с. 49.

Смирнов Сергей

Противоракетная оборона: дезинформация, угроза или реальность? № 2 (89), лето 2009, с. 65.

Смирнов Юрий

Первый шаг к благоразумию в ядерном мире (К истории заключения Московского договора 1963 г. о частичном запрещении ядерных испытаний). № 1 (55), январь 2001, с. 73 *(в соавторстве)*

Смирнов Михаил

Контроль над распространением легкого и стрелкового оружия: взгляд из России. № 3 (63), май–июнь 2002, с. 45 *(в соавторстве)*

Смит Харольд

«Уверен, что средства, выделенные по плану Нанна–Лугара, тратятся по назначению». № 2 (2), февраль 1995, с. 17.

Помощь в уничтожении химического оружия России: на критическом рубеже. № 2 (44), март–апрель 1999, с. 4.

Соболев Валентин

Терроризм беспощаден. Государства должны отвечать террористам тем же. № 1 (81), весна 2007, с. 25.

Соков Николай

Тактическое ядерное оружие: новые геополитические реальности или старые ошибки? № 2 (26), февраль 1997, с. 12.

О мобильных РК *Тополь*. № 6–7 (30–31), июнь–июль 1998, с. 44.

Эволюция российских стратегических наступательных вооружений. № 1, январь–февраль 1998, с. 46.

Тактическое ядерное оружие: постановка проблемы и некоторые рекомендации. № 4 (52), июль–август 2000, с. 31 *(в соавторстве)*

Эволюция ядерной политики США: возрастает ли роль ядерного оружия? № 3 (69), осень 2003, с. 71.

Перспектива ядерной политики США после администрации Джорджа Буша. № 3 (77), осень 2005, с. 57.

Тактическое ядерное оружие: новые геополитические реальности или старые ошибки? № 2 (80), лето 2006, с. 63.

Безъядерная зона в Центральной Азии: как заполучить *пятерку*? № 3 (86), осень 2008, с. 77.

Соколов Алексей

Влияние процессов развития Интернет-технологий на геополитические интересы государства. № 6 (54), ноябрь–декабрь 2000, с. 30 *(в соавторстве)*

Соломонов Юрий

Время диалога с США по вопросу о ПРО еще не ушло. № 4 (46), июль–август 1999, с. 4.

Солтанийе Али Асгар

Наш новый подход к гарантиям демонстрирует, что Иран решительно настроен на сотрудничество с МАГАТЭ. № 3 (94), осень 2010, с. 19.

Сорока Екатерина

«Нелегальные сети» Тегерана: уроки истории. № 1 (79), зима 2006, с. 169 *(в соавторстве)*

Спасский Николай

Вопросы борьбы с терроризмом займут центральное место в новой Концепции национальной безопасности России. № 1 (75), весна 2005, с. 23.

Долгосрочные и глубочайшие изменения в мировом политическом балансе сил — вот самый серьезный вызов национальной безопасности на сегодняшний день. № 1 (79), зима 2006, с. 13.

Россия и США до сих пор сотрудничали в мирном использовании атомной энергии, не имея нормативной базы. Сейчас этот анахронизм будет преодолен. № 2 (85), лето 2008, с. 21.

Российский век (некоторые размышления о месте России в мире). № 4 (95), зима 2010, с. 33.

Спектор Леонард

Новая эра в ядерной политике России? № 8 (8), август 1995, с. 12 *(в соавторстве)*

Спиридонов Александр

Использование электронных платежных систем значительно упрощает процесс отмывания денег. № 4 (99), зима 2011, с. 15.

Степанова Екатерина

Незаконный оборот наркотиков в Афганистане и Центральной Азии в контексте антитеррористической кампании. № 5 (65), сентябрь–октябрь 2002, с. 36.

Исламский терроризм сегодняшнего дня: глобальный и локально-региональный уровни. № 1 (81), весна 2007, с. 75.

Асимметричный конфликт как нематематическая категория. № 2 (97), лето 2011, с. 167.

Сумский Виктор

Почему нас не было в *BAC* и почему нас теперь туда зовут. № 2 (97), лето 2011, с. 37.

Супотаева Ольга

Физико-технологические и правовые основания отнесения тепловыделяющих сборок для ядерных реакторов к непотребляемым вещам. № 5 (53), сентябрь–октябрь 2000, с. 86 *(в соавторстве)*

Суриков Антон

Россия должна попытаться привязать к себе Иран. № 7 (7), июль 1995, с. 13 *(в соавторстве)*

Ядерный чемоданчик с тройным дном. № 8 (8), август 1995, с. 15; № 2 (80), лето 2006, с. 108.

Как развивать российские стратегические ядерные силы? № 12 (12), декабрь 1995, с. 12.

СНВ-2: противоречия остаются. № 6–7 (18–19), июнь–июль 1996, с. 36.

Сутягин Игорь

Россия должна попытаться привязать к себе Иран. № 7 (7), июль 1995, с. 13 *(в соавторстве)*

Сухоручкин Владимир

Международная горизонталь научно-технического сотрудничества в ядерном нераспространении. № 4 (16), апрель 1996, с. 2 *(в соавторстве)*

О нормативных документах по учету, контролю и физической защите свежего топлива на Военно-морском флоте России. № 1 (43), январь–февраль 1999, с. 83 *(в соавторстве)*

Схеффер Яап де Хооп

НАТО — не стиральный порошок, чтобы его продавать желающим вступить. № 2 (82), лето-осень 2007, с. 15.

Сюткин Павел

Уничтожение химического оружия будет стоить России 25 триллионов рублей. № 9 (9), сентябрь 1995, с. 7.

Т

Таипова Гузэль

Возможно ли создание безъядерной зоны в Центральной Азии? № 8–9 (20–21), август–сентябрь 1996, с. 26 *(в соавторстве)*

О юридическом статусе Каспия. № 4 (46), июль–август 1999, с. 49.

Теплоухова Мария

Россия и международные структуры АТР: повестка дня для российского Дальнего Востока. № 1 (92), весна 2010, с. 87.

Терехов Игорь

Проблемы управления развитием технологий двойного назначения в современной России. № 4 (40), июль–август 1998, с. 56 *(в соавторстве)*

Тимербаев Роланд

ДНЯО: для России и мира его надо сохранить надолго. № 1 (1), январь 1995, с. 4.

Ядерное разоружение: достаточно ли обязательств взяли на себя пять ядерных государств по Договору о нераспространении ядерного оружия? № 3 (3), март 1995, с. 2 *(в соавторстве)*

Как идет подготовка к продлению ДНЯО. Репортаж из Нью-Йорка с 4-й сессии. № 3 (3), март 1995, с. 10.

ДНЯО продлен бессрочно. Что дальше? № 9 (9), сентябрь 1995, с. 19.

Насколько реально создание безъядерной зоны на Ближнем Востоке? № 12 (12), декабрь 1995, с. 7.

Как идет выполнение ДНЯО (к сессии Подготовительного комитета Конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия). № 2 (26), февраль 1997, с. 2.

Ядерные вооружения и безопасность России. № 4 (28), апрель 1997, с. 22.

Международное агентство по атомной энергии и его деятельность в области контроля и регулирования (к 40-летию Международного атомного агентства). № 8–9 (30–31), август-сентябрь 1997, с. 3.

Ядерная энциклопедия. № 8–9 (30–31), август-сентябрь 1997, с. 45 *(в соавторстве)*

Будущее политики США по ядерному оружию. № 10–11 (32–33), октябрь–ноябрь 1997, с. 45.

Об отношении академика Капицы и некоторых других советских ученых к атомному проекту, к атомной бомбе и контролю над ней. № 1 (37), январь–февраль 1998, с. 62.

Россия и безопасность 1997–1998. Россия и международная система контроля над вооружениями: развитие или распад. № 1 (37), январь-февраль 1998, с. 80.

Как СССР помогал Китаю создавать ядерную бомбу. № 3 (39), май–июнь 1998, с. 76.

Как разрабатывалась система гарантий МАГАТЭ: политические аспекты (1959–1965). № 4 (40), июль–август 1998, с. 67.

К истории разработки контрольных положений ДНЯО (политические аспекты). № 5 (41), сентябрь–октябрь 1998, с. 67.

К новому соглашению по ограничению ядерных вооружений (о переговорах о запрещении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия). № 1 (43), январь–февраль1999, с. 4.

О перспективах вступления в силу ДВЗЯИ. № 3 (45), май–июнь 1999, с. 67.

Израиль и бомба. № 4 (46), июль–август 1999, с. 84.

А. А. Громыко и проблема ядерного нераспространения. № 6 (48), ноябрь–декабрь 1999, с. 81.

ДНЯО: очередной экзамен сдан успешно. Впереди — новые. № 4 (52), июль–август 2000, с. 4 *(в соавторстве)*

Индийская ядерная бомба. Влияние на глобальное распространение. № 4 (52), июль–август 2000, с. 82.

Об инициативе президента Путина на Саммите тысячелетия ООН. № 6 (54), ноябрь–декабрь 2000, с. 62 *(в соавторстве)*

Первый шаг к благоразумию в ядерном мире. (К истории заключения Московского договора 1963 года о частичном запрещении ядерных испытаний). № 1 (55), январь–февраль 2001, с. 73 *(в соавторстве)*

Состояние и перспективы ядерного нераспространения. № 2 (56), март–апрель 2001, с. 24.

Время налаживать сотрудничество по широкому спектру проблем безопасности. № 5 (59), сентябрь–октябрь 2001, с. 4. (*в соавторстве)*

Важный, но недостаточный шаг. К итогам российско-американского саммита в ноябре 2001 г. № 6 (60), ноябрь–декабрь 2001, с. 4 *(в соавторстве)*

Индия: восходящая звезда. № 2 (62), март–апрель 2002, с. 73.

Демократический контроль над военной сферой в России и странах СНГ. № 3 (63), май–июнь 2002, с. 84.

Конференция 2005 года по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия: как идет подготовка к конференции. № 4 (64), июль–август 2002, с. 51.

Лео Сцилард и международный контроль над атомной энергией. № 5 (65), сентябрь–октябрь 2002, с. 68.

Непроложенным курсом. № 1 (67), весна 2003, с. 183.

Смертоносные арсеналы. № 2 (68), лето 2003, с. 161.

Ближний Восток и атомная проблема. № 3 (69), осень 2003, с. 15.

О ходе подготовки к конференции по рассмотрению ДНЯО 2005 г. № 3 (69), осень 2003, с. 101.

О роли ООН в сегодняшнем мире. № 4 (70), зима 2003, с. 25.

Тритий — заморозить. № 4 (70), зима 2003, с. 151.

Контроль над вооружениями. Йозеф Гольдблат. Новый справочник о переговорах и соглашениях. № 1 (71), весна 2004, с. 173.

О проблемах подготовки к Обзорной конференции по ДНЯО 2005 года. № 3 (73), осень 2004, с. 101.

Уроки четвертой Обзорной конференции по ДНЯО 1990 г. № 1 (75), весна 2005, с. 171

Южная Африка: как создавалось ее ядерное оружие, как и почему она отказалась от него. № 2 (76), лето 2005, с. 121.

Право выхода из ДНЯО: мнение двух участников переговоров по выработке Договора. № 3 (77), осень 2005, с. 31 *(в соавторстве)*

О ядерном потенциале и ядерной политике Китая. № 4 (78), зима 2005, с. 83.

О соглашениях между СССР и США 1971 года о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны. № 4 (78), зима 2005, с. 131.

Эволюция контроля над вооружениями: современные тенденции. № 1 (79), зима 2006, с. 29.

Как СССР помогал Китаю создавать атомную бомбу. № 3 (41), май–июнь 1998, с. 76; № 2 (80), лето 2006, с. 167.

О роли ядерного фактора в современном мире. № 2 (85), лето 2008, с. 25.

Проблема гарантий безопасности неядерных государств в преддверии обзорной конференции по ДНЯО. № 4 (87), зима 2008, с. 69.

О Ливии, противоракетной обороне и Герберте фон Караяне, а также другие случаи из жизни. № 2 (82), лето–осень 2007, с. 193

О *пороговых договорах* по ограничению ядерных взрывов 1974–1976 гг. № 1 (84), весна 2008, с. 125.

Первые сдвиги в направлении ограничения вооружений. О работе Лондонского подкомитета Комиссии ООН по разоружению (1954–1957 гг.). № 3 (94), осень 2010, с. 137.

О путях движения к миру без ядерного оружия. № 1 (88), весна 2009, с. 19.

О запрещении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия. № 3–4 (90–91), осень — зима 2009, с. 25.

Титаренко Андрей

Проблемы управления развитием технологий двойного назначения в современной России. № 4 (40), июль–август 1998, с. 56 *(в соавторстве)*

Токаев Касым-Жомарт

Повестка дня Конференции по разоружению должна быть пересмотрена. № 1 (100), весна 2012, с. 25.

Токарев Александр

Изменения в системе экспортного контроля происходят не в сторону упрощения документов. № 1 (43), январь–февраль 1999, с. 86.

Токтомушев Айбек

Центральная Азия: коллективные усилия государств в противодействии угрозе международного терроризма. № 2 (76), лето 2005, с. 81.

Толипов Фарход

Узбекистан и Казахстан: борьба за лидерство? № 1 (92), весна 2010, с. 105 *(полемика с Мурадом Лаумулиным)*

Толорая Георгий

Будущее Северной Кореи: стоит ли ждать *конца*? № 1 (88), весна 2009, с. 95 *(полемика с Владимиром Хрусталевым)*

Толянский Георгий

Жизнь академика А. И. Лейпунского: малоизвестные страницы. № 3 (73), осень 2004, с. 147.

Томас Тимоти

Китайская теория и практика ведения информационной войны. № 6 (60), ноябрь–декабрь 2001, с. 33.

Тот Тибор

Режим ДВЗЯИ — это возможность перекрыть все лазейки в потенциальном рас-

пространении ядерных технологий. № 3 (94), осень 2010, с. 27.

Тренин Дмитрий

Китай для России: товарищ или господин? № 2 (82), лето-осень 2007, с. 147 *(полемика с Виталием Цыгичко)*

Троянов Михаил

Использование плутония в России. № 11, ноябрь 1995, с. 13 *(в соавторстве)*

Трубников Вячеслав

Отношения России и Индии носят характер реального стратегического сотрудничества. № 2 (93), лето 2010, с. 19.

Трутнев Юрий

Ядерное оружие малой мощности — возможная основа ядерного арсенала нового века. № 2 (76), лето 2005, с. 27 *(в соавторстве)*

Трушкин Иван

Российско-иранское торгово-экономическое сотрудничество и новые санкции. № 1 (92), весна 2010, с. 129.

Ближневосточная зона, свободная от ОМУ: от идеалов к реальности. № 3 (98), осень 2011, с. 57.

Тузмухамедов Бахтияр

Российские военнослужащие в совместных операциях под международной эгидой: конституционно-правовые процедуры и практика. № 4 (70), зима 2003, с. 117.

Тузовская Наталья

Россия и НАТО: новое качество отношений? № 2 (72), лето 2004, с. 73.

Тэлботт Строуб

Партизанская война в Сенате — что это значит для разоружения? № 4 (95), зима 2010, с. 113.

У

Успенский Николай

Экспортный контроль — один из ключевых элементов национальной безопасности. № 3 (45), май–июнь 1999, с. 5.

Устинов Роман

Персидский залив: между бомбой и АЭС. № 2 (85), лето 2008, с. 63.

Ушков Анатолий

Черноморское яблоко раздора. Гриневецкий С. Р., Жильцов С. С., Зонн И. С. Черноморский узел. М.: Международные отношения, 2007. 200 с. № 4 (87), зима 2008, с. 157.

Ф

Фабричников Илья

Контрраспространение: хорошо забытое старое. № 4 (70), зима 2003, с. 157 *(в соавторстве)*; № 2 (80), лето 2006, с. 167.

Ядерные грезы Бразилии. № 4, зима 2003, с. 95.

аль-Фарадж Сами

Говорить о безопасности в регионе Персидского залива без учета иранского фактора невозможно. № 2 (93), лето 2010, с. 27.

Федоров Александр

Терроризм и международная информационная безопасность. № 6 (60), ноябрь–декабрь 2001, с. 24.

Международная информационная безопасность: арена соперничества или путь сотрудничества? № 5 (65), сентябрь–октябрь 2002, с. 25.

Оргпреступность и терроризм: взаимосвязь и взаимодействие. № 3 (69), осень 2003, с. 109.

Федоров Юрий

США–Китай: новая основная линия мировых противоречий. № 2 (80), лето 2006, с. 155.

Умиротворители и крокодилы. № 1 (81), весна 2007, с. 140.

Железом и кровью. № 2 (82), лето–осень 2007, с. 163.

Анархия господствует над миром. № 3 (83), зима 2007, с. 141.

Проклятые вопросы мировой политики, или прав ли Фридрих Ницше? № 1 (84), весна 2008, с. 99.

Ядерное средневековье. № 2 (85), лето 2008, с. 155.

Неопределенность нарастает. № 3 (86), осень 2008, с. 137.

Черный август, или возвращение истории. № 4 (87), зима 2008, с. 117.

Кажется, началось... Мировая политика вступает в новую фазу. № 1 (88), весна 2009, с. 116.

Мысли о немыслимом, или почему прав Герман Канн. № 2 (89), лето 2009, с. 145.

Никогда такого не было, и опять то же самое. № 3–4 (90–91), осень–зима 2009, с. 158.

Туркменские газовые игры. № 2 (93), лето 2010, с. 73

Мировая политика как театр абсурда. № 2 (93), лето 2010, с. 131.

Реальность мировой политики: сквозь призму иллюзий. № 3 (94), осень 2010, с. 110.

Крот истории и мировая политика. № 4 (95), зима 2010, с. 129.

Туркмения: время перемен? № 3–4 (90–91), осень–зима 2009, с. 91.

На круги своя. № 2 (97), лето 2011, с. 126.

Весеннее обострение мировой политики. № 3 (98), осень 2011, с. 133.

Никто так не слеп, как тот, кто не хочет видеть. № 4 (99), зима 2011, с. 123.

Времена меняются... № 1 (100), весна 2012, с. 154.

Федотов Юрий

Я удивлен тем, что Глобальная комиссия выступает за легализацию экстази и каннабиса. № 4 (99), зима 2011, с. 21.

Фишер Дэвид

Африка: еще одна безъядерная зона. № 4 (16), апрель 1996, с. 12.

Почему я поддерживаю российско-иранский контракт. Ответ профессору Яблокову. № 6 (6), июнь 1995, с. 20. № 2 (80), лето 2006, с. 105.

Фролов Андрей

Путь Индии к обладанию атомным подводным флотом. № 2 (68), лето 2003, с. 101.

Россия и Франция в зеркале Глобального партнерства. № 2 (68), лето 2003, с. 147.

Контрраспространение: хорошо забытое старое. № 4 (70), зима 2003, с. 157; № 2 (80), лето 2006, с. 167 *(в соавторстве)*

Трансформация системы экспортного контроля в России. № 4 (74), зима 2004, с. 125 *(в соавторстве)*

Программа создания АПЛ в Бразилии: сквозь тернии к глубинам. № 2 (76), лето 2005, с. 39.

Исходит ли угроза ОМУ-терроризма с Северного Кавказа? № 1 (79), зима 2006, с. 105 *(в соавторстве)*

Иран: для чего ему ракеты? № 2 (82), лето–осень 2007, с. 55.

Будущее российских вооружений. № 1 (96), весна 2011, с. 93.

Фэнтон Джонатан

Неправительственные организации в российско-американских отношениях. № 1 (88), весна 2009, с. 111.

Феррер Хорхе

Закат кубинского солнца. № 1 (92), весна 2010, с. 173.

X

де Хаас Марсель

Российская военная реформа — успех или провал? № 1 (96), весна 2011, с. 85.

Херд Грэм

Споры о российской демографической безопасности: существующие тенденции и грядущие пути развития. № 3 (83), зима 2007, с. 81 (*в соавторстве)*

Хлебников Владимир

Дополнительному протоколу к соглашению между государствами и МАГАТЭ о применении гарантий — пять лет. № 4 (64), июль–август 2002, с. 57.

Роль МАГАТЭ в решении актуальных проблем нераспространения ядерного оружия. № 1 (71), весна 2004, с. 81.

Хлопков Антон

Образование в области разоружения и нераспространения: время действовать. № 4 (64), июль–август 2002, с. 60.

Иран: ракетно-ядерная загадка для России. № 2 (68), лето 2003, с. 39 *(в соавторстве)*

«Нелегальные сети» Тегерана: уроки истории. № 1 (79), зима 2006, с. 169 *(в соавторстве)*

Что принесет России ядерный пакт с США? № 2 (82), лето–осень 2007, с. 113.

Ангарский проект: обогащение vs. нераспространение. № 2 (85), лето 2008, с. 43.

Всем сестрам по серьгам: ученые для Ирана, плутоний для КНДР, обогащение для Израиля. № 4 (87), зима 2008, с. 153.

Ходакова Александра

ПРО: где кроется опасность? № 1 (100), весна 2012, с. 91.

Холгейт Лора

Резерв ядерных материалов: контуры идеи. № 2 (82), лето–осень 2007, с. 157.

Хоффман Дэвид

1983. № 1 (81), весна 2007, с. 169

Неизвестная история гонки вооружений. № 2 (93), лето 2010, с. 153.

Храмчихин Александр

Вооруженные силы России: со щитом или на щите? № 3 (86), осень 2008, с. 105 *(полемика с Виталием Шлыковым)*

Хрипунов Игорь

Усилиям по ядерному нераспространению — более широкий контекст. № 1 (25), январь 1997, с. 17.

Реструктуризация и сокращение военного ядерного комплекса США. № 2, март–апрель 2000, с. 57 *(в соавторстве)*

Хромов Геннадий

Ракетное нераспространение и государственные интересы РФ. № 8–9 (20–21), август–сентябрь 1996, с. 20.

О некоторых проблемах ракетного распространения на современном этапе. № 1 (37), январь–февраль 1998, с. 38.

Взгляд на политику Индии в области ракетного и ядерного нераспространения. № 5 (41), сентябрь–октябрь 1998, с. 53.

О статье Анатолия Шевцова «Договор об ограничении систем противоракетной обороны: основа стратегической стабильности или яблоко раздора?» № 4 (52), июль–август 2000, с. 78 (*в соавторстве)*

Хрусталев Владимир

Будущее Северной Кореи: стоит ли ждать *конца*? № 1 (88), весна 2009, с. 95 *(полемика с Георгием Толорая)*

Ц

Цветкова Биляна

Опровергая мифы: почему не стоит бояться угрозы ядерного терроризма из России. № 3 (94), осень 2010, с. 35.

Цыгичко Виталий

Оружие нелетального воздействия. № 5 (65), сентябрь–октябрь 2002, с. 58 *(в соавторстве)*

Китай для России: товарищ или господин? № 2 (82), лето-осень 2007, с. 147 *(полемика с Дмитрием Трениным)*

Цымбал Виталий

Возрастание стратегической роли высокоинтеллектуального оружия и проблемы контроля за его развитием и распространением. № 6–7 (30–31), июнь–июль 1997, с. 39.

Проблемы управления развитием технологий двойного назначения в современной России. № 4 (40), июль–август 1998, с. 56 *(в соавторстве)*

Ч

Чебан Валерий

Контроль над распространением легкого и стрелкового оружия: взгляд из России. № 3, май–июнь 2002, с. 45 *(в соавторстве)*

Чевикоз Унал

Недостаток доверия между странами кавказского региона препятствует решению конфликтов. № 2 (89), лето 2009, с. 15.

Чен Янпинг

Интересы Китая в космосе и контроль ракетных технологий. № 4 (4), апрель 1995, с. 16.

Черепанов Николай

На таможне нет реального контроля радиоактивных материалов. № 8–9 (32–33), август–сентябрь 1997, с. 29.

Организованная преступность + местные элиты = ядерный шантаж. № 12 (36), декабрь 1997, с. 17 *(в соавторстве)*

Чернов Олег

«Глобализация мирового развития заставляет Россию воспринимать новые ракетные угрозы особенно серьезно». № 1 (55), январь–февраль 2001, с. 26.

Черномырдин Виктор

Российско-американское сотрудничество: «В ближайшем будущем ожидаем прогресс». № 12 (24), декабрь 1996, с. 5 *(в соавторстве)*

Черных Сергей

Контроль над распространением легкого и стрелкового оружия: взгляд из России. № 3 (63), май–июнь 2002, с. 45 *(в соавторстве)*

Чернышев Александр

Ядерное оружие малой мощности — возможная основа ядерного арсенала нового века. № 2 (76), лето 2005, с. 27 *(в соавторстве)*

Чидьяусику Бонифас

ДНЯО — основа культуры нераспространения. № 1 (100), весна 2012, с. 207.

Чумак Владимир

Будет ли Европа безъядерной зоной? № 6–7 (18–19), июнь–июль 1996, с. 27

Возможно ли создание безъядерной зоны в Центральной Азии? № 8–9 (20–21), август–сентябрь 1996, с. 26 *(в соавторстве)*

Программа Нанна–Лугара на Украине. № 5 (53), сентябрь–октябрь 2000, с. 51 *(в соавторстве)*

Чуменко Леонид

Переговоры по тактическому ядерному оружию: проблемы и перспективы. № 2 (62), март–апрель 2002, с. 41 *(в соавторстве)*

Чуркин Виталий

Центральная задача всех миротворцев остается неизменной. № 1 (96), весна 2011, с. 29.

Ш

Шаклеина Татьяна

Будущее диалога между Россией и США: выбор после выборов. № 3 (86), осень 2008, с. 15.

Шапер Аннетт

Планы строительства немецкого исследовательского реактора и усилия по прекращению мирного использования высокообогащенного урана. № 10 (22), октябрь 1996, с. 10.

О статье Игоря Николайчука «Первый удар остается важным элементом современной ядерной политики». № 4 (52), июль–август 2000, с. 76.

Шарапов Эдуард

Герой России. № 3 (69), осень 2003, с. 157 *(в соавторстве)*

Шаров Вячеслав

Гонка биологических вооружений не окончена? № 3 (3), март 1995, с. 18.

Чеченский конфликт и региональная угроза ядерного терроризма. № 3 (15), март 1996, с. 3.

Биологический терроризм — угроза реальная, готовы ли мы к ней? № 3 (51), май–июнь 2000, с. 81.

В Щучьем есть резервы для выполнения программы УХО. № 4 (58), июль–август 2001, с. 74.

Шаров Евгений

Режим контроля над ракетными технологиями (РКРТ) в России, США и на Украине. № 3 (3), март 1995, с. 12 *(в соавторстве)*

Шафеи Голамреза

Углубление отношений — с Россией не тактический прием, а осознанное желание. № 4 (74), зима 2004, с. 11.

Шевцов Анатолий

Договор об ограничении систем противоракетной обороны: основа стратегической стабильности или яблоко раздора? № 3 (51), май–июнь 2000, с. 45.

Циклы расширения НАТО. № 5 (59), сентябрь–октябрь 2001, с. 43 *(в соавторстве)*

Шефран Юрген

Тучи сгущаются: изменение климата — угроза безопасности? № 2 (89), лето 2009, с. 87.

Шилдс Джон

Программа Нанна–Лугара: отношения между США и странами — получателями помощи. № 4 (16), апрель 1996, с. 17.

Шилин Александр

О проблемах подготовки к Обзорной конференции по ДНЯО 2005 г. № 3 (73), осень 2004, с. 101 *(в соавторстве)*

Шитиков Алексей

Новые направления программы Глобального партнерства. № 1 (75), весна 2005, с. 159.

Шихаб-Элдин Аднан

Решение развивать атомную энергетику — это глобальный выбор. № 2 (85), лето 2008, с. 15.

Шишкин Альберт

«Есть запросы ряда европейских стран о поставках высокообогащенного урана из России». № 11 (23), ноябрь 1996, с. 9.

Шкляр Александр

Контроль над распространением легкого и стрелкового оружия: взгляд из России. № 3 (63), май–июнь 2002, с. 45 *(в соавторстве)*

Школьник Владимир

Государственная система контроля ядерных материалов в Республике Казахстан. № 6–7 (30–31), июнь–июль 1997, с. 36 *(в соавторстве)*

Школьник Екатерина

Учет и контроль радиоактивных материалов в Ярославской области. № 5 (17), май 1996, с. 21.

Шлыков Виталий

Вооруженные силы России: со щитом или на щите? № 3 (86), осень 2008, с. 105 *(полемика с Александром Храмчихиным)*

Как это было в Америке. № 1 (96), весна 2011, с. 167.

Шмелев Владимир

Международная горизонталь научно-технического сотрудничества в ядерном нераспространении. № 4 (16), апрель 1996, с. 2 *(в соавторстве)*

Дистанционный мониторинг ядерных материалов в России. № 11 (23), ноябрь 1996, с. 12 *(в соавторстве)*

О нормативных документах по учету, контролю и физической защите свежего топлива на Военно-морском флоте России. № 1 (43), январь–февраль 1999, с. 83 *(в соавторстве)*

Шмидт Андреас

Малоизвестная история *ядерного разворота*: почему государства отказываются от военных ядерных программ. № 1 (100), весна 2012, с. 71 *(в соавторстве)*

Штудман Жерар

Реформа Совета Европы давно назрела**.** № 3 (98), осень 2011, с. 23.

Шубин Михаил

Сотрудничество Минатома и регионов — в общих интересах. № 1 (61), январь–февраль 2002, с. 30.

Шувалова Анна

Сотрудничество между Россией и Великобританией в рамках программы Глобального партнерства. № 3 (73), осень 2004, с. 125.

Шустов Владимир

Совещание экспертов по изучению возможностей обнаружения нарушений соглашения о приостановке ядерных испытаний (Женева, (1 июля — 21 августа 1958 года). № 2 (62), март–апрель 2002, с. 64.

Похоронить или реанимировать? № 1 (84), весна 2008, с. 89.

Щ

Щукин Виталий

Инспекции на месте в ДВЗЯИ и других соглашениях в области разоружения и укрепления безопасности: проблемы, решения, перспективы. № 3 (73), осень 2004, с. 47 *(в соавторстве)*

Э

Эггерт Константин

НАТО, Россия и угрозы нового века. № 3 (69), осень 2003, с. 95.

Между местью и возмездием: новый взгляд на самую загадочную операцию «Моссад». № 1 (81), весна 2007, с. 185.

Позор, мужество и прозрение: 444 дня, которые потрясли мир. № 2 (82), лето–осень 2007, с. 217.

Герои или негодяи? Терроризм 1970-х в зеркале нашего века. № 3–4 (90–91), осень–зима 2009, с. 195.

Трагедия последнего шаха: Мохаммед Реза Пехлеви и тупик просвещенного авторитаризма. № 4 (95), зима 2010, с. 153.

Эльбарадей Мохамед

Режим ядерного нераспространения переживает трудные времена. № 1 (71), весна 2004, с. 11; № 2, лето 2006, с. 55.

Ю

Юдин Юрий

Технические аспекты ядерной программы КНДР. № 1 (79), зима 2006, с. 129

Каким будет ядерный арсенал США? № 3 (83), зима 2007, с. 25.

Юрасов Николай

О модернизации заправочных судов и хранилищ наземного базирования ВМФ России. № 6 (42), ноябрь–декабрь 1998, с. 66.

Юринов Борис

Герой России. № 3 (69), осень 2003, с. 157 *(в соавторстве)*

Юрченко Валентин

О распространении химического и биологического оружия в странах Ближнего Востока и Северной Африки. № 1 (79), весна 2005, с. 149.

Я

Яблоков Алексей

Некоторые вопросы по поводу атомной сделки с Ираном. № 5 (5), май 1995, с. 20.

Экологическая информация и секретность: как преодолеть противоречия? № 1 (25), январь 1997, с. 19.

Об опасных последствиях внешнеполитической деятельности Минатома. № 10–11 (34–35), октябрь–ноябрь 1997, с. 44.

«Ошибка, но не моя». № 6 (42), ноябрь–декабрь 1998, с. 71.

Язев Валерий

Без России общий энергетический рынок Азии построить невозможно. № 4 (95), зима 2010, с. 25.

Якимов Сергей

Система экспортного контроля в Российской Федерации. № 1 (67), весна 2003, с. 151.

Яковенко Александр

Политика, новые технологии и XXI в. № 2 (38), март–апрель 1998, с. 46.

О компьютерной проблеме 2000 г. № 6 (42), ноябрь–декабрь 1998, с. 4.

Международно-правовые аспекты использования ядерных источников энергии в космическом пространстве. № 2 (50), март–апрель 2000, с. 43.

Политика, новые технологии и XXI в. № 2 (80), с. 79.

Чем сильнее будет страна, тем чаще будут говорить на ее языке. № 1 (84), весна 2008, с. 17.

Яковлев Виталий

Первые шаги по сокращению тактического ядерного оружия в России. № 1 (61), февраль–январь 2002, с. 79.

Яковлев Владимир

Первые шахтные *Тополь М* будут развернуты в конце этого года. № 10–11 (34–35), октябрь–ноябрь 1997, с. 4.

РВСН — это прежде всего щит государства. № 6 (48), ноябрь–декабрь 1999, с. 4.

Якушев Михаил

Шероховатости плоского мира. № 1 (81), весна 2007, с. 189.

Управление интернетом: политика и геополитика. № 2 (93), лето 2010, с. 31.

Ярош Валерий

Деятельность по обеспечению физической защиты, учета и контроля радиоактивных материалов на объектах морского транспорта. № 4 (74), зима 2004, с. 117 *(в соавторстве)*

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА *ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ (ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ)* В 1994–2012 гг. (№ 1–100)

А

А. А. Громыко и проблема ядерного нераспространения. Роланд Тимербаев. № 6 (48), ноябрь–декабрь 1999, с. 81.

А был ли «ядерный чемоданчик»? Виктор Есин. № 2, лето 2005, с. 67.

АБЭВЭГЭДЕЙКА-21. Владимир Орлов. № 2 (85), лето 2008, с. 7.

Адаптированный ДОВСЕ и интересы безопасности России. Юрий Федоров. № 4 (74), зима 2004, с. 101.

Администрация Буша и политика нераспространения: скептики у власти. Мэтью Банн. № 3 (57), май–июнь 2001, с. 20.

Азербайджан приучен опираться на собственные ресурсы, поэтому и не присоединяется к блокам. Ильхам Алиев. № 1 (81), весна 2007, с. 17.

Азоры здесь тихие. Екатерина Вотановская. № 2 (89), лето 2009, с. 11.

Актуальные задачи развития Вооруженных сил Российской Федерации: идем в ногу со временем? (редакционная статья). № 4 (70), зима 2003, с. 7.

Америка теряет свои «вулканы». Геннадий Евстафьев. № 4 (78), зима 2005, с. 143

Американо-британское оборонное партнерство в первой декаде XXI в. Максим Минаев. № 3–4 (90–91), осень–зима 2009), с. 69

Ангарский проект: обогащение vs. нераспространение. Антон Хлопков. № 2 (85), лето 2008, с. 43.

Анархия господствует над миром. Юрий Федоров. № 3 (83), зима 2007, с. 141.

Андреева губа: раскрыто еще одно ядерное хищение. Версия следствия. Михаил Кулик. № 11, ноябрь 1995, с. 2.

Апокалипсис? — No! Дмитрий Евстафьев. № 1 (81), весна 2007, с. 156

Архитектура глобальной атомной энергетики: ключ к энергетической безопасности. Николай Пономарев-Степной. № 1 (100), весна 2012, с. 47.

Асимметричный конфликт как нематематическая категория. Екатерина Степанова. № 2 (97), лето 2011, с. 167.

Атомная отрасль Китая: новый *Большой скачок*? Артем Гончарук. № 4 (99), зима 2011, с. 77.

Атомная отрасль является одним из крупнейших национальных экспортеров. Александр Румянцев. № 1 (71), весна 2004, с. 15.

Атомная панда: Китай в поисках энергобезопасности. Евгений Петелин, Никита Перфильев. № 2 (85), лето 2008, с. 81.

Атомная энергетика будет развиваться, и этот процесс необратим. Михаил Лысенко. № 4 (95), зима 2010, с. 29.

Атомная энергетика в арабских странах Персидского залива. Авад Альбади. № 1 (100), весна 2012, с. 125.

Атомная энергетика в Центральной Азии: есть ли перспективы? Галия Ибрагимова. № 4 (95), зима 2010, с. 77.

Атомная энергетика для России — это единственный способ перестать быть сырьевым придатком. Валерий Богдан, Михаил Троянов, Виктор Мурогов. № 8 (8), август 1995, с. 8.

Атомное надводное судостроение в начале XXI в. Михаил Барабанов. № 1 (75), весна 2005, с. 141.

Африка: еще одна безъядерная зона. Дэвид Фишер. № 4 (16), апрель 1996, с. 12.

АЭС в Куданкуламе и будущее российско-индийской ядерной торговли. Виталий Федченко. № 1 (61), январь–февраль 2002, с. 52.

Афганистан: что его ждет и что это значит для России. Вадим Козюлин, Галия Ибрагимова. № 2 (97), лето 2011, с. 113.

Афганский эндшпиль. Дмитрий Поликанов. № 4 (99), зима 2011, с. 153.

АЭС «Дружба»: Россия на рынке стран Центральной и Восточной Европы. Анастасия Ангелова. № 2 (85), лето 2008, с. 97.

Б

Без иллюзий: о российско-американских стратегических отношениях после грузинского кризиса. Владимир Орлов. № 4 (87), зима 2008, с. 105.

Без России общий энергетический рынок Азии построить невозможно. Валерий Язев. № 4 (95), зима 2010, с. 25.

Безопасность и возвращение политического: критические дебаты в Европе. Андрей Макарычев. № 4 (87), зима 2008, с. 25.

Безопасность ядерного оружия — приоритет России на долгосрочную перспективу. Владимир Верховцев. № 1 (75), весна 2005, с. 29.

Безопасность ядерных арсеналов Российской Федерации. Евгений Маслин. № 4 (74), зима 2004, с. 17.

Безъядерная зона в Центральной Азии: как заполучить *пятерку*? Николай Соков. № 3 (86), осень 2008, с. 77.

Безъядерные зоны: промежуточный вариант (редакционная статья). № 12 (12), декабрь 1995, с. 6.

Безъядерный аргумент Минска (редакционная статья). № 12 (24), декабрь 1996, с. 6.

Беспилотные летательные аппараты в классических и террористических войнах. Геннадий Евстафьев, Михаил Павлюшенко. № 3 (73), осень 2004, с. 77.

Биобезопасность и контроль над распространением биологических материалов: перспективы международного сотрудничества (круглый стол). № 4 (78), зима 2005, с. 63.

Биологический терроризм — угроза реальная, готовы ли мы к ней? Вячеслав Шаров. № 3 (51), май–июнь 2000, с. 81.

Ближневосточная зона, свободная от ОМУ: от идеалов к реальности. Иван Трушкин. № 3 (98), осень 2011, с. 57.

Ближний Восток и атомная проблема. Роланд Тимербаев. № 3 (69), осень 2003, с. 15

Бои глобального значения. Владимир Орлов. № 3 (86), осень 2008, с. 7.

Большая игра в Центральной Азии. Винсен де Китспоттер. № 1 (75), весна 2005, с. 81.

Большая каспийская икра. Екатерина Шадрина. № 1 (81), весна 2007, с. 93.

Большая ядерная игра в XXI в.: разоружение или война? Александр Радчук. № 1 (92), весна 2010, с. 21.

Большой балканский демонтаж. Ирина Зуева. № 2 (93), лето 2010, с. 87.

Бомба для Каддафи: история одной игры. Елена Гелескул. № 1 (88), весна 2009, с. 143.

Бомбодел, который усомнился. Михаил Новиков. № 2 (82), лето–осень 2007, с. 225.

Борьба за воду. Сергей Жильцов, Игорь Зонн. № 3 (86), осень 2008, с. 49.

Бразилия: приоритеты и фобии *восходящей державы.* Борис Мартынов. № 4 (95), зима 2010, с. 43.

БРИКС: *заря новой эры* или *business as usual*? Борис Мартынов. № 3 (98), осень 2011, с. 161–168.

Будет ли Европа безъядерной зоной? Владимир Чумак. № 18–19, июнь–июль 1996, с. 27.

Будет ли ратифицирован договор СНВ-2? Владимир Белоус. № 6–7 (18–19), июнь–июль 1996, с. 31.

Будущее диалога между Россией и США: выбор после выборов. Татьяна Шаклеина. № 3 (86), осень 2008, с. 15.

Будущее политики США по ядерному оружию. Роланд Тимербаев. № 10–11 (32–33), октябрь — ноябрь 1997, с. 45.

Будущее российских вооружений. Андрей Фролов. № 1 (96), весна 2011, с. 93.

Будущее Северной Кореи: стоит ли ждать *конца*? Георгий Толорая, Владимир Хрусталев. № 1 (88), весна 2009, с. 95.

Будущее ядерного разоружения. Сергей Кортунов. № 5 (17), май 1996, с. 9.

Быть или не быть ратификации СНВ-2 — зависит от президента. Владимир Орлов. № 2 (38), март–апрель 1998, с. 3.

В

В ближайшее время ситуация в области ПРО будет той лакмусовой бумажкой, которая покажет реальную готовность сторон к эффективному взаимодействию. Анатолий Антонов. № 2 (97), лето 2011, с. 11.

В добрый путь, читатель! Владимир Орлов. № 1 (81), весна 2007, с. 11.

В информации о биологическом оружии темных пятен больше, чем достоверной информации. Брэд Робертс. № 4 (4), апрель 1995, с. 13.

В области учета, контроля и физзащиты ядерных материалов мы приходим к той схеме, которая эффективно работала в Союзе. Виктор Михайлов. № 4 (28), апрель 1997, с. 14.

В ожидании зари многополярности: заметки на полях мирового финансового кризиса. Дмитрий Евстафьев. № 4 (87), зима 2008, с. 133.

В ожидании новых подходов. Владимир Орлов. № 2 (82), лето–осень 2007, с. 221.

В поисках верного пути. Ирина Миронова. № 2 (97), лето 2011, с. 7.

В поисках гения войны. Павел Лузин. № 1 (96), весна 2011, с. 173–176.

В предчувствии глобальных перемен. Дмитрий Евстафьев. № 2 (82), лето–осень 2007, с. 176.

В Щучьем есть резервы для выполнения программы УХО. Вячеслав Шаров. № 4, июль–август 2001 (58), с. 74.

Важный, но недостаточный шаг. К итогам российско-американского саммита в ноябре 2001 г. Роланд Тимербаев, Юрий Федоров. № 6 (60), ноябрь–декабрь 2001, с. 4.

Верификационный механизм Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний: процесс создания. Олег Рожков, Виктор Слипченко. № 4 (58), июль–август 2001, с. 25.

Весеннее обострение мировой политики. Юрий Федоров. № 3 (98), осень 2011, с. 133–144.

Ветер перемен переходит в шторм. Дмитрий Евстафьев. № 1 (100), весна 2012, с. 169.

Взаимное гарантированное уничтожение: возможна ли альтернатива? Алексей Обухов. № 1 (75), весна 2005, с. 103.

Взаимосвязь и вопросы интеграции системы физической защиты и системы учета и контроля ядерных материалов. Александр Измайлов. № 6 (54), ноябрь–декабрь 2000, с. 66.

Взаимосвязь проблем ПРО, ядерных вооружений и нераспространения оружия массового уничтожения. Владимир Белоусов, Владимир Лоборев, Иветта Быстрова. № 3 (15), март 1996, с. 14.

Взгляд на политику Индии в области ракетного и ядерного нераспространения. Геннадий Хромов. № 5 (41), сентябрь–октябрь 1998, с. 53.

Виртуальная геополитика Центральной Азии. Павел Баев. № 1 (84), весна 2008, с. 83.

Влияние процессов развития Интернет-технологий на геополитические интересы государства. Юлия Кисляк, Алексей Соколов. № 6 (54), ноябрь–декабрь 2000, с. 30.

Внеблоковость позволяет Берну играть заметную роль на европейском континенте. Игорь Братчиков. № 1 (92), весна 2010, с. 17.

Внешнеполитическая пропаганда КНР в период подготовки и проведения олимпийских игр в Пекине. Евгений Евдокимов. № 1 (92), весна 2010, с. 145.

Внешняя политика России: от реактивной к наступательной (редакционная статья). № 5, сентябрь–октябрь 2000, с. 3.

Военбиз и будущее Пакистана. Аиша Сиддика-Ага. № 1 (84), весна 2008, с. 27.

Военная реформа 2008–2020: цифры и факты (досье). № 1 (96), весна 2011, с. 33.

Военная реформа — есть планы, нет цели (редакционная статья). № 1 (55), январь–февраль 2001, с. 3.

Военное присутствие России в Центральной Азии будет способствовать стабилизации региона. Виктор Заварзин. № 1 (79), зима 2006, с. 21

Военно-промышленный потенциал Ирана: некоторые оценки. Анатолий Алимов. № 3 (57), май 2001, с. 41.

Военно-техническое сотрудничество Израиля и государств Латинской Америки. Оксана Скопич. № 2 (93), лето 2010, с. 105.

Возможно ли создание безъядерной зоны в Центральной Азии? Гузэль Таипова, Владимир Чумак. № 20–21, август–сентябрь 1996, с. 26.

Возможно, пора выдвинуть идею договора о гарантиях ядерного сдерживания. Юрий Кириллов. № 6 (66), ноябрь–декабрь 2002, с. 31.

Возможности ратификации Договора СНВ-2 нынешней осенью: предпосылки и препятствия. Андрей Гордиенко. № 4 (40), июль–август 1998, с. 5.

Возрастание стратегической роли высокоинтеллектуального оружия и проблемы контроля за его развитием и распространением. Виталий Цымбал. № 6–7 (30–31), июнь–июль 1997, с. 39.

Война с наркотиками — проиграна? Юрий Крупнов, Лев Левинсон. № 3 (98), осень 2011, с. 85.

Вокруг ситуации с хранением плутония и обогащенного урана в Томске-7. Валерий Меньщиков. № 2 (2), февраль 1995, с. 2.

Вооруженные силы Ирана на переходном этапе. Обычные угрозы и оружие массового уничтожения. Андрей Зобов. № 4 (58), июль–август 2001, с. 77.

Вооруженные силы России: со щитом или на щите? Александр Храмчихин, Виталий Шлыков. № 3 (86), осень 2008, с. 105.

Вооруженные силы РФ в условиях новых вызовов и угроз. Александр Рукшин. № 2 (76), лето 2005, с. 15.

Вопросы борьбы с терроризмом займут центральное место в новой Концепции национальной безопасности России. Николай Спасский. № 1 (75), весна 2005, с. 23.

Вопросы хранения и утилизации плутония еще ждут своего решения. Николай Егоров. № 2 (26), февраль 1997, с. 9.

Вопросы ядерной безопасности — под неослабным контролем высшего руководства страны. Александр Румянцев. № 2 (62), март–апрель 2002, с. 27.

Времена меняются... Юрий Федоров. № 1 (100), весна 2012, с. 154.

Время диалога с США по вопросу о ПРО еще не ушло. Юрий Соломонов. № 4 (46), июль–август 1999, с. 4.

Время налаживать сотрудничество по широкому спектру проблем безопасности. Владимир Орлов, Роланд Тимербаев. № 5 (59), сентябрь–октябрь 2001, с. 4.

Время переосмыслить подходы к «войне с терроризмом» (редакционная статья). № 3 (77), осень 2005, с. 7.

Всем сестрам по серьгам: ученые для Ирана, плутоний для КНДР, обогащение для Израиля. Антон Хлопков. № 4 (87), зима 2008, с. 153.

Всеми вопросами регулирования ВТС должен заниматься Минторг. Григорий Рапота. № 3 (51), май–июль 2000, с. 40.

Всеобъемлющее запрещение ядерных испытаний: проблемы, смежные области и реальности. Владимир Белоусов, Юрий Силкин. № 7 (7), июль 1995, с. 2.

Встреча «восьмерки» в Москве и интересы России (редакционная статья). № 4 (16), апрель 1996, с. 6.

Вторая линия защиты: результаты международного сотрудничества в зоне действия Астраханской таможни. Екатерина Шадрина. № 3 (77), осень 2005, с. 127.

ВТС России со странами Ближнего и Среднего Востока. Марат Кенжетаев. № 1 (71), весна 2004, с. 131.

ВТС: российско-израильское противостояние. Вадим Козюлин. № 1 (67), весна 2003, с. 17.

Вызов супертерроризма (редакционная статья). № 1 (67), весна 2003, с. 7.

Выступление директора Центра ПИР Владимира Орлова на Специальном заседании (заявления неправительственных организаций) Конференции по продлению ДНЯО (редакционная статья). № 6 (6), июнь 1995, с. 3.

Г

Газовые игры в Центральной Азии: ставки России. Владимир Перебоев. № 3 (94), осень 2010, с. 167.

Галилео: как Европа движется в космос. Василий Лата. № 1 (92), весна 2010, с. 71 *(в соавторстве)*

Генерал Вандам — забытый основатель русской геополитики. Сергей Понамарев. № 1 (81), весна 2007, с. 193.

Геополитические аспекты строительства СЯС в интересах укрепления военной безопасности России. Василий Лата. № 3 (69), осень 2003, с. 59.

Геополитические сценарии для Ближнего Востока. Сергей Норка. № 4 (74), зима 2004, с. 81.

Герои или негодяи? Терроризм 1970-х в зеркале нашего века. Константин Эггерт. № 3–4 (90–91), осень–зима 2009, с. 195.

Герой России. Эдуард Шарапов, Борис Юринов. № 3 (69), осень 2003, с. 157.

Глиняные ноги российского ОПК. Наталия Калинина, Вадим Козюлин. № 3–4 (90–91), осень–зима 2009, с. 47.

Глобализация мирового развития заставляет Россию воспринимать новые ракетные угрозы особенно серьезно. Олег Чернов. № 1 (49), январь–февраль 2001, с. 26.

Глобальная повестка дня сквозь туман кризиса. Дмитрий Евстафьев. № 3–4 (90–91), осень–зима 2009, с. 171.

Глобальная система экспортного контроля и международный кодекс поведения. Евгений Зведре. № 1 (67), весна 2003, с. 155.

Глобальное партнерство в российско-японских отношениях. Наталья Белобородова. № 3 (69), осень 2003, с. 139.

Глобальное партнерство на распутье. Анатолий Анин. № 4 (70), зима 2003, с. 15

Глобальное партнерство: сказка о потерянном времени? (редакционная статья). № 3 (73), осень 2004, с. 11.

Глобальный вызов требует глобального ответа. Сергей Мартынов. № 4 (95), зима 2010, с. 11.

Говорить о безопасности в регионе Персидского залива без учета иранского фактора невозможно. Сами аль-Фарадж. № 2 (93), лето 2010, с. 27

Гонка биологических вооружений не окончена? Вячеслав Шаров. № 3 (3), март 1995, с. 18.

Государства Центральной Азии: развитие вооруженных сил и перспективы военно-технического сотрудничества с Россией. Вадим Козюлин. № 3 (83), зима 2007, с. 41.

Государственная Дума и контроль над вооружениями (редакционная статья). № 2 (14), февраль 1996, с. 8.

Государственная Дума о ратификации СНВ-2. Виктор Илюхин, Владимир Лукин. № 5 (29), май 1997, с. 2.

Государственная система контроля ядерных материалов в Республике Казахстан. Тимур Жантикин, Владимир Школьник. № 6–7 (30–31), июнь–июль 1997, с. 36.

Государственная система учета и контроля ядерных материалов и радиоактивных веществ в России. Александр Румянцев. № 3 (15), март 1996, с. 10.

Гражданский контроль над Вооруженными силами в России: история и перспективы. Юрий Назаркин. № 3 (77), осень 2005, с. 113.

Группа высокого уровня свое дело сделала — «процесс пошел» (редакционная статья). № 1 (75), весна 2005, с. 9.

Д

Двадцатилетний опыт реформ французских Вооруженных сил. Жан Морен. № 1 (96), весна 2011, с. 103.

Два питерских саммита. Вячеслав Никонов. № 1 (81), весна 2007, с. 127.

2010 год, итоги. Объективная реальность, данная нам в ощущениях. Дмитрий Евстафьев. № 4 (95), зима 2010, с. 141.

ДВЗЯИ и «ядерная пятерка»: проблемы остаются. Аржун Махиджани. № 10 (22), октябрь 1996, с. 19.

ДВЗЯИ и поддержание безопасности ядерного оружия. Евгений Маслин. № 3 (45), май–июнь 1999, с. 75.

Движется ли Саудовская Аравия по пути создания ОМУ? Чарльз Макафей, Яна Фельдман. № 4 (74), зима 2004, с. 43.

Девять вопросов о ядерном нераспространении. Геннадий Евстафьев. № 1 (1), январь 1995, с. 12.

Déjà Vu, или юбилейные традиции Балкан. Ирина Зуева. № 1 (88), весна 2009, с. 107.

Деидеологизированная дипломатия: опыт советско-американских переговоров по ограничению и сокращению стратегических вооружений. Алексей Обухов. № 3 (77), осень 2005, с. 145.

Демократический контроль над военной сферой в России и странах СНГ. Роланд Тимербаев. № 3 (63), май–июнь 2002, с. 84.

Демонизация Кубы: что делать? Джонатан Бенджамин-Альварадо. № 3 (51), май–июнь 2000, с. 58

Демонтаж одного ядерного боезаряда обходится России в 10–15 тысяч долларов. Виктор Михайлов. № 5 (17), май 1996, с. 2.

Дестабилизирующие процессы могут усилиться, если не противодействовать распространению ядерного оружия. Игорь Сергеев. № 3 (57), май–июнь 2001, с. 16.

Десять лет спустя: десять результатов, десять задач (редакционная статья). № 2 (72), лето 2004, с. 9.

Деятельность МАГАТЭ в свете решений Конференции по рассмотрению действия ДНЯО. Пит де Клерк. № 1 (55), январь–февраль 2001, с. 61.

Деятельность по обеспечению физической защиты, учета и контроля радиоактивных материалов на объектах морского транспорта. Михаил Атурин, Валерий Ярош. № 4 (74), зима 2004, с. 117.

Дискуссия о будущем ядерного оружия только разворачивается. Геннадий Евстафьев. № 6 (6), июнь 1995, с. 18.

Дистанционный мониторинг ядерных материалов в России. Александр Румянцев, Владимир Сухоручкин, Владимир Шмелев, Александр Григорьев, Марк Сажнев. № 11 (23), ноябрь 1996, с. 12.

Для Конвенции по запрещению химического оружия наступило время «Ч». Наталия Калинина. № 1 (88), весна 2009, с. 169.

ДНЯО и концепция НАТО по «совместному управлению» ядерным оружием. Анатолий Анин. № 1 (71), весна 2004, с. 73.

ДНЯО — основа культуры нераспространения. Бонифас Чидьяусику. № 1 (100), весна 2012, с. 207.

ДНЯО продлен бессрочно. Кто выиграл? Владимир Орлов. № 6, июнь 1995, с. 2.

ДНЯО продлен бессрочно. Что дальше? Роланд Тимербаев. № 9 (9), сентябрь 1995, с. 19.

ДНЯО: для России и мира его надо сохранить надолго. Роланд Тимербаев. № 1 (1), январь 1995, с. 4.

ДНЯО: конвертировать позитивные тенденции в реальный капитал. Сергей Рябков. № 2 (93), лето 2010, с. 11.

ДНЯО: очередной экзамен сдан успешно. Впереди — новые. Владимир Орлов, Роланд Тимербаев. № 4 (52), июль–август 2000, с. 4.

Доверие и ядерное разоружение. Владимир Горбулин. № 2 (93), лето 2010, с. 167.

ДОВСЕ — вчера, сегодня... Завтра?.. Анатолий Анин, Родион Аюмов. № 1 (96), весна 2011, с. 61; № 2 (97), лето 2011, с. 21.

Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний — четыре года спустя. Виктор Слипченко. № 6 (54), ноябрь–декабрь 2000, с. 59.

Договор о европейской безопасности в рамках треугольника ЕС–США–НАТО. Дмитрий Данилов. № 3 (94), осень 2010, с. 67.

Договор о европейской безопасности: после Корфу. Владимир Воронков. № 3–4 (90–91), осень — зима 2009, с. 143.

Договор о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений. Юрий Назаркин. № 6, ноябрь–декабрь 2001, с. 65.

Договор о торговле оружием: заставить пушки замолчать. Наталия Калинина, Вадим Козюлин. № 3 (94), осень 2010, с. 81.

Договор об ограничении систем противоракетной обороны: основа стратегической стабильности или яблоко раздора? Анатолий Шевцов. № 3 (51), май–июнь 2000, с. 45.

Договор по ПРО не должен быть подорван в ходе создания систем нестратегической ПРО. Виктор Колтунов. № 12 (36), декабрь 1997, с. 2.

Договор по ПРО: анализ американской позиции. Иван Серебряков. № 5 (29), май 1997, с. 11.

Договор СНП отвечает интересам России и сегодня, и в перспективе. Юрий Балуевский. № 1 (67), весна 2003, с. 9.

Долгосрочные и глубочайшие изменения в мировом политическом балансе сил — вот самый серьезный вызов национальной безопасности на сегодняшний день. Николай Спасский. № 1 (79), зима 2006, с. 13.

Дополнительному протоколу к соглашению между государствами и МАГАТЭ о применении гарантий — пять лет. Владимир Хлебников. № 4 (64), июль–август 2002, с. 57.

Е

Европа и планы США в области НПРО: почти неразрешимая дилемма. Харальд Мюллер. № 6 (54), ноябрь–декабрь 2000, с. 42.

Европейская конвенция о борьбе с киберпреступностью недостаточна для ответа на новые вызовы. Илья Рогачов. № 3 (98), осень 2011, с. 11.

Ежегодник СИПРИ 1998. Вооружения, разоружение и международная безопасность. Иван Сафранчук. № 5 (47), сентябрь-октябрь 1999, с. 84.

Ежегодник СИПРИ 2003. Вооружения, разоружение и международная безопасность. Андрей Зобов. № 3 (73), осень 2004, с. 157.

Есть запросы ряда европейских стран о поставках высокообогащенного урана из России. Альберт Шишкин. № 11 (23), ноябрь 1996, с. 9.

Есть ли будущее у договора по ПРО? Павел Подвиг. № 5 (53), сентябрь–октябрь 2000, с. 4.

Ж

Железом и кровью. Юрий Федоров. № 2 (82), лето–осень 2007, с. 163.

Женевская разминка. Владимир Орлов. № 3 (86), осень 2008, с. 123.

Жизнь академика А. И. Лейпунского: малоизвестные страницы. Георгий Толянский. № 3, осень 2004, с. 147

З

За приоткрытыми окнами, или к вопросу о конкуренции. Владимир Орлов. № 4 (87), зима 2008, с. 7.

Закат кубинского солнца. Хорхе Феррер. № 1 (92), весна 2010, с. 173.

Закон об экспортном контроле: нужен, но требует доработки (из стенограммы конференции ПИР-Центра «Экспортный контроль: законодательство и практика»). Светлана Гвоздева, Владимир Мисюченко, Владимир Орлов. № 3 (45), май–июнь 1999, с. 13.

Закончился ли *ядерный ренессанс*? Михаил Лысенко. № 3 (98), осень 2011, с. 111–112.

Замороженные конфликты в контексте европейской безопасности. Надежда Арбатова. № 3 (94), осень 2010, с. 57.

Замороженные конфликты как предмет диалога о европейской безопасности. Андрей Девятков. № 4 (95), зима 2010, с. 175.

Запад, экспортный контроль и Россия. Гэри Бертч. № 1 (1), январь 1995, с. 18.

Запах страха, запах пыли... Владимир Орлов. № 3 (77), осень 2005, с. 157. № 2 (85), лето 2008, с. 185.

Запоздалое начало нового мирового беспорядка. Дмитрий Евстафьев. № 3 (94), осень 2010, с. 125.

Запрещение химического оружия: укрепление международной безопасности. Рохелио Пфиртер. № 3 (73), осень 2004, с. 21.

Запрещение ядерных испытаний. Россия демонстрирует по-настоящему независимый, достойный подход (редакционная статья). № 11 (11), ноябрь 1995, с. 6.

Захоронение отравляющих веществ на дне Балтийского и Северного морей после Второй мировой войны. Тенгиз Борисов, Светлана Ковалева. № 3 (63), май–июнь 2002, с. 75.

Зачем России вооружать Пакистан? Вадим Козюлин. № 3 (39), май–июнь 1998, с. 51.

Зеленая «Иголочка», белые ниточки, или как сотрудничество крупнейших спецслужб мира помогло разоблачить международного террориста. Вадим Козюлин, Анастасия Лагута. № 4 (78), зима 2005, с. 119.

Зона, свободная от ядерного оружия, от Черного до Балтийского моря. Ян Правиц. № 11 (23), ноябрь 1996, с. 15; № 12 (24), декабрь 1996, с. 9.

И

Игра на удаление. Владимир Орлов. № 1 (84), весна 2008, с. 7.

Идея *стратегического треугольника* в Азии — плод внешнеполитических иллюзий (редакционная статья). № 2 (44), март–апрель 1999, с. 3.

Из тени в свет... или на чистую воду. Владимир Орлов. № 2 (76), лето 2005, с. 141.

Изменения в системе экспортного контроля происходят не в сторону упрощения документов. Александр Токарев. № 1 (43), январь–февраль 1999, с. 86.

Израиль и бомба. Роланд Тимербаев. № 4 (46), июль-август 1999, с. 84.

Индекс безопасности глобального мира: российское измерение. Юрий Балуевский. № 1 (81), весна 2007, с. 33.

Индекс безопасности ядерных материалов NTI: основа для гарантий, прозрачности и эффективности. Сэм Нанн. № 1 (100), весна 2012, с. 65.

Индийская программа развития атомного подводного флота: сотрудничество с Россией. Дмитрий Литовкин. № 5 (47), сентябрь–октябрь 1999, с. 4.

Индийская ядерная бомба. Влияние на глобальное распространение. Роланд Тимербаев. № 4 (52), июль–август 2000, с. 82.

Индия: восходящая звезда. Роланд Тимербаев. № 2 (62), март–апрель 2002, с. 73.

Индия перед окончательным выбором: быть или не быть ядерным государством? Харбир Маншайя. № 4 (4), апрель 1995, с. 18.

Инициатива по безопасности в области распространения — не формальная организация, а комплекс мер. Джон Болтон. № 3 (73), осень 2004, с. 15.

Инициатива по безопасности в области распространения ОМУ: взгляд из России.

Марат Бердыев, Мария Прохорова. № 3 (77), осень 2005, с. 69.

Инициатива ядерного разоружения как составляющая будущих соглашений. Джемс Гудби. № 2 (89), лето 2009, с. 19.

ИНПРО: новый подход к ядерной энергетике будущего. Дмитрий Ковчегин. № 1 (61), январь–февраль 2002, с. 56.

Инспекции на месте в ДВЗЯИ и других соглашениях в области разоружения и укрепления безопасности: проблемы, решения, перспективы. Виктор Слипченко, Виталий Щукин. № 3 (73), осень 2004, с. 47.

Интеграция военного и гражданского ядерных топливных циклов в России. Олег Бухарин. № 9 (9), сентябрь 1995, с. 10.

Интересы Китая в космосе и контроль ракетных технологий. Янпинг Чен. № 4 (4), апрель 1995, с. 16.

Информационная безопасность и глобализация. Александр Федоров. № 3 (77), осень 2005, с. 79.

Ирак: инвестиционные интересы России. Эльдар Касаев. № 1 (88), весна 2009, с. 59.

Иран в космосе. Узи Рубин. № 2 (89), лето 2009, с. 125.

Иран: для чего ему ракеты? Андрей Фролов. № 2 (82), лето-осень 2007, с. 55.

Иран: ракетно-ядерная загадка для России. Василий Лата, Антон Хлопков. № 2 (68), лето 2003, с. 39.

Иран: ситуация стала понятнее, но не все вопросы сняты. Сергей Кисляк. № 2 (76), лето 2005, с. 9.

Иранская тема в российско-американском диалоге по ракетному нераспространению. Алексей Краснов. № 5 (65), сентябрь–октябрь 2002, с. 56.

Иранская ядерная программа вызывает серьезные вопросы. Владимир Орлов. № 3 (73), осень 2004, с. 105.

Искушение экспортом (редакционная статья). № 2 (26), февраль 1997, с. 6.

Исламский терроризм сегодняшнего дня: глобальный и локально-региональный уровни. Екатерина Степанова. № 1 (81), весна 2007, с. 75.

Исповедь американского политического ястреба. Геннадий Евстафьев. № 2 (89), лето 2009, с. 173.

Использование плутония в России. Валерий Богдан, Виктор Мурогов, Владимир Каграманян, Михаил Троянов. № 11 (11), ноябрь 1995, с. 13.

Использование электронных платежных систем значительно упрощает процесс отмывания денег. Александр Спиридонов. № 4 (99), зима 2011, с. 15.

Исходит ли угроза ОМУ-терроризма с Северного Кавказа? Елена Арбекова, Андрей Фролов. № 1 (79), зима 2006, с. 105.

Итоги реформирования атомной отрасли России. Анна Белова. № 2 (85), лето 2008, с. 141.

К

К вопросу о будущем Договора Пелиндаба. Дмитрий Поликанов. № 1 (49), январь–февраль 2000, с. 22.

К вопросу о ввозе зарубежного отработавшего ядерного топлива в Россию. Владимир Рыбаченков. № 4 (58), июль–август 2001, с. 43.

К вопросу о правилах организации системы государственного учета и контроля ядерных материалов. Никита Никифоров. № 1 (43), январь–февраль 1999, с. 43.

К вопросу о роли ядерного оружия в обеспечении безопасности Российской Федерации в XXI в. Александр Савельев. № 3 (77), осень 2005, с. 45.

К вопросу о создании Объединенного главного командования СЯС. Дмитрий Литовкин. № 2 (44), март–апрель 1999, с. 39

К вопросу о ядерной доктрине Индии. Раджеш Басрур. № 1 (75), весна 2005, с. 41.

К вопросу об укреплении режима нераспространения ядерного оружия. Юрий Володин, Александр Санин. № 1 (25), январь 1997, с. 2.

К истории разработки контрольных положений ДНЯО (политические аспекты). Роланд Тимербаев. № 5 (41), сентябрь–октябрь 1998, с. 67.

К истории создания первой АЭС в СССР. Лев Кочетков. № 2, лето 2004, с. 155.

К новому соглашению по ограничению ядерных вооружений (о переговорах о запрещении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия). Роланд Тимербаев. № 1 (43), январь–февраль1999, с. 4.

К стратегической стабильности — через баланс силы и транспарентности. Виктор Михайлов. № 6 (42), ноябрь–декабрь 1998, с. 63.

Кадровый резерв для военной реформы гражданского министра. Альберт Зульхарнеев. № 1 (96), весна 2011, с. 149.

Каждое государство должно внести свой вклад в обеспечение ядерного разоружения. Жан де Глиниасти. № 3–4 (90–91), осень–зима 2009, с. 17.

Казахстан с сожалением отмечает малоэффективность и асимметричность ДНЯО. Ержан Казыханов. № 1 (100), весна 2012, с. 37.

Кажется, началось... Мировая политика вступает в новую фазу. Юрий Федоров. № 1 (88), весна 2009, с. 116.

Как идет выполнение ДНЯО (к сессии Подготовительного комитета Конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия). Роланд Тимербаев. № 2 (26), февраль 1997, с. 2.

Как идет подготовка к продлению ДНЯО. Репортаж из Нью-Йорка с 4-й сессии. Роланд Тимербаев. № 3 (3), март 1995, с. 10.

Как избежать апокалипсиса. Сэм Нанн. № 4 (58), июль–август 2001, с. 37.

Как можно говорить о развитии атомной энергетики и при этом накладывать ограничения на это развитие? — вот дилемма, стоящая перед участниками ДНЯО. Сержио Дуарте. № 1 (75), весна 2005, с. 13.

Как продлевали Договор о нераспространении. Дневник ДНЯО. Владимир Орлов. № 6 (6), июнь 1995, с. 4; № 7 (7), июль 1995, с. 21; № 9 (9), с. 21; № 10 (10), с. 21.

Как развивать российские стратегические ядерные силы? Антон Суриков. № 12 (12), декабрь 1995, с. 12.

Как разрабатывалась система гарантий МАГАТЭ: политические аспекты (1959–1965). Роланд Тимербаев. № 4 (40), июль–август 1998, с. 67.

Как СССР помогал Китаю создавать ядерную бомбу. Роланд Тимербаев. № 3 (39), май–июнь 1998, с. 76.

Как это было в Америке. Виталий Шлыков. № 1 (96), весна 2011, с. 167.

Каспий: периферия или новый центр мировой политики? Юрий Федоров. № 4 (46), июль–август 1999, с. 26.

Каким будет ядерный арсенал США? Юрий Юдин. № 3 (83), зима 2007, с. 25.

Кельнское совместное заявление: прорыв или свидетельство отсутствия повестки дня? (редакционная статья). № 5 (47), сентябрь–октябрь 1999, с. 3.

Китай для России: товарищ или господин? Дмитрий Тренин, Виталий Цыгичко. № 2 (82), лето-осень 2007, с. 147.

Китайская теория и практика ведения информационной войны. Тимоти Томас. № 6 (60), ноябрь–декабрь 2001, с. 33.

КНР: новая великая морская держава? Сергей Понамарев. № 2 (82), лето–осень 2007, с. 75.

Компромисс в оценках угроз. Владимир Дворкин. № 1 (92), весна 2010, с. 163.

Конец п-ой эпохи. Владимир Орлов. № 1 (88), весна 2009, с. 7.

Консенсус прошлого и дилеммы будущего. Дмитрий Евстафьев. № 2 (85), лето 2008, с. 168.

Консолидация ядерных оружейных комплексов США и России после окончания холодной войны. Олег Бухарин. № 5 (47), сентябрь–октябрь 1999, с. 43.

Контроль за нераспространением химического оружия: международный межлабораторный квалификационный эксперимент. Игорь Рыбальченко. № 5 (59), сентябрь–октябрь 2001, с. 56.

Контроль над вооружением и нераспространением: задачи для новой администрации. Роуз Готтемюллер. № 2 (89), лето 2009, с. 125.

Контроль над вооружениями. Йозеф Гольдблат. Новый справочник о переговорах и соглашениях. Роланд Тимербаев. № 1 (71), весна 2004, с. 173.

Контроль над стратегическими наступательными вооружениями России и США после 2009 г.: возможен ли компромисс? Анатолий Дьяков. № 4 (87), зима 2008, с. 41.

Контрраспространение: ответ на новые вызовы? (круглый стол). № 2 (72), лето 2004, с. 81.

Контрраспространение: оценка политики и планов США. Виталий Личидов, Влади-

мир Новиков. № 5 (53), сентябрь–октябрь 2000, с. 61.

Контрраспространение: хорошо забытое старое. Илья Фабричников, Андрей Фролов. № 4 (70), зима 2003, с. 157.

Контртеррористическая операция или Третья мировая война? (редакционная статья). № 4 (58), июль–август 2001, с. 3.

Контуры *большой игры* и *конец истории*. Дмитрий Евстафьев. № 2 (89), лето 2009, с. 159.

Конференция 2005 г. по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия: как идет подготовка к конференции. Роланд Тимербаев. № 4 (64), июль–август 2002, с. 51.

Конференция по распространению ДНЯО: распутье, не тупик (редакционная статья). № 2 (50), март–апрель 2000, с. 3.

Конференция по рассмотрению ДНЯО: в поисках консенсуса. Уильям Поттер. № 3 (77), осень 2005, с. 95.

Концепция ядерного сдерживания и договор СНВ-3. Владимир Белоус. № 2 (38), март–апрель 1998, с. 44.

Корейская проблема в свете *новой дипломатии* Китая. Ирина Миронова. № 4 (95), зима 2010, с. 115.

Корейский ядерный кризис и Россия. Юрий Федоров. № 4, зима 2005, с. 41.

Корни мака. Владимир Орлов. № 3–4 (90–91), осень–зима 2009, с. 183.

Космические программы развивающихся стран и международная безопасность. Александр Гуща, Наталия Ромашкина. № 4 (87), зима 2008, с. 83.

Космические средства наблюдения за нераспространением ядерного оружия. Людмила Белова, Олег Дубенсков, Алексей Кочкин. № 8–9 (20–21), август–сентябрь 1996, с. 15; № 22, октябрь 1996, с. 14.

Космос: перспективы сотрудничества и конфликтов. Павел Лузин. № 4 (87), зима 2008, с. 55.

Косово: прецедент или исключение? Сергей Маркедонов, Сергей Романенко. № 1 (84), весна 2008, с. 71.

Кризис институтов международной безопасности в свете иракского конфликта. Андрей Пионтковский. № 2 (68), лето 2003, с. 121; № 2 (80), лето 2006, с. 121.

Крот истории и мировая политика. Юрий Федоров. № 4 (95), зима 2010, с. 129.

Кто поспорит с президентом? Александр Болсуновский. № 1, январь 1995, с. 16.

Кто сказал ДНЯО? Владимир Орлов. № 3 (94), осень 2010, с. 7.

Культура безопасности ядерных объектов: критерии оценки и способы ее повышения. Ирина Куприянова. № 2 (72), лето 2004, с. 45.

Л

Лео Сцилард и международный контроль над атомной энергией. Роланд Тимербаев. № 5 (65), сентябрь–октябрь 2002, с. 68.

Ливийский выбор: последствия для глобального контрраспространения ОМУ. Виктор Личаев. № 1 (71), весна 2004, с. 97.

Лишь 25 процентов пунктов пропуска на границе оборудованы специальными приборами для пресечения ядерной контрабанды. Николай Кравченко. № 8–9 (20–21), август–сентябрь 1996, с. 8.

М

МАГАТЭ и ядерная энергетика: на пороге нового века. Ханс Бликс. № 10 (22), октябрь 1996, с. 3.

Майские встречи на высшем уровне: время собирать камни (редакционная статья). № 4 (64), июль–август 2002, с. 3.

Малая энергетика — хорошо забытое старое и неизбежное будущее. Андрей Гагаринский, Станислав Суботин. № 2 (85), лето 2008, с. 33.

Малоизвестная история *ядерного разворота*: почему государства отказываются от военных ядерных программ. Харальд Мюллер, Андреас Шмидт. № 1 (100), весна 2012, с. 71.

Между местью и возмездием: новый взгляд на самую загадочную операцию «Моссад». Константин Эггерт. № 1 (81), весна 2007, с. 185.

Международная безопасность после Договора по ПРО (редакционная статья). № 6 (60), ноябрь–декабрь 2001, с. 3.

Международная горизонталь научно-технического сотрудничества в ядерном нераспространении. Николай Пономарев-Степной, Александр Румянцев, Владимир

Сухоручкин, Владимир Шмелев. № 4 (16), апрель 1996, с. 2.

Международная информационная безопасность: арена соперничества или путь сотрудничества? Александр Федоров. № 5 (65), сентябрь–октябрь 2002, с. 25.

Международное агентство по атомной энергии и его деятельность в области контроля и регулирования (к 40-летию Международного атомного агентства). Роланд Тимербаев. № 6–7 (30–31), июнь–июль 1997, с. 3.

Международно-правовой режим Арктики и интересы России. Александр Ковалев. № 3–4 (90–91), осень — зима 2009, с. 115.

Международно-правовые аспекты использования ядерных источников энергии в космическом пространстве. Александр Яковенко. № 2 (50), март–апрель 2000, с. 43.

Международные проекты по утилизации оружейного плутония. Результаты и перспективы. Евгений Кудрявцев. № 10–11 (34–35), октябрь–ноябрь 1997, с. 27.

Международные режимы нераспространения: терапевты справятся лучше хирургов (редакционная статья). № 2 (68), лето 2003, с. 9.

Международные центры как основа в борьбе с инфекционными болезнями и в противодействии биотерроризму. Раиса Мартынюк, Сергей Нетесов, Лев Сандахчиев. № 2, лето 2002, с. 36.

Международный рынок ОЯТ: есть ли у России перспективы? Дмитрий Ковчегин. № 2 (68), лето 2003, с. 69.

Международный рынок ОЯТ имеет тенденцию к сокращению. Андрей Малышев. № 2 (72), лето 2004, с. 11.

Международный терроризм: предпосылки, идеология и методы противоборства (круглый стол). № 2 (80), лето 2006, с. 121.

Международный терроризм с использованием оружия массового уничтожения: миф или реальность? (круглый стол). № 4 (70), зима 2003, с. 61.

Меня могут и посадить, но я уверен, что невиновен. Александр Никитин. № 10–11 (34–35), октябрь–ноябрь 1997, с. 12.

Место России в урегулировании ситуации вокруг Ирака и пути контроля над российским критическим экспортом в Ирак. Анна Откина, Иван Сафранчук. № 1 (43), январь–февраль 1998, с. 4.

Механизм выработки и принятия решений по вопросам контроля над вооружениями в СССР. Александр Детинов, Александр Савельев. № 1 (49), январь–февраль 2000, с. 64.

Минатом и международное сотрудничество. Виктор Михайлов. № 2 (44), март–апрель 1999, с. 62.

Мир после иракской войны. Евгений Сатановский. № 3 (69), осень 2003, с. 87.

Мировая политика вступает в зону тумана. Дмитрий Евстафьев. № 1 (88), весна 2009, с. 129.

Мировая политика как театр абсурда. Юрий Федоров. № 2 (93), лето 2010, с. 131.

Мировое сообщество должно выступить единым фронтом против новой волны терроризма (редакционная статья). № 6 (48), ноябрь–декабрь 1999, с. 3.

Мировой опыт и военная реформа в России. Урс Зульзер, Жан Морен, Виталий Шлыков. № 1 (96), весна 2011, с. 131.

Многоликий ядерный терроризм. Уильям Поттер, Николас Флоркин. № 1 (67), весна 2003, с. 71.

Многосторонние подходы к ядерному разоружению: планируя следующие шаги. Анатолий Антонов, Кари Екен Воллебек, Геннадий Евстафьев, Михаил Лысенко, Анастасия Малыгина, Уильям Поттер, Александр Радчук, Роланд Тимербаев, Нандан Унникришнан (круглый стол). № 3–4 (90–91), осень–зима 2009, с. 125.

Могут ли пересечься интересы безопасности с потребностями в открытости? (редакционная статья). № 1 (13), январь 1996, с. 6.

Модели европейской безопасности. Андрей Загорский. № 6–7 (18–19), июнь–июль 1996, с. 24.

Может ли Япония стать ракетно-ядерной державой? Владимир Белоус. № 2 (26), февраль 1997, с. 20.

Морская доктрина России не рассматривает проблемы списанных атомных подводных лодок. Дмитрий Литовкин. № 1 (49), январь–февраль 2000, с. 12.

Мусульмане Европы: прогрессирующий фактор страха. Анастасия Понамарева. № 3 (83), зима 2007, с. 61.

Мы выполним свои обязательства перед международным сообществом. Станислав Петров. № 2 (44), март–апрель 1999, с. 42.

Мы сделаем все, чтобы новоземельское ЧП не повторилось. Игорь Валынкин. № 6 (42), ноябрь–декабрь 1998, с. 42.

Мысли о немыслимом, или почему прав Герман Канн. Юрий Федоров. № 2 (89), лето 2009, с. 145.

Мьянма в АСЕАН: проблемы региона и интересы России. Юрий Дубинин, Ксения Ефремова, Глеб Ивашенцов, Алексей Кириченко, Екатерина Колдунова, Александр Кудряшов, Николай Малетин, Дмитрий Малов, Дмитрий Мосяков, Владимир Орлов, Аида Симония, Виктор Сумский, Вячеслав Урляпов (круглый стол). № 4 (99), зима 2011, с. 89.

Н

На круги своя. Юрий Федоров. № 2 (97), лето 2011, с. 126–140.

На пути к стратегической стабильности. Игорь Сергеев. № 1 (71), весна 2004, с. 25.

На пути к ядерной анархии? Недостаточная безопасность оружейных расщепляющихся материалов в России и СНГ. Ильдар Ахтамзян. № 1 (43), январь–февраль 1999, с. 88.

На таможне нет реального контроля радиоактивных материалов. Николай Черепанов. № 8–9 (32–33), август–сентябрь 1997, с. 29.

Надежные замещающие боеприпасы: как они помогут делу нераспространения. Линтон Брукс. № 3 (83), зима 2007, с. 135.

Назрела необходимость создать международный фонд ядерного разоружения. Виктор Мурогов. № 5 (41), сентябрь–октябрь 1998, с. 5.

Налогообложение средств, выделяемых в рамках российско-американского сотрудничества в области нераспространения. Дмитрий Ковчегин. № 6, ноябрь–декабрь 2002 (66), с. 58.

Нам нужно найти какой-то *оптимум* в деле утилизации АПЛ. Валерий Лебедев. № 6 (54), ноябрь–декабрь 2000, с. 25.

Направления совершенствования и развития механизма международно-правового регулирования военно-космической деятельности. Василий Лата, Владимир Мальцев. № 6 (60), ноябрь–декабрь 2001, с. 19.

Насколько реально создание безъядерной зоны на Ближнем Востоке? Роланд Тимербаев. № 12 (12), декабрь 1995, с. 7.

Наследство Средмаша во взаимоотношениях Москвы и регионов в начале 1990-х гг. Дмитрий Евстафьев. № 4, зима 2004, с. 147.

НАТО и глобальная безопасность. Геннадий Евстафьев, Андрей Загорский (круглый стол). № 4 (87), зима 2008, с. 95.

НАТО — не стиральный порошок, чтобы его продавать желающим вступить. Яап де Хооп Схеффер. № 2 (82), лето–осень 2007, с. 15.

НАТО, Россия и угрозы нового века. Константин Эггерт. № 3 (69), осень 2003, с. 95.

Нахум Манбар и ирано-израильская торговля оружием. Оксана Скопич. № 4 (87), зима 2008, с. 145.

Национальная система ПРО США: возможности и перспективы. Владимир Васильев, Василий Лата, Владимир Мальцев. № 2 (62), март–апрель 2002, с. 48.

Национальная система экспортного контроля США и России: сравнительный анализ. Элина Кириченко. № 5 (53), сентябрь–октябрь 2000, с. 74.

Национальные интересы России и США не противоречат друг другу. Михаил Маргелов. № 2, лето 2003, с. 11.

Наш новый подход к гарантиям демонстрирует, что Иран решительно настроен на сотрудничество с МАГАТЭ. Али Асгар Солтанийе. № 3 (94), осень 2010, с. 19.

Неделимость безопасности в глобальном мире. Игорь Иванов. № 4 (99), зима 2011, с. 29.

Незаконный оборот наркотиков в Афганистане и Центральной Азии в контексте антитеррористической кампании. Екатерина Степанова. № 5 (65), сентябрь–октябрь 2002, с. 36.

Неизвестная история гонки вооружений. Дэвид Хоффман. № 2 (93), лето 2010, с. 153.

Недостаток доверия между странами кавказского региона препятствует решению конфликтов. Унал Чевикоз. № 2 (89), лето 2009, с. 15.

Неизвестная история гонки вооружений. № 2 (93), лето 2010, с. 153.

Некоторые аспекты международно-правового ограничения противолодочной деятельности государств на современном этапе. Евгений Кармазин, Василий Лата. № 3 (63), май–июнь 2002, с. 31.

Некоторые аспекты обеспечения Россией ядерного сдерживания в предстоящем десятилетии. Владимир Медведев. № 1 (43), январь–февраль 1999, с. 48.

Некоторые вопросы по поводу атомной сделки с Ираном. Алексей Яблоков. № 5 (5), май 1995, с. 20.

Некоторые вопросы создания, характеристик и перспектив нелетального оружия. № 3 (39), май–июнь 1998, с. 55.

Некоторые практические вопросы выполнения Россией обязательств по Конвенциям о запрещении химического и биологического оружия. Александр Иванов. № 2 (38), март–апрель 1998, с. 74.

Некоторые проблемы хранения ядерных материалов на Северном флоте. Михаил Кулик. № 2 (2), февраль 1995, с. 12.

Некоторые размышления об эволюции подходов США к проблемам региональной безопасности в Центральной Азии. Геннадий Евстафьев. № 1 (79), зима 2006, с. 45.

Нелегальная торговля вооружениями в Африке и механизмы ее ограничения. Дмитрий Поликанов. № 4 (52), июль–август 2000, с. 45.

«Нелегальные сети» Тегерана: уроки истории. Антон Хлопков, Екатерина Сорока. № 1 (79), зима 2006, с. 169.

Необходимо отделить статью о выходе из Договора о нераспространении ядерного оружия. Йозеф Голдблат. № 4 (78), зима 2005, с. 155

Необходимость возобновления американо-российского сотрудничества с целью предотвращения создания иранской бомбы. Роберт Айнхорн, Гэри Сеймур. № 4 (64), июль–август 2002, с. 34

Необычная война (редакционная статья). № 5 (59), сентябрь–октябрь 2001, с. 3

Неопределенность нарастает. Юрий Федоров. № 3 (86), осень 2008, с. 137.

Неправительственные организации в российско-американских отношениях. Джонатан Фэнтон. № 1 (88), весна 2009, с. 111

Непроложенным курсом. Роланд Тимербаев. № 1 (67), весна 2003, с. 183

Не просите у тех, кто сильнее вас. Армен Оганесян. № 4 (95), зима 2010, с. 177

Не проспать, как просыпается новый тигр. Владимир Орлов. № 4 (99), зима 2011, с. 7

Нераспространение: взгляд с *Венеры.* Ханс Бликс. № 1 (100), весна 2012, с. 61.

Нераспространение ОМУ: некоторые проблемы и риски. Геннадий Евстафьев. № 1 (71), весна 2004, с. 65

Нераспространение: игра без правил? (редакционная статья). № 4 (46), июль–август 1999, с. 3

Несколько американских фирм, занимающихся разработкой ракетной техники, связаны с иранцами. Михаил Кириллин. № 2 (38), март–апрель 1998, с. 37; № 2 (80), лето 2006, с. 37

Несколько вопросов о ядерном нераспространении. Геннадий Евстафьев. № 2 (80), лето 2006, с. 15.

Нестратегическая европейская ПРО: возможные концепции построения. Юрий Подгорных, Евгений Сиротинин. № 2, лето 2003, с. 91.

Неядерное сдерживание в постсоветскую эпоху. Дмитрий Евстафьев. № 10 (22), октябрь 1996, с. 21.

Никогда больше: предложения по достижению важнейшей цели ядерной безопасности. Августин Алонсо, Владимир Асмолов, Адольф Биркхофер и др. № 3 (98), осень 2011, с. 99.

Никогда такого не было, и опять то же самое. Юрий Федоров. № 3–4 (90–91), осень–зима 2009, с. 158.

Никто так не слеп, как тот, кто не хочет видеть. Юрий Федоров. № 4 (99), зима 2011, с. 123.

Ни революций, ни переворотов ожидать не стоит. Сергей Гуриев. № 2 (89), лето 2009, с. 11.

Новая парадигма российско-американских отношений. Юрий Федоров. № 4 (64), июль–август 2002, с. 4.

Новая эра в ядерной политике России? Андрей Зобов, Леонард Спектор. № 8 (8), август 1995, с. 12.

Новое в ядерной стратегии США: Ядерное сдерживание на региональном уровне? Дмитрий Евстафьев, Евгений Кузнецов. № 11 (11), ноябрь 1995, с. 18.

Новый облик Вооруженных сил РФ становится реальностью. Игорь Коротченко. № 1 (96), весна 2011, с. 57.

Новый облик Вооруженных сил: фантом или вынужденная реальность. Геннадий Евстафьев. № 1 (96), весна 2011, с. 7.

Новые вызовы международному режиму нераспространения и Группа ядерных

поставщиков. Андрей Ефимов. № 3 (51), май–июнь 2000, с. 54.

Новые грани атомной энергетики в свете председательства России в «Большой восьмерке» (редакционная статья). № 1 (79)), весна 2006, с. 9.

Новые направления программы Глобального партнерства. Алексей Шитиков. № 1 (75), весна 2005, с. 159.

Новые соглашения по сокращению вооружений должны быть просчитаны на несколько ходов вперед (редакционная статья). № 3 (51), май–июнь 2000, с. 3.

Новые стратегические взаимоотношения между Россией и США: проблемы и перспективы. Джон Вольфстал, Роуз Готтемюллер, Роланд Тимербаев, Юрий Федоров. № 3 (63), май–июнь 2002, с. 4.

Новый вектор сотрудничества России и США в области нераспространения: «операция Винча». Михаил Герасим. № 6 (66), ноябрь–декабрь 2002, с. 70.

Новый взгляд на использование ядерно-взрывной технологии в мирных целях. Владимир Клименко. № 4 (4), апрель 1995, с. 21.

Новый договор СНВ — продолжение успешной истории и победа для обеих сторон. Роуз Готтемюллер. № 2 (97), лето 2011, с. 15.

Новый смысл взаимного ядерного сдерживания. Александр Савельев. № 1, весна 2003, с. 123.

Нормативная правовая база Российской Федерации в области химического разоружения. Наталия Калинина. № 6 (48), ноябрь–декабрь 1999, с. 50.

Нужно ли Турции американское ядерное оружие? Мустафа Кибароглу, Айлин Гюрзель. № 3 (86), осень 2008, с. 117.

Нулевые позади — время подводить итоги. Дмитрий Евстафьев. № 3 (98), осень 2011, с. 144.

О

О важности российско-китайского энергетического диалога. Сет Кинкейд. № 3–4 (90–91), осень–зима 2009, с. 149.

О военной реформе в Российской Федерации. Виктор Есин. № 3 (63), май–июнь 2002, с. 66.

О возможностях и путях осуществления инициативы президента Российской Федерации. Николай Пономарев-Степной. № 2 (56), март–апрель 2001, с. 43; № 2 (80), лето 2006, с. 115.

О главном ядерном управлении. Владимир Верховцев. № 3 (83), зима 2007, с. 171.

О глобализации режима нераспространения ядерного оружия. Дмитрий Евстафьев. № 3 (27), март 1997, с. 2.

О деятельности Международной организации развития энергетики Корейского полуострова (КЕДО). Анатолий Лучин. № 5 (65), сентябрь–октябрь 2002, с. 53.

О запрещении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия. Роланд Тимербаев. № 3–4 (90–91), осень–зима 2009, с. 25.

О компьютерной проблеме 2000 г. Александр Яковенко. № 6 (42), ноябрь–декабрь 1998, с. 4.

О Ливии, противоракетной обороне и Герберте фон Караяне, а также другие случаи из жизни. Роланд Тимербаев. № 2 (82), лето–осень 2007, с. 193.

О международном сотрудничестве России в области утилизации избыточного оружейного плутония. Владимир Рыбаченков. № 6 (54), ноябрь–декабрь 2000, с. 51.

О международном финансовом и техническом содействии Российской Федерации в области укрепления режима нераспространения. Валерий Семин. № 5 (59), сентябрь–октябрь 2001, с. 61.

О мобильных РК *Тополь*. Николай Соков. № 6–7 (30–31), июнь–июль 1998, с. 44.

О модернизации заправочных судов и хранилищ наземного базирования ВМФ России. Николай Юрасов. № 6 (42), ноябрь–декабрь 1998, с. 66.

О мотивации военного строительства в России. Владимир Захаров. № 2 (44), март–апрель 1999, с. 67.

О некоторых актуальных проблемах экспортного контроля в ядерной области. Марина Беляева. № 10–11 (34–35), октябрь–ноябрь 1997, с. 41.

О некоторых аспектах российско-индийского сотрудничества в области мирной ядерной энергетики. Виталий Федченко. № 3 (57), май–июнь 2001, с. 61.

О некоторых особенностях позиции Израиля в вопросах нераспространения: заметки

с конференции. Владимир Орлов. № 6 (42), ноябрь–декабрь 1998, с. 44.

О некоторых проблемах ракетного распространения на современном этапе. Геннадий Хромов. № 1 (37), январь–февраль 1998, с. 38.

О некоторых результатах девятой комиссии Гора–Черномырдина. Виктор Михайлов. № 6–7 (30–31), июнь–июль, с. 25.

О необходимости ограничения работ по модернизации существующих ядерных вооружений и при разработке новых ядерных боеприпасов. Михаил Виноградов. № 2 (50), март–апрель 2000, с. 34.

О новых инициативах в области контроля над ядерными материалами и технологиями. Надежда Логутова. № 4 (78), зима 2005, с. 99.

О нормативных документах по учету, контролю и физической защите свежего топлива на Военно-морском флоте России. Элисон Дав, Гарри Форехенд, Пол Рексрот, Владимир Шмелев, Владимир Сухоручкин, Александр Румянцев. № 1 (43), январь–февраль 1999, с. 83.

О перспективах вступления в силу ДВЗЯИ. Роланд Тимербаев. № 3, май–июнь 1999, с. 67.

О перспективах ратификации Договора СНВ-2. Иван Сафранчук. № 3 (39), май–июнь 1998, с. 39.

ОПК: рецепты *реинкарнации.* Вадим Козюлин. № 1 (96), весна 2011, с. 143.

О *пороговых договорах* по ограничению ядерных взрывов 1974–1976 гг. Роланд Тимербаев. № 1 (84), весна 2008, с. 125.

О предварительных уроках войны в Ираке. Владимир Дворкин. № 2, лето 2003, с. 125.

О подписании Договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии. Нурия Кутнаева, Ильдар Ахтамазян. № 1 (81), весна 2007, с. 131.

О проблемах подготовки к Обзорной конференции по ДНЯО 2005 года. Роланд Тимербаев. № 3 (73), осень 2004, с. 101.

О путях движения к миру без ядерного оружия. Роланд Тимербаев. № 1 (88), весна 2009, с. 19.

О распространении химического и биологического оружия в странах Ближнего Востока и Северной Африки. Валентин Юрченко. № 1 (75), весна 2005, с. 149.

О роли ООН в сегодняшнем мире. Роланд Тимербаев. № 4 (70), зима 2003, с. 25.

О роли ядерного фактора в современном мире. Роланд Тимербаев. № 2 (85), лето 2008, с. 25.

О соглашениях между СССР и США 1971 г. о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны. Роланд Тимербаев. № 4 (78), зима 2005, с. 131.

О сотрудничестве России, США и Европы в создании ПРО. Владимир Дворкин. № 4 (74), зима 2004, с. 43.

О статье Алексея Яблокова «Об опасных последствиях внешнеполитической деятельности Минатома». Геннадий Киселев. № 1 (37), январь–февраль 1998, с. 77.

О статье Анатолия Шевцова «Договор об ограничении систем противоракетной обороны: основа стратегической стабильности или яблоко раздора?» Виктор Колтунов, Геннадий Хромов. № 4 (52), июль–август 2000, с. 78.

О статье Игоря Николайчука «Первый удар остается важным элементом современной ядерной политики». Аннетт Шапер. № 4 (52), июль–август 2000, с. 76

О характере современных внешних вызовов и угроз национальным интересам и безопасности России. Федор Ладыгин. № 6 (48), ноябрь–декабрь 1999, с. 72.

О ходе подготовки к конференции по рассмотрению ДНЯО 2005 г. Роланд Тимербаев. № 3 (69), осень 2003, с. 101.

О юридическом статусе Каспия. Гузэль Таипова. № 4 (46), июль–август 1999, с. 49

О ядерном выборе Ирана. Гейдар Али Балуджи. № 4 (70), зима 2003, с. 51.

О ядерном потенциале и ядерной политике Китая. Роланд Тимербаев. № 4 (78), зима 2005, с. 83.

Об изменении норм уголовного права, регулирующих использование атомной энергии. Абрам Йорыш. № 3 (45), май–июнь 1999, с. 51.

Об инициативе президента Путина на Саммите тысячелетия ООН. Дмитрий Ковчегин, Роланд Тимербаев. № 6 (54), ноябрь–декабрь 2000, с. 62.

Об интервью Валентина Евстигнеева: «Штамм Эболы в Россию привезли разведчики». Зеев Вольфсон. № 3 (51), май–июнь 2000, с. 81.

Об интервью Евгения Мишина и о проблеме сохранности ядерных материалов. Александр Болсуновский. № 6 (42), ноябрь–декабрь 1998, с. 70.

Об испытаниях систем противоракетной обороны в Тихом океане. Майкл Джонс. № 5 (47), сентябрь–октябрь 1999, с. 57.

Об опасных последствиях внешнеполитической деятельности Минатома. Алексей Яблоков. № 10–11 (34–35), октябрь–ноябрь 1997, с. 44.

Об определении назначения ядерного взрыва. Борис Литвинов, Владимир Лоборев. № 12 (36), декабрь 1997, с. 10.

Об отношении академика Капицы и некоторых других советских ученых к атомному проекту, к атомной бомбе и контролю над ней. Роланд Тимербаев. № 1 (37), январь–февраль 1998, с. 62.

Об участии России в деятельности Подготовительной комиссии Организации по ДВЗЯИ и перспективах вступления Договора в силу. Сергей Решетников. № 3 (45), май–июнь 1999, с. 72.

Однажды 25 лет спустя: что будет с ядерными арсеналами? Александр Савельев, Евгений Маслин, Роланд Тимербаев (круглый стол). № 2 (89), лето 2009, с. 109.

От 8 к ∞. Владимир Орлов. № 2 (80), лето 2006, с. 13.

От эпохи ядерного соперничества к этапу партнерства в ядерной сфере. Дэниэл Рассел. № 4 (87), зима 2008, с. 21.

Обеспечение безопасности ядерного оружия — одна из главных задач национальной безопасности. Владимир Верховцев. № 1 (96), весна 2011, с. 77.

Обеспечить конкурентоспособность ГЛОНАСС — вот ключевая задача. Сергей Пономарев. № 1 (88), весна 2009, с. 11.

Обзор современной военно-биологической программы США и интересы России. Александр Кудакаев. № 3 (27), март 1997, с. 20.

Обновление глобальной системы экспортного контроля: с Россией или без нее? (редакционная статья) № 1 (43), январь–февраль 1999, с. 3.

Обновление российской власти и проблемы контроля над вооружениями. Дмитрий Евстафьев, Дмитрий Ковчегин. № 2 (50), март–апрель 2000, с. 5.

Обострение российско-американских отношений: корни не в Косово, а гораздо глубже (редакционная статья). № 3 (45), май–июнь 1999, с. 3.

Образование в области разоружения и нераспространения: время действовать. Антон Хлопков. № 4 (64), июль–август 2002, с. 60.

Образование в области разоружения: требуется активизация усилий. Евгений Горьковский. № 5 (59), сентябрь–октябрь 2001, с. 66.

Обращение к читателям. Юрий Батурин. № 1 (1), январь 1995, с. 1.

Обучение историей: Запад и ядерное оружие Пакистана. Геннадий Евстафьев. № 1 (88), весна 2009, с. 153.

ОДКБ и ШОС как модели взаимодействия в сфере региональной безопасности. Юлия Никитина. № 2 (97), лето 2011, с. 45.

ООН дает зеленый свет программам образования в области нераспространения. Владимир Орлов. № 6, ноябрь–декабрь 2002, с. 66.

ООО «Вооруженные силы». Геннадий Евстафьев. № 3 (83), зима 2007, с. 179.

Определиться с тем, что представляет собой сегодняшняя Россия, где ее место в мире. Константин Косачев. № 4 (87), зима 2008, с. 11.

Опровергая мифы: почему не стоит бояться угрозы ядерного терроризма из России. Биляна Цветкова. № 3 (94), осень 2010, с. 35.

Опыт иностранных армий мы изучаем не с целью копирования, а для анализа и адаптации к современным российским реалиям. Елена Князева. № 1 (96), весна 2011, с. 11.

Организованная преступность + местные элиты = ядерный шантаж. Радий Илькаев, Юрий Володин, Геннадий Пшакин, Александр Румянцев, Николай Черепанов. № 12 (36), декабрь 1997, с. 17.

Оргпреступность и терроризм: взаимосвязь и взаимодействие. Александр Федоров. № 3 (69), осень 2003, с. 109.

Оружие нелетального воздействия. Владимир Дьяченко, Виталий Цыгичко. № 5 (65), сентябрь–октябрь 2002, с. 58.

Основные тенденции политики новой администрации США в области противоракетной обороны. Виктор Михайлов, Владимир Степанов. № 2 (93), лето 2010, с. 115.

Основы безопасности. Ирина Миронова. № 3 (98), осень 2011, с. 7.

Особый статус Тайваня в режиме нераспространения. Пример для «серых зон»? Сергей Понамарев. № 1, зима 2006, с. 117.

Осуществление российской инициативы позволит решить проблемы безопасности и снизит угрозу распространения. Евгений Адамов. № 1 (55), январь–февраль 2001, с. 4.

От Манхэттенского проекта к облачным технологиям: контроль над вооружениями в информационный век. Роуз Готтемюллер. № 1 (100), весна 2012, с. 111.

От ядерного сдерживания к общей безопасности. Евгений Примаков, Игорь Иванов, Евгений Велихов, Михаил Моисеев, Нобуясу Абе, Алексей Арбатов, Евгений Бужинский, Виктор Есин, Стивен Пайфер, Александр Радчук, Александр Савельев, Юрий Федоров, Джеймс Эктон (полемика). № 1 (100), весна 2012, с. 133.

Откровенно о политике? Максим Братерский. № 2 (97), лето 2011, с. 173–178.

Открытость информации по принципу «меньше знаешь — крепче спишь» (редакционная статья). № 4 (4), апрель 1995, с. 6.

Отношения России и Индии носят характер реального стратегического сотрудничества. Вячеслав Трубников. № 2 (93), лето 2010, с. 19.

Отношения Россия–НАТО: изменение стратегии или тактический маневр? Татьяна Пархалина. № 1 (61), январь–февраль 2002, с. 34.

Отношениям России и НАТО нужна *перезагрузка.* Виктор Заварзин. № 3–4 (90–91), осень–зима 2009, с. 21.

Отнять винтовку у диктатора. Вадим Козюлин. № 3 (86), осень 2008, с. 33.

Отработавшее ядерное топливо в атомном флоте России. Валерий Меньщиков. № 8–9 (32–33), август–сентябрь 1997, с. 31.

Оценивая опасность ядерных хищений из государств бывшего Советского Союза. Уильям Поттер. № 1 (13), январь 1996, с. 10.

Оценка эффективности американских программ в области учета, контроля и физической защиты ядерных материалов в России. Ирина Куприянова. № 2 (62), март–апрель 2002, с. 56.

Ошибка, но не моя. Алексей Яблоков. № 6 (42), ноябрь–декабрь 1998, с. 71.

П

Парадоксы ядерного сдерживания. Сергей Кортунов. № 8–9 (32–33), август–сентябрь 1997, с. 14.

Партизанская война в Сенате — что это значит для разоружения? Строуб Тэлботт. № 4 (95), зима 2010, с. 113.

Партнеры по необходимости. Стратегические взаимоотношения России и Ирана. Андрей Зобов. № 1 (61), январь–февраль 2002, с. 84.

Первая атомная подводная лодка на Дальнем Востоке. Ремос Калинин. № 1 (71), весна 2004, с. 165.

Первые сдвиги в направлении ограничения вооружений. О работе Лондонского подкомитета Комиссии ООН по разоружению (1954–1957 гг.). Роланд Тимербаев. № 3 (94), осень 2010, с. 137.

Первые шаги по сокращению тактического ядерного оружия в России. Виталий Яковлев. № 1 (61), февраль–январь 2002, с. 79.

Первые шахтные *Тополь-М* будут развернуты в конце этого года. Владимир Яковлев. № 10–11 (34–35), октябрь–ноябрь 1997, с. 4.

Первый удар остается важным элементом современной ядерной политики. Игорь Николайчук. № 4 (46), июль–август 1999, с. 57.

Первый шаг к благоразумию в ядерном мире. (К истории заключения Московского договора 1963 г. о частичном запрещении ядерных испытаний). Юрий Смирнов, Роланд Тимербаев. № 1 (55), январь–февраль 2001, с. 73.

Переговоры по тактическому ядерному оружию: проблемы и перспективы. Андрей Борисенко, Леонид Чуменко. № 2 (62), март–апрель 2002, с. 41.

Переговоры, контракты и трансферты вооружения и военной техники из России и стран СНГ в ноябре 1996 — декабре 1997 гг. Константин Макиенко. № 1 (37), январь–февраль 1998, с. 70.

Передача технологий и экспортный контроль в век глобализации. Элина Кириченко. № 3 (69), осень 2003, с. 127.

Перезагрузка мертва. Дмитрий Евстафьев. № 4 (99), зима 2011, с. 138.

Перезагрузка российско-американских отношений — это избавление от вредоносных вирусов, мешавших нашему диалогу.

Сергей Кисляк. № 3–4 (90–91), осень–зима 2009, с. 11.

Переработка ОЯТ в контексте реализации программы Глобального партнерства. Дмитрий Ковчегин. № 2 (76), лето 2005, с. 105.

Персидский залив: между бомбой и АЭС. Роман Устинов. № 2 (85), лето 2008, с. 63.

Перспектива ядерной политики США после администрации Джорджа Буша. Николай Соков. № 3 (77), осень 2005, с. 57.

Перспективы атомного подводного судостроения в XXI в. Михаил Барабанов. № 2 (72), лето 2004, с. 133.

Перспективы диалога по проблемам безопасности между Россией, СНГ и Пакистаном. Айеша Сиддика. № 3 (39), май–июнь 1998, с. 44.

Перспективы заключения Договора о создании зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии. Нурия Кутнаева. № 1 (79), зима 2006, с. 59.

Перспективы и проблемы российско-китайского нефтегазового сотрудничества. Никита Перфильев. № 1 (84), весна 2008, с. 37.

Перспективы и противоречия российского ядерного сдерживания. Юрий Федоров. № 2 (14), февраль 1996, с. 10.

Перспективы расширения сотрудничества России и НАТО в области совместного миротворчества. Юрий Морозов, Сорен Бо Бойесен. № 1 (84), весна 2008, с. 55.

Перспективы реализации многосторонних подходов к ядерному топливному циклу. Надежда Логутова. № 1 (79), зима 2006, с. 87.

Перспективы российско-американского сотрудничества в области нераспространения ядерного оружия во времена *холодного мира.* Уильям Поттер. № 1 (88), весна 2009, с. 31.

Перспективы российского атомного экспорта. Виктор Козлов. № 3 (69), осень 2003, с. 119.

Перспективы российского присутствия на рынках вооружения и военной техники стран Южной Азии. Константин Макиенко. № 2 (38), март–апрель 1998, с. 63.

Перспективы российско-индийского сотрудничества в ядерной сфере. Виктор Козлов. № 3, осень 2004, с. 37.

Перспективы сокращений ядерных вооружений США и России в свете обязательств по статье VI ДНЯО. Евгений Мясников. № 1 (100), весна 2012, с. 117.

Перспективы сотрудничества России и стран Юго-Восточной Азии в стратегических областях. Светлана Ключанская. № 2 (97), зима 2010, с. 55.

Петербургская «восьмерка»: где сила, где слава (редакционная статья). № 4 (78), зима 2005, с. 9.

Планы строительства немецкого исследовательского реактора и усилия по прекращению мирного использования высокообогащенного урана. Аннетта Шапер. № 10 (22), октябрь 1996, с. 10.

По поводу возможной активизации реэкспорта российских вооружений. Вадим Козюлин. № 6 (48), ноябрь–декабрь 1999, с. 43.

Повестка дня Конференции по разоружению должна быть пересмотрена. Касым-Жомарт Токаев. № 1 (100), весна 2012, с. 25.

Под видом борьбы с распространением ОМУ предпринимаются попытки сменить иранский режим. Евгений Бужинский, Владимир Орлов, Владимир Путин. №1 (100), весна 2012, с. 143.

Подайте на пару боеголовок. Андрей Пионтковский. № 4 (78), зима 2005, с. 153.

Подготовка к конференции по ДНЯО 2010 г.: основные задачи. Ребекка Джонсон. № 2 (93), лето 2010, с. 121.

Подкритические испытания — важная составляющая проверки. Николай Волошин. № 5 (47), сентябрь–октябрь 1999, с. 29.

Подо мной — Кавказ, со мной — ядерный боеприпас! Василий Лаврищев. № 1 (100), весна 2012, с. 183.

Подписание ДВЗЯИ: шаг в правильном направлении (редакционная статья). № 10 (22), октябрь 1996, с. 1.

Подчас просвещенный деспот во главе государства — наилучшее решение. Даниэль Заппелли. № 1 (84), весна 2008, с. 23.

Позиции отдельных государств по продлению Договора о нераспространении ядерного оружия. Владимир Орлов. № 3 (27), март 1997, с. 8.

Позор, мужество и прозрение: 444 дня, которые потрясли мир. Константин Эггерт. № 2 (82), лето–осень 2007, с. 217.

Поиск адекватных ответов на угрозу терроризма может потребовать ограничения личных свобод. Мишель Аллио-Мари. № 4 (78), зима 2005, с. 17.

Пока что ни один ядерный боеприпас в России не пропадал и не был похищен. Евгений Маслин. № 5 (5), май 1995, с. 9.

Полвека в авиации. Записки академика. Геннадий Евстафьев. № 3 (73), осень 2004, с. 155.

Политизация истории в российско-украинских отношениях. Анастасия Понамарева. № 2 (93), лето 2010, с. 173.

Политика безопасности, международные отношения и современные технологии: необходима ликвидация разрыва в сфере образования. Александр Савельев. № 1 (79), весна 2006, с. 179.

Политика между *небом* и *землей*. Михаил Агапов. № 3 (83), зима 2007, с. 185.

Политика в стиле slam dunk. Геннадий Евстафьев. № 1 (84), весна 2008, с. 133.

Политика нераспространения: в поисках адекватности. Уильям Поттер, Скотт Пэриш. № 2 (82), лето-осень 2007, с. 93.

Политика, новые технологии и XXI в. Александр Яковенко. № 2 (80), с. 79.

Политика США и судьба режима ядерного нераспространения. Владимир Новиков, Виталий Личидов. № 2 (68), лето 2003, с. 17.

Политика, новые технологии и XXI в. Александр Яковенко. № 2 (38), март–апрель 1998, с. 46.

Политэкономия современной геополитики. Дмитрий Евстафьев. № 2 (93), лето 2010, с. 139.

Помощь в уничтожении химического оружия России: на критическом рубеже. Харольд Смит. № 2 (44), март–апрель 1999, с. 4.

После *перезагрузки*. Владимир Орлов. № 3 (98), осень 2011, с. 157.

После Похрана (редакционная статья). № 3 (39), май–июнь 1998, с. 3.

После Хельсинки (редакционная статья). № 5 (29), май 1997, с. 7.

После Эвиана: сделать так, чтобы документы саммита не стали водой (редакционная статья). № 3 (69), осень 2003, с. 7.

Последний шанс? (По поводу продления общего срока уничтожения запасов химического оружия в РФ на пять лет). Александр Калядин. № 2 (62), март–апрель 2002, с. 28.

Последствия Косовского кризиса не скажутся на российско-американском сотрудничестве по снижению ядерной угрозы. Инна Мельникова. № 5 (47), сентябрь–октябрь 1999, с. 33.

Похоронить или реанимировать? Владимир Шустов. № 1 (84), весна 2008, с. 89.

Почему нас не было в *ВАС* и почему нас теперь туда зовут. Виктор Сумский. № 2 (97), лето 2011, с. 37.

Почему я поддерживаю российско-иранский контракт. Ответ профессору Яблокову. Дэвид Фишер. № 6 (6), июнь 1995, с. 20.

Право выхода из ДНЯО: мнение двух участников переговоров по выработке Договора. Джордж Банн, Роланд Тимербаев. № 3 (77), осень 2005, с. 31.

Правовое регулирование экспорта обычного вооружения и военной техники в Российской Федерации. Олег Дьяченко. № 1 (43), январь–февраль 1999, с. 58.

Предлагаю создать в России ядерные острова. Виктор Мурогов. № 7 (7), июль 1995, с. 10.

Приглашение к столу. Владимир Орлов. № 1 (92), весна 2010, с. 167.

Призрак ядерной войны бродит по Южной Азии (редакционная статья). № 1 (61), январь–февраль 2002, с. 3.

«Природа и власть» Иоахима Радкау. Владимир Орлов. № 4 (95), зима 2010, с. 159.

ПРО: где кроется опасность? Александра Ходакова. № 1 (100), весна 2012, с. 91.

ПРО: искусственный тупик или окно возможностей во взаимоотношениях НАТО–Россия? Василий Лата, Владимир Мальцев. № 1 (96), весна 2011, с. 113.

ПРО: политические хитросплетения, технические проблемы и встречи на высшем уровне. Юрий Федоров. № 3 (57), май–июнь 2001, с. 4.

Проблема бесхозных радиоактивных источников: пути решения. Виктор Личаев. № 2 (68), лето 2003, с. 139.

Проблема гарантий безопасности неядерных государств в преддверии обзорной конференции по ДНЯО. Роланд Тимербаев. № 4 (87), зима 2008, с. 69.

Проблема своевременной ликвидации запасов химического оружия бывшего СССР. Александр Калядин. № 2 (56), март–апрель 2001, с. 48.

Проблема северокорейского «вызова»: взгляд из России. Андрей Гребенщиков. № 2 (72), лето 2004, с. 105.

Проблемы ракетного распространения в Азии. Петр Литаврин. № 3 (39), май–июнь 1998, с. 5.

Проблемы сохранности ядерных материалов на предприятиях России. Александр Болсуновский, Валерий Меньщиков. № 9 (9), сентябрь 1995, с. 16.

Проблемы управления развитием технологий двойного назначения в современной России. Игорь Терехов, Андрей Титаренко, Виталий Цымбал. № 4 (40), июль–август 1998, с. 56.

Проблемы ядерного терроризма. Олег Бухарин. № 4 (16), март 1996, с. 2.

Программа возврата топлива исследовательских реакторов советского производства: время собирать камни. Кобяков Даниил, Сергей Панов. № 1 (79), зима 2006, с. 143.

Программа Нанна–Лугара на Украине. Сергей Галака, Владимир Чумак. № 5 (53), май–июнь 2000, с. 51.

Программа Нанна–Лугара: отношения между США и странами — получателями помощи. Джон Шилдс. № 4 (16), апрель 1996, с. 17.

Программа создания АПЛ в Бразилии: сквозь тернии к глубинам. Андрей Фролов. № 2 (76), март–апрель 2005, с. 39.

Продление договора: небессрочное и безусловное? (редакционная статья). № 3 (3), март 1995, с. 6.

Проект панъевропейской системы безопасности: первые результаты. Алексей Громыко. № 3 (94), осень 2010, с. 99.

Проклятые вопросы мировой политики, или прав ли Фридрих Ницше? Юрий Федоров. № 1 (84), весна 2008, с. 99.

Простым ужесточением контроля проблему ядерной угрозы не решить. Сержио Дуарте. № 1 (84), весна 2008, с. 11.

Противоракетная оборона: дезинформация, угроза или реальность? Сергей Смирнов. № 2 (89), лето 2009, с. 65.

Противоракетная оборона после Договора по ПРО. Павел Подвиг. № 1 (75), весна 2005, с. 51.

Протокольными нотами мировая история не пишется. Дмитрий Рогозин. № 3 (69), осень 2003, с. 9; № 2 (80), лето 2006, с. 49.

Публикации о плохой охране ядерных материалов на флоте справедливы. Евгений Мишин. № 6–7 (30–31), июнь–июль 1997, с. 25.

Пути использования ядерных материалов в России после демонтажа боеголовок. Александр Болсуновский. № 12 (24), декабрь 1996, с. 2.

Пути противодействия международному терроризму. Виктор Есин. № 4 (70), зима 2003, с. 89.

Путь Индии к обладанию атомным подводным флотом. Андрей Фролов. № 2 (68), лето 2003, с. 101.

P

Радиоактивная угроза из-под воды: как она возникла. Светлана Ковалева, Тенгиз Борисов. № 2 (56), март–апрель 2001, с. 71.

Разоружение возвращается. Геннадий Евстафьев. № 2 (82), лето–осень 2007, с. 41.

Разоружение Ирака. Геннадий Евстафьев. № 1 (75), весна 2005, с. 177.

Ракетная гордость страны. Мидыхат Вильданов. № 3 (86), осень 2008, с. 169.

Ракетное нераспространение и государственные интересы РФ. Геннадий Хромов. № 8–9 (20–21), август–сентябрь 1996, с. 20.

Ракетно-космический потенциал позволяет решать стратегические задачи. Сергей Пономарев. № 1 (96), весна 2011, с. 15.

Ракетно-ядерная программа Северной Кореи. Владимир Белоус. № 1 (25), январь 1997, с. 5.

Ракетно-ядерное нераспространение: вопрос Ирана. Владимир Новиков. № 5 (65), сентябрь–октябрь 2002, с. 49.

Ракетно-ядерный потенциал Тайваня в контексте «Проблемы воссоединения». Сергей Понамарев. № 4 (78), зима 2005, с. 21.

Ракетный режим экспортного контроля: вызовы и вопросы, ждущие ответов. Элина Кириченко. № 6 (66), ноябрь–декабрь 2002, с. 52.

Распространение беспилотных летательных аппаратов — нарастающая угроза безопасности. Геннадий Евстафьев. № 2 (76), лето 2005, с. 55

Распространение легкого и стрелкового оружия: о позиции России. Петр Литаврин. № 4 (46), июль–август 1999, с. 76.

Распространение ядерного оружия: спор продолжается. Михаил Лебедев. № 4 (70), зима 2003, с. 153.

Расширение НАТО и «модернизация» Договора ОБСЕ. Юрий Федоров. № 4 (28), апрель 1997, с. 2.

Расширение НАТО: как обойти Россию? Надежда Арбатова. № 6 (60), ноябрь–декабрь 2001, с. 55.

Расширение экспорта и контроля за ним. Гэри Берч. № 12 (24), декабрь 1996, с. 19.

Ратифицировать СНВ-2 можно лишь после подписания рамочного соглашения по СНВ-3. Алексей Арбатов, Лев Рохлин. № 6–7 (30–31), июнь–июль 1997, с. 8.

РВСН — это прежде всего щит государства. Владимир Яковлев. № 6 (48), ноябрь–декабрь 1999, с. 4.

Реальность мировой политики: сквозь призму иллюзий. Юрий Федоров. № 3 (94), осень 2010, с. 110

Режим ДВЗЯИ — это возможность перекрыть все лазейки в потенциальном распространении ядерных технологий. Тибор Тот. № 3 (94), осень 2010, с. 27.

Режим контроля над ракетной технологией: структура и функционирование. Михаил Козлов. № 8–9 (20–21), август–сентябрь 1996, с. 20.

Режим контроля над ракетными технологиями (РКРТ) в России, США и на Украине. Борис Длужневский, Виктор Мизин, Евгений Шаров. № 3 (3), март 1995, с. 12

Режим ядерного нераспространения переживает трудные времена. Мохамед Эльбарадей. № 1 (71), весна 2004, с. 11.

Резерв ядерных материалов: контуры идеи. Лора Холгейт. № 2 (82), лето–осень 2007, с. 157.

Результаты Обзорной конференции по ДНЯО и ядерная политика Пакистана. Масуд Хан. № 3 (77), осень 2005, с. 105.

Рекомендации Совета по устойчивому партнерству с Россией руководству России и США. № 3 (98), осень 2011, с. 33.

Реструктуризация и сокращение военного ядерного комплекса США. Дмитрий Никонов, Игорь Хрипунов. № 2 (50), март–апрель 2000, с. 57.

Реструктуризация Минатома: проблемы и перспективы. Дмитрий Ковчегин. № 3 (57), май–июнь 2001, с. 53.

Реформа Совета Европы давно назрела. Жерар Штудман. № 3 (98), осень 2011, с. 23.

Реформирование войск МВД по охране ядерных объектов России. Игорь Голосков. № 4 (70), зима 2003, с. 39.

Реформирование европейской архитектуры безопасности: российской предложение и европейский контекст. Ксения Смертина. № 1 (92), весна 2010, с. 49.

Решения по глобальной безопасности на саммите в Кананаскисе. Дмитрий Ковчегин, Виталий Федченко. № 5 (65), сентябрь–октябрь 2002, с. 4.

Решение развивать атомную энергетику — это глобальный выбор. Аднан Шихаб-Элдин. № 2 (85), лето 2008, с. 15.

Рожденная атомным веком. Светлана Ковалева. № 1, весна 2003, с. 187.

Рожденные атомной эрой. Даниил Кобяков. № 2 (72), лето 2004, с. 159.

Роль американского бизнеса в реализации программ Совместного уменьшения угрозы. Роман Попов. № 2 (72), лето 2004, с. 21.

Роль МАГАТЭ в решении актуальных проблем нераспространения ядерного оружия. Владимир Хлебников. № 1 (71), весна 2004, с. 81.

Роль ООН в системе регулирования вооружения. Михаил Кокеев. № 1 (37), январь–февраль 1998, с. 27.

Роль силового принуждения в предотвращении распространения оружия массового уничтожения. Александр Калядин. № 3 (69), осень 2003, с. 49.

Роль человеческого фактора в обеспечении ядерной безопасности. Василий Лата. № 4 (70), зима 2003, с. 81.

России и США нужен брак по расчету. Михаил Маргелов. № 3 (83), зима 2007, с. 21.

России необходима современная армия, способная адекватно реагировать на любые, прежде всего внешние, угрозы и вызовы. Николай Макаров. № 3 (94), осень 2010, с. 11.

Российская военная реформа — успех или провал? Марсель де Хаас. № 1 (96), весна 2011, с. 85.

Российская инициатива по ПРО: технологически подкрепленное решение или дипломатическая уловка? (редакционная статья). № 4 (52), июль–август 2000, с. 3.

Российская политика в Восточной Азии: эволюция и преемственность. Бобо Ло. № 6 (66), ноябрь–декабрь 2002, с. 38.

Российские военнослужащие в совместных операциях под международной эгидой: конституционно-правовые процедуры и практика. Бахтияр Тузмухамедов. № 4 (70), зима 2003, с. 117.

Российский век (некоторые размышления о месте России в мире). Николай Спасский. № 4 (95), зима 2010, с. 33.

Российский ядерный комплекс и Государственная Дума: проблемы и перспективы. Сергей Загидуллин. № 5 (59), сентябрь–октябрь 2001, с. 40.

Российско-американская ядерная коммерция: один шаг вперед, другой — в сторону (редакционная статья). № 11 (23), ноябрь 1996, с. 6.

Российско-американские отношения: перспективы партнерства. Юрий Федоров. № 1 (61), январь–февраль 2002, с. 4.

Российско-американские отношения: теперь игра без форы (редакционная статья). № 6 (54), ноябрь–декабрь 2000, с. 3.

Российско-американский диалог по нераспространению и контролю над вооружениями необходимо активизировать (редакционная статья). № 8–9 (20–21), август–сентябрь 1996, с. 5.

Российско-американский диалог по нераспространению: иранский фактор и взаимодействие в экспортном контроле. Евгений Зведре. № 3 (51), май–июнь 2000, с. 4.

Российско-американский диалог по ядерному разоружению: чего ожидать? Сергей Кошелев, Владимир Дворкин, Анатолий Дьяков, Геннадий Евстафьев, Александр Радчук, Олег Ходырев, Роланд Тимербаев (круглый стол). № 2 (89), лето 2009, с. 101.

Российско-американское взаимодействие в контексте «контрраспространения». Сергей Кортунов. № 10 (10), октябрь 1995, с. 1.

Российско-американское партнерство и Договор по ПРО. Сергей Кортунов. № 6–7 (30–31), июнь–июль 1997, с. 2.

Российско-американское сотрудничество: «В ближайшем будущем ожидаем прогресс». Альберт Гор, Виктор Черномырдин. № 12 (24), декабрь 1996, с. 5.

Российско-иранское торгово-экономическое сотрудничество и новые санкции. Иван Трушкин. № 1 (92), весна 2010, с. 129.

Российское агентство по боеприпасам обладает новейшими технологиями утилизации химического оружия. Зиновий Пак. № 2 (56), март–апрель 2001, с. 19.

Российско-иранский ядерный контракт по-прежнему остается в центре внимания специалистов (редакционная статья). № 8 (8), август 1995, с. 6.

Россия выполняет обязательства по уничтожению своих арсеналов химического оружия. Сергей Кириенко. № 6 (66), ноябрь–декабрь 2002, с. 4.

Россия выступила против того, чтобы расколоть конференцию на лагерь победителей и горстку побежденных. Сергей Кисляк. № 6 (6), июнь 1995, с. 16; № 2 (80), лето 2006, с. 27.

Россия должна попытаться привязать к себе Иран. Антон Суриков, Игорь Сутягин. № 7 (7), июль 1995, с. 13.

Россия и безопасность 1997–1998. Россия и международная система контроля над вооружениями: развитие или распад. Роланд Тимербаев. № 1 (37), январь–февраль 1998, с. 80.

Россия и международные структуры АТР: повестка дня для российского Дальнего Востока. Мария Теплоухова. № 1 (92), весна 2010, с. 87.

Россия и мировой рынок оружия. Геннадий Гордиенко. № 4 (40), июль–август 1998, с. 43.

Россия и НАТО: новое качество отношений? Наталья Тузовская. № 2 (72), лето 2004, с. 73.

Россия и Пакистан имеют общие интересы. Андрей Алексеев. № 1 (79), зима 2006, с. 75.

Россия и проблема бесконтрольного распространения легкого и стрелкового оружия. Вадим Козюлин, Анастасия Лагута. № 1 (49), зима 2000, с. 157.

Россия и страны Скандинавии — расширение программы Глобального партнерства. Анна Абаева. № 1 (71), весна 2004, с. 107.

Россия и США до сих пор сотрудничали в мирном использовании атомной энергии, не имея нормативной базы. Сейчас этот анахронизм будет преодолен. Николай Спасский. № 2 (85), лето 2008, с. 21.

Россия и Франция в зеркале Глобального партнерства. Андрей Фролов. № 2 (68), лето 2003, с. 147.

Россия и энергетические потоки на Евразийском континенте. Азер Мурсалиев. № 1 (79), зима 2006, с. 125.

Россия и ядерное нераспространение. 1945–1968. Александр Калядин. № 3 (45), май–июнь 1999, с. 82.

Россия — ключевой партнер США в деле нераспространения. Джон Байерли. № 2 (93), лето 2010, с. 15.

Россия не должна замыкаться на выстраивании взаимосвязей исключительно с сегодняшними центрами силы. Константин Косачев. № 3 (77), осень 2005, с. 11.

Россия обречена на развитие ядерной энергетики. Виктор Мурогов. № 3 (77), осень, 2005, с. 21

Россия перед лицом дефолта по обязательствам в отношении КХО. Александр Калядин. № 3 (45), май–июнь 1999, с. 54.

Россия потерпела поражение в «ядерных дебатах» с НАТО (редакционная статья). № 6–7 (30–31), июнь–июль 1997, с. 15.

Россия предотвращает нарушения экспортно-контрольного режима (редакционная статья). № 12 (36), декабрь 1997, с. 9.

Россия сделает максимум возможного, чтобы Договор о нераспространении был продлен бессрочно. Валерий Манилов. № 4 (4), апрель 1995, с. 10.

Россия–Сирия: военно-технический торг. Вадим Козюлин. № 3 (51), май–июнь 2000, с. 66.

Россия–США: товарищество с ограниченной ответственностью. Владимир Орлов. № 2 (93), лето 2010, с. 7.

Россия–Украина: альтернативы развитию стратегического партнерства нет. Владимир Ельченко. № 3 (98), осень 2011, с. 17.

С

С точки зрения *реликта*: о трудных путях разоружения. Алексей Обухов. № 3 (86), осень 2008, с. 159.

С трудом лечим тротиловый терроризм, есть ли вакцина от ОМУ-терроризма? (редакционная статья). № 4 (74), зима 2004, с. 7.

С унижением работников ЗАТО должно быть покончено (редакционная статья). № 5 (41), сентябрь–октябрь 1998, с. 3.

Санкции против Ирана: ресурс исчерпан. Сергей Рябков. № 1 (100), весна 2012, с. 17.

Северокорейская ядерная программа. Безопасность, стратегия и новый взгляд из России. Андрей Зобов. № 3 (51), май–июнь 2000, с. 84.

Северокорейский ядерный кризис и международные отношения в Северо-Восточной Азии. Такэда Ёсинори. № 1 (75), весна 2005, с. 117.

Сегодня России надо продавать все, что покупают. Владислав Котлов. № 1 (37), январь–февраль, 1998, с. 77.

Сегодня я вижу три ключевые проблемы нераспространения. Ханс Бликс. № 4 (74), зима 2004, с. 173; № 2 (80), лето 2006, с. 187.

Сегодняшняя ситуация на Ближнем Востоке — очень хорошая иллюстрация того, к чему приводит американский экспорт демократии. Евгений Примаков. № 1 (81), весна 2007, с. 21.

Секреты дипломата-переговорщика. Алексей Обухов. № 2 (97), лето 2011, с. 153.

Секторальная ПРО: взгляд из Европы. Люсьен Клэр. № 3 (98), осень 2011, с. 113.

«Семь опор» ядерного нераспространения: вклад и перспективы России. Александр Калядин. № 10–11 (34–35), октябрь–ноябрь 1997, с. 16.

«Серые зоны» распространения в Закавказье. Даниил Кобяков, Элина Кириченко, Алла Язькова. № 4 (74), зима 2004, с. 59.

Сети Хана: широко закрытые глаза. Владимир Орлов. № 1 (84), весна 2008, с. 139.

Сирийское ракетное устрашение — последний парад наступает? Вадим Козюлин. № 1 (55), январь–февраль 2001, с. 67.

Система ликвидации избыточных вооружений США: недооцененная угроза распространения. Скотт Джонс. № 2 (44), март–апрель 1999, с. 54.

Система систем: информационно-ударное оружие. Василий Лата, Владимир Мальцев. № 3 (83), зима 2007, с. 101.

Система экспортного контроля в Российской Федерации. Сергей Якимов. № 1 (67), весна 2003, с. 151.

Система экспортного контроля России в целях нераспространения оружия массового уничтожения. Элина Кириченко. № 5 (5), май 1995, с. 15.

Системный подход к обеспечению безопасности ядерных объектов. Никита Никифоров. № 1 (55), январь–февраль 2001, с. 46.

Следующие шаги в российско-американском процессе сокращения вооружений. Эдвард Ифft. № 2 (89), лето 2009, с. 125.

Смертоносные арсеналы. Роланд Тимербаев. № 2 (68), лето 2003, с. 161.

Сможет ли Россия сохранить Договор по ПРО? Павел Подвиг. № 11 (23), ноябрь 1996, с. 2.

СНВ-2 и расширение НАТО. Юрий Федоров. № 8 (8), август 1995, с. 12.

СНВ-2: противоречия остаются. Антон Суриков. № 6–7 (18–19), июнь–июль 1996, с. 36.

СНВ подписан — что дальше? Ричард Берт, Евгений Бужинский, Александр Радчук, Дэвид Хоффман, Майкл Эллеман (круглый стол). № 4 (95), зима 2010, с. 105.

СНВ-3: проблемы равной безопасности (о рамочных соглашениях к будущему договору). Виктор Воронов. № 3 (51), май–июнь 2000, с. 62.

СНГ — отнюдь не умершая организация, и вопрос о роспуске Сотрудничества не стоит. Андрей Денисов. № 3 (83), зима 2007, с. 15.

Совещание экспертов по изучению возможностей обнаружения нарушений соглашения о приостановке ядерных испытаний (Женева, 1 июля — 21 августа 1958 г.). Владимир Шустов. № 2 (62), март–апрель 2002, с. 64.

Совместное с США укрепление систем безопасности на Военно-морском флоте России: извлеченные уроки и дальнейшие меры. Мортен Бремер Маэрли. № 4 (64), июль–август 2002, с. 72.

Совместные действия в ответ на угрозу общей безопасности (редакционная статья). № 2 (62), март–апрель 2002, с. 3.

Современная сельскохозяйственная биотехнология и национальная безопасность. Александр Голиков. № 3–4 (90 –91), осень — зима 2009, с. 83–89.

Соединенные Штаты и Россия должны взять на себя инициативу в создании глобальной коалиции против терроризма. Сэм Нанн. № 5 (65), сентябрь–октябрь 2002, с. 23.

Создание зоны, свободной от ядерного оружия,— приоритет внешнеполитической деятельности Узбекистана. Абдулазиз Камилов. № 8–9 (32–33), август–сентябрь 1997, с. 12.

Создание зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии: что думают в России. Иван Сафранчук. № 4 (46), июль–август 1999, с. 40.

Создание международного фонда ядерного разоружения — приоритет сегодняшнего дня (редакционная статья). № 4 (40), июль–август 1998, с. 3.

Создание универсальной модели спроса и предложения на газ под эгидой ФСЭГ — основная перспектива российского участия в форуме. Леонид Бохановский. № 3 (94), осень 2010, с. 23.

Сокращение ядерных вооружений и вопросы транспарентности. Анатолий Дьяков. № 5 (47), сентябрь–октябрь 1999, с. 37.

Состояние и перспективы развития ракетного вооружения в странах *третьего мира* в период до 2015 г. Владимир Дворкин. № 1, январь–февраль 2002, с. 43; № 2 (80), лето 2006, с. 155.

Состояние и перспективы ядерного нераспространения. Роланд Тимербаев. № 2 (56), март–апрель 2001, с. 24.

Состояние ядерного оружейного комплекса в странах ближнего зарубежья. Ильдар Акчурин, Валентин Захаров, Андрей Свиридов. № 1 (13), январь 1996, с. 15.

Сотрудничество Китая и Ирана: взаимные интересы, тактические и стратегические. Галина Пастухова. № 2 (89), лето 2009, с. 49.

Сотрудничество между Россией и Великобританией в рамках программы Глобального партнерства. Анна Шувалова. № 3 (73), осень 2004, с. 125.

Сотрудничество Минатома и регионов — в общих интересах. Михаил Шубин. № 1 (61), январь–февраль 2002, с. 30.

Социальные сетевые сервисы в контексте национальной и международной безопасности. Олег Демидов. № 4 (99), зима 2011, с. 59.

Споры о российской демографической безопасности: существующие тенденции и грядущие пути развития. Греем Херд, Гарик Саргсян. № 3 (83), зима 2007, с. 81.

Станет ли ИБОР действенным инструментом политики контрраспространения?

Александр Калядин. № 1 (75), весна 2005, с. 65.

Станет ли иранский атом персидским ковром для России? (редакционная статья). № 2 (76), лето 2005, с. 7.

Становление системы экспортного контроля в России. Участие России в международном сотрудничестве в области нераспространения и экспортного контроля. Евгений Зведре. № 1 (55), январь–февраль 2001, с. 32.

Стратегическая разведка и распространение ядерного оружия. Лок Джонсон. № 8 (8), август 1995, с. 18.

Стратегическая стабильность XXI в. (редакционная статья). № 3 (59), май–июнь 2001, с. 3.

Стратегическая стабильность не может оставаться эксклюзивной областью российско-американских отношений. Сергей Лавров. № 3 (86), осень 2008, с. 11.

Стратегическая стабильность переходного периода, или торможение на взлете. Дмитрий Евстафьев. № 1 (84), весна 2008, с. 112.

Стратегические вооружения в неядерном оснащении: проблемы и решения. Евгений Мясников. № 1 (96), весна 2011, с. 123.

Стратегические ядерные силы и обеспечение военной безопасности государства. Василий Лата. № 4 (70), зима 2003, с. 109.

Стратегическое ядерное вооружение России. Иван Сафранчук. № 1 (49), январь–февраль 2000, с. 83.

Студенты ведут «переговоры» по заключению Договора СНВ-3. Ксения Ершова, Стивен Хирш. № 5 (17), май 1996, с. 16.

Суверенная демократия — глобальный контекст. Дмитрий Евстафьев. № 3 (83), зима 2007, с. 155.

Судан между миром и войной. Вадим Козюлин. № 2 (89), лето 2009, с. 31.

Сфера пилотируемых полетов всегда была ареной политического соперничества. Алексей Краснов. № 2 (82), лето-осень 2007, с. 37.

США–Китай: новая основная линия мировых противоречий (редакционная статья). № 2 (56), март–апрель 2001, с. 3.

США пересматривают свою стратегию ядерного сдерживания? Александр Савельев. № 2 (62), март–апрель 2002, с. 4.

T

Так на кого же нацелены ракеты? Махмут Гареев. № 1 (75), весна 2005, с. 183.

Тактическое ядерное оружие в новых геополитических условиях. Владимир Белоус. № 2 (14), февраль 1996, с. 2.

Тактическое ядерное оружие: новые геополитические реальности или старые ошибки? Николай Соков. № 2 (26), февраль 1997, с. 12; № 2 (80), лето 2006, с. 63.

Тактическое ядерное оружие: постановка проблемы и некоторые рекомендации. Уильям Поттер, Николай Соков. № 4 (52), июль–август 2000, с. 31.

Теория ядерного сдерживания не действует в отношении негосударственных игроков. Сэм Нанн. № 2 (82), лето–осень 2007, с. 29.

Теперь мы должны сделать весь мир безъядерной зоной. Джаянта Данапала. № 6 (6), июнь 1995, с. 14; № 2 (80), лето 2006, с. 31.

Тернистый путь нераспространения. Николай Волошин. № 1 (100), весна 2012, с. 209.

Терроризм беспощаден. Государства должны отвечать террористам тем же. Валентин Соболев. № 1 (81), весна 2007, с. 25.

Терроризм и международная информационная безопасность. Александр Федоров. № 6 (60), ноябрь–декабрь 2001, с. 24.

Терроризм: энциклопедии, археология, грамматика. Андрей Макарычев. № 2 (82), лето–осень 2007, с. 133.

Технические аспекты ядерной программы КНДР. Юрий Юдин. № 1 (79), зима 2006, с. 129.

Технологии по уничтожению химического оружия выбраны. Приступаем к созданию пилотных установок. Станислав Петров. № 1 (13), январь 1996, с. 2.

Тихоокеанский вектор внешней политики России. К. Барский, А. Бородавкин, А. Воронцов, М. Галузин, А. Лукин, В. Никонов, А. Оганесян, В. Орлов, А. Панов, В. Пестов, В. Сумский, Г. Толорая (круглый стол). № 2 (97), лето 2011, с. 87.

Тихоокеанский регион в ядерный век: история, проблемы, перспективы. Ник Маклеллан. № 1 (61), январь–февраль 2002, с. 65.

Только на основе взаимного глубокого изучения стратегических документов могут быть построены равноправные взаимовыгодные отношения НАТО и России. Юрий Балуевский. № 4 (95), зима 2010, с. 21.

Точки над «и». Владимир Орлов. № 3–4 (90–91), осень–зима 2009, с. 7.

Трагедия последнего шаха: Мохаммед Реза Пехлеви и тупик просвещенного авторитаризма. Константин Эггерт. № 4 (95), зима 2010, с. 153.

Транспарентность в сфере ядерных вооружений: возрождение идеи реестра ядерных вооружений. Харальд Мюллер. № 10–11 (34–35), октябрь–ноябрь 1997, с. 31.

Трансформация понятия национальной безопасности в информационную эпоху (круглый стол) № 3 (73), осень 2004, с. 83.

Трансформация системы экспортного контроля в России. Элина Кириченко, Андрей Фролов. № 4 (74), зима 2004, с. 125.

Требуется: архитектор. Владимир Орлов. № 3 (83), зима 2007, с. 7.

Требуется ли реформа внешней политики России? Юрий Федоров. № 2 (72), лето 2004, с. 57.

Треугольник Токио–Москва–Астана: установление стратегического партнерства в атомной энергетике неизбежно. Тайсуке Абиру. № 2 (85), лето 2008, с. 147.

Три сквозные темы: разоружение, атомная энергетика, Китай. Владимир Орлов. № 2 (82), лето-осень 2007, с. 11.

Три «Ф» Сергея Брилева. Владимир Орлов. № 3 (94), осень 2010, с. 153.

Тритий — заморозить. Роланд Тимербаев. № 4 (70), зима 2003, с. 151.

Туркмения: время перемен? Юрий Федоров. № 3–4 (90–91), осень–зима 2009, с. 91.

Туркменский газовые игры. Юрий Федоров. № 2 (93), лето 2010, с. 73.

Тучи сгущаются: изменение климата — угроза безопасности? Юрген Шефран. № 2 (89), лето 2009, с. 87.

У

У российских и американских ядерных городов больше общего, чем различий. Стивен Младинео. № 5 (47), сентябрь–октябрь 1999, с. 80.

У страха глаза... Владимир Орлов. № 2 (89), лето 2009, с. 7.

Уверен, что средства, выделенные по плану Нанна–Лугара, тратятся по назначению. Гарольд Смит. № 2 (2), февраль 1995, с. 17.

Углубление отношений с Россией — не тактический прием, а осознанное желание. Голамреза Шафеи. № 4 (74), зима 2004, с. 11.

Угроза биологического терроризма: роль средств массовой информации. Александр Рабодзей. № 3 (77), осень 2005, с. 87.

Угроза использования ЭМИ-оружия в военных и террористических целях. Владимир Белоус. № 1 (75), весна 2005, с. 133.

Угроза террористического акта с использованием оружия массового уничтожения из Чечни. Евгений Антонов. № 2 (50), март–апрель 2001, с. 55.

Узбекистан и Казахстан: борьба за лидерство? Мурад Лаумулин, Фарход Толипов. № 1 (92), весна 2010, с. 105.

Украина и Белоруссия на рынке вооружений: 1996–1999. Константин Макиенко. № 6 (54), ноябрь–декабрь 2000, с. 75.

Украинско-российское ВТС: взгляд из Украины. Валентин Бадрак. № 3 (73), осень 2004, с. 109.

Укрепление и развитие гарантий МАГАТЭ. Вячеслав Пушкарев. № 2 (68), лето 2003, с. 57.

Укрощение ядра: Страницы истории ядерного оружия и ядерной инфраструктуры СССР. Даниил Кобяков. № 4 (74), зима 2004, с. 169.

Умиротворители и крокодилы. Юрий Федоров. № 1 (81), весна 2007, с. 140.

Уничтожение химического оружия будет стоить России 25 триллионов рублей. Павел Сюткин. № 9 (9), сентябрь 1995, с. 7.

Уничтожение химического оружия: будут ли выполнены обязательства России и США к 2012 г.? Александр Плугарев. № 1 (88), весна 2009, с. 37.

Управление интернетом: политика и геополитика. Михаил Якушев. № 2 (93), лето 2010, с. 31.

Уроки «дела о гироскопах». Владимир Орлов, Анна Откина. № 2 (38), март–апрель 1998, с. 4.

Уроки Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Владимир Медведев. № 4 (49), июль–август 2000, с. 65.

Уроки четвертой Обзорной конференции по ДНЯО 1990 года. Роланд Тимербаев. № 1 (75), весна 2005, с. 171.

Усама бен Ладен и оружие массового уничтожения. Адам Дольник. № 4 (58), июль–август 2001, с. 4; № 2 (80), лето 2006, с. 87.

Усилиям по ядерному нераспространению — более широкий контекст. Игорь Хрипунов. № 1 (25), январь 1997, с. 17.

Ускользающая борода. Владимир Орлов. № 1 (92), весна 2010, с. 167.

Утечка ядерных технологий из Пакистана. Владимир Новиков. № 2 (72), лето 2004, с. 95.

Утилизация АПЛ: финишной ленточки пока не пересек никто. Сергей Антипов. № 4 (70), зима 2003, с. 9.

Участие России в международном миротворчестве и перспективы его реформирования. Александр Никитин. № 2 (97), лето 2011, с. 105.

Учет и контроль радиоактивных материалов в Ярославской области. Екатерина Школьник. № 5 (17), май 1996, с. 21.

Учет и контроль ядерных материалов: взгляд главы Минатома. Виктор Михайлов. № 2 (2), февраль 1995, с. 9.

Ф

Физзащита ядерных материалов продолжает оставаться головной болью руководства России (редакционная статья). № 8–9 (32–33), август–сентябрь 1997, с. 7.

Физико-технологические и правовые основания отнесения тепловыделяющих сборок для ядерных реакторов к непотребляемым вещам. Евгений Велихов, Анатолий Воробьев, Вячеслав Кожин, Виталий Коновалов, Семен Малкин, Николай Пономарев-Степной, Евгений Рязанцев, Андрей Сартори, Ольга Супотаева, Евгений Филин. № 5 (53), сентябрь–октябрь 2000, с. 86.

Фокусы с электричеством, или разоблачение магии. Дмитрий Евстафьев. № 3 (86), осень 2008, с. 148.

Формирование системы энергетической безопасности Японии. Александр Морогов. № 1 (92), весна 2010, с. 155.

Х

Характеристики и задачи современного нейтронного оружия. Владимир Белоус. № 3 (45), май–июнь 1999, с. 61.

Химическое оружие: уничтожать или создавать? (редакционная статья). № 3 (15), март 1996, с. 6.

Хорошие новости с саммита «восьмерки» (редакционная статья). № 5 (65), сентябрь–октябрь 2002, с. 3.

Хроника объявленных смертей. Дмитрий Евстафьев. № 2 (97), лето 2011, с. 140.

Ц

Цемент удачи. Владимир Орлов. № 4 (95), зима 2010, с. 7.

Ценности ядерного нераспространения разделяет 75% россиян. Иван Сафранчук. № 1 (49), январь–февраль 2000, с. 4.

Центральная Азия: коллективные усилия государств в противодействии угрозе международного терроризма. Айбек Токтомушев. № 2 (76), лето 2005, с. 81.

Центральная задача всех миротворцев остается неизменной. Виталий Чуркин. № 1 (96), весна 2011, с. 29.

Центры силы: прогноз геополитической ситуации после иракской войны. Евгений Сатановский. № 1 (71), весна 2004, с. 37.

Циклы расширения НАТО. Алексей Ижак, Анатолий Шевцов. № 5 (59), сентябрь–октябрь 2001, с. 43.

Ч

Человеческое измерение ядерной безопасности. Адриаан ван дер Меер. № 1 (100), весна 2012, с. 107.

Чем сильнее будет страна, тем чаще будут говорить на ее языке. Александр Яковенко. № 1 (84), весна 2008, с. 17.

Черноморское яблоко раздора. Анатолий Ушков. № 4 (87), зима 2008, с. 157.

Черные дыры — отсюда происходит угроза режимам нераспространения (редакционная статья). № 3 (63), май–июнь 2002, с. 3.

Черный август, или возвращение истории. Юрий Федоров. № 4 (87), зима 2008, с. 117.

Четвертая идеология. Дмитрий Рогозин. № 1 (96), весна 2011, с. 21.

Чеченский конфликт и региональная угроза ядерного терроризма. Вячеслав Шаров. № 3 (15), март 1996, с. 3.

Что может способствовать ядерному распространению? Станислав Родионов. № 12 (24), декабрь 1996, с. 14.

Что общего у Ахмадинеджада с Гаврилой Принципом: решаем иранские головоломки. Алексей Арбатов, Андрей Пионтковский. № 1 (81), весна 2007, с. 117.

Что делать? К избранию нового состава Государственной Думы (редакционная статья). № 1 (49), январь–февраль 2000, с. 3.

Что может способствовать ядерному распространению? Станислав Родионов. № 12 (24), декабрь 1996, с. 14.

Что означает явка с повинной полковника Кадаффи (редакционная статья). № 1 (71), весна 2004, с. 7.

Что принесет России ядерный пакт с США? Антон Хлопков. № 2 (82), лето–осень 2007, с. 113.

Ш

Шаги, необходимые для придания устойчивости партнерству между Россией и США — *заседание Совета по устойчивому партнерству с Россией.* № 3 (98), осень 2011, с. 27.

Шероховатости плоского мира. Михаил Якушев. № 1 (81), весна 2007, с. 189.

Штамм Эболы в Россию привезли разведчики. Валентин Евстигнеев. № 4 (46), июль–август 1999, с. 15; № 2 (80), лето 2006, с. 41.

Э

Эволюция контроля над вооружениями: современные тенденции. Роланд Тимербаев. № 1 (79), зима 2006, с. 29.

Эволюция российских стратегических наступательных вооружений. Николай Соков. № 1 (37), январь–февраль 1998, с. 46.

Эволюция экспортно-контрольного законодательства США. Владимир Ермаков, Евгений Зведре. № 4 (58), июль–август 2001, с. 47.

Эволюция ядерной политики США: возрастает ли роль ядерного оружия? Николай Соков. № 3 (69), осень 2003, с. 71.

Эдвард Теллер. Мемуары. Путешествие в науку и политику в XX в. Алексей Обухов. № 3 (69), осень 2003, с. 165.

Экологическая информация и секретность: как преодолеть противоречия? Алексей Яблоков. № 1 (25), январь 1997, с. 19.

Экологические последствия подземных взрывов. Валерий Меньщиков, Борис Голубов. № 10 (10), октябрь 1995, с. 14.

Экспортный контроль — один из ключевых элементов национальной безопасности. Николай Успенский. № 3 (45), май–июнь 1999, с. 5.

Экспортный контроль в России и безопасность международных перевозок ядерных материалов. Алексей Граве, Андрей Петренко. № 3 (86), осень 2008, с. 85.

Экспортный контроль в России: наивно ожидать простых решений. Геннадий Евстафьев. № 3 (45), май–июнь 1999, с. 8.

Экспортный контроль: приказано выжить (редакционная статья) № 1 (25), январь 1997, с. 6.

Экспортный потенциал наземно-космической обороны — скрытое оружие России. Вадим Козюлин. № 1 (49), январь–февраль 2000, с. 15.

Энергетика на грани войны и мира. Евгений Петелин. № 1 (88), весна 2009, с. 159.

Энергетическая безопасность предусматривает безопасность в ядерной сфере. Сэм Нанн. № 4 (78), зима 2005, с. 3.

Энергетическая политика России в Центральной России и на Каспии. Джаваншир Ахундов, Павел Баев, Геннадий Евстафьев, Татьяна Митрова, Азер Мурсалиев, Андрей Мухин, Никита Перфильев, Олег Пилипец, Андрей Синев (круглый стол). № 3 (83), зима 2007, с. 121.

Энергетические интересы Ирана в Каспийском регионе. Альберт Зульхарнеев. № 2 (93), лето 2010, с. 45.

Энергомонолог Китая с Центральной Азией. Евгений Петелин. № 4 (99), зима 2011, с. 35.

Эффективность Конвенции по химическому оружию зависит от действий России. Наталия Калинина. № 1 (67), весна 2003, с. 89.

Эффективность физической защиты: уроки специальных программ Комиссии по ядерному регулированию США. Олег Бухарин. № 2 (50), март–апрель 2000, с. 67.

Ю

Южная Африка: как создавалось ее ядерное оружие, как и почему она отказалась от него. Роланд Тимербаев. № 2 (76), лето 2005, с. 121.

Я

Я даже для одной бомбы не вижу применения. Об академике Льве Феоктистове. Светлана Ковалева. № 1 (67), весна 2003, с. 165.

Я не считаю противоракетную оборону проблемой — я считаю ее самой большой возможностью, когда-либо открывавшейся перед нами. Андерс Фог Расмуссен. № 4 (99), зима 2011, с. 21.

Я удивлен тем, что Глобальная комиссия выступает за легализацию экстази и каннабиса. Юрий Федотов. № 4 (99), зима 2011, с. 21.

Ядерная безопасность до и после московской встречи в верхах. Юрий Батурин. № 6–7 (18–19), июнь–июль 1996, с. 10.

Ядерная безопасность и Госатомнадзор. Николай Филонов. № 5 (17), май 1996, с. 18.

Ядерная безопасность: взгляды из Министерства обороны. Юрий Федоров. № 12 (12), декабрь 1995, с. 2.

Ядерная безопасность: на пути к Сеульскому саммиту. Сергей Антипов, Геннадий Евстафьев, Дмитрий Ковчегин, Евгений Маслин, Владимир Орлов, Сергей Перцев, Олег Рожков, Алексей Убеев (круглый стол). № 3 (98), осень 2011, с. 73.

Ядерная трансформация Обамы — каковы шансы на успех? Джозеф Сиринсионе. № 3–4 (90–91), осень–зима 2009, с. 37.

Ядерная энергетика в Латинской Америке: между экономическим развитием и рисками распространения. Ирма Аргуэльо. № 4 (95), зима 2010, с. 59.

Ядерная энергетика Украины: проблемы и перспективы. Виктор Заборский. № 5 (47), сентябрь–октябрь 1999, с. 67.

Ядерная энциклопедия. Александр Румянцев, Роланд Тимербаев. № 8–9 (30–31), август-сентябрь 1997, с. 45.

Ядерное будущее Мьянмы. Анатолий Лучин, Виталий Федченко. № 1 (67), весна 2003, с. 143.

Ядерное и военно-техническое сотрудничество Индии и России основывается на стратегических интересах, а не сиюминутных выгодах. Канвал Сибал. № 2 (82), лето-осень 2007, с. 21.

Ядерное оружие будет применено тогда, когда в результате агрессии встанет вопрос: быть или не быть России? Виктор Есин. № 2 (50), март–апрель 2000, с. 29.

Ядерное оружие и христианская этика. Алексей Обухов. № 1 (81), весна 2007, с. 47.

Ядерное оружие как внешнеполитический ресурс: поиски критерия адекватности. Иван Сафранчук. № 2 (38), март–апрель 1998, с. 53.

Ядерное оружие малой мощности — возможная основа ядерного арсенала нового века. Игорь Андрюшин, Виктор Михайлов, Юрий Трутнев, Александр Чернышев. № 2 (76), лето 2005, с. 27.

Ядерное оружие после холодной войны: нужно ли оно миру и России? Иван Сафранчук. № 10–11 (34–35), октябрь–ноябрь 1997, с. 23.

Ядерное оружие практически исчерпало себя как политическое средство. Геннадий Евстафьев. № 1 (100), весна 2012, с. 31.

Ядерное равновесие и стабильность в современном мире. Сергей Брезкун. № 4 (52), июль–август 2000, с. 40.

Ядерное разоружение: достаточно ли обязательств взяли на себя пять ядерных государств по Договору о нераспространении ядерного оружия? Джеймс Леонард, Джордж Банн, Роланд Тимербаев. № 3 (3), март 1995, с. 2;

Ядерное сближение Индии и США: за и против. Роберт Айнхорн. № 4 (78), зима 2005, с. 75.

Ядерное сдерживание в стратегическом диалоге между Россией и США. Виктор Есин. № 1 (67), весна 2003, с. 131.

Ядерное сдерживание и сокращение стратегических наступательных потенциалов. Юрий Балуевский. № 1 (71), весна 2004, с. 31; № 2 (80), лето 2006, с. 99.

Ядерное средневековье. Юрий Федоров. № 2 (85), лето 2008, с. 155.

Ядерные вооружения и безопасность России. Роланд Тимербаев. № 4 (28), апрель 1997, с. 22.

Ядерные «утки»: Qui prodest? (редакционная статья). № 1 (1), январь 1995, с. 8.

Ядерные грезы Бразилии. Илья Фабричников. № 4 (70), зима 2003, с. 95.

Ядерные державы должны продемонстрировать прогресс в деле ядерного разоружения. Анн Прингл. № 1 (92), весна 2010, с. 11.

Ядерные злоумышленники в Челябинской области могли нанести серьезный вред государству. Виктор Ерастов. № 6 (48), ноябрь–декабрь 1999, с. 40

Ядерные технологии — гарант стабильности развития России. Виктор Мурогов, Николай Пономарев-Степной. № 2 (76), лето 2005, с. 75.

Ядерные хищения и ядерная безопасность: что говорят документы Генеральной прокуратуры. Александр Мыцыков. № 9 (9), сентябрь 1995, с. 2.

Ядерный арсенал должен быть в одних руках. Сергей Зеленцов. № 5 (17), май 1996, с. 20.

Ядерный гамбит Барака Обамы. Сергей Кортунов. № 3 (98), осень 2011, с. 39

Ядерный Контроль расширяется (редакционная статья). № 6 (66), ноябрь–декабрь 2002, с. 3.

Ядерный Контроль становится российским журналом международной безопасности (редакционная статья). № 1 (37), январь–февраль 1998, с. 3.

Ядерный кризис на Корейском полуострове: возможные сценарии развития. Дмитрий Евстафьев. № 2 (68), лето 2003, с. 131.

Ядерный ноль: основные проблемы. Джордж Перкович. № 3–4 (90–91), осень–зима 2009, с. 205.

Ядерный путь Кубы. Фидель Кастро Диас-Баларт. № 4 (58), июль–август 2001, с. 57.

Ядерный ренессанс: российская специфика и глобальный контекст. Валентин Иванов, Владимир Каграманян, Александр Полушкин, Николай Пономарев-Степной, Алексей Убеев, Александр Чебесков (круглый стол). № 2 (85), лето 2008, с. 127.

Ядерный саммит в Москве: подводя итоги. Владимир Орлов. № 18–19, июнь–июль 1996, с. 1; № 2 (80), лето 2006, с. 141.

Ядерный терроризм: проблема, которая скоро встанет на повестке дня (редакционная статья). № 2 (2), февраль 1995, с. 6.

Ядерный фактор и региональные балансы сил. Дмитрий Евстафьев. № 10 (10), октябрь 1995, с. 8.

Ядерный чемоданчик с тройным дном. Антон Суриков. № 8 (8), август 1995, с. 15.

P

Periculum est in mora. Юрий Федоров. № 3, май–июнь 2002, с. 6; № 2 (80), лето 2006, с. 108.